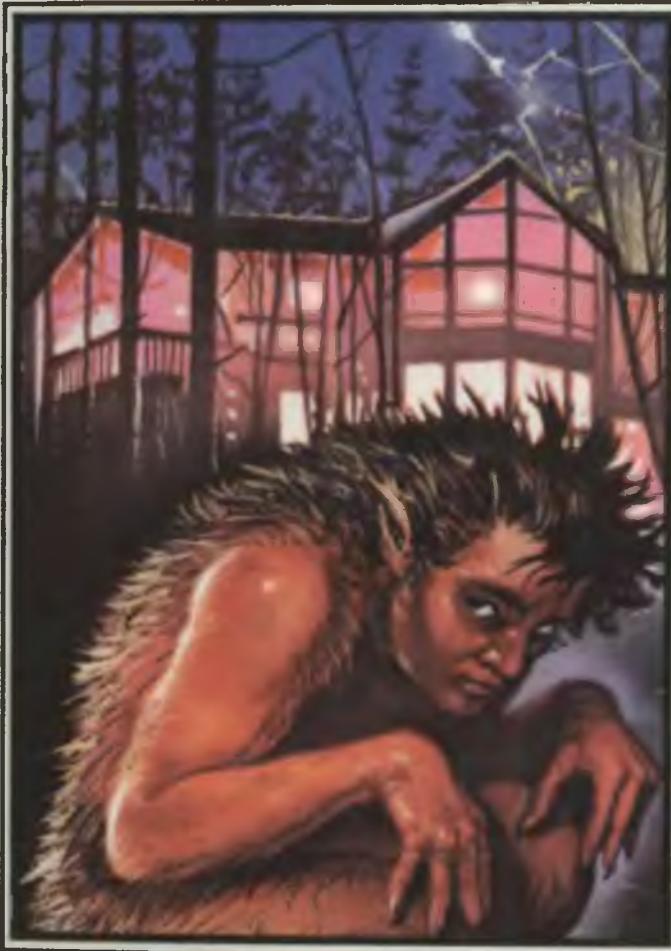


# МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА



МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА





A futuristic city skyline is visible in the upper left, featuring a large, illuminated dome and several tall, cylindrical structures. In the lower right, a road leads towards a single-story house with a dark roof and red walls. The house has several windows with red frames, and a blue door is visible. The sky is dark with stars and a dashed white line, suggesting a path or road.

2305.



**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ  
ФИРМА  
«ПОЛЯРИС»**

# WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

---

---

THE WEREWOLF  
PRINCIPLE

CEMETERY WORLD

# МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

---

---

## ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ МОГИЛЬНИК

Издательская фирма «Полярис»  
1993

**The Werewolf Principle**

Copyright © 1967 by Clifford D. Simak

**Cemetery World**

Copyright © 1973 by Clifford D. Simak

**Принцип оборотня**

© 1967 Г. Темкин, А. Шаров, перевод на  
русский язык

**Могильник**

© 1992 К. Королев, перевод на русский  
язык

© 1993 В. Иванов, иллюстрации

Перепечатка отдельных романов и  
всего издания в целом запрещена без  
разрешения издателя и переводчика.  
Всякое коммерческое использование  
данного издания возможно исключительно  
с письменного разрешения издателя.

**ISBN 5-88132-050-6**



**ПРИНЦИП ОБОРОТНЯ**

## Глава 1

Существо остановилось и приникло к земле, глядя на крошечные точечки света впереди, неярко горевшие во мраке.

Существо заскулило в страхе и тревоге.

Этот мир был чересчур жарким и влажным, а тьма — слишком густой. И было тут слишком много буйной растительности. Атмосфера неистовствовала, и растения стонали от боли. Размытые сверкающие вспышки совсем не освещали ночь, и где-то далеко-далеко слышались чьи-то протяжные, басовито рокочущие стена-ния. И здесь была жизнь — гораздо больше жизни, чем пристало иметь какой бы то ни было планете, — но жизнь низшая, частично состоявшая просто из биологического месива, маленьких сгустков, способных лишь вяло отзываться на определенные раздражители.

Может быть, сказала себе существо, и не стоило так упорно рваться на волю? Может, лучше было бы осться в том месте, которому нет имени, там, где не существовало ни бытия, ни ощущения или воспоминания о бытии, — лишь черпаемое откуда-то знание самого факта, что есть такое состояние, как бытие, да еще редкие проблески разума, разрозненные обрывки информации, которые подогревали стремление бежать, обрести независимость, разобраться, почему оно оказалось именно здесь и как сюда попало.

А что теперь?

Существо льнуло к земле и скулило.

Каким образом в одном месте может оказаться столько воды? И так много растительности, и такого неистового буйства стихий? Как вообще на планете — на любой планете — может царить такой кавардак, такое безвкусно-цветистое изобилие? В таком количестве воды, ручьем бегущей под уклон, стоящей в мутных лужицах на земле, было нечто святотатственное. Мало того, вода присутствовала и в атмосфере, насыщенной стремительными каплями.

Что это за ткань, которая обхватывает горло, покрывает спину, волочится по земле, разеваясь на ветру? Защитная оболочка? Но прежде существа никогда не нуждалось ни в каком прикрытии. Ему нужна была только его собственная шубка из серебристого меха.

Прежде? — спросило себя существо. Когда это «прежде»? Прежде чем что?

Существо напрягло память, и возникло смутное видение какой-то хрустальной земли с холодным сухим воздухом, со снежной и песчаной пылью, где небо полыхало множеством звезд, а ночь, озаренная мягким золотистым светом лун, была такой же яркой, как день. А еще возникло навязчивое, туманное, полуосознанное воспоминание о том, что оно, существо, отправилось в глубины космоса вырывать у звезд их тайны.

Но что это было, воспоминание или фантазия, рожденная безликостью того места, откуда бежало существо? Этого никак не узнаешь.

Существо выбросило пару рук, подняло с земли ткань и скомкало ее в руках. Вода сочилась из материала, маленькие капли со всплесками падали в лужи на земле.

Что это за точки света впереди? Это не звезды: слишком близко к земле, да и вообще тут нет звезд, что само по себе немыслимо, ибо звезды были всегда.

Существо с опаской потянулось мыслью к этому ровному свету. Там было еще что-то, кроме света, — на заднем плане ощущалось присутствие какого-то минерала. Существо осторожно ощупало этот фон и осознано, что там, в темноте, стоит минеральная глыба слишком уж правильной формы, чтобы быть природной скалой.

Вдали не смолкал грохот; тревожные вспышки далеких огней уносились в глубины неба.

Идти дальше? — гадало существо. Обогнуть огнь-ки по широкой дуге или двинуться прямо на них, чтобы узнать, что они такое? Или, быть может, следует пойти назад и постараться опять отыскать ту пустоту, из которой оно бежало? Хотя теперь уже неизвестно, где это место. С момента своего освобождения существо ушло далеко.

И где те двое других, которые тоже были там, в небытии? Они тоже освободились? Или остались, почувствовав, быть может, сводящую с ума отчужденность, что царила вокруг? А если они не бежали, то где могут быть теперь?

И не только где они, но и кто они?

Почему они не отвечали? Или они не слышали вопроса? Возможно, в том не имеющем названия месте не было подходящих условий, чтобы задавать вопросы? Странно, подумало существо, делить жилье с двумя другими созданиями, испытывать то же ощущение неосознанного бытия и не иметь возможности вступить с ними в связь.

Ночь была душная, но существо била дрожь.

Нельзя оставаться здесь, сказали оно себе. Не скитаться же до бесконечности. Надо найти какое-то убежище.

Хотя существо пока не понимало, где следует искать убежище в безумном мире, обступившем его.

Оно медленно двинулось вперед, не веря в себя, не зная толком, куда идти и что делать.

Огни? — думало оно. Узнать, что это за огни, или?..

Небо взорвалось. Мир треснул, переполнившись сверкающей голубизной. Ослепленное и контуженное, существо в ужасе отпрянуло, и из его оцепеневшего мозга вырвался пронзительный крик. Но вот крик оборвался, свет исчез, и существо снова очутилось в небытии.

## Глава 2

Дождь хлестал Эндрю Блейка по лицу; сама земля дрожала от оглушительных раскатов грома. Огромные массы разорванного воздуха с грохотом сходились над самой его головой; резко пахло озоном. Блейк чувствовал, как холодная грязь забивается между пальцами ног.

Как же он попал сюда? В грозу, с непокрытой головой, и нас kvозь мокрой одежде, без сандалий?

После обеда он вышел на улицу, чтобы взглянуть на бурю, которая кипела и перехлестывала через горную цепь на западе. А потом, спустя мгновение, оказался здесь, в самой гуще этой бури. Во всяком случае, он надеялся, что это все та же буря, а не какая-нибудь другая.

Ветер завывал в рощице; от подножия холма, на котором стоял Блейк, доносился звук бегущей воды, а прямо напротив, за потоком, светились окна. Может быть, это его дом, как в тумане подумал он.

Хотя там, где стоял его дом, не было ни склона, ни бегущего потока. Блейк озабоченно поскреб в затылке. Вода из шевелюры потекла по лицу. На миг ослабший дождь с новой силой захлестал, и Блейк повернулся к дому. Нет, это, конечно, не его жилище. Но это дом, и там наверняка есть кто-то, кто скажет ему, где он, и...

Скажет, где он! Но это же безумие! Какую-то секунду тому назад он стоял в своем патио и глядел на грозовые тучи, и никакого дождя не было...

Должно быть, он спит. Или это галлюцинация. Но хлещущий его дождь не похож на дождь из сна, воздух пахнет озоном, а где это видано, чтобы запах озона ощущался во сне?

Он подошел к дому, и, шагнув вперед правой ногой, наткнулся на что-то твердое; боль пронзила стопу и всю ногу; Блейк оторвал стопу от земли и затряс ею в воздухе. Боль стекла в большой палец и запульсировала в нем. Блейк поскользнулся в грязи и сел. Слякоть брызнула в разные стороны. Почва была холодная и мокрая. Подтянув ногу с разбитым пальцем, Блейк вслепую, осторожно и бережно ощупал его.

Он понял, что это не сон. Во сне человек не может расшибить себе большой палец ноги. Что-то случилось. Какая-то сила в мгновение ока перенесла его, ничего не чувствующего, на много миль от патио. Перенесла и швырнула в средоточие дождя и грома, в ночь — такую темную, что не видно было ни зги.

Он снова ощупал большой палец. Боль чуть утихла. Если напрячь ноги и задрать большой палец кверху, идти можно. Хромая, скользя по грязи, он двинулся вниз по склону, пересек узкий ручей, вода в котором доставала ему до лодыжек, и по другому склону вскарабкался вверх, к дому.

Горизонт озарился молнией, и на какое-то мгновение Эндрю увидел контур дома на фоне сияния — громоздкое здание с тяжелыми дымоходами и окнами, утопленными в камень, будто глубоко посаженные глаза.

Каменный дом, подумалось ему. Пережиток прошлого. Каменный дом, в котором кто-то живет.

Блейк налетел на ограду, но не ушибся, поскольку двигался он медленно. Ощупью, вдоль забора, он добрался до калитки. За ней виднелись три маленьких светлых прямоугольника. Блейк решил, что это дверь. Ноги нащупали плоские каменные плиты, и он пошел по ним. Возле двери Блейк замедлил шаг. К двери могли вести ступеньки, а с него хватит и одной разбитой ноги.

Да, вот и ступеньки. Он ударился о них больным пальцем и на мгновение остановился. Он стоял, стиснув зубы и пережидая пока утихнет боль. Потом поднялся по лестнице и отыскал дверь. Он поиском сигнальное устройство, но не было даже колокольчика или звонка. Пошарив еще немного, он наткнулся на дверной молоток. Дверной молоток? Ну конечно, сказал себе Эндрю,

в таком доме, как этот, наверняка должен быть дверной молоток. В доме его далекого прошлого...

Его пронзил лютый страх. Может быть, дело не в пространстве, а во времени? — подумал он. Неужели его перенесли (если перенесли) не в пространстве, а во времени?

Он поднял молоток и постучал. Подождал. Никаких признаков того, что его услышали. Блейк постучал еще раз.

За спиной раздался скрип, и Блейк оказался в кони-ческом снопе света. Он резко обернулся. Круглый светящийся глаз остался недвижим. Он ослепил Блейка. Позади источника света, на фоне черной ночной мглы Блейк различил смутный и еще более черный контур человеческой фигуры.

Сзади распахнулась дверь, и на улицу из дома хлынул свет. Теперь Блейк видел человека, державшего фонарь. Человек был одет в юбку-шотландку и овчинную куртку. В его руке блеснула сталь. Пистолет, решил Блейк.

— Что здесь происходит? — резко спросил мужчина, открывший дверь.

— Кто-то норовит забраться в дом, сенатор, — ответил человек с фонарем. — Должно быть, он как-то ухитрился проскользнуть мимо меня.

— Он проскользнул мимо вас потому, — сказал сенатор, — что вы где-то прятались от дождя. Охранять, ребята, значит охранять, а не играть в охранников.

— Было темно, — заспорил страж, — и он прошмыгнулся...

— Вот уж не думаю, чтобы он прошмыгнулся. Он попросту подошел к дому и загрохотал по двери молотком. Он не стал бы стучать, если бы хотел пробраться сюда тайком. Этот человек просто вошел как любой нормальный гражданин, а вы его проморгали.

Блейк медленно повернулся к стоявшему в дверях мужчине.

— Простите, сэр, — сказал он, — я не знал... Я не хотел поднимать переполох. Просто увидел дом...

— И это еще не все, сенатор, — влез охранник. — Странные дела творятся нынче ночью. Не так давно я заметил тут волка...

— В округе нет волков, — ответил сенатор. — Волков вообще не существует. Их нет уже лет сто, если не больше.

— Но я видел! — жалобно вскричал охранник. — Там, на холме за ручьем. Была яркая вспышка молнии...

— Простите, что заставляю вас стоять тут и слушать эту перебранку, — сказал сенатор Блейку. — В такую ночь лучше сидеть дома.

— Кажется, я заблудился, — ответил Блейк, стараясь не класть зубами. — Если вы подскажете мне, где я нахожусь, и укажете дорогу...

— Погасите-ка этот ваш фонарь, — велел сенатор охраннику. — И займитесь делом.

Фонарь потух.

— Волки! — сердито воскликнул сенатор. — Ну и ну! — И добавил, обращаясь к Блейку: — Если вы войдете, я смогу прикрыть дверь.

Блейк вошел, и сенатор закрыл за ним дверь.

Блейк огляделся. Он стоял в прихожей.

По обе стороны были двери высотой от пола до потолка, а дальше в комнате в громадном каменном очаге горел огонь. Комната была загромождена тяжелой мебелью в ярких ситцевых чехлах.

Сенатор прошагал мимо Блейка и остановился, чтобы рассмотреть его.

— Меня зовут Эндрю Блейк, — представился Блейк. — Боюсь, я запачкаю полы.

Дождевая вода, стекавшая с него, образовала на полу лужицы. От двери до того места, где стоял Блейк, тянулась цепочка мокрых следов.

Он увидел, что сенатор — высокий худощавый мужчина с коротко остриженными седыми волосами и серебристыми усами над твердым прямым ртом, похожим на зев капкана. Одет он был в белый халат с ажурными лиловыми кружевами по кромкам.

— У вас вид тонущей крысы, — заметил сенатор. — Если вы не имеете ничего против такого сравнения. И сандалии вы потеряли.

Он повернулся и открыл одну из боковых дверей, за которой оказался платяной шкаф. Сунув туда руку, сенатор извлек толстый коричневый халат.

— Держите, — сказал он, подавая его Блейку, — это как раз то, что нужно. Настоящая шерсть. Вы, верно, озябли.

— Самую малость, — ответил Блейк, до боли сжав челюсти, чтобы не стучать зубами.

— Шерсть вас отогреет, — сказал сенатор. — Редкая вещь. Теперь везде одна синтетика. Но шерсть можно приобрести у одного сумасшедшего, который живет в шотландских горах. Мыслит он почти так же, как я, и считает, что настоящие старые вещи по-прежнему лучше новых подделок.

— Уверен, что вы правы, — ответил Блейк.

— Возьмите, к примеру, этот дом, — продолжал сенатор. — Ему триста лет, а он все так же прочен, как и в тот день, когда его построили. Построили из доброго камня и дерева. Построили искусные рабочие... — Он бросил на Блейка проницательный взгляд. — Но что это я — стою, разглагольствую, а вы тем временем мало-помалу коченеете. Поднимитесь вон по той лестнице справа. Первая дверь налево. Там моя комната. В шкафу найдете сандалии. Да и шорты ваши тоже, наверное, промокли насеквоздь.

— Должно быть, так, — ответил Блейк.

— В туалетном столике найдутся шорты и все, что нужно. Ванная справа, как войдете. Десять минут в горячей воде вам не повредят. А я пока велю Элин сделать кофе и распечатать бутылочку доброго коньяка.

— Не утруждайте себя, — сказал Блейк. — Вы и так уже столько сделали...

— Пустяки, — ответил сенатор. — Я рад, что вы заглянули ко мне.

Вцепившись пальцами в шерстяной халат, Блейк взобрался вверх по лестнице и вошел в первую дверь налево. За дверью справа он увидел белую блестящую ванну. А мысль о горячей ванне совсем недурна, подумал он.

Блейк вошел в ванную, бросил коричневый халат на крышку корзины, снял свое замызганное одеяние и швырнул его на пол. Он опустил глаза и удивленно оглядел себя. Он был гол, как сойка. Он потерял свои шорты неизвестно где, непонятно как...

## Глава 3

Когда Блейк вернулся в большую комнату с камином, сенатор уже ждал его. Он сидел в кресле, а на подлокотнике примостилась темноволосая женщина.

— Э... молодой человек, — сказал сенатор, — вы назвали себя, да я не запомнил имени...

— Эндрю Блейк.

— Уж извините, — проговорил сенатор. — Память у меня уже не такая цепкая, как когда-то. Это моя дочь Элин. А я — Чандлер Гортон. Из бормотания того балбеса на улице вы, конечно же, поняли, что я сенатор.

— Познакомиться с вами, сенатор, и с вами, мисс Элин, большая честь и радость для меня.

— Блейк? — переспросила девушка. — Где-то я слышала это имя. Совсем недавно. Скажите-ка, чем вы знамениты?

— Я? Ничем, — ответил Блейк.

— Но это же было во всех газетах. И по трехмернику вас показывали, в новостях. А, теперь знаю! Вы тот человек, который вернулся со звезд...

— Что ты говоришь? — воскликнул сенатор, тяжело поднимаясь с кресла. — Как интересно! Мистер Блейк, вон очень удобное кресло. Можно сказать, почетное место: возле самого камина, и все такое...

— Папе нравится, когда приходят гости, разыгрывать из себя барона или, может быть, сельского сквайра, — сказала Элин Блейку. — Не обращайте внимания.

— Сенатор — очень любезный хозяин, — заметил он.

Сенатор взял графин и потянулся за стаканами.

— Я обещал вам коньяку, — сказал он.

— И не забудьте похвалить его, — добавила Элин. — Даже если он лишит вас слова. Сенатор — ценитель коньяков и гордится этим. А чуть погодя, если вам захочется, выпьем кофе. Я врубила автошеф-повара...

— Шеф снова заработал? — спросил сенатор.

Элин покачала головой.

— Не очень-то. Но сварил кофе, как я просила, и поджарил яичницу с ветчиной. — Она взглянула на Блейка. — Хотите яичницу с ветчиной? Наверное, она еще не остыла.

Он покачал головой.

— Нет, большое спасибо.

— Это новомодное изобретение годами пекло оладьи, — сказал сенатор. — Что ни наберешь на диске, итог получался один. Правда, отбивные шеф тоже жарил, но редко.

Он вручил всем по стакану и сел в кресло.

— Немудреный уют — вот за что я люблю этот дом, — сказал он. — Триста лет назад его возвел человек, заботившийся о собственном достоинстве и понимавший кое-что в экологии. Поэтому он и построил дом из чистого известняка и леса, который тут рос. Он сделал так, что дом не довлеет над окружающей его природой, а сливается с ней. И здесь нет никакой технической ерундики, кроме автоповара.

— Мы — люди старомодные, — сказала Элин. — Мне всегда казалось, что жить в таком доме, как этот, все равно что обитать, скажем, в землянке в двадцатом столетии.

— И все-таки дом не лишен своеобразного очарования, — ответил Блейк. — А это ощущение прочности и безопасности...

— Да, вы правы, это в нем есть, — сказал сенатор. — Прислушайтесь к ветру, который тщится ворваться сюда. Прислушайтесь к дождю...

Он покрутил стакан с коньяком.

— Конечно, дом не летает, — продолжал сенатор, — и не будет с вами разговаривать. Но кому нужен летающий и...

— Папа! — воскликнула Элин.

— Простите, сэр, — сказал сенатор, — у меня есть свои привязанности, я люблю о них поговорить и подчас позволяю себе увлечься больше, чем следовало бы. Подозреваю, что иногда я бываю неучтив. Дочь вроде бы сказала, что видела вас по трехмернику...

— Сказала, папа, сказала! Ты совсем не обращаешь на меня внимания. Так увяз в своих биоинженерных слушаниях, что ничего не замечаешь.

— Но ведь это очень важные слушания, милочка, — возразил сенатор. — В скором времени человечеству предстоит принять решение: как быть со всеми этими планетами, которые мы открываем. И я заявляю тебе, что только безумец мог предложить создавать на них земные условия. Подумай, сколько времени и денег проглотит эта работа.

— Кстати, совсем забыла, — сказала Элин. — Мама звонила. Сегодня вечером ее не будет дома. Она прослышила о грозе и решила остаться в Нью-Йорке.

— Прекрасно, — проворчал сенатор. — В такую ночь лучше не путешествовать. Как ей понравился Лондон? Она что-нибудь говорила?

— Она в восторге от спектакля.

— Мюзик-холл, — пояснил сенатор Блейку. — Возрождение древнего развлечения. Очень примитивного, по-моему. Жена прямо больна им. Она у нас человек с претензией на тонкий художественный вкус.

— Какие ужасы ты говоришь! — воскликнула Элин.

— Ничуть не бывало, — ответил сенатор. — Это правда. Однако вернемся к биоинженерии. Может быть, у вас есть на сей счет какое-то мнение, мистер Блейк?

— Нет, вряд ли, — ответил Блейк. — По-моему, я несколько утратил связь с ходом вещей.

— Утратили связь? Да, так и должно было случиться. Эта шумиха вокруг звезд. Теперь я вспоминаю. Вы были в капсуле, и вас нашли какие-то шахтеры с астероидов. В какой системе?

— В окрестностях Антареса. Маленькая звезда, безымянная, только с номером. Но я ничего этого не помню. Меня не оживляли, пока не привезли в Вашингтон.

— И вы ничего не помните?

— Ничегошеньки, — ответил Блейк. — Моя сознательная жизнь началась меньше месяца назад. Я не знаю ни кто я такой, ни...

— Но у вас есть имя.

— Просто удобства ради, — сказал Блейк. — Я сам его себе выбрал. Джон Смит тоже сгодилось бы. Должен же человек иметь какое-то имя.

— Однако, насколько я помню, какие-то подспудные знания у вас были.

— Да, в том-то и странность. Я знал о Земле, о ее народе, о его обычаях, но во многих отношениях я безнадежно отстал от жизни. Я не перестаю удивляться. Я спотыкаюсь о незнакомые традиции, верования, слова.

— Не надо об этом, — тихо сказала Элин. — Мы не хотим показаться излишне любопытными.

— Ничего, — ответил Блейк. — Я смирился с этим положением вещей. Я попал в странную обстановку, но когда-нибудь, возможно, узнаю все. Может быть, вспомню, кто я такой, где и когда родился, что случилось там, в космосе. А пока, как вы понимаете, я здорово озадачен. Однако здесь все проявили такт, мне подарили жилище. Меня не беспокоят. Дом в маленькой деревушке...

— В деревушке? — спросил сенатор. — Я полагаю, он где-то неподалеку?

— Даже и не знаю, — ответил Блейк. — Со мной произошло нечто странное. Я не знаю, где нахожусь. А деревня называется Миддтон.

— Это рядом, в долине, — сказал сенатор. — Отсюда и пяти миль не будет. Похоже, мы соседи.

— Я вышел прогуляться после обеда, — рассказал им Блейк. — И смотрел на горы из внутреннего дворика. Близилась гроза. Огромные черные тучи и молнии, но до них было еще порядочно далеко. А потом я вдруг оказался на холме за ручьем, напротив вашего дома. Шел дождь, и я насквозь промок.

Он умолк и осторожно установил свой бокал с коньяком на каменную плиту под очагом. Он посмотрел сначала на отца, потом на дочь.

— Вот так все и было, — добавил Блейк. — Я знаю, это звучит дико...

— Это звучит как нечто совершенно невероятное, — ответил сенатор.

— По-видимому, да, — согласился Блейк. — Причем дело не только в пространстве, но и во времени тоже. Я не просто очутился в нескольких милях от

места, где стоял. Когда я вышел во дворик, только-только начинало смеркаться, а теперь уже ночь.

— Мне очень жаль, что этот болван-охранник ослепил вас фонарем. Должно быть, оказаться здесь уже было достаточным потрясением. Я не просил охраны. Я даже не хочу иметь ее. Но Женева требует, чтобы ко всем сенаторам была приставлена стража. Почему, — я толком и не знаю. Уверен, что в мире нет кровожадных людей. Наконец-то Земля стала цивилизованной, по крайней мере, отчасти. Хотя на это ушли долгие годы.

— Но из-за этого биоинженерного вопроса страсти тут накалились, — сказала Элин.

— Он привел лишь к более решительной политике, — возразил сенатор. — И нет никаких причин...

— Есть, — ответила она, — есть. Все эти фанатики, почитающие Библию, все эти заклятые ретрограды и рутинеры ополчились против биоинженерии.

Она повернулась к Блейку.

— Известно ли вам, что сенатор, который живет в доме, построенном триста лет назад, и кичится тем, что в нем нет ни единого технического новшества...

— А повар? — перебил сенатор. — Ты забываешь о поваре.

Она пропустила его слова мимо ушей.

— ...и кичится тем, что в доме нет ни единого технического новшества, связался с шайкой сумасбродов, с архипрогрессивистами, сторонниками далеко идущих преобразований?

— Никаких таких далеко идущих преобразований, — возразил сенатор. — Обыкновенный здравый смысл. Создание земных условий на одной планете обойдется в триллионы долларов. Гораздо быстрее и за умеренную цену мы сможем сконструировать человеческую расу, способную жить на этой планете. Вместо того чтобы подгонять планету под человека, мы подгоним человека под планету.

— В том то и соль, — сказала Элин. — Мысль о переделке человека стала твоим противникам поперек горла. Это существо уже не будет человеком.

— Возможно, его наружность и будет иной, — возразил сенатор, — но человеком оно по-прежнему останется.

— Разумеется, вы понимаете, что я не противница сенатора, — сказала Элин Блейку. — Но иногда бы-

вает ужасно трудно заставить его осознать, с чем он столкнулся.

— Моя дочь выступает как адвокат дьявола, — пояснил сенатор. — И порой это приносит пользу. Но сейчас в этом нет особой нужды. Я и так знаю, насколько ожесточенно действует оппозиция.

Он взял графин. Блейк покачал головой.

— Может быть, я сумею как-то добраться до дома? — сказал он. — Тяжелый выдался вечерок.

— Переночевали бы у нас.

— Спасибо, сенатор, но если есть какая-то возможность...

— Разумеется, — ответил сенатор. — Кто-нибудь из охранников вас отвезет. Лучше воспользоваться наземной машиной: такая ночь не для леталок.

— Буду очень признателен.

— У одного из охранников появится возможность сделать полезное дело, — сказал сенатор. — Ему, по крайней мере, не будут мерещиться волки. Кстати, вы там, на улице, не видели волка?

— Нет, — ответил Блейк, — волка я не видел.

## Глава 4

Майкл Даниельс стоял у окна и смотрел, как наземная обслуга на Риверсайде, по ту сторону бульвара, помогает домам заходить на посадку. Черные фундаменты влажно поблескивали в ночи, а в четверти мили от них лежал, как чернильно-черный лист, отражавший посадочные огни, Потомак.

Один за другим дома неуклюже спускались с затянутого тучами неба, становились на отведенные для них постаменты, покачивались, осторожно подгоняя посадочные решетки под рельеф фундаментов.

Пациенты прибывают, подумалось Даниельсу. А может, сотрудники возвращаются после выходных. Хотя тут могли оказаться и люди, не связанные с больницей, не сотрудники и не пациенты. Город набит битком: через день или два начнутся окружные слушания по вопросам биоинженерии. Спрос на участки огромный, и передвижные дома втискивали повсюду, где только могли найти стоянку.

Далеко за рекой, где-то над Старой Вирджинией, заходил на посадку корабль. Его огни тускло светились сквозь туман и изморосясь. Корабль направлялся к космопорту. Следя за его полетом, Даниельс гадал, с какой далекой звезды он сюда прибыл. И как долго не был дома? Даниельс грустно улыбнулся своим мыслям. Эти

вопросы он задавал себе всегда, с самого отрочества, пребывая в твердой уверенности, что в один прекрасный день отправится в звездные странствия. Хотя Даниельс знал, что нынче всякий мальчишка мечтает о путешествии к звездам.

Влага стекала изломанными ручейками по гладким оконным стеклам, а там, за окнами, все приземлялись парящие дома, занимая немногие незанятые фундаменты. Несколько сухопутных машин плавно прокользили по бульвару. Воздушные подушки широкими веерами поднимали с мокрой земли водяную пыль. Вряд ли в такую ненастную ночь в воздухе много леталок.

Ему давно пора домой. Малыши, наверное, уже спят, но Черил еще не ложилась, ждет его.

На востоке, на границе поля зрения, глаз различал светящуюся отраженным светом прозрачно-белую колонну. Она высилась возле реки, воздвигнутая в честь первых астронавтов, которые пятьсот с лишним лет назад поднялись в космос, чтобы облететь вокруг Земли, — поднялись, увлекаемые грубой необузданной силой, порожденной химической реакцией.

Вашингтон, подумал Даниельс, город, где разрушаются дома, где полным-полно памятников; нагромождение мрамора и гранита, густо поросшее мхом древних воспоминаний, покрывавшим его сталь и его камень. Дух некогда великой монеты еще висел над городом. Бывшая столица старой республики, превратившаяся ныне в местопребывание провинциального губернатора, по-прежнему куталась, будто в мантию, в атмосферу своего былого величия.

По мнению Даниельса, лучше всего город смотрелся именно сейчас, когда на него упала мягкая влажная ночь, создающая иллюзорный фон, по которому движутся призраки.

Приглушенные звуки ночной больницы наполняли комнату, будто шепот, — тихая поступь бредущей по коридору сиделки, смягченное громыхание тележки, негромкое жужжание призывающего звонка на посту медсестры, находившемся напротив, через коридор...

За спиной Даниельса кто-то распахнул дверь. Он резко обернулся.

— Добрый вечер, Горди.

Гордон Барнс — врач, живущий при больнице, — улыбнулся Даниельсу.

— Я думал, ты уже ушел, — сказал он.

— Как раз собираюсь. Перечитывал доклад, — он указал на стоявший посреди комнаты стол.

Барнс взял в руки папку с бумагами и взглянул на нее.

— Эндрю Блейк, — сказал он. — Это просто невероятно. Сколько Блейку лет, по-твоему? На сколько он выглядит?

— Не больше тридцати, Майк. Хотя, как мы знаем, хронологически ему может быть лет двести.

— Будь ему тридцать, можно было бы ожидать некоторого ухудшения функций, не правда ли? Организм начинает изнашиваться в двадцать с небольшим лет, функции затухают, и с приближением старости этот процесс все ускоряется.

— Известное дело, — ответил Барнс. — Но у этого Блейка, как я понимаю, все иначе?

— Вот именно, — сказал Даниельс. — Это идеальный экземпляр. Он молод. Он более чем молод. Ни единой слабинки, ни единого изъяна.

— И никаких данных относительно его личности?

Даниельс покачал головой.

— В космическом министерстве прошерстили все бумаги. Он может оказаться любым из многих тысяч людей. За последние два века несколько десятков кораблей попросту исчезли. Взлетели — и ни слуху ни духу. Он может оказаться любым из людей, находившихся на борту этих кораблей.

— Его кто-то заморозил, — сказал Барнс, — и замутил в капсулу. Может быть, это нам что-то подскажет?

— Ты хочешь сказать, что он был такой важной птицей, что кто-то попытался его спасти?

— Нечто в этом роде.

— Вздор, — ответил Даниельс. — Выкинули человека в космос, а какова вероятность, что его снова найдут? Один к миллиарду? Один к триллиону? Не знаю... Космос огромен и пуст.

— Но Блейка нашли.

— Да, знаю, его капсула залетела в солнечную систему, которую заселили менее ста лет назад, и Блейка обнаружила бригада шахтеров с астероидов. Капсула пошла по орбите вокруг астероида, они увидели, как

она блестит на солнце, и им стало любопытно. Слишком уж ярко она сверкала, вот они и размечтались: нашли, мол, исполинский алмаз или что-то вроде этого. Еще несколько лет, и он бы грохнулся на астероид. Попробуй-ка вычислить его шансы.

Барнс положил папку на стол, подошел к окну и стал рядом с Даниельсом.

— Я с тобой согласен, — сказал он. — Смысла во всем этом мало. Но судьба помогла парню. Даже после того, как его нашли, кто-то мог взломать капсулу. Они знали, что внутри человек. Капсула была прозрачная, и они видели его. Кому-то могло взбрести в голову оттаять и оживить его. Быть может, этим стоило заняться. Возможно, ему было известно нечто ценное для них, как знать...

— Пользы от него... — ответил Даниельс. — Но это уже второй интересный вопрос. Разум Блейка совершенно пуст, если не считать общего фона, причем такого фона, который человек мог бы получить только на Земле. Он знает язык, обладает человеческим мировоззрением и знаниями по основным вопросам обычного человека, живущего двести лет назад. И все. Что могло с ним произойти, кто он такой и откуда родом, он совершенно не помнит.

— Нет никаких сомнений в том, что он — уроженец Земли, а не одной из звездных колоний?

— Похоже, что нет. Когда мы его оживили, он уже знал, что такое Вашингтон и где он находится, но все еще считал его столицей Соединенных Штатов. Знал он и многое другое, такое, что мог знать только землянин. Как ты понимаешь, мы протащили его через целую кучу тестов.

— Как у него дела?

— Судя по всему, хорошо. Я не получал от него вестей. Он живет в маленькой общине к западу отсюда, в горах. Он решил, да и я тоже, что ему нужно немного отдохнуть, нужно время, чтобы прийти в себя. Вероятно, это даст ему возможность поразмыслить, нашупать свое прошлое. Может, теперь он уже начинает вспоминать, кем и чем он был. Это не моя зата — я не хотел ничем его утруждать. Но мне думается, что, если он все вспомнит, это будет вполне естественно. Он и сам немного расстроен положением дел.

— А если вспомнит, расскажет тебе?

— Не знаю, — ответил Даниельс. — Может быть, и расскажет. Но я не связывал его никакими обещаниями. Это, по-моему, было бы неразумно. Пусть делает все по собственной воле, а если у него возникнут затруднения, он, наверное, свяжется со мной.

## Глава 5

Блейк стоял во внутреннем дворике и смотрел, как удаляются красные стоп-сигналы быстро движущейся по улице машины. Дождь прекратился, и в просветах между стремительно летящими тучами виднелись немногочисленные звезды. Дома на улице стояли черные, горели только лампочки во дворах; в его собственном доме была освещена прихожая — знак того, что дома поджидают хозяина. На западе громоздились горы — черное пятно на фоне неба.

Дул холодный северо-западный ветер. Блейк плотно запахнул на груди коричневый шерстяной халат, закутался в него до самых ушей, съежился и, пройдя через дворик, поднялся по короткой лестнице с тремя ступеньками к двери. Та открылась, и он шагнул внутрь.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Дом и добавил укоризненно: — Похоже, вы припозднились.

— Со мной что-то случилось, — ответил Блейк. — Не знаешь, что бы это могло быть?

— Вы покинули внутренний дворик, — сказал Дом, негодуя: от него требовали сведений, которых он не мог дать. — Вам, разумеется, известно, что наша опека не распространяется за его пределы.

— Да, — промямлил Блейк, — известно.

— Вы должны были сообщить нам о том, что уходите, — строго сказал Дом. — Вы могли бы условиться о связи с нами. Мы бы снабдили вас соответствующей одеждой. А так что получается? Я вижу, вы вернулись

в одежде, отличной от той, которая была на вас, когда вы уходили.

— Я взял ее взаймы у друга, — ответил Блейк.

— Пока вас не было, на ваше имя поступило сообщение, — сказал Дом. — Оно в почтографе.

Почтограф стоял сбоку от входа. Блейк вытащил торчавший из передней стенки листок бумаги. Записка, выведенная аккуратным четким почерком, была краткой и официальной. В ней говорилось: «Если мистер Эндрю Блейк сочтет удобным для себя связаться с мистером Райаном Уилсоном из городка Уиллоу-Гроув, он сможет узнать нечто чрезвычайно полезное».

Блейк осторожно держал бумажку в пальцах. Невероятно, думал он. Это пахнет мелодрамой.

— Уиллоу-Гроув? — переспросил он.

— Мы посмотрим, где это, — ответил Дом.

— Будьте добры! — проговорил Блейк.

— Ванна сейчас будет готова, — сказал Дом. — Если, конечно, вы хотите.

— И еду недолго сварить! — крикнула Кухня. — Что желаете, хозяин?

— Как насчет яичницы с ветчиной и пары ломтиков поджаренного хлеба?

— Мне одинаково легко сделать все что угодно, — сказала Кухня. — Гренки с сыром? Омар?

— Яичницу с ветчиной, — заявил Блейк.

— Как быть с обстановкой? — спросил Дом. — Мы неприлично долго не меняли ее.

— Нет, — устало ответил Блейк, — оставь все как есть. Не трогай обстановку. Какая разница...

— Еще какая, — резко произнес Дом. — Существует такая штука, как...

— Оставь ее в покое, — повторил Блейк.

— Как вам угодно, хозяин, — сказал Дом.

— Сначала поесть, потом — в ванну, — проговорил Блейк. — И спать. У меня был трудный день.

— А что с запиской?

— Пока не думай о ней. Утром все решим.

— Городок Уиллоу-Гроув находится к северо-западу отсюда, — сказал Дом. — Пятьдесят семь миль. Мы посмотрели по карте.

Блейк пересек гостиную, вошел в столовую и уселся за стол.

— Вам надо прийти и забрать еду, — заявила Кухня. — Я не могу ее вам принести!

— Знаю, — ответил Блейк. — Скажешь, как только все будет готово.

— Вы уже сидите за столом!

— Человек имеет право сидеть там, где пожелает! — вспылил Дом.

— Да, сэр, — воскликнула Кухня.

Дом снова умолк, а усталый до изнеможения Блейк пересел в кресло. Он заметил, что в комнате мультобои. Хотя, если вдуматься, это даже и не обои, на что Дом указал Блейку еще в день его приезда.

Появилось такое множество разных новинок, что Блейк часто чувствовал себя обескураженным.

Обои изображали лес и луга, по которым бежал ручеек. К ручью опасливо подскочил кролик. Остановившись возле пучка клевера, он сел и принял ощипывать цветы. Уши его покачивались из стороны в сторону. Кролик стал чесаться, склонив голову набок и мягко поглаживая себя длинной задней лапой. Ручеек искрился в солнечном свете, сбегал с маленьких порогов. По поверхности воды неслись крапинки пены и опавшие листья. Прилетела и села на дерево птица. Задрав головку, она запела, но звука не было.

— Включить звук? — спросила Столовая.

— Нет, спасибо. Что-то не хочется. Я бы просто посидел и отдохнул. Может быть, как-нибудь в другой раз.

Посидеть, отдохнуть, подумать, разобраться. Попытаться понять, что с ним случилось, как это могло случиться и, конечно же, почему. Определить, кто он или что он такое, кем был раньше и кем мог стать теперь. Все это какой-то кошмарный сон наяву, подумал он.

Однако вполне возможно, что утром ему снова будет хорошо. Или покажется, что все снова хорошо. Будет сиять солнце, и мир зальется ярким светом. Он пойдет гулять, поболтает кое с кем из соседей по улице, и все будет в порядке. Может быть, надо попросту забыть обо всем этом, вымести вон из сознания? Может быть, такое больше никогда не повторится, а если не повторится, то зачем тревожиться?

Он неволко заерзal в кресле.

— Который час? — спросил он. — Долго ли меня не было?

— Почти два, — ответил Дом. — А ушли вы в восемь или в самом начале девятого.

Шесть часов, подумал Блейк.

А он помнит не больше двух из них. Что же случилось в остальные четыре, и почему он не может вспомнить их? Если уж на то пошло, почему он не может вспомнить то время, которое провел в космосе? То, что предшествовало его полету в космос? Почему жизнь его должна начаться с того мига, когда он открыл глаза на больничной койке в Вашингтоне? Были же другие времена, другие годы. Было у него когда-то и имя, была и биография. Что же случилось, что же стерло все это?

Кролик кончил жевать клевер и ускакал. Птица сидела на ветке, но больше не пела. Вниз по стволу дерева бежала белка; в паре футов от земли она остановилась, молниеносно развернулась и вновь помчалась вверх. Добравшись до сучка, она немного пробежала по нему и замерла, возбужденно подергивая хвостиком.

Как будто у окна сидишь, подумал Блейк, глядя на лесной пейзаж. Изображение не плоское, есть у него и глубина, и перспектива, а краски пейзажа не нарисованы: они такие, словно смотришь на настоящую природу.

Дом до сих пор обескураживал и смущал Блейка, а иногда и стеснял. В его фоновой памяти не было ничего такого, что могло бы подготовить его к подобным вещам. Хотя он вспомнил, что в те туманные времена, которые предшествовали полному забытью, кто-то (имени он не помнил) раскрыл загадку гравитации, а применение солнечной энергии стало обычным делом.

Однако Дом не только питался от собственной солнечной электростанции и летал при помощи антигравитационного приспособления. Он был чем-то большим, нежели просто домом. Это был робот, робот с введенной в него программой вышколенного слуги, а иногда в нем, казалось, просыпался материнский инстинкт. Он заботился о людях, которых приютил. Мысль об их благополучии прочно засела в его машинном мозгу. Дом болтал с людьми, обслуживал их, одергивал, хвалил, ворчал на них и баловал их. Он играл сразу три роли — жилища, слуги и приятеля. Со временем, подумалось Блейку, человек начнет относиться к своему дому как к верному и любящему другу.

Дом делал для вас все. Кормил, обстирывал, укладывал спать, а дай ему волю, он бы вам и нос вытирая. Он

смотрел за вами, предугадывал любое желание, а порой создавал вам неудобства своим неуемным усердием. Он выдумывал всякую всячину, которая, по его мнению, могла бы вам понравиться, — вроде этих мультобоев (тьфу, да не обои это вовсе!) с кроликом и поющей птичкой.

Однако к этому надо привыкнуть, сказал себе Блейк. Может быть, человеку, всю жизнь прожившему в таком доме, привыкать и не нужно. А вот если ты вернулся со звезд, — Бог знает, откуда и из каких времен, — и тебя швырнули сюда, тогда надо привыкать.

— Яичница с ветчиной готова! — громко объявила Кухня. — Идите и забирайте!

## Глава 6

Он пришел в себя и обнаружил, что сидит съежившись в совершенно незнакомом и странном помещении, заставленном предметами искусственного происхождения, выполненными главным образом из дерева, а также из металла и ткани.

Его реакция была молниеносной. Он перестроился в пирамиду, форму твердого состояния, и окружил себя изолирующей сферой. Проверил, есть ли поблизости энергия, которая нужна ему для обеспечения собственных жизненных и мыслительных процессов, и обнаружил, что энергии много, — целая волна из источника, нахождение которого определить не удавалось.

Теперь можно приступить к размышлению. Мысль работала ясно и четко. Паутинка сонливости больше не мешала думать. Пирамидальное тело обладало идеальной массой, обеспечивающей ему стабильность и театр мыслительных операций.

Мысли он направил на случившееся с ним: каким образом после неопределенного промежутка времени, когда он едва существовал, если существовал вообще, он вдруг вновь стал самим собой, обрел форму и способность к действиям?

Стоило попытаться вернуться к самому началу, но начала не было, вернее, какое-то начало проглядывало, но оно было слишком размытым и неясным. И снова он искал, шарил, бродил по темным коридорам разума, но

так и не находил точки, от которой можно было вести твердый и определенный отсчет.

А быть может, вопрос следовало поставить иначе: было ли у него прошлое? Его разум буквально захлестывала пенистая волна с обломками, приносимыми из прошлого, — обрывки информации, напоминающие фоновую радиацию вокруг планет. Он пытался упорядочить пену и структуру, но структуры не выходило, обломки информации никак не хотели состыковываться.

Где же память, в панике подумал он, была же она раньше. Возможно, и сейчас информация есть, но что-то ее заслоняет, прячет, и лишь отдельные блоки данных выглядывают тут и там, и большей частью их невозможно с чем-либо соотнести...

Он снова окунулся в мешанину плывущих из прошлого обрывков и обломков и обнаружил воспоминание о неприветливой скалистой земле с массивным, как сами скалы, черным цилиндром, уходящим в серое небо на головокружительную высоту. Внутри цилиндра скрывалось что-то настолько невообразимое, грандиозное и поразительное, что разум отказывался воспринимать его.

Он поискал смысл воспоминания, хотя бы намек, но не нашел ничего, кроме образа черных скал и устремленного из них ввысь черного мрачного цилиндра.

Неохотно расставшись с этой картинкой, он перешел к следующей. На этот раз воспоминание оказалось поросшей цветами лощиной, переходящей в луг; луг благоухал тысячами ароматов, источаемых полевыми цветами. В воздухе вибрировали звуки музыки, в цветах шумно возились живые существа, и опять, он знал, во всем этом имелся какой-то смысл, но без ключа понять его было невозможно, а ключ никак не находился.

Однажды возник еще некто. Другое существо, и он был им, этим существом, которое улавливало картины и образы, овладевало ими и затем передавало; и не только образы, но и сопутствующую информацию. Картины, хоть и перепутанные, все еще хранились в мозгу, зато информация каким-то образом исчезла.

Он сжался еще больше, все глубже уплотняясь в пирамиду; мозг разрывали пустота и хаос, и он судорожно попытался вернуться в свое забытое прошлое, чтобы встретить то, другое существо, которое охотилось за картинами и информацией.

Но искать было бесполезно. Он не знал, как дотянуться до того, другого, как прикоснуться к нему. И зарыдал от одиночества — в глубине себя, без слез и всхлипов, поскольку не умел проливать слезы или всхлипывать.

Потом он еще глубже зарылся во время и вдруг обнаружил период, когда еще не было того, другого существа, а он все равно работал с данными и построенным на данных абстракциями, однако информация и понятия были бесцветными, а экстраполированные картины — жесткими, застывшими, а порой и устрашающими.

Бессмысленно, подумал он. Бессмысленно пытаться.

Он так и не разобрался в своих воспоминаниях, он был собой лишь наполовину и не мог стать целым из-за отсутствия исходного материала. Ощущив накатывающую на него темноту, он не стал сопротивляться, а дождался ее и растворился в ней.

## Глава 7

Блейк очнулся под вопли Комнаты.

— Куда вы ушли? — кричала она на него. — Куда вы ходили? Что с вами случилось?

Он сидел на полу посреди комнаты, поджав под себя ноги. А между тем ему следовало бы лежать в кровати. Комната снова завела свое.

— Куда вы ушли? — гремела она. — Что с вами случилось? Что...

— Ой, да замолчи ты, — сказал Блейк.

Комната замолчала. В окно струился свет утреннего солнца, где-то на улице щебетала птица. В комнате все как обычно, никаких изменений. Он помнил, что, когда ложился спать, она имела точно такой же вид.

— А теперь скажи мне, что именно тут произошло, — потребовал Блейк.

— Вы ушли! — взвыла Комната. — И построили вокруг себя стену...

— Стену?!

— Какое-то ничто, — отвечала Комната. — Какое-то сферическое ничто. Вы заполнили меня облаком из ничего.

— Ты с ума сошла, — сказал Блейк. — Как я мог это сделать?

Однако, не успев произнести эти слова, он понял, что Комната права. Комната умела только докладывать о тех явлениях, которые улавливала. Такой штукой, как воображение, она не обладала. Комната была всего

лишь машиной и не имела опыта по части суеверий, мифов и сказок.

— Вы исчезли, — заявила Комната. — Завернулись в ничто и исчезли. Но прежде чем исчезнуть, вы изменились.

— Как это я мог измениться?

— Не знаю, но вы изменились. Вы растаяли и обрели иную форму или начали обретать иную форму. А потом закутались в ничто.

— И ты меня не чувствовала? И поэтому решила, что я исчез?

— Я вас не чувствовала, — ответила Комната. — Я не умею проникать сквозь ничто.

— Сквозь ЭТО ничто?

— Сквозь любое ничто, — сказала Комната. — Я не умею анализировать ничто.

Блейк поднялся с пола и потянулся за шортами, которые бросил накануне вечером. Надев их, он взял коричневый халат, висевший на спинке стула.

Халат оказался шерстяным. И Блейк вдруг вспомнил вчерашний вечер, вспомнил странный каменный дом, сенатора и его дочь.

— Вы изменились и создали вокруг себя оболочку из ничего.

Но он не помнил этого. Никакого намека на странное превращение не было в его памяти.

Не помнил он и случившегося накануне вечером — с того мига, когда вышел во внутренний дворик, и до момента, когда обнаружил, что стоит в добрых пяти милях, и вокруг завывает буря.

— Господи, что же происходит? — спросил Блейк себя.

Он плюхнулся на кровать и положил халат на колени.

— Комната, — спросил он, — а ты уверена?

— Я уверена, — твердо ответила Комната, — что я бы не стала фантазировать.

— Да, конечно, не стала бы...

— Фантазия нелогична, — сказала Комната.

— Да, разумеется, ты права, — ответил Блейк. Он поднялся, накинул халат и двинулся к двери.

— Вам больше нечего сказать? — укоризненно сказала Комната.

— А что я могу сказать? — отозвался Блейк. — Ты знаешь об этом больше моего.

Он вышел в дверь и зашагал вдоль балкона. У лестницы Дом встретил его своим обычным утренним приветствием.

— С добрым утром, сэр, — сказал он. — Солнце взошло и светит ярко. Буря кончилась, и туч больше нет. Прогнозы обещают ясную и теплую погоду. Температура сейчас сорок девять градусов, а в течение дня она превысит шестьдесят градусов \*. Прелестный осенний день, и все вокруг очень красиво. Чего изволите пожелать, сэр? Отделка? Мебель? Музыка?

— Спроси его, что подать на стол! — завопила Кухня.

— И что подать вам на стол? — спросил Дом.

— Может быть, овсянку?

— Овсянку! — вскричала Кухня. — Вечно эта овсянка. Или яичница с ветчиной. Или оладьи. Почему бы хоть разок не съесть что-нибудь эдакое? Почему...

— Овсянку, — твердо сказал Блейк.

— Человек хочет овсянки, — произнес Дом.

— Ладно, — сдалась Кухня. — Одна порция овсянки на подъяде!

— Не обращайте на нее внимания, — сказал Дом. — В программу Кухни заложены всякие замысловатые рецепты, по которым она большая специалистка, но у нее почти не бывает возможностей воспользоваться хотя бы одним из них. Почему бы вам, сэр, когда-нибудь, просто забавы ради, не разрешить Кухне...

— Овсянки, — сказал Блейк.

— Хорошо, сэр. Утренняя газета на лотке в почтографе, но сегодняшнее утро небогато новостями.

— Если не возражаешь, я посмотрю ее сам, — сказал Блейк.

— Конечно, сэр. Как вам угодно, сэр. Я лишь стараюсь информировать...

— Постарайся не перестараться, — посоветовал Блейк.

— Извините, сэр, — сказал Дом. — Я буду следить за собой.

В прихожей Блейк взял газету и сунул ее под мышку, потом подошел к окну в боковой стене и выглянул наружу. Соседний дом исчез. Платформа опустела.

---

\* Имеется в виду температура по Фаренгейту.

— Они уехали нынче утром, — объяснил Дом. —  
Около часа назад. Думаю, ненадолго, в отпуск. Мы все  
очень рады...

— Мы?

— Да, а что? Все остальные дома, сэр. Мы рады, что  
они уехали ненадолго и вернутся опять. Они очень  
хорошие соседи, сэр.

— Ты, похоже, много о них знаешь. А я даже не  
разговаривал с ними.

— О, — произнес Дом, — я не о людях, сэр. Я не  
о них говорил. Я имел в виду сам дом.

— Значит, и вы, дома, смотрите друг на друга как на  
соседей?

— Ну, разумеется. Мы наносим визиты, болтаем о  
том о сем.

— Обмениваетесь информацией?

— Естественно, — ответил Дом. — Но давайте по-  
говорим об интерьере.

— Меня вполне устраивает и нынешний.

— Он не менялся уже много недель.

— Что ж, — задумчиво произнес Блейк, — попро-  
буй поупражняться с обоями в столовой.

— Это не обои, сэр.

— Знаю, что не обои. Я хочу сказать, что мне уже  
начинает надоедать созерцание кролика, щиплющего  
клевер.

— Что бы вы хотели вместо кролика?

— Что угодно, на твой вкус. Лишь бы там кроликов  
не было.

— Но мы можем создавать тысячи комбинаций, сэр.

— Что твоей душе угодно, — сказал Блейк. — Толь-  
ко смотри, чтобы без кроликов.

Он отвернулся от окна и пошел в столовую. Со стен  
на него уставились глаза — тысячи глаз; глаз без лиц;  
глаз, сорванных с множества лиц и наклеенных на  
стены. Глаз, составляющих пары и существующих по-  
одиночке. И все они смотрели прямо на Блейка.

Были здесь синие детские глазки, глядевшие с за-  
думчивой невинностью; глаза, налитые кровью и горев-  
шие устрашающим огнем; был глаз распутника и мутный  
слезящийся глаз дряхлого старика. И все они знали  
Блейка, знали, кто он такой. Если бы к этим глазам  
прилагались рты, все они сейчас говорили бы с Блей-  
ком, кричали на него, строили ему гримасы.

— Дом! — воскликнул он.

— В чем дело, сэр?

— Глаза!

— Сэр, вы же сказали: все что угодно, только не кроликов. Я подумал, что глаза — нечто совершенно новое...

— Убери их отсюда! — взревел Блейк.

Глаза исчезли, и вместо них появился пляж, сбегавший к морю. Белый песок тянулся до вздымавшихся волн, бьющихся о берег, а на далеком мысу гнулись под ветром хилые, истерзанные стихией деревья. Над водой с криками летали птицы, а в комнате стоял запах соли и песка.

— Лучше? — спросил Дом.

— Да, — ответил Блейк, — гораздо лучше. Большое спасибо.

Он сидел, завороженно глядя на эту картину. Как на пляже сидишь.

— Мы включили звук и запах, — сказал Дом. — Можем добавить и ветер.

— Нет, — ответил Блейк, — этого вполне достаточно.

Грохочущие волны набегали на берег, птицы с криками реяли над ними, по небу катились черные тучи. Интересно, существует ли нечто такое, что Дом не способен воспроизвести на этой стене? Тысячи комбинаций, сказал он. Человек может сидеть здесь и смотреть на то, что создал Дом.

Дом, подумал Блейк. Что такое дом? Как он развился в то, чем стал? Сначала, на туманной заре человечества, дом был всего лишь укрытием, защищавшим людей от ветра и дождя; местом, куда можно было забиться, спрятаться. И это определение применимо к нему и сейчас, но теперь люди не только забиваются и прячутся в него: дом стал местом для жизни. Быть может, когда-нибудь в будущем настанет день, и человек перестанет покидать свой дом, будет проводить в нем всю свою жизнь, не отваживаясь выглянуть за дверь, избавившись от необходимости или потребности пускаться в странствия.

И этот день, сказал себе Блейк, может быть, ближе, чем думают. Поскольку дом уже не просто укрытие и не просто место, где живут. Он стал приятелем и слугой, и в его стенах найдется все, что может понадобиться человеку.

Рядом с гостиной располагалась маленькая комната, где стоял трехмерник — естественное продолжение и плод развития телевидения, которое Блейк знал еще двести лет назад. Но теперь его не смотрели и слушали, а как бы ощущали на себе. Растигнувшись вдоль стены кусочек морского берега — частица образа, подумал Блейк. Оказавшись в этой комнате и включив прибор, вы приобщаетесь к действию и словно участвуете в спектакле. Вас не просто подхватывают и обволакивают звуки, запахи, вкус, температура и ощущение происходящего; вы как-то незаметно превращаетесь в созидающую и сопереживающую частицу того действия и того чувства, которое разворачивает перед вашими глазами комната.

А напротив трехмерника, в углу жилой зоны, располагалась библиотека, храня в своем наивном электронном естестве всю литературу, уцелевшую на протяжении долгой истории человечества. Здесь можно было поворотом диска вызвать к жизни все еще сохранившиеся мысли и надежды любого человеческого существа, когда-либо писавшего слова в надежде запечатлеть на бумажном листе собранные воедино чувства, убеждения и опыт, ключом бьющие из глубин разума.

Этот дом далеко ушел от своих собратьев двухсотлетней давности, превратившись в строение и институт, достойные удивления. Быть может, еще через двести лет он изменится и усовершенствуется настолько, насколько изменился за два прошедших века. Есть ли предел развитию самого понятия «дом»? — спросил себя Блейк.

Он развернул газету и увидел, что Дом был прав: новостей оказалось немного. Еще троих человек выбрали в кандидаты на Кладезь Разума, и теперь они войдут в число избранных, чьи мысли и характеры, знания и ум вот уже 300 лет вводятся в большой банк разума, хранящий в своих сердечниках накопленные умнейшими людьми планеты суждения и идеи.

Североамериканский проект изменения погоды в конце концов отослали на просмотр в Верховный Суд, заседавший в Риме.

Перебранка по вопросу о судьбе креветок побережья Флориды все еще продолжается.

Исследовательский звездолет, отсутствовавший десять лет и считавшийся пропавшим, наконец приземлился в Москве.

И последнее: окружные слушания по предложенным биоинженерами программам начнутся в Вашингтоне завтра. Статья о биоинженерии сопровождалась двумя заметками, по колонке каждая. Одну написал сенатор Чандлер Гортон, вторую — сенатор Соломон Стоун.

Блейк свернула газету и уселся читать.

«Вашингтон, Северная Америка. Завтра здесь откроются окружные слушания. Два сенатора Северной Америки вступят в единоборство из-за плана вызывающей многочисленные споры биоинженерной программы. Ни один проект последних лет не будоражил до такой степени воображение общественности. Нет в сегодняшнем мире вопроса, вызывающего большие разногласия.

Два североамериканских сенатора занимают диаметрально противоположные позиции. Впрочем, они соперничали друг с другом на протяжении почти всей своей политической карьеры. Сенатор Чандлер Гортон твердо стоит за одобрение предложения, которое в начале будущего года будет вынесено на всемирный референдум. Сенатор Соломон Стоун находится в столь же твердой оппозиции к нему.

В том, что эти два человека оказались по разные стороны баррикад, нет ничего нового. Но политическое значение этого вопроса возрастает в связи с так называемым принципом Единогласия, предусматривающим, что по вопросам такого рода, вынесенным на всемирный референдум, наказы избирателей должны быть единогласно утверждены членами Всемирного Сената в Женеве. Таким образом, при голосовании «за» от сенатора Стоуна потребуют отдать свой голос в сенате в поддержку мероприятия. Не сделав этого, он вынужден будет отступить, подав в отставку. Тогда будут назначены специальные выборы для замещения вакансии, образовавшейся в результате его отставки. В списки на внеочередные выборы попадут лишь те кандидаты, которые предварительно объявили о своей поддержке мероприятия.

Если референдум отклонит мероприятие, точно в таком же положении окажется сенатор Гортон.

В прошлом в подобных ситуациях некоторые сенаторы сохраняли свои посты, голосуя за предложения, против которых они возражали. Ни Стоун, ни Гортон, по мнению большинства обозревателей, на это не пойдут. Оба поставили на карту свое доброе имя и полити-

ческую карьеру. Их политические философии находятся на противоположных полюсах спектра, и многолетняя личная неприязнь друг к другу стала в сенате притчей во языцах. Сейчас никто не верит, что тот или другой...»

— Простите, сэр, — сказал Дом, — но Верхний Этаж информирует меня, что с вами происходит нечто странное. Надеюсь, вы здоровы?

Блейк поднял голову.

— Да, — ответил он, — я здоров.

— Однако мысль повидаться с врачом, вероятно, покажется вам достойной внимания, — настаивал Дом.

Блейк отложил газету. В конце концов, несмотря на всю свою чопорность, Дом действует из лучших побуждений. Ведь это вспомогательный механизм, и единственная его цель и забота — служить человеческому существу, которому он дает кровь.

— Может, ты и прав, — сказал Блейк.

Несомненно, что-то было не так.

За сутки с ним дважды происходило нечто странное.

— В Вашингтоне был какой-то врач, — сказал он. — В той больнице, куда меня привезли, чтобы оживить. По-моему, его звали Даниельс.

— Доктор Майкл Даниельс, — сказал Дом.

— Ты знаешь его имя?

— У нас есть полное досье на вас, — отвечал Дом. — А иначе мы не смогли бы обслужить вас должным образом.

— Значит, у тебя есть его номер? Ты можешь позвонить ему?

— Разумеется. Если вы этого пожелаете.

— Будь любезен, — сказал Блейк. Он положил газету на стол, поднялся и пошел в гостиную. Там уселся перед телефоном, и маленький экран, моргая, засвятился.

— Минутку, — проговорил Дом. Экран прояснился, и на нем появились голова и плечи доктора Майкла Даниельса.

— Это Эндрю Блейк. Вы меня помните?

— Конечно, помню, — ответил Даниельс. — Только вчера вечером думал о вас. Как у вас дела?

— Физически я в полном порядке, — сказал Блейк. — Но у меня были... наверное, вы назвали бы их галлюцинациями, хотя это нечто совсем иное.

- Но вы не думаете, что это галлюцинации?
- Совершенно уверен, что нет, — ответил Блейк.
- Вы не могли бы приехать? — спросил Даниельс. — Я хотел бы обследовать вас.
- Приеду с радостью, доктор.
- Вашингтон расползается по швам, — сообщил Даниельс. — Все забито, люди прибывают на этот биоинженерный спектакль. Напротив нас, через улицу, есть стоянка для домов. Вы подождете, пока я справлюсь о свободных местах?
- Подожду, — ответил Блейк.
- Лицо Даниельса исчезло, и на экране заплясали размытые и неясные очертания кабинета.
- Послышался громовой голос Кухни:
- Одна порция овсянки готова. И кусок поджаренного хлеба тоже! И яичница с ветчиной тоже! И кофейник с кофе тоже!
- Хозяин разговаривает по телефону, — укоризненно проговорил Дом. — И заказывал он только овсянку.
- А может, хозяин передумает, — возразила Кухня. — Может, овсянки не хватит. Может, он голоднее, чем ему кажется. Вы же не хотите, чтобы про нас говорили, будто мы морим его голодом.
- Даниельс вновь появился на экране.
- Спасибо, что дождались, — сказал он. — Я проверил, свободного места сейчас нет. Утром освободится один фундамент, я зарезервировал его для вас. Вы можете подождать до утра?
- Наверное, могу, — ответил Блейк. — Я хотел только поговорить с вами.
- Но мы можем поговорить прямо сейчас.
- Блейк покачал головой.
- Понимаю, — сказал Даниельс. — Тогда до завтра. Скажем, в час дня. Каковы ваши планы на сегодня?
- У меня нет никаких планов.
- А почему бы вам не отправиться на рыбалку? Отвлечетесь, займитесь делом. Вы рыболов?
- Не знаю. Не думал об этом. Может, и был рыболовом. Название этого вида спорта мне знакомо.
- Кое-что мало-помалу возвращается, — сказал Даниельс. — Вспоминается...
- Не вспоминается. Просто формируется фон. Временами какая-то крупица встает на свое место, но все

это едва ли что-либо говорит мне. Кто-то что-то скажет, или я о чем-то прочитаю и вдруг понимаю, что это мне знакомо. Вдруг узнаю какое-то высказывание, явление или место. Что-то такое, что я знал в прошлом, с чем сталкивался, но не помню, как, когда и в каких условиях.

— Если б в этом вашем фоне нашлась для нас какая-нибудь зацепка, нам было бы легче, — сказал Даниельс.

— Я просто живу с этим фоном, — сообщил Блейк. — Кроме него, мне не на что опереться.

— Ладно, — отступил Даниельс. — Сегодня поудите рыбку всласть, а завтра увидимся. Кажется, не-подалеку от вас есть речушки с форелью. Пойщите одну из них.

— Спасибо, доктор.

Телефон со щелчком отключился, экран померк. Блейк отвернулся.

— После завтрака во внутреннем дворике вас будет ждать леталка. Рыболовные снасти вы найдете в задней спальне, которая используется под кладовку, а Кухня соберет вам ленч. Ну, а я пока поищу хороший ручей с форелью и подскажу вам, как к нему добраться и...

— Прекратите болтовню! — загремела Кухня. — Завтрак стынет!

## Глава 8

Вода пенилась в завалах из упавших деревьев и кустов. Речка бурливо обтекала препятствие, но затем успокаивалась, образуя черную заводь.

Блейк осторожно направил похожую на стул леталку к земле и посадил ее рядом с запрудой у бересовой рощи. Когда леталка остановилась, он отключил гравитационное поле. Несколько минут Блейк неподвижно сидел в кресле, слушая журчание воды; глубокая тихая заводь очаровала его. Впереди к небу возносился горный кряж.

Наконец Блейк выбрался из леталки и отвязал от спинки корзину с обедом, чтобы достать рыболовные снасти. Он поставил корзину сбоку, на траву рядом с березами, росшими на берегу.

Что-то завозилось в запруде из перекореженных древесных стволов, лежавших поперек ручья. Блейк резко обернулся на звук. Из-под бревна на него смотрела пара маленьких блестящих глаз. Норка, — подумал Блейк, — а может быть, выдра.

— Эй ты, — сказал он, — не возражаешь, если я попытаю тут счастья?

— Эй вы, — ответило существо высоким писклявым голосом, — какое счастье вы хотите попытать?

— Что ты... — голос Блейка замер.

Существо выбралось из-под бревна. Оно оказалось и не норкой, и не выдрой, а двуногим зверьком, словно

сошедшим со страниц детской книжки. Волосатую мордочку грызуна венчал высокий куполообразный череп, над которым торчала пара остроконечных ушек с кисточками на концах. Существо имело около двух футов роста, и его туловище покрывала гладкая меховая шубка бурого цвета. Оно было одето в ярко-красные штаны, состоявшие чуть ли не из одних карманов, а ручки существа оканчивались длинными тонкими пальцами.

— Может быть, в этой корзине найдется еда? — спросило оно своим писклявым голосом.

— Да, разумеется, — ответил Блейк. — Ты, как я понимаю, голоден?

Это, конечно же, какое-то наваждение. Вот сейчас, через минуту, если не меньше, картинка из детской книжки исчезнет, и он сможет заняться рыбной ловлей.

— Я просто умираю от голода, — подтвердила картинка. — Люди, которые подкармливают меня, уехали в отпуск, и с тех пор я попрошайничаю. Может быть, и вам когда-нибудь приходилось добывать себе пропитание подобным образом?

— Не знаю, — ответил Блейк.

Существо не исчезло. Оно по-прежнему находилось здесь и разговаривало, и от него не было избавления. Боже мой, подумал Блейк, опять начинается!

— Если ты голоден, — сказал он, — давай заглянем в корзинку. Что ты больше всего любишь?

— Я ем все, что считают съедобным люди. Мой обмен веществ удивительно схож с обменом веществ у землян.

Они вместе подошли к корзинке, и Блейк поднял крышку.

— Кажется, мое появление из-под груды бревен оставило вас равнодушным, — сказало существо.

— Это не мое дело, — ответил Блейк, пытаясь заставить себя соображать быстрее и чувствуя, что ему это не удается. — Тут у нас есть бутерброды, пирог, горшочек с... да, с салатом из помидоров, яичница с пряностями...

— Если вы не возражаете, я возьму парочку бутербродов.

— Давай, не стесняйся, — пригласил Блейк.

— А вы не составите мне компанию?

— Я только что позавтракал.

Существо село и с аппетитом набросилось на еду, держа в каждой руке по бутерброду.

— Простите мне такое некрасивое поведение за столом, — сказало оно Блейку, — но я уже почти две недели толком не ел. Наверное, я переоценивал щедрость людей. Те, кто обо мне заботился, приносили хорошую еду. Не в пример большинству людей, которые поставляют плошку молока и все.

Существо ело. На его подрагивающие бакенбарды налипли крошки. Покончив с бутербродами, оно протянуло руку, но потом остановилось, и рука замерла над корзинкой.

— Вы не возражаете? — спросило оно.

— Ничуть, — ответил Блейк.

Существо взяло еще один бутерброд.

— Простите меня, — сказало оно, — но сколько вас здесь?

— Сколько здесь меня?

— Да вас. Сколько вас тут?

— Но ведь я один, — удивился Блейк. — Откуда же взяться другим «я»?

— Конечно, это очень глупо с моей стороны, — сказало существо, — но, когда я впервые увидел вас, я готов был поклясться, что вас больше одного.

Оно принялось за бутерброд, но теперь ело чуть медленнее, чем тогда, когда расправлялось с первыми двумя. Разделавшись и с ним, существо аккуратно смахнуло с бакенбард крошки.

— Большое вам спасибо, — поблагодарило оно.

— Всегда к твоим услугам, — ответил Блейк. — Ты уверен, что не хочешь еще?

— Бутербродов, пожалуй, нет, но если у вас лишний кусочек пирога...

— Угощайся, — пригласил Блейк. Существо без промедления воспользовалось приглашением. — Ты задал мне вопрос, — добавил он. — Как ты думаешь справедливо будет, если и я кое о чем тебя спрошу?

— В высшей степени справедливо, — подтвердило существо. — Валяйте, спрашивайте.

— Я никак не пойму, кто ты такой, — признался Блейк.

— Вот те на! — воскликнуло существо. — А я-то думал, вам известно. Мне и в голову не приходило, что вы можете не узнать меня.

Блейк покачал головой.

— Не узнаю. Ты уж извини.

— Я — Брауни \*, — с поклоном представилось существо. — К вашим услугам, сэр.

---

\* Брауни — домовой (англ.).

## Глава 9

Когда Блейка ввели в кабинет, доктор Майкл Даниельс уже ждал его за своим столом.

— Ну, как самочувствие нынче утром? — спросил он. Блейк слабо улыбнулся.

— Неплохо, если вспомнить все вчерашние обследования. Интересно, есть ли такие тесты, которым меня не подвергали?

— В общем мы испробовали почти все, — признался Даниельс. — Еще один или два теста в запасе, и если...

— Нет уж, спасибо.

Даниельс жестом указал на стул.

— Располагайтесь. Нам есть о чем поговорить.

Блейк сел на предложенный стул. Даниельс подтянул к себе пухлую папку и раскрыл ее.

— Я так полагаю, — сказал Блейк, — что вы проверяли различные варианты событий, которые могли произойти со мной в космосе. Удачно?

Даниельс покачал головой.

— Ничего не вышло. Мы просмотрели списки пассажиров и команд всех пропавших кораблей. Точнее, это сделала Космическая Служба. Вы интересуете их точно так же, как и меня, если не больше.

— Списки пассажиров мало что вам скажут, — проговорил Блейк. — Там будет лишь имя, а ведь мы не знаем...

— Верно, — сказал Даниельс, — есть еще отпечатки пальцев и фонограммы голосов. Но все не ваши.

— Однако я ведь как-то попал в космос.

— Да, попали, это нам известно. Известно и то, что вас кто-то заморозил. Сумей мы выяснить, почему это было сделано, мы узнали бы гораздо больше, чем нам известно сейчас. Но ведь когда пропадает корабль, пропадают и все записи.

— Я и сам пораскинул мозгами, — сказал Блейк. — Мы все время исходили из предположения, что меня заморозили, чтобы спасти мне жизнь. Значит, до того, как корабль попал в беду. Кто мог знать, что он попадет в аварию? Хотя, видимо, бывают положения, когда это известно заранее. А вам не приходило в голову, что меня заморозили и выбросили из корабля потому, что мое присутствие на борту было нежелательно? Может быть, я что-то натворил, или меня боялись, или еще что-нибудь в этом роде.

— Нет, — ответил Даниельс, — об этом я не думал. Но допускал, что вы можете оказаться не единственным замороженным, не единственным человеком, заключенным в капсулу. То же самое могли проделать с другими, и эти другие до сих пор там, в космосе. Просто вас случайно нашли. Если у них было время, они могли сохранить таким способом жизнь людей.

— Давайте вернемся к вопросу о том, почему меня вышвырнули из корабля. Если бы я был негодяем, от которого надо избавиться, к чему предпринимать попытку сохранить мне жизнь?

Даниельс покачал головой.

— Ума не приложу. Пока мы можем только гадать. Возможно, вам придется примириться с мыслью, что вы никогда не узнаете правды. Я надеялся, что вы мало-помалу вспомните свое прошлое, но этого пока не случилось. И, вероятно, не случится.

— Вы хотите сказать, что я должен отступиться?

— Нет. Мы не оставим наших попыток до тех пор, пока вы согласны помочь нам. Но я считаю своим долгом сказать вам, что они, скорее всего, закончатся ничем.

— Что ж, это честно, — ответил Блейк. — Тем более что трудно обижаться в этом мире.

— Как ваша позавчерашняя рыбалка? — спросил Даниельс.

— Хорошо, — ответил Блейк. — Выудил шесть фо-  
релей, прекрасно провел денек на свежем воздухе.  
Чего, как я подозреваю, вы и добивались.

— Галлюцинаций не было?

— Было одно видение, — сказал Блейк. — Я утаил  
его от вас, но сегодня утром решил рассказать. Галлюци-  
нацией больше, галлюцинацией меньше — какая раз-  
ница? На рыбалке я повстречал Брауни.

— О, — вырвалось у Даниельса.

— Вы слышали? Я встретил Брауни и говорил с  
ним. Он съел почти весь мой ленч. Вы понимаете, кого  
я имею в виду? Маленькие народцы из детских ска-  
зок. Брауни из их числа. У них большие острые уши и  
высокая остроконечная кепка. Только у моего кепки  
не было, а физиономия напоминала мордочку гры-  
зуна.

— Вам повезло: не так уж много людей когда-либо  
видели Брауни. А тех, что с ними разговаривали, еще  
меньше.

— Вы хотите сказать, что Брауни не галлюцинация?

— Разумеется, нет. Это переселенцы из созвездия  
Енотовой Шкуры. Их немного. Родоначальников их при-  
везли на Землю, наверное, лет сто-сто пятьдесят назад  
на исследовательском корабле. Предполагалось, что  
Брауни немного погостят у нас — что-то вроде куль-  
турного обмена, — а потом вернутся домой. Но им тут  
понравилось, и они официально попросили разрешения  
остаться, после чего мало-помалу разбрелись по Земле,  
облюбовав для обитания леса и живя в норах, пещерах,  
дуплах деревьев. — Даниельс озадаченно покачал го-  
ловой. — Странный народ. Они отказались почти от  
всех предложенных людьми льгот, не пожелали иметь  
ничего общего с нашей цивилизацией; культура землян  
не произвела на них впечатления, но сама планета  
понравилась. Понравилась как место, где они могли бы  
жить, но жить, разумеется, на свой лад. Нам не так  
много известно о них. Цивилизация у Брауни, похоже,  
высокоразвитая, но совсем не такая, как у нас. Они  
умны, но исповедуют ценности, отличные от наших.  
Кое-кто из них, как я понимаю, приился к семьям или  
отдельным людям, те их подкармливают и дают одежду.  
Любопытные взаимоотношения. Брауни для этих людей —  
вовсе не домашнее животное. Вероятно, они служат

чем-то вроде талисманов и немного похожи в представлениях землян на настоящих домовых.

— Будь я проклят! — пробормотал Блейк.

— Вы решили, что ваш Брауни — очередная галлюцинация?

— Да. Я все время ждал, что он уйдет. Просто исчезнет. А он не исчезал. Сидел, ел, смахивал с бакенбард крошки и подсказывал мне, куда забрасывать мух. «Вон туда, туда! — говорил Брауни. — Там большая форель! Между тем водоворотом и берегом!» И там действительно оказывалась большая форель. Похоже, он знал, где искать рыбу.

— Так Брауни благодарили вас за угощение. Не удивлюсь, если он и в самом деле знал, — сказал Даниельс. — Как я уже говорил, мы мало знаем о Брауни. Вероятно, они обладают способностями, которых не хватает нам. Может быть, одна из них и состоит в том, что они знают, где прячется рыба. — Он бросил на Блейка пытливый взгляд. — Вам никогда не приходилось слышать о домовых? О настоящих домовых?

— Нет, никогда.

— Думаю, это обстоятельство многое проясняет. Будь вы тогда на Земле, вы бы о них слышали.

— Может быть, и слышал, но не помню.

— Не думаю. Их появление, судя по письменным источникам тех времен, произвело огромное впечатление на общество. Вы бы вспомнили, если бы слышали о них. Такое событие должно было глубоко отпечататься в памяти.

— У нас есть и другие временные вехи, — сказал Блейк. — Наряды, которые мы сейчас носим, мне в новинку. Туники, шорты, сандалии... Я вспоминаю, что сам носил какие-то брюки и короткую куртку. А корабли? Гравитационные решетки мне не знакомы. Я вспоминаю, что мы использовали ядерную энергию.

— Мы и сейчас ее используем.

— Да, но теперь она служит лишь вспомогательным средством для достижения больших ускорений. Основную энергию получают в результате преобразования гравитационных сил.

— Но ведь существует еще множество незнакомых вам вещей, — сказал Даниельс. — Дома...

— Поначалу они чуть не свели меня с ума, — сказал Блейк. — Но не это беспокоит меня больше всего.

Я осознаю все происходящее до какого-то момента, потом наступает провал, причем он длится строго определенное время. И наконец я снова прихожу в себя. И не помню ничего из того, что происходит во время провала, хотя убежден, что какие-то события происходят. Но я не имею о них ни малейшего представления. Может быть, у вас есть какие-то идеи?

— Честно говоря, нет, — ответил Даниельс. — Два связанных с вами обстоятельства... как бы это лучше выразиться... смущают меня. Первое: ваше физическое состояние. Выглядите вы лет на тридцать-тридцать пять. Но ваше тело — тело юноши. Никаких признаков увядания. А если так, почему у вас лицо тридцатилетнего?

— А второе обстоятельство? Вы говорили, что их два.

— Второе? Ваша электроэнцефалограмма имеет странный вид. Главные линии мозга на ней присутствуют, и их можно различить. Но есть и еще что-то. Картина почти такая... Даже и не знаю, как вам сказать... Почти такая, словно на ваши линии наложены другие. Слишком слабые линии. Вероятно, их можно назвать вспомогательными. Они видны, но не очень выражены.

— Что вы хотите сказать, доктор? Что я не в своем уме? Это, во всяком случае, объясняет галлюцинации. Выходит, они действительно существуют?

Даниельс покачал головой.

— Нет, не то. Но картина странная. Никаких признаков заболевания. Никаких свидетельств умственного расстройства. Очевидно, ваш разум так же здоров и нормален, как и ваше тело. Но энцефалограмма такая, как если бы у вас был не один мозг, а больше. Хотя мы знаем, что он один. Рентген показал это.

— Вы уверены, что я человек?

— Ваше тело отвечает на этот вопрос положительно. А почему вы спросили?

— Не знаю, — проговорил Блейк. — Вы нашли меня в космосе. Я прибыл из космоса...

— Понимаю, — сказал Даниельс. — Забудьте об этом. У нас нет ни малейших оснований считать вас нечеловеком. Подавляющее большинство признаков говорит за то, что вы — человек.

— И что же мне делать теперь? Возвращаться домой и ждать новых...

— Не сейчас, — ответил Даниельс. — Мы хотели бы, чтобы вы немного погостили у нас. Еще несколько дней. Если вы согласны.

— Опять тесты?

— Возможно. Я хотел бы поговорить кое с кем из коллег, показать вас им. Может быть, они сумеют что-то предложить. Но главная причина, по которой я просил бы вас остаться, — новое обследование.

## Глава 10

Выдержка из протокола сенатского расследования (округ Вашингтон, Северная Америка) по вопросу о биоинженерной программе как основе политики колонизации других солнечных систем:

П и т е р Д о у т и, адвокат комиссии: Ваше имя — Остин Люкас?

Д о к т о р Л ю к а с: Да, сэр. Я живу в Тенафлае, Нью-Джерси, и работаю в «Байолоджикс инкорпорейтед», в Нью-Йорк сити, на Манхэттене.

М и с т е р Д о у т и: Вы возглавляете научно-исследовательский отдел этой компании, не так ли?

Д о к т о р Л ю к а с: Я руководитель одной из исследовательских программ.

М и с т е р Д о у т и: И эта программа касается биоинженерии?

Д о к т о р Л ю к а с: Да, сэр. Сейчас нас особенно интересует проблема выведения многоцелевых сельскохозяйственных животных.

М и с т е р Д о у т и: Будьте добры объяснить.

Д о к т о р Л ю к а с: С радостью. Наша задача вывести животное — поставщика сразу нескольких видов мяса, молока, шерсти, меха или щетины, а возможно, и всего этого вместе. Мы надеемся, что оно сможет заменить всех тех многочисленных животных, которых человек разводил со времен неолита.

С е н а т о р С т о у н: И вы, доктор Люкас, как я понимаю, имеете некоторые основания считать, что

ваши исследования принесут какую-то практическую пользу?

Доктор Люкас: Да, имею. Я бы сказал, что с главными задачами мы уже справились. Мы получили стадо таких животных и теперь занимаемся доводкой.

Сенатор Стоун: И здесь вы тоже имеете определенную надежду на успех?

Доктор Люкас: Мы работаем с большим воодушевлением.

Сенатор Стоун: Можно спросить, как вы называете животное, которое получили?

Доктор Люкас: У него нет названия, сенатор. Мы не забивали себе голову такой проблемой.

Сенатор Стоун: Оно же не будет коровой, не так ли?

Доктор Люкас: Нет. Не совсем коровой. Но в нем, естественно, будет что-то и от нее.

Сенатор Стоун: Не будет свиньей? Не будет овцой?

Доктор Люкас: Ни свиньей, ни овцой. Не на сто процентов, конечно. Оно будет иметь некоторые черты свиньи и овцы.

Сенатор Гортон: По-моему, в этом длинном вступлении нет никакой нужды. Мой уважаемый коллега хочет спросить, стало ли создание, которое вы выводите, неким совершенно новым существом, представителем, так сказать, синтетической жизни. Или же оно может претендовать на родственность современным природным формам?

Доктор Люкас: Это крайне сложный вопрос, сэр. Можно сказать — и это будет чистой правдой, — что ныне существующие формы жизни не были забыты и использовались как модели, но то, что мы получили, — в основном новая порода животного.

Сенатор Стоун: Благодарю вас, сэр. Хочу также поблагодарить моего коллегу-сенатора за то, что он так быстро подхватил нить моих расспросов. Итак, мы имеем, как вы выразились, совершенно новое существо, которое, возможно, отдаленно родственно корове, свинье, овце или, быть может, даже другим формам жизни...

Доктор Люкас: Да, другим формам жизни. Может быть, где-то и есть предел, но сейчас мы его не видим. Мы полагаем, что можем продолжать создавать

различные формы жизни, скрещивая их, чтобы получить жизнеспособный гибрид...

Сенатор Стоун: И чем дальше вы продвигаетесь в этом направлении, тем меньше становится степень родства этой вашей формы с любой ныне существующей?

Доктор Люка: Да, думаю, что можно сказать и так. Но я предпочел бы поразмыслить, прежде чем дать ответ.

Сенатор Стоун: А теперь, доктор, позвольте спросить вас о другом. Биоинженерия на уровне животных вами освоена. А можно ли проделать то же самое с человеческим существом?

Доктор Люка: Да, разумеется, можно.

Сенатор Стоун: Вы уверены, что в лаборатории можно создать новый тип человека? Может быть, даже много разных типов?

Доктор Люка: Я в этом не сомневаюсь.

Сенатор Стоун: А когда это будет сделано, когда вы создадите человека с заданными параметрами, даст ли он приплод того же вида, какой вы создали?

Доктор Люка: Такой вопрос даже не ставится. Созданные нами животные дали породистый приплод. И у людей дела должны обстоять так же. Простейшее изменение генетического материала — вот на что надо обратить внимание в первую очередь, понимаете?

Сенатор Стоун: Давайте внесем ясность. Допустим, вы вывели новую породу людей. Значит, эта порода даст потомство такой же породы?

Доктор Люка: Точно такой же. Не считая, разумеется, маленьких мутаций и изменений, происходящих в эволюционном процессе вслепую. Но это присуще и естественным формам. Именно так развилась вся нынешняя жизнь.

Сенатор Стоун: Допустим, вы создадите новый тип человеческого существа. Скажем, тип, способный жить в условиях гораздо большей силы тяжести, чем на Земле, способный дышать другим воздухом, питаться пищей, которая ядовита для ныне существующих людей. Смогли бы вы... гм... позвольте поставить вопрос иначе. Как, по-вашему, возможно ли создание такой формы жизни?

Доктор Люка: Вы, разумеется, просите меня высказать лишь мое личное мнение?

Сенатор Стоун: Совершенно верно.

Доктор Лукас: Ну что ж. Я сказал бы, что это возможно. Сначала в расчет принимаются все задействованные факторы, потом набрасывается биологический проект и...

Сенатор Стоун: Но это выполнимо?

Доктор Лукас: Без всякого сомнения.

Сенатор Стоун: Вы можете сконструировать существо, способное жить в условиях практически любой планеты?

Доктор Лукас: Должен со всей ясностью заявить, что не могу. Биоинженерия человека не моя область. Но вообще это доступно науке нынешнего уровня. Сегодня этой задачей заняты люди, способные ее решить. Не сказал бы, что сейчас предпринимается серьезная попытка создать такого человека, но пути решения проблемы выработаны.

Сенатор Стоун: И процесс тоже разработан?

Доктор Лукас: Как я понимаю, да. И процесс.

Сенатор Стоун: И люди, разработавшие процесс, смогли бы сконструировать и создать человеческое существо, способное жить в условиях любой планеты?

Доктор Лукас: Это вы уже хватили, сенатор. Не в любых условиях. Со временем — возможно, но не теперь. Разумеется, могут встретиться и такие условия, которые совершенно исключают любую форму жизни.

Сенатор Стоун: Однако можно создать форму человеческой жизни, которая будет существовать при разнообразных условиях, не допускающих существования людей в том виде, в каком мы их знаем?

Доктор Лукас: Думаю, это справедливое утверждение.

Сенатор Стоун: Тогда позвольте спросить вас, доктор... Если такое существо будет создано, останется ли оно человеком?

Доктор Лукас: В основе своей, насколько это возможно, оно будет иметь биологические и умственные черты человеческого существа. С чего-то ведь нужно начинать.

Сенатор Стоун: Будет ли оно выглядеть как человеческое существо?

Доктор Лукас: Во многих случаях нет.

Сенатор Стойн: Вернее сказать, в большинстве случаев. Правильно, доктор?

Доктор Люкас: Это будет всецело зависеть от того, насколько неблагоприятны параметры окружающей среды, с которой придется столкнуться.

Сенатор Стойн: И в каких-то случаях это существо будет иметь вид чудовища?

Доктор Люкас: Сенатор, вы должны соблюдать точность терминологии. Что такое чудовище?

Сенатор Стойн: Хорошо. Давайте назовем чудовищем живое существо, на которое человек смотрит с отвращением. Живое существо, в котором человек не может видеть своего сородича. Живое существо, встретившись с которым, человек может испытывать страх, ужас, ненависть или омерзение.

Доктор Люкас: Почувствует ли человек ненависть и омерзение, в немалой степени зависит от того, что это за человек. При правильном отношении...

Сенатор Стойн: Давайте оставим в стороне вопрос о правильном отношении. Возьмем обычных мужчину или женщину, любого из сидящих в этой комнате. Могут ли некоторые люди испытать ненависть и омерзение при виде этого гипотетического создания?

Доктор Люкас: Кое-кто из них, наверное, может. Я хотел бы поправить вас, сенатор. Вот вы говорите «чудовище». Я могу не считать его чудовищем. В чудовище его превращает ваше воображение...

Сенатор Стойн: Но определенные человеческие существа могут счесть такое создание чудовищем?

Доктор Люкас: Кое-кто может.

Сенатор Стойн: И, вероятно, многие?

Доктор Люкас: Да, вероятно, многие.

Сенатор Стойн: Благодарю вас, доктор. У меня больше нет вопросов.

Сенатор Гортон: А теперь, доктор Люкас, давайте несколько подробнее рассмотрим этого синтетического человека. Я понимаю, что такое определение не совсем верно, но надеюсь, что оно понравится моему коллеге.

Сенатор Стойн: Да, синтетический человек. Не человеческое существо. Эта так называемая биоинженерная программа предполагает заселить другие планеты не людьми, а синтетическими созданиями, ничем

не похожими на человеческое существо. Иными словами, выпустить в Галактику орду чудовищ.

Сенатор Гортон: Э... гм... доктор Люкас, давайте согласимся с сенатором Стоуном в том, что вид такого создания может внушать ужас. Однако его наружность, по-моему, не имеет отношения к обсуждаемому вопросу. Главное в том, что представляет собой это создание. Вы согласны?

Доктор Люкас: Горячо поддерживаю вас, сэр.

Сенатор Гортон: Если оставить в стороне внешность создания, можете ли вы сказать, что оно по-прежнему останется человеческим существом?

Доктор Люкас: Да, сенатор, могу. Строение тела существа не будет иметь отношения к его сути. Носителем признаков будет мозг. Разум, побуждения, мировоззрение.

Сенатор Гортон: И у этого создания будет человеческий мозг?

Доктор Люкас: Да, сэр.

Сенатор Гортон: И поэтому эмоции, побуждения и мировоззрение у него тоже будут человеческие?

Доктор Люкас: Разумеется.

Сенатор Гортон: И поэтому создание будет человеком? Независимо от внешнего облика?

Доктор Люкас: Да, человеком.

Сенатор Гортон: Доктор, не знаете ли вы случайно, было такое существо когда-либо создано или нет? Под существом я имею в виду синтетическое человеческое существо.

Доктор Люкас: Да. Около двухсот лет назад были созданы два таких существа. Но есть некоторая разница...

Сенатор Стоун: Минутку! Вы говорите о том древнем мифе, который мы время от времени слышим...

Доктор Люкас: Это не миф, сенатор.

Сенатор Стоун: Вы можете подтвердить свое заявление документально?

Доктор Люкас: Нет, сэр.

Сенатор Стоун: Что означает это «нет, сэр»? Как вы могли явиться на слушания и выступать с заявлением, которое не в состоянии подтвердить?

Сенатор Гортон: Я могу подтвердить его. Если потребуется, я представлю в качестве доказательства документы.

Сенатор Стоун: В таком случае, вероятно, сенатор должен был бы сесть на место свидетеля...

Сенатор Гортон: Отнюдь. Меня вполне устраивает и этот свидетель. Вы говорили, сэр, что есть какая-то разница...

Сенатор Стоун: Минутку! Я протестую! По-моему, свидетель некомпетентен...

Сенатор Гортон: Что ж, давайте это выясним. Доктор Люкас, при каких обстоятельствах вы получили эту информацию?

Доктор Люкас: Лет десять назад, когда я вел исследования для диссертации, я попросил доступа к некоторым делам в Космической Службе. Видите ли, сенатор, я занимался проверкой того, что вы называете мифом. Об этом мало кто знал. Но меня заинтересовало, миф это или нечто более основательное.

Сенатор Гортон: И вам представилась возможность ознакомиться с документами?

Доктор Люкас: Ну, не сразу. Космическая Служба пошла на это, с... скажем, с неохотой. Наконец я стал твердить, что дело двухсотлетней давности не требует допуска. Не скрою, что мне нелегко было заставить их увидеть логику в моих доводах.

Сенатор Гортон: Однако в конце концов ваша взяла?

Доктор Люкас: Однако в конце концов. С немалой поддержкой компетентных лиц. Видите ли, когда-то эти документы были снабжены грифом высшего уровня секретности. Формально они еще не рассекречены. Пришлось немало поспорить, чтобы все увидели нелепость такого положения...

Сенатор Стоун: Минутку, доктор, один вопрос. Вы говорите, что вас поддерживали.

Доктор Люкас: Да.

Сенатор Стоун: Может быть, в значительной степени эта поддержка исходила от сенатора Гортон?

Сенатор Гортон: Поскольку вопрос имеет отношение ко мне, я с согласия доктора Люкаса отвечу на него. Я с радостью признаю, что оказал ему кое-какую помощь.

**Сенатор Стоун:** Хорошо, это все, что я хотел узнать. Именно так это и будет запротоколировано.

**Сенатор Гортон:** Доктор Люкас, продолжайте, пожалуйста.

**Доктор Люкас:** Из бумаг явствовало, что 221 год назад, точнее говоря в 2266 году, были созданы два синтетических существа. Они имели телесную оболочку людей, но конструировались для очень специфической цели: их планировали использовать для первичных контактов с жизнью на других планетах, погрузив на исследовательские и разведывательные звездолеты и отправив собирать данные о господствующих формах жизни в космосе.

**Сенатор Гортон:** Доктор Люкас, а как — пока без излишних подробностей, — как именно они должны были выполнить ту работу, для которой предназначались? Вы можете нам это сказать?

**Доктор Люкас:** Не уверен, что смогу выразиться с полной ясностью, но попробую. Синтетические люди обладали высокой приспособляемостью. За неимением лучшего термина их можно охарактеризовать словом «пластичные». В них была реализована концепция незамкнутых цепей, которая не могла быть разработана раньше чем за десять лет до этих событий. Случай, мягко говоря, необычный: чтобы столь сложная концепция была воплощена на практике за такое короткое время. Все основные составляющие сконструированных человеческих тел делались по этой концепции. Понимаете, они были завершенными по форме, но в каком-то смысле незавершенными по сути. Аминокислоты...

**Сенатор Гортон:** Может быть, вы пока расскажете нам, что должны были делать эти тела, и не будете углубляться в принципы, по которым они создавались?

**Доктор Люкас:** То есть, как они должны были функционировать?

**Сенатор Гортон:** Да, если можно.

**Доктор Люкас:** Идея была простой. После того как исследовательский корабль садился на планету, внимательно изучался один из представителей высшей формы жизни этой планеты. Я думаю, вы знакомы с процессом биологического сканирования. Все параметры, делающие существо таким, какое оно есть, —

строение, химия, обмен веществ, — строго определены. Данные вводятся в память, после чего передаются синтетическому человеческому существу, и оно, благодаря уникальному принципу незамкнутых цепей, превращается в точную копию существа, параметры которого записаны на пленках. Процесс должен быть быстротечным: любая заминка может все погубить. Должно быть, это жуткое зрелище — почти мгновенное превращение человеческого существа в инопланетное создание.

Сенатор Гортон: Вы говорите, что человек превратится в инопланетное создание. Значит ли это, что превращение будет всеобъемлющим — мыслительным, интеллектуальным, если тут подходит этот термин, так же, как и...

Доктор Люка: Человек превращается в это создание. Не вообще в инопланетное создание, а в точную копию именно того создания, которое послужило образцом, понимаете? У него будут разум и память этого существа. Оно сможет немедленно продолжить работу, которую делало инопланетное существо, с того момента, когда оно прервало ее. Оказавшись за пределами корабля, оно сможет отыскать приятелей инопланетного существа, присоединиться к ним и провести исследования...

Сенатор Гортон: Вы хотите сказать, что оно по-прежнему будет обладать и человеческим разумом?

Доктор Люка: Трудно сказать. Человеческое мышление, воспоминания, индивидуальность — все это останется, хотя, вероятно, в очень выхолощенной форме, и будет существовать как нечто подсознательное, но способное к быстрому включению в сознание. Существу будет задан мысленный приказ вернуться на корабль через определенное время и сразу по возвращении принять человеческий облик. Приняв его, создание сможет вспомнить свое существование в инопланетном обличье, и данные, получить которые иным путем, вероятно, было бы невозможно, станут доступны исследованию.

Сенатор Гортон: А можно спросить, что из этого вышло?

Доктор Люка: Трудно сказать, сэр. Отчетов о результатах нет. Есть записи, свидетельствующие о том, что они, оба этих существа, были отправлены в космос. Но потом — молчание.

Сенатор Гортон: По вашим предположениям, с ними что-то стряслось?

Доктор Люка: Да, возможно. Что именно, нам не удалось узнать.

Сенатор Гортон: Может быть, существа оказались недееспособными?

Доктор Люка: О нет, свои функции они выполнили. Не было никаких причин, мешавших им действовать так, как запланировано. Они просто не могли не работать.

Сенатор Гортон: Я задаю все эти вопросы, потому что знаю, если их не задам я, это сделает мой уважаемый коллега. А теперь позвольте спросить вас о том, о чем он бы не спросил: может ли такой псевдочеловек быть создан сегодня?

Доктор Люка: Да. Располагая проектом, мы можем создать его без малейшего труда.

Сенатор Гортон: Однако, насколько вам известно, другие экземпляры не создавались?

Доктор Люка: Насколько мне известно, нет.

Сенатор Гортон: Не согласились бы вы предположить...

Доктор Люка: Нет, сенатор, не согласился бы.

Сенатор Стойн: Простите, что перебиваю вас. Доктор Люка, у вас есть какой-либо описательный термин для процесса, применяемого при изготовлении такого рода людей?

Доктор Люка: Да, есть. Он называется «принцип оборотня».

## Глава 11

На стоянке с противоположной стороны улицы какой-то мужчина вынес из дома кадку и поставил ее во внутреннем дворике у края бассейна. В кадке было дерево, и, когда человек опустил ее на землю, дерево зазвенело, словно множество веселых серебряных бубенцов.

Блейк в халате в оранжевую полоску сидел на стуле, опершись локтями о перила балкона, и, напрягая зрение, смотрел с высоты пятого этажа на деревце, пытаясь понять, исходит ли звон действительно от него.

Вашингтон дремал в голубой дымке раннего октябряского вечера. Несколько наземных машин проехало по бульвару под окнами, мягко «вздыхая» своими воздушными соплами. Вдалеке над Потомаком покачивалось несколько леталок — летающих стульев с сидящими на них людьми. Дома на стоянке стояли ровными рядами; перед каждым раскинулась сочная зеленая лужайка с клумбами в ярких осенних цветах; поблескивали голубые бассейны. Перегнувшись через перила и вытянув шею, Блейк едва-едва мог разглядеть свой собственный дом на бульваре, стоявший в глубине, в третьем ряду от мостовой.

Ближайшим соседом Блейка на веранде солярия был пожилой мужчина, по самые уши закутанный в толстое красное одеяло. Он невидящими глазами смотрел в пустоту за парапетом и что-то бормотал. Неподалеку

двоих пациентов играли в какую-то настольную игру. Кажется, в шашки.

Служащий солярия торопливым шагом пересек ве-ранду.

— Мистер Блейк, к вам пришли, — сообщил он.

Блейк встал и обернулся. В дверях ве-ранды стояла высокая темноволосая женщина в бледно-розовой на-кидке из ткани с шелковым блеском.

— Это мисс Гортон, — сказал Блейк. — Пожалуй-ста, пригласите ее.

Она пересекла ве-ранду и протянула ему руку.

— А я вчера ездила в вашу деревушку, — сказала она, — и обнаружила, что вас там нет.

— Жаль, что не застали меня, — произнес Блейк. — Присаживайтесь.

Она уселилась в кресло, а Блейк пристроился на пери-лах.

— Вы с отцом в Вашингтоне, — сказал он. — Эти слушания...

Она кивнула.

— Да, они начались сегодня утром.

— Вы, наверное, посетите несколько заседаний.

— Наверное, — подтвердила она. — Хотя это до-вольно тягостное зрелище. Больно смотреть, как твоему отцу задают хорошую взбучку. Я, конечно, восторгаюсь тем, как он борется за то, во что верит, но мне бы хотелось, чтобы иногда он выступал и за то, что одоб-ряет наша общественность. Увы, сенатор почти никогда не делает этого. Вечно он на стороне тех, кого публика считает неправыми. А на этот раз отец может серьезно пострадать.

— Вы имеете в виду принцип Единогласия? Не далее как позавчера я что-то читал об этом. По-моему, глупое правило.

— Возможно, — согласилась она. — Но именно так обстоит дело. Из-за него власть большинства натыкает-ся на совершенно ненужные ограничения. Если сенато-ру придется удалиться от общественной деятельности, это его убьет. Она для него суть и смысл всей жизни.

— Мне очень понравился ваш отец, — сказал Блейк. — В нем есть что-то от самой природы, что-то гармонирующее с тем домом, в котором вы живете.

— Вы хотите сказать, некая старомодность?

— Ну, может быть. Хотя это не совсем точное слово. В нем чувствуется какая-то основательность и вместе с тем одержимость и очевидная самоотверженность...

— О да, — проговорила она. — Самоотверженность в нем есть, и это достойно восхищения. Думаю, что большинство людей в восторге от него, но он вечно как-то умудряется их рассердить, указывая им на их ошибки.

Блейк рассмеялся.

— Насколько я знаю, это самый верный способ кого-то рассердить.

— Возможно, — согласилась Элин. — Ну, а как вы?

— У меня все хорошо, — сказал он. — Здесь я нахожусь без какой-либо определенной причины. А перед вашим приходом сидел и слушал, как звенит дерево. Будто много-много колокольчиков. Я ушам своим не поверил. Какой-то человек на той стороне улицы вынес из дома деревце, поставил рядом с бассейном, и оно зазвенело.

Она подалась вперед и посмотрела туда, куда показывал Блейк. Деревце залилось серебристой бубенцовой трелью.

— Это монастырское деревце, — сказала она. — Их не так уж и много. Несколько штук завезли с какой-то далекой планеты. Не могу припомнить, как оно называется.

— Я без конца сталкиваюсь с совершенно незнакомыми мне вещами, — признался Блейк. — С вещами, которых никогда прежде не знал. И начинаю бояться, что у меня опять галлюцинации.

— Как в тот раз, когда вы подошли к нашему дому?

— Совершенно верно. Я до сих пор не знаю, что случилось в ту ночь. Этому нет объяснения.

— Врачи...

— От врачей, похоже, мало проку. Они в такой же расстерянности, как и я.

— Вы рассказали об этом своему врачу?

— Да нет, не рассказывал. У бедняги и так хлопот полон рот. Ну, добавился бы еще один фактик...

— Но он может иметь большое значение.

— Не знаю, — ответил Блейк.

— Кажется, все это вам почти безразлично, — сказала Элин Гортон. — Вам вовсе не хочется выяснить,

что же с вами случилось. А может, просто страшно узнать.

Блейк бросил на нее настороженный взгляд.

— У меня несколько иное мнение на этот счет, — сказал он. — Но может статься, что вы правы.

Доносившийся с противоположной стороны улицы звон стал другим: многоголосая трель серебристых бубенцов сменилась звучным и дерзким боем большого набата, тревожно плывшим над крышами древнего города.

## Глава 12

В туннеле волнами разливался страх. Все вокруг наполняли запахи и голоса других планет. Луки света скользили по стенам. Пол под ногами был твердым как камень.

Существо скорчилось и захныкало, чувствуя, как напряжена каждая мышца, как в каждый нерв вгрызается парализующий ужас. Туннель тянулся и тянулся вперед, и выхода не было. Все, это конец. Ловушка. Как оно сюда попало? Куда — сюда? Неизвестно куда и, уж конечно, не по своей воле. Его поймали и зашвырнули сюда, и никакого объяснения этому не было.

Да, оно помнило какое-то прошлое, и тогда было сыро, и жарко, и темно, и неприятное чувство, что по нему ползет множество крошечных живых организмов. А теперь было жарко, и светло, и сухо, и оно ощущало вдалеке присутствие более крупных существ, и мысли их громовыми барабанными ударами отдавались в мозгу.

Выпрямившись наполовину и царапая когтями по твердому полу, существо обернулось. Позади, как и впереди, туннель уходил в бесконечность. Замкнутое пространство, в котором не было звезд. Зато был разговор: мысленный разговор, глухо шуршащий разговор с помощью звуков — сбивчивый, путаный, расплывчатый разговор, который вспухал пеной и сыпал искрами и не имел ни глубины, ни смысла...

Мир — туннель, в ужасе подумало существо, узкое замкнутое пространство, пропитанное зловонием, насы-

щенное бессмысленной речью, бурлящее страхом и не имеющее конца.

Существо видело, что в туннеле имелись отверстия. Они вели, несомненно, в другие такие же туннели без конца и начала.

Из одного из дальних отверстий появилось огромное, жуткое, нелепое создание. С цокающим звуком оно шагнуло в туннель и завизжало. Волна невыносимого страха вздыбилась в мозгу этого уродливого создания. Оно развернулось и стремительно побежало прочь.

Существо вскочило, царапая когтями по жесткой поверхности, и метнулось к ближайшему отверстию, уводящему прочь от туннеля. Паника судорогой свела внутренности, разум затянуло парализующей дымкой испуга, и откуда-то сверху тяжелым грузом обрушилась темнота.

В тот же миг оно перестало быть собой, оно находилось уже не в туннеле, а у себя в теплой уютной темноте, служившей ему тюрьмой.

Блейк резко затормозил бег в нескольких шагах от койки и удивился, что бежит и что его больничная рубашка лежит на полу, а он стоит в комнате голым. И тут что-то щелкнуло в голове, словно треснула слишком тугая оболочка, и все знание открылось ему — о туннеле, и об испуге, и о двух других существах, которые составляли с ним единое целое.

Ослабев от нахлынувшей радости, Блейк опустился на кровать. Он вновь обрел цельность, стал тем существом, каким был прежде. И теперь Блейк уже не один: с ним были те двое. И они ответили ему — не словами, а мысленным дружеским похлопыванием по плечу. (Колющие, холодные звезды над пустыней, в которой нет ничего, кроме песчаных дюн и снега. Мысль, протянувшаяся к звездам и черпающая в них знание. Жаркое, окутанное паром болото. Длинная, тяжелая лента информации, свернувшаяся внутри пирамиды биологического компьютера. Три хранилища мысли, мгновенно сливающиеся в одно. Соприкосновение разумов.)

— Оно побежало, увидев меня, — сказал Охотник. — Скоро придут другие.

— Это твоя планета, Оборотень. Ты знаешь, что делать.

— Верно, Мыслитель, планета моя. Но то, что известно мне, знаете и вы. Знание общее.

— Но тебе решать, что делать.  
— Возможно, они еще не разобрались, что это был я, — сказал Оборотень. — Пока. Возможно, у нас есть немного времени.

— Совсем немного.

Он прав, подумал Блейк. Времени почти нет. Медсестра, с визгом несущаяся по коридору, — на ее вопли выбегут санитары, другие сестры, врачи, нянечки, повара. Через считанные минуты переполох охватит всю больницу.

— Все дело в том, — сказал он, — что Охотник слишком уж похож на волка.

— Твое определение, — отозвался Охотник, — подразумевает существо, которое питается другими существами. Но ты же знаешь, я не способен...

— Конечно, нет, — ответил себе Блейк. — Но они то думают по-другому. Ты кажешься им волком. Как той ночью перед домом сенатора, когда сторож увидел твой силуэт при вспышке молнии. Он действовал инстинктивно — сработал комплекс стариных преданий о волках.

— А если кто-нибудь увидит Мыслителя, как он станет действовать? — спросил Охотник. — Я высвобождался дважды, Оборотень, и в первый раз было сыро и темно, а в другой — светло и тесно.

— А я высвобождался только раз, — сказал Мыслитель, — и не смог функционировать.

— Тихо! — вслух произнес Блейк. — Тихо. Дайте подумать.

Во-первых, здесь находился он сам, человек — искусственный человек, андроид, изготовленный в лаборатории, неограниченная вариабильность, принцип обратня, гибкость интеллектуальная и биологическая, которая сделала его таким, каков он сейчас. Человек. Такой же человек, как все, исключая происхождение. И преимущества, обыкновенному человеку недоступные. Иммунитет к болезням, аутогенное лечение, самовосстановление. Человек, — такой же, как и все люди, с разумом, чувствами, физиологией. Но при этом и инструмент — человек, спроектированный для определенной задачи. Лазутчик во внеземные формы жизни. И наделенный столь уравновешенной психикой, столь незыблемой логикой, столь поразительной способностью приспособляться и проникать в них, что его разум в состоянии вынести то, что испепелило бы и в клочья

разнесло любой другой разум, — трансформацию в инопланетное существо с его телом, мозгом, эмоциями.

Во-вторых, здесь был Мыслитель (можно ли погодрать ему какое-либо другое имя?) — бесформенная плоть, способная по желанию принимать любую форму, но в силу давней привычки предпочитающая форму пирамиды как оптимальную для жизнедеятельности. Обитатель яростного первобытного мира на покрытой болотами планете, купающейся в потоках тепла и энергии новорожденного солнца. Чудовищные существа ползали, плавали, бродили в этом краю болот, но Мыслители не знали страха, как не знали и необходимости чего-либо бояться. Черная жизненную квинтэссенцию из энергетических штормов, бушующих на планете, они обладали уникальной системой защиты — покрывалом из взаимозамыкающихся силовых линий, которое отгораживало их от прожорливого внешнего мира. Они размышляли о существовании и никогда — о жизни или смерти, поскольку в их памяти не хранилось воспоминаний ни о рождениях, ни о смертях кого-либо из них. Грубые физические силы при определенных обстоятельствах могли расчленить, разорвать их плоть, но из каждого обрывка плоти, несущего генетическую информацию о всем существе, вырастал новый Мыслитель. Впрочем, такого никогда не случалось, но данные о самой возможности и ее последствиях составляли информационную основу разума каждого Мыслителя.

Оборотень и Мыслитель. И Оборотень стал Мыслителем — ухищрениями и игрой ума другого мыслящего племени, обитающего в сотнях световых лет отсюда. Искусственный человек превратился в другое существо, переняв его способности мышления, его взгляды на жизнь, физиологию и психику. Став им, он сохранил нечто от человека — частицу человеческой сути, свернутую в тугую пружину и спрятанную от жуткого и сурового величия существа, в которое перевоплотился. И укрыл ее мысленной броней, встроенной в него на планете, настолько удаленной от этой точки пространства, что даже солнца ее невозможно разглядеть.

Спрятал, но не навсегда. Скорее, временно убрал в потайные уголки разума, который составлял Я этого

инопланетного существа. Ему предстояло быть им, и человеческая суть его затаилась в глубине жесткой неземной плоти и загадочного сознания. Но в свое время, когда первый страх осядет и забудется, когда придет умение жить в этом новом теле на другой планете, человеческий разум займет должное место и наполнится, насладится всепоглощающим восторгом нового опыта — состояния, когда два разума сосуществуют рядом, не требуя подчинения, не соревнуясь, не пытаясь выгадать что-то для себя за счет другого, поскольку оба отныне принадлежат к сообществу, которое оказывается не просто сообществом людей или созданий из страны болот, но и тем и другим, слившимся воедино.

Солнечные лучи падали на поверхность планеты, тело Мыслителя впитывало энергию, и болото было замечательным местом, поскольку для пирамидалного существа оно стало домом. Можно было ощутить, исследовать, познать новую жизнь, подивиться ей и порадоваться.

Имелось и любимое Место для Размышлений, и любимая Мысль, а иногда случалось и мимолетное общение с другими соплеменниками, встреча разумов, краткая, как прикосновение руки в темноте. В общении не было необходимости: каждый из Мыслителей обладал исчерпывающим набором качеств, делающих контакт с себе подобными ненужным.

Время, равно как и пространство, не имело никакого значения, за исключением тех случаев, когда или время, или пространство, или то и другое вместе становилось объектом Мысли. Ибо Мысль была всем — и смыслом существования, и целью, и призванием; направленность ее не подразумевала какого-либо окончания, даже и завершения самой себя, — у нее не могло быть конца. Мысль представляла нечто продолжающееся бесконечно, питала саму себя и не оставляла веры, надежды на то, что когда-нибудь окажется исчерпанной. Но теперь время сделалось одним из важных факторов, разум человека был сориентирован на определенное время возвращения, и когда оно наступило, человек из Мыслителя снова стал человеком и вернулся. Собранная им информация легла в центр памяти, а корабль опять рванулся в космос, продолжая полет.

Затем была еще одна планета, и еще одно существо, и Оборотень превратился в это существо, как раньше в Мыслителя, и отправился путешествовать по планете в новом обличье.

Если прошлая планета была жаркой и влажной, то здесь было холодно и сухо, далекое солнце едва светило, а звезды блестели в безоблачном небе как алмазы. Белая пыль из песка и снега покрывала поверхность планеты, и порывистый ветер сметал ее в аккуратные дюны.

Теперь человеческий разум перешел в тело Охотника, который несся в стае через замерзшие равнины и скалистые кряжи и испытывал от этого бега под звездными россыпями и лунными фонарями языческое наслаждение, выискивая святыни, откуда с незапамятных времен его предки вели разговор со звездами. Это была лишь традиция: картины, которые бессознательно транслировали бесчисленные цивилизации, обитающие в других солнечных системах, Охотники могли улавливать в любое время и в любом месте.

Не понимая этих картин и даже не пытаясь понять, они просто ловили их и хранили в воспоминаниях ради эстетического удовольствия. Вот и человек, думал человек в теле Охотника, может бродить по художественной выставке, останавливаясь и вглядываясь в полотна, красками и композицией беззвучно провозглашающие истину, — истину, которую не выразишь в словах и которую не надо выражать в словах.

Человеческий разум в теле Охотника и еще один разум, — разум, который вдруг выполз оттуда, где его не должно было быть, ему полагалось исчезнуть в момент, когда человеческое сознание покинуло использованную оболочку.

Мудрецы на Земле такого не предполагали, им и в голову не приходило, что освобождение от инопланетного тела не означает освобождения от инопланетного разума, что маску чужого интеллекта, единожды надетую, нельзя просто взять и выбросить. От этой маски нельзя избавиться, ее нельзя сорвать. Память и инопланетное Я невозможно истребить, выскооблить из разума начисто. Они оказались неистребимы. Их можно загнать глубоко в подсознание вернувшегося в свой естественный облик человека, но снова и снова они выбирались на поверхность.

И потому уже не два существа в теле Охотника бежали по долинам плавучих песков и снега, а три. И пока Охотник улавливал картины со звезд, Мыслитель впитывал информацию, оценивал ее и, задавая вопросы, отыскивал ответы. Словно одновременно работали две отдельные части компьютера: блок памяти, накапливающий информацию, и блок, анализирующий поступающие данные, — работали, дополняя друг друга. Воспринимаемые картины были уже чем-то большим, нежели радующий эстетическое чувство образ, теперь они имели куда более глубокое и серьезное значение; будто на поверхность стола ссыпались со всей Вселенной кусочки головоломки, в ожидании пока кто-нибудь не сложит узор из множества крошечных разрозненных фрагментов единого всеобъемлющего вселенского шифра.

Три разума задрожали, замерев на цыпочках на краю разверзшейся перед ними пропасти — вечности. Застыли потрясенные, не в состоянии сразу осознать грандиозность открывшейся перед ними возможности: протянуть руку и взять, заполучить ответы сразу на все когда-либо заданные вопросы, узнать у звезд разгадку всех их тайн, представить эти данные в управления познания и сказать наконец: «Это есть Вселенная».

Но загудело, сработало реле времени в одном из разумов, вызывая его обратно на корабль. Людям Земли нельзя было отказать в хитроумии — тело Охотника повернуло назад к кораблю, где оно должно было отделиться от разума искусственного человека, и тогда корабль опять устремится к другим звездам. Чтобы снова, обнаруживая на планетах разумные существа, вселять в их тела человека и из первых рук добывать информацию, которая когда-нибудь позволит человечеству установить с этими существами отношения, наиболее выгодные людям.

Однако, когда Охотник вернулся к кораблю, что-то произошло. Сигнал об этом длился какую-то долю секунды, а затем все исчезло. До момента полупробуждения. Но пробуждения одного из всех, пришедшего в себя и очень озадаченного. Потом проснулись остальные, и снова все трое были вместе — кровные братья по разуму.

— Оборотень, они нас боятся. Они разгадали нас.

— Да, Охотник. Или подумали, что разгадали. Всего они понять не могли.

— Но они не стали ждать, — сказал Охотник. — Предпочли не рисковать. Заметили, что что-то не так, и заперли нас. Просто взяли и заперли.

Из коридора донесся топот бегущих ног. Чей-то голос громко произнес: «Оно вошло туда. Кэти видела, как оно туда вошло».

Топот быстро приближался, учащаясь на поворотах. Тяжело дыша, в дверь ворвались санитары в белых халатах.

— Мистер, — закричал один из них, — вы видели волка?

— Нет, — ответил Блейк. — Я не видел волка.

— Черт побери, происходит что-то странное, — сказал другой санитар. — Кэти врать не станет. Она видела что-то. И от страха чуть...

Первый санитар сделал шаг вперед, с угрозой глядя на Блейка.

— Мистер, не надо с нами шутить. Если это розыгрыш...

Паника охватила два других разума, паника, подобная приливной волне, — паника разумов, поставленных обитателями чужой планеты в опасную ситуацию. Неуверенность, непонимание, невозможность оценить положение...

— Нет! — воскликнул Блейк. — Нет! Не надо, подождите...

Но уже было поздно. Перевоплощение началось, запущенное вцепившимся в мысленные рычаги управления Охотником, и остановить его уже было нельзя.

— Идиоты! — беззвучно закричал Блейк. — Идиоты! Идиоты!

Санитары отпрянули и вывалили в коридор.

Перед ними, ощетинившись, блестя в свете лампы серебристым мехом, изготовленвшись к прыжку и обнажив сверкающие клыки, стоял Охотник. Охотник присел и зарычал. Он в западне. В ловушке, из которой нет выхода. Глухая стена и позади, и сбоку. Единственный открытый путь вел вперед, во внешний туннель, и туннель этот битком забила стая улюлюкающих инопланетян, передвигающихся на двух задних ногах и завернутых в искусственные шкуры. От их тел исходил резкий запах, а разумы их несли на

него мыслительную волну такой силы, что он едва устоял под ее напором. Но не осознанную, контролируемую интеллектом психическую волну, а хаотичную, сорную волну из первобытных инстинктов и предубеждений.

Охотник сделал вперед один медленный шаг, и стая отшатнулась. Их отступление отдалось пьянящим ощущением победы в крови Охотника. Древняя память предков, захороненная в глубинах его мозга, вдруг высвободилась, развернулась в горделивое знамя воина; урчание, клокотавшее в его горле, загрохотало раскатами дикой ярости — и звук этот, врезавшись во вражескую стаю, рассеял, опрокинул ее. И тогда Охотник ринулся в туннель и там быстро повернул направо. Одно из существ, прижавшись к стене, бросилось на него с каким-то занесенным над головой оружием. Одним броском Охотник опередил нападение. Короткое движение массивной головы, молниеносный и жуткий удар клыками по податливой плоти — и существо с воплем рухнуло на пол.

Охотник развернулся, чтобы встретить преследующих его существ. Оставляя когтями глубокие царапины на полу, он двинулся на стаю.

Теперь уже все существа, за исключением тех, что лежали на полу, бросились прочь от Охотника.

Охотник остановился и присел. Затем задрал голову и издал протяжный трубный звук — клич победы и вызова, древний, до сего момента неизвестный ему клич предков, которым давным-давно оглашались плавучие пески и снега родной далекой планеты.

Туннель очистился, и в нем уже не было странного зловония, как в том месте, где он очнулся; напротив, запахи сухого и чистого воздуха, напоминающего ароматы дома... Тех мест, где когда-то раса древних воинов, его раса, билась не на жизнь, а на смерть с ныне почти забытыми чешуйчатыми созданиями, которые оспаривали у Охотников власть над планетой.

А затем запахи туннеля и его теснота, и резкость ярких огней, отражаемых стенами, развеяли ощущение другого времени и места. Он снова встал и неуверенно огляделся. Где-то вдалеке сбегались двуногие существа, и воздух стал пасмурным и вязким от обрывков мыслей, потоками накатывающих со всех сторон.

— Оборотень?

- К лестнице, Охотник. Пробирайся к лестнице.
- Лестница?
- Дверь. Закрытое отверстие. То, над которым надпись. Маленький квадратик с красными буквами.
- Вижу. Но дверь твердая.
- Толкни ее. Она откроется. Толкай руками, а не телом. Не забудь — руками. Ты так редко ими пользуешься, что забываешь о них вообще.

Охотник прыгнул к двери.

— Руками, болван! Руками!

Охотник ударил дверь телом. Она поддалась, и он быстро проскользнул в щель. Теперь Охотник находился в небольшой комнате, и вниз уходила дорожка из узких уступов. Должно быть, это и есть лестница. Он двинулся по ней, наступая на ступеньки сперва осторожно, потом, принаоровившись, все быстрее. Они привели его в другую комнату, где тоже были ступеньки.

— Оборотень!

— Вниз, вниз, вниз. Ты должен пройти три такие лестницы. Затем через дверь выйти в комнату, большую комнату. В ней будет много существ. Иди прямо, никуда не сворачивая, пока слева не увидишь большое отверстие. Пройдешь в него и окажешься на улице.

— Улице?

— На поверхности планеты. Надо выбираться из пещеры, где мы сейчас находимся. Пещеры здесь располагаются на поверхности.

Охотник двинулся вниз по лестнице. От каждого предмета, от каждого квадратного сантиметра пола отдавало густым металлическим привкусом страха.

«Если мы отсюда выберемся, — думал Охотник, — если мы только отсюда выберемся...»

Он чувствовал, как по коже набухающей тяжестью неуверенности и сомнения ползут мурочки страха.

— Оборотень?

— Вперед, вперед. У тебя отлично получается.

Охотник сбежал по третьей лестнице и остановился перед дверью.

Он встал в боевую стойку, выдвинул руки. Затем сгруппировался и бросился на дверь.

— Оборотень, слева? Отверстие будет слева?

— Да.

Вытянутые руки Охотника ударили в дверь и распахнули ее.

Его тело, словно снаряд из катапульты, влетело в помещение, в котором были и испущенные вопли, и широко открытые рты, и быстро передвигающиеся существа, и отверстие слева. Развернувшись, он бросился туда. Снаружи в этот проход входила новая стая существ — странных созданий, населяющих эту планету, одетых в искусственные шкуры. Они тоже закричали, подняли зажатые в руках черные предметы, и оттуда брызнули резкие вспышки огня, струи острых запахов.

Что-то, ударившись о металл совсем рядом с ним, отлетело в сторону с низким гудящим звуком; другое нечто с хрустом вгрызлось в дерево. Но Охотник уже не мог остановиться. Он ворвался в толпу существ, и тело его вновь вибрировало от раскатов странного боевого клича.

Спустя миг Охотник прорвался через стаю врагов и устремился к выходу из огромной пещеры.

Из-за спины доносился треск разрывов, и какие-то маленькие, но тяжелые и очень быстро летящие предметы выбивали осколки из пола.

Наверное, сейчас ночь, подумал Охотник, раз в небе такое множество далеких звезд, хотя ни одной крупной. Он обрадовался им, потому что не мог себе представить планету без звездного купола.

И еще были запахи, но уже другие, не столь горькие и резкие, как в здании, а более приятные и мягкие.

Охотник добежал до угла, завернул и, помня слова Оборотня, побежал дальше. Побежал, наслаждаясь движением, ровным, гладким перекатыванием мускулов, ощущением твердой почвы под подушечками лап.

Только сейчас у него появилась возможность возвратить в себя первые данные об этой планете. Складывалось впечатление, что это весьма оживленное место. И весьма необычное. Например, кто и когда слышал, чтобы планету застилали полом? А здесь пол тянулся от края пещеры — вдаль, к горизонту. Пещеры, поднимающиеся от поверхности ввысь, светились желтыми квадратиками огней. Перед другими, на маленьких огороженных площадках, стояли металлические или каменные изображения обитателей планеты. Что бы это могло значить? — изумлялся Охотник. Может быть, гадал он, когда эти существа умирают, они превращаются в металл и камень, и их оставляют стоять там, где они

умерли? Но, обращенные в металл и камень, они часто больше натуральной величины. Может быть, создания эти разных размеров, и превращению в металл или камень подвергаются лишь самые крупные особи?

Живых обитателей планеты, по крайней мере поблизости, было немного. Но по поверхности покрытия двигались, и очень быстро, металлические формы с горящими глазами. Формы издавали гудящий звук и выбрасывали позади себя струю воздуха. Из них тоже исходили волны мысли и ощущение жизни, но такой жизни, у которой не один, а несколько разумов, — и эти волны были тихими и спокойными, а не исполненными ненависти и страха, как те, что окружали его в пещере.

Это казалось удивительным, но Охотник убедил себя, что было бы странно, если бы на планете существовал только один-единственный вид жизни. А пока он обнаружил вид, который передвигался на двух задних ногах и состоял из протоплазмы, и металлические объекты, перемещавшиеся очень быстро и целенаправленно, испускали из глаз лучи света и содержали не один мозг, а несколько. А еще до этого, припомнил Охотник, той сырой жаркой ночью он почуял и множество других форм жизни, почти или совсем не обладающих интеллектом, крохотные узелки материи.

— Охотник!

— Да, Оборотень.

— Справа от тебя деревья. Высокие растения на фоне неба. Беги туда. Деревья помогут нам спрятаться.

— Эти существа пустятся за нами в погоню?

— Думаю, что да.

— Наш разум должен стать единым. Все, что знаешь ты, должно быть известно и мне, Охотнику.

— Добеги до деревьев, — сказал Оборотень, — тогда у нас появится время.

Охотник обогнул громаду уходящих в небо пещер и оказался на широкой твердой полосе, ведущей к деревьям. С мягким шелестом, напоминающим порыв ветра, из темноты вынырнуло одно из металлических созданий с горящими глазами. Изменив направление движения, оно устремилось прямо на него, и тогда Охотник действительно помчался, словно подхваченный волной ужаса. Ноги его мелькали с такой скоростью, что сливались в сплошное пятно, тело скользило над блестящей

поверхностью покрытия, уши прижались к голове, а хвост вытянулся позади, будто шлейф от реактивного двигателя.

— Ну, вперед, паршивый волк! — погонял Оборотень. — Быстрее, драный шакал! Давай, бешеная лисица!

## Глава 13

Главврач был человеком спокойным и дружелюбным. Трудно представить, чтобы он мог стучать кулаком по столу. Но сейчас он делал именно это.

— Вы мне вот что скажите! — ревел он. — Какой дурак позвонил в полицию? Мы бы и сами с этим разобрались! На кой черт нам полиция?

— Я полагаю, — сказал Даниельс, — тот, кто позвонил в полицию, считал, что без этого не обойтись. В коридоре было полно покусанных людей.

— Мы бы о них позаботились, — сказал главврач. — Это наша работа. Мы бы позаботились о них, а потом разобрались бы во всем.

— Поймите, сэр, — сказал Гордон Барнс, — все были перепуганы. Волк в...

Главврач взмахом руки заставил Барнса замолчать и обратился к сиделке:

— Мисс Грегерсон, вы первая увидели эту тварь?

Девушка все еще была бледна и напугана, но кивнула.

— Я вышла из палаты, а он был в коридоре. Волк. Я уронила поднос, закричала и побежала...

— Вы уверены, что это был волк?

— Да, сэр.

— Но откуда такая уверенность? Это ведь могла быть и собака.

— Доктор Уинстон, — сказал Даниельс, — вы пытаетесь все запутать. Какая разница, волк это был или собака?

Главврач сердито зыркнул на него и раздраженно взмахнул рукой.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Будьте любезны задержаться, доктор Даниельс, я хотел бы побеседовать с вами. Остальные могут идти.

Они остались в комнате вдвоем.

— А теперь, Майк, — предложил главврач, — давайте присядем и попытаемся договориться до чего-нибудь путного. Блейк был вашим пациентом, не так ли?

— Да. Вы знакомы с ним, доктор. Это человек, которого нашли в космосе. Замороженным и запрятанным в капсулу.

— Да, знаю, — сказал Уинстон. — Какое отношение он имел ко всему этому?

— Я не уверен, но подозреваю, что он-то и был волком, — ответил Даниельс.

Уинстон поморщился.

— Ну-ну, — сказал он. — Вы ведь не думаете, что я в это поверю. Ваши слова означают, что Блейк, скорее всего, был оборотнем.

— Вы читали сегодняшние вечерние газеты?

— Нет, не читал. А какая связь между газетами и тем, что тут случилось?

— Возможно, и никакой. Но я склоняюсь к мысли... — Даниельс осекся. Господи, подумал он, это чересчур фантастично. Такого просто быть не могло. Хотя как иначе объяснить случившееся на третьем этаже час назад?

— Доктор Даниельс, к какой мысли вы склоняетесь? Если у вас есть какие-то сведения, сделайте милость, выкладывайте. Вы, разумеется, понимаете, что это для нас значит? Слишком много славы, и славы дурной. Сенсационной. А больница не может позволить себе сенсационности. И думать не хочу о том, как сейчас все это подается в газетах и по трехмернику. А еще будет и полицейское расследование. Они уже шастают по зданию, беседуют с людьми, с которыми не имеют права беседовать, и задают вопросы, которых лучше бы не задавать. Скорее всего, нам теперь не отвертеться от слушаний в конгрессе. Космическая Служба вцепится нам в глотку, желая узнать, что стряслось с Блейком, с

их гордостью и детищем. Не могу же я сказать им, Даниельс, что он превратился в волка!

— Не в волка, сэр. А в чуждое нам существо, похожее на волка. Вспомните: полиция утверждала, что это был волк, из плеч которого торчали руки.

— Никто этого не подтвердил, — прорычал главврач. — Полиция была в панике. Открыть пальбу прямо в вестибюле! Одна из пуль пролетела в каком-то дюйме от сестры приемного покоя и вонзилась в стену над самой ее головой. Эти люди были испуганы, они и сами не знают, что видели. Что вы там говорили про чуждое существо?

Даниельс глубоко вздохнул.

— Сегодня на слушаниях по вопросам биоинженерии свидетель по имени Люкас показал, что он раскопал старые отчеты, из которых явствует, что два столетия назад была изготовлена пара искусственных людей. По его утверждению, бумаги эти он нашел в делах Космической Службы.

— Почему у них? Почему отчеты такого рода...

— Погодите, — сказал Даниельс. — Вы еще не слышали и половины. Эти люди были андроидами с незамкнутыми цепями.

— Господи Боже! — вскричал Уинстон. Он смотрел на Даниельса тусклым взглядом. — Давнишний принцип оборотня! Организм, способный превращаться во все что угодно. Существует древний миф...

— По-видимому, это был не миф, — мрачно произнес Даниельс. — Два андроида действительно были синтезированы и отправлены в космос на исследовательских разведывательных кораблях.

— И вы думаете, что Блейк — один из них?

— Да, я так думаю. Сегодня Люкас показал, что они улетели, и с тех пор летописи молчат о них. Нет никаких упоминаний об их возвращении.

— Это просто бессмыслица, — возразил Уинстон. — Боже мой, прошло двести лет. Если б тогда сделали исправных андроидов, мир сейчас кишел бы ими. Нельзя же выпустить всего двух, а потом похерить весь проект.

— Можно, — отвечал Даниельс. — Если с этими двумя ничего не получилось. Давайте допустим, что не вернулись не только андроиды, но и корабли, на которых они полетели. Может быть, они просто исчезли и

больше не подавали о себе вестей. В таком случае не стали бы делать новых андроидов и засунули бы отчет о неудаче подальше. Вряд ли Космослужба хотела, чтобы кто-нибудь докопался до него.

— Но там не могли знать, что исчезновение кораблей как-то связано с андроидами. В старицу, да и сейчас, корабли, бывает, не возвращаются.

Даниельс покачал головой.

— С одним кораблем может случиться все что угодно. Но два корабля, имеющие нечто общее, два корабля с андроидами на борту... Тут любой предположит, что виной всему андроид. Или что андроид создал какие-то условия...

— Все это не внушиает мне доверия. Я не хочу связываться с Космической Службой. Им вряд ли понравится, если мы попытаемся свалить все на них. Так или иначе, я не вижу связи между этой историей и превращением, как вы считаете, Блейка в волка.

— Я уже говорил вам, что это не волк, — поправил его Даниельс. — Это инопланетное существо, похожее на волка. Допустим, принцип оборотня сработал не так, как они рассчитывали. Предполагалось, что андроид примет облик инопланетного существа, переработает данные, полученные от пленного инопланетянина, и проживет какое-то время в его шкуре. Потом постороннюю информацию сотрут, и он вновь станет гуманидом, готовым к превращению во что-нибудь еще. Но допустим, что...

— Понятно, — сказал Уинстон. — Допустим, что это не сработало. Допустим, что постороннюю информацию стереть не удалось. Допустим, что андроид остался одновременно и человеком, и инопланетянином. Два существа в одном, и он, по желанию, способен становиться одним из них.

— Именно так я и думаю, сэр, — сказал Даниельс. — Но это не все. Мы сняли электроэнцефалограмму Блейка, и она показала, что у него как бы не один разум, а больше. В линиях мозга видны тени других разумов.

Уинстон поднялся из-за стола и принял мерить шагами комнату.

— Надеюсь, вы ошибаетесь, — сказал он. — Я думаю, что ошибаетесь. Это безумие...

— Но это единственное, чем можно объяснить случившееся, — настаивал Даниельс.

— Но один факт по-прежнему необъясним. Блейка нашли замороженным, в капсуле. И никаких следов корабля. Никаких обломков. Как быть с этим?

— Никак, — ответил Даниельс. — Мы не знаем, что случилось. Говоря об обломках, вы подразумеваете, что корабль был уничтожен, но так ли это? К тому же за двести лет обломки разлетелись бы далеко друг от друга. Может часть из них находилась недалеко от капсулы, но их не заметили. В космосе так бывает. Если предмет не отражает света, вы его не разглядите.

— Вы думаете, команда могла догадаться о том, что произошло с Блейком, заморозить его и, сунув в капсулу, катапультировать в пространство? Что это была единственная возможность избавиться от него, не замаррав рук?

— Не знаю, сэр. У нас слишком широкий простор для догадок, и мы не способны с уверенностью определить, какая из них верна. Если команда поступила так, как вы сказали, и избавилась от Блейка, почему тогда не вернулся корабль? Объяснив одно, вы тут же сталкиваетесь с необходимостью объяснить что-то другое, а потом, возможно, и третье, и четвертое... По-моему, это безнадежное дело.

Уинстон перестал вышагивать по комнате, вернулся к столу и сел в кресло. Он протянул руку к аппарату связи.

— Как звали человека, давшего показания?

— Люкас. Доктор Люкас. Имени не помню. Оно должно быть в газетах. Оператор на коммутаторе наверняка знает его.

— По-моему, стоит пригласить сюда и сенаторов, если они смогут прийти. Гортон. Чандлер Гортон. А кто второй?

— Соломон Стоун.

— Хорошо, — сказал Уинстон. — Посмотрим, что они об этом думают. Они и Люкас.

— И Космическую Службу, сэр?

— Нет. Не сейчас. Сначала надо побольше узнать, а уж потом связываться с Космос службой.

## Глава 14

Щебенка предательски осыпалась под лапами Охотника, словно не желая пускать его к пещере, однако ему все же удалось подняться и втиснуться в щель, а затем и повернуться головой к выходу.

Теперь, когда его бока и спина были защищены, он впервые ощущил себя более или менее в безопасности, хотя и отдавая себе отчет, что безопасность его — всего лишь иллюзия. Вполне вероятно, даже сейчас обитатели этой планеты продолжают охоту на него, и тогда очень скоро они начнут прочесывать этот район. Ведь то металлическое создание — оно наверняка заметило его и неспроста бросилось за ним, рассекая воздух и высвечивая его горящими глазами. От воспоминания о том, как он едва успел укрыться за деревьями, Охотника передернуло. Всего несколько футов отделяло его от страшного существа, еще немного, и оно задавило бы его.

Он приказал телу расслабиться.

Его разум отправился на разведку, выискивая, собирая, проверяя информацию. Да, на планете существовала жизнь, причем гораздо богаче, чем можно было ожидать. Жизнь на уровне крошечных неподвижных организмов, не наделенных разумом, все действия которых сводились к факту существования. И маленькие носители разума — подвижные, суетливые, настороженные. Интеллект их оказался настолько слабым и бесплодным, что сознание практически не поднималось

до осмыслиения собственной жизни и угрожающих ей опасностей. Одно из существ, жуткое, злобное и очень голодное, кого-то искало, охотилось, подталкиваемое красной волной убийства, пульсирующей у него в мозгу. Три других существа забились в одно укрытие, и по ощущению довольства, уюта и теплоты, исходящему от них, было ясно, что укрытие вполне надежно и удобно. И еще другие существа, и еще, и еще... Это была жизнь, и некоторые формы ее обладали разумом. Но ничего похожего на то резкое, яркое и пугающее ощущение, которое вызывали существа, обитающие в наземных пещерах.

Запущенная планета, подумал Охотник, переполненная жизнью, водой, растительностью, со слишком плотным и тяжелым воздухом и чересчур жарким климатом. Мир, где нет ни покоя, ни безопасности, одно из тех мест, где постоянно надо держать наготове все чувства и где, несмотря на это, неизвестная опасность может проскользнуть через все заслоны и схватить тебя за горло.

Приглушенно стонали деревья, и, вслушиваясь в эти звуки, Охотник не мог понять, откуда исходит стон. Лежа в пещере и размышляя, он понял, что звук этот — шуршание листьев и скрежет ветвей, а сами деревья не способны издавать звуки, что деревья и прочая растительность на этой планете, называемой Землей, наделены жизнью, но не разумом и чувствами. И что пещеры были постройками, и что люди объединялись не в племена, а в ячейки, именуемыми семьями, и что постройка, в которой живет семья, называется домом.

Информация нахлынула на него, словно цунами, сомкнулась над ним, и, на миг поддавшись панике, он вдруг почувствовал, что тонет в ней, но напрягся, рванулся вверх — и волна исчезла. Однако в его разуме осталось все знание о планете, каждый бит информации, которой владел Оборотень.

— Извини, — сказал Оборотень. — Следовало бы передать тебе все постепенно, чтобы ты ознакомился с данными и попробовал их классифицировать, но у меня не было времени. Пришлось дать тебе все сразу. Теперь это все твое.

Охотник окинул приобретенное знание оценивающим взглядом и содрогнулся при виде горы перемешавшихся, перепутавшихся между собой данных.

— Многие из них устарели, — сказал Оборотень. — Многое не знаю и я сам. Сведения о планете, которые ты получил, состоят из того, что я знал двести лет назад, и узнанного после возвращения. Мне хочется, чтобы ты обязательно помнил: информацию эту нельзя считать исчерпывающей, а часть ее сегодня может оказаться просто бесполезной.

Охотник сел на каменный пол пещеры и еще раз прощупал темноту леса, подтянул, подправил сигнальную сеть, которую он развесил во всех направлениях.

Отчаяние охватило его. Тоска по родной планете со снежными и песчаными дюнами, на которую нет возврата. И, возможно, никогда не будет. Он обречен жить здесь, в этом хаосе жизни и опасностей, не зная, куда идти и что делать. Преследуемый доминирующим видом жизни на планете, видом, как выяснилось, куда более опасным, чем можно предположить. Существами коварными, безжалостными, нелогичными, отягощенными ненавистью, страхом и алчностью.

## Глава 15

— Оборотень, — позвал он, — а что стало с тем моим телом, в котором я жил до того, как пришли вы, люди? Я помню, вы захватили его.

— При чем здесь я? Я его не ловил. И ничего с ним не делал.

— Не надо со мной играть в вашу человеческую казуистику. Пусть не ты, не ты лично, и все же...

— Охотник, — сказал Мыслитель. — Мы все втроем в одной ловушке, если это можно считать ловушкой. Я склонен думать, что мы оказались в уникальной ситуации, которая, не исключено, обернется для нас выигрышем. У нас одно тело, а наши разумы так близки, как не были никогда близки другие разумы. И нам нельзя ссориться: между нами не должно быть разногласий, мы просто не можем себе их позволить. Мы должны сосуществовать в гармонии друг с другом. И если есть какие-то разногласия, их надо устраниć немедленно, чтобы они потом не дали о себе знать.

— Именно это, — сказал Охотник, — я и делаю. Выясняю то, что меня беспокоит. Что стало с тем первым мной?

— То первое тело, — ответил Оборотень, — подверглось биологическому анализу. Его исследовали, разложив на молекулы. Собрать его обратно невозможно.

— Другими словами, вы меня убили.

— Если ты предпочитаешь это слово.

— И Мыслителя?

— И Мыслителя тоже. Его первым.  
— Мыслитель, — обратился Охотник, — и ты это принимаешь?

— У меня нет готового ответа. Я должен обдумать. Естественно, совершенное над личностью насилие должно вызывать неприятие. Однако я склонен рассматривать случившееся скорее как преображение, чем насилие. Если б со мной не произошло того, что произошло, я бы никогда не смог оказаться в твоем теле или соприкоснуться с твоим разумом. И твое знание, собранное со звезд, миновало бы меня, что было бы прискорбно, поскольку прежде оно было недоступно... А возьмем тебя. Если бы люди не сделали с тобой того, что сделали, ты никогда не познал бы значения картин, которые ты наблюдал там, на звездах. Ты просто продолжал бы собирать их и наслаждаться ими и никогда, может быть, не задумался бы над ними. Я не могу представить себе ничего более трагичного — быть на пороге великой тайны и даже не задуматься над ней.

— Я не уверен, — сказал Охотник, — что предположил бы тайну чуду.

— Неужели тебя не увлекает необычность ситуации? — спросил Мыслитель. — Мы трое — вместе. Три существа, столь разные, столь непохожие друг на друга. Ты, Охотник, буй и разбойник; коварный, хитроумный Оборотень и я...

— И ты, — добавил Охотник, — всезнающий, дальновидный...

— ...правдоискатель, — закончил Мыслитель. — Именно это я собирался сказать.

— Если кому-то из вас от этого станет легче, — сказал Оборотень, — я готов принести извинения за человеческую расу. Во многих отношениях люди мне нравятся не более, чем вам.

— И правильно, — согласился Мыслитель. — Потому что ты не человек. Ты нечто созданное людьми; ты агент человеческой расы.

— И все-таки, — возразил Оборотень, — надо же быть кем-то. Лучше я буду человеком, чем совсем никем. Одиночество невыносимо.

— Ты не одинок, — сказал Мыслитель. — Теперь нас трое.

— Все равно, — упрямился Оборотень, — я настаиваю на том, что я человек.

— Я не понимаю, — сказал Мыслитель.

— А я, кажется, понимаю, — сказал Охотник. —

Там, в больнице, я почувствовал что-то такое, чего не ощущал никогда прежде, чего давным-давно не испытывал ни один Охотник. Гордость расы и, более того, боевой дух расы, который был запрятан так глубоко во мне, что я о нем даже не подозревал. Мне кажется, Оборотень, что некогда моя раса была такой же задиристой, как твоя сегодня. Принадлежностью к такой расе надо гордиться. Она дает силу, осанку и в значительной мере самоуважение. Это нечто такое, чего Мыслителю и его виду никогда не ощутить.

— Моя гордость, если я таковой обладаю, — отозвался Мыслитель, — наверное, другого рода и проистекает из других мотивов. Но я ни в коей степени не исключаю существования множества видов гордости.

Охотник вдруг обратил свое внимание на склон и на лес, встревоженный запахом опасности, о которой предупредила расставленная им сигнальная сеть.

— Тихо! — приказал он.

Где-то вдалеке он уловил едва слышные сигналы и сосредоточился на них. Шли трое, три человека, затем их стало больше — целая шеренга людей прочесывала лес. В том, что именно они ищут, сомневаться не приходилось.

Он перехватил размытые закраины их перекатывающихся волнами мыслей: люди были напуганы, но полны ярости и отвращения, усиленного ненавистью. Помимо злости и ненависти, их подгонял азарт погони, странное дикое возбуждение, которое заставляло их искать существо, ставшее причиной страха, — искать, чтобы найти и убить.

Охотник напряг тело и приподнялся, готовый броситься прочь из пещеры. Есть только один способ спастись от этих людей, подумал он, — бежать, бежать, бежать.

— Подожди, — сказал Мыслитель.

— Сейчас они будут здесь.

— Не спеши. Они идут медленно. Возможно, есть лучшее решение. Нельзя убегать вечно. Одну ошибку мы уже сделали. Другой быть не должно.

— О какой ошибке ты говоришь?

— Нам не следовало превращаться в тебя. Надо было остаться Оборотнем. Мы превратились, поддавшись слепому страху.

— Но тогда мы не знали. Увидели опасность и спретагировали. Нам угрожали...

— Я мог что-нибудь придумать, — сказал Оборотень. — Но, может быть, так лучше. Меня уже подозревали. Наверняка установили бы за мной наблюдение. Или заперли бы. А так мы, по крайней мере, на свободе.

— Если будем и дальше убегать, — возразил Мыслитель, — нас хватит ненадолго. Их слишком много — слишком много на этой планете. От всех не спрятаться. Невозможно уклониться от всех и каждого. Математически шансы так малы, что на них не стоит рассчитывать.

— У тебя есть какая-то идея? — спросил Охотник.

— Предлагаю превратиться в меня. Я могу стать бугром или чем-то незаметным, например, камнем в этой пещере. Заглянув сюда, они не увидят ничего необычного.

— Погоди-ка, — сказал Оборотень, — идея неплохая, но могут возникнуть осложнения.

— Проблемы?

— Ты должен был бы уже разобраться. Не проблемы, а проблема. Климат планеты. Для Охотника здесь слишком жарко. Для тебя будет слишком холодно.

— Холод — это недостаток тепла?

— Да.

— Недостаток энергии?

— Правильно.

— Трудно сразу запомнить все термины, — сказал Мыслитель. — Все надо разложить по мысленным полочкам, усвоить разумом. Однако я могу выдержать немного холода. А ради общего дела постараюсь выдержать много холода.

— Дело не в том, выдержишь ты или нет. Конечно, ты можешь выдержать. Но для этого тебе потребуется огромное количество энергии.

— Когда в тот раз я возник в доме...

— Ты мог воспользоваться энергоснабжением дома. Здесь же энергию брать неоткуда, разве что из атмосферного тепла. Но и его становится все меньше и меньше, так как солнце давно село. Тебе придется рассчитывать на энергию тела. Внешних источников нет.

— Теперь понятно, — сказал Мыслитель. — Но ведь я могу принять такую форму, которая позволит сэкономить энергию тела. Я могу удержать ее. При превращении вся энергия, которая сейчас останется в теле, перейдет ко мне?

— Думаю, что да. Какая-то часть энергии уходит на само перевоплощение, но, мне кажется, небольшая.

— Как ты себя чувствуешь, Охотник?

— Мне жарко.

— Я не о том. Ты не устал? Не испытываешь нехватку энергии?

— Нет.

— Будем ждать, — объявил Мыслитель, — пока они не подойдут почти вплотную. Затем превращаемся в меня, а я становлюсь ничем или почти ничем. Бесформенным комом. Лучше всего было бы растечься по стенам пещеры тонкой оболочкой. Но при такой форме я потрачу слишком много энергии.

— Они могут не заметить пещеры, — возразил Оборотень. — Могут пройти мимо.

— Нельзя рисковать, — сказал Мыслитель. — Я буду собой не дольше, чем это нам необходимо. Как только они пройдут, мы совершим обратное превращение. Если ты не ошибся в своих оценках.

— Попробуй просчитай сам, — предложил Оборотень. — Все данные я тебе передал. А физику и химию ты знаешь не хуже меня.

— Данными я владею, Оборотень. Но не навыком использовать их. Равно как не владею твоим образом мышления, твоей способностью к математике, твоим умением быстро схватывать универсальные принципы.

— Прекращайте болтовню, — нетерпеливо оборвал их Охотник. — Давайте решать, что нам делать. Они идут, и мы превратимся в меня.

— Нет, — возразил Оборотень, — в меня.

— Но у тебя нет одежды.

— Неважно.

— А ноги? Тебе нужна обувь. Кругом острые камни и палки. И потом, твои глаза не приспособлены к темноте.

— Они совсем близко, — предупредил Мыслитель.

— Ты прав, — сказал Охотник. — Они спускаются сюда.

## Глава 16

До начала ее любимой трехмерной программы осталось пятнадцать минут. Элин дожидалась ее целый день, потому что Вашингтон наскучил ей. Элин уже не терпелось вернуться в старый каменный дом среди холмов Вирджинии.

Она взяла журнал и принялась бесцельно листать его, когда вошел сенатор.

— Чем сегодня занималась? — спросил он.

— Какое-то время следила за ходом слушаний.

— Неплохой спектакль?

— Очень интересно. Не пойму только, зачем ты извлек на свет это дело двухсотлетней давности.

Он усмехнулся.

— Ну, наверное, отчасти для того, чтобы встряхнуть Стоуна. Я не могу смотреть на его физиономию. Думал, у него глаза лопнут.

— Он только и делал, что сидел и сверкал ими, — сказала Элин. — Ты, я полагаю, доказывал, что биоинженерия — вовсе не такая новая штука, как считает большинство людей.

Он сел в кресло, взял газету и взглянул на яркие заголовки.

— Да, — ответил он. — И еще я доказывал, что биоинженерия возможна, что она уже применялась, и довольно искусно, два столетия назад. И что однажды с испугу забросив ее, мы не должны трусить опять. Подумать только, сколько времени мы потеряли —

двести лет! У меня есть и другие свидетели, которые достаточно убедительно обрисуют это обстоятельство.

Он встяжнул газету, расправляя ее, и принялся за чтение.

— Мать улетела благополучно? — спросил он.

— Да, самолет поднялся незадолго до полудня.

— На сей раз Рим, не так ли? Что там, кино, поэзия?

— Кинофестиваль. Кто-то отыскал старые фильмы, кажется, конца двадцатого века.

Сенатор вздохнул.

— Твоя мать — умная женщина, — сказал он. — И способна оценить такие вещи, а я, боюсь, нет. Она говорила, что возьмет меня с собой. Возможно, тебе было бы интересно посмотреть Рим.

— Ты же знаешь, что мне это неинтересно, — ответила она. — Ты просто старый жулик: притворяешься, будто тебе нравится то, что любит мама, хотя тебе нет до этого никакого дела.

— Наверное, ты права, — согласился сенатор. — Что там по трехмернику? Может, я втиснусь в будку вместе с тобой?

— Тебе отлично известно, что места там вдоволь. Милости прошу. Я жду Горацию Элджера. Минут через десять начнется.

— Горацио Элджер? Это что такое?

— Ты бы, наверное, назвал это сериалом. Он никогда не кончается. Горацио Элджер — тот, кто его сочинил. Он написал много книг, давно, в первой половине двадцатого века, а может, еще раньше. Тогдашние критики считали, что это дрянные книжки, и, наверное, так оно и было. Но их читало множество людей, и, по-видимому, книги вызывали в них какой-то отклик. В книгах говорилось, как бедный парень разбогател, хотя все было против него.

— По-моему, пошлятина, — сказал сенатор.

— Вероятно. Но режиссеры и сценаристы взяли эти дрянные книжки и превратили в документ общественной жизни, вплетя в историю немало сатиры. Они чудесно воссоздали фон; декорации в большинстве своем относятся, я думаю, к концу девятнадцатого или началу двадцатого века. И не только предметный фон, но и социальный, и нравственный... Это были времена Варварства, ты знаешь? В фильме человек попадает в такие положения, что кровь стынет...

Послышался гудок телефона, и видеоканал заморгал. Поднявшись с кресла, сенатор пересек комнату, а Элин устроилась поудобнее. Еще пять минут, и начнется передача. Хорошо, что сенатор будет смотреть с ней вместе. Она надеялась, что его не отвлекут какие-нибудь события, вроде этого телефонного звонка. Она листала журнал. За спиной ее приглушенно звучали голоса собеседников.

— Я должен ненадолго уйти, — сказал, возвращаясь, сенатор.

— Горацио пропустишь.

Он покачал головой.

— В другой раз посмотрю. Звонил Эд Уинстон из Сент-Барнабаса.

— Из больницы? Что-то стряслось?

— Никто не болен, если ты об этом. Но Уинстон, похоже, в расстройстве. Говорит, надо встретиться. Не пожелал ввести меня в курс по телефону.

— Ты недолго? Возвращайся пораньше. Тебе надо выпасть: эти слушания...

— Постараюсь, — сказал он.

Элин проводила его до двери, помогла надеть плащ и вернулась в гостиную.

Больница, подумала она. Услышанное пришлось ей не по нраву. Какое отношение мог иметь сенатор к больнице? При мысли о больнице она всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Не далее как сегодня Элин была в этой самой лечебнице. Она не хотела идти туда, но теперь была рада, что сходила. Бедняге Блейку действительно нелегко, думала она. Не знать, кто ты такой, не знать, что ты такое...

Она вошла в будку трехмерника и села в кресло; впереди и по бокам поблескивал вогнутый экран. Элин нажала кнопки, повернула диск, и экран заморгал, нагреваясь.

Странно, как это мать восторгается старинными фильмами, — плоскими, лишенными объема изображениями? И хуже всего, уныло подумала она, что люди, которые прикидываются, будто находят в старом особую ценность, презирают новейшие развлечения, заявляя, что в них-де нет никакого искусства. Быть может, спустя несколько веков, когда разовьются новые формы развлечений, трехмерник тоже переживет свое вто-

рое рождение — как древнее искусство, недооцененное в пору его расцвета.

Экран перестал мигать, и Элин «очутилась» на улице в центре города. «...Никто пока не может предложить каких-либо объяснений тому, что произошло здесь менее часа назад, — услышала она голос. — Поступают противоречивые сообщения, и до сих пор нет двух полностью совпадающих версий. Больница начинает успокаиваться. Сообщают, что один пациент пропал, но это сообщение пока не подтверждено. По свидетельству большинства очевидцев, какое-то животное — некоторые утверждают, что это волк, — в ярости пронеслось по коридору, бросаясь на всех, кто стоял у него на пути. Один свидетель говорит, что из волка, если это был волк, торчали руки. Прибывшая полиция открыла пальбу, изрешетив пулями приемный покой...»

Элин затаила дыхание. Сент-Барнабас! Это было в Сент-Барнабасе. Она была там, навещала Эндрю Блейка, и ее отец сейчас на пути туда. Что же происходит?

Элин привстала с кресла, но потом снова села. Она ничего не могла сделать. И не должна была делать. Сенатор сумеет позаботиться о себе: он всегда это умел.

Да и животное это, по-видимому, уже убежало из больницы. Если она немного подождет, то увидит, как ее отец вылезает из машины и поднимается по лестнице.

Она стояла, дрожа как на ледяном ветру.

## Глава 17

Скользя по осыпавшейся щебенке, выстилавшей склон вокруг пещеры, люди приближались. Луч света пронзил каменную нишу.

Мыслитель уплотнился и ослабил поле. Он понимал, что поле может его выдать, но оно составляло часть самого Мыслителя, и вовсе без него он не мог существовать. Тем более здесь, в обстоятельствах, когда охлаждающаяся атмосфера с жадностью высасывает из него энергию.

«Мы должны быть самими собой, — подумал он. — Нам не стать больше или меньше, чем мы есть, если не пройти через долгий, медленный процесс эволюции. Однако можно ли допустить, чтобы тысячелетия сплавили три различных разума в один? Чтобы этот разум был наделен эмоциями, которых я не имею, но осознаю, и холодной и отстраненной логикой, которой не владеют мои компаньоны, но владею я, и обостренной пронзительностью Охотника, недоступной ни мне, ни Оборотню. Только слепая случайность свела наши три разума, поместила их в массу вещества, которое можно превратить в тело, — какова вероятность, что такое случилось бы в будущем само по себе? Мы — результат слепого случая или судьбы? Есть ли судьба? Что такое судьба? Возможно ли, что существует некий огромный, всеобъемлющий вселенский План и что ход событий, объединивший три разума, является собой часть этого Плана, необходимый шаг в цепи шагов, которыми

План приближается к своей невероятно далекой, но всегда существовавшей цели?»

Камни осыпались под ногами, и человек, сопротивляясь стаскивающей его вниз силе тяжести, цеплялся за землю пальцами. Фонарик в его руке прыгал и вздрагивал, описывая лучом судорожные дуги.

Человек оперся локтем о карниз и заглянул в пещеру.

— О-хо, — выдохнул он и закричал: — Эй, Боб, здесь какой-то чудной запах. В пещере кто-то был. Совсем недавно.

Мыслитель расширил поле, резко двинул его вперед. Оно обрушилось на человека, словно кулак боксера, выбило из-под него локоть, удерживающий его на карнизе, и швырнуло прочь. Перевернувшись и потеряв опору, человек издал крик — один вопль ужаса, выдавленный легкими. Затем его тело рухнуло на склон и покатилось. Мыслитель чувствовал, как оно катится, увлекая за собой камни, — они осыпались, стуча по скале, и сухие сучья трещали и хрустели. Затем стук и треск прекратились, а снизу донесся всплеск.

Люди бросились вниз по склону, размахивая фонариками, высвечивая из темноты кусты и блестящие стволы деревьев.

Раздались голоса:

— Боб, с Гарри что-то случилось!

— Точно, он кричал.

— Он полетел вниз, в ручей. Я слышал, как он плюхнулся.

Стараясь замедлить головокружительный спуск по откосу, люди пронеслись мимо пещеры. Пять фонарей уже бешено шарили внизу под горой, и несколько человек бродили по ручью.

— А что теперь? — спросил Охотник. — Слышал, что он там вопил? Пока они отвлеклись, но кто-нибудь обязательно вспомнит про пещеру. Несколько человек поднимутся обратно. И могут начать стрелять.

— Я тоже так думаю, — согласился Оборотень. — Они попытаются разобраться. Тот тип, который упал...

— Упал! — фыркнул Мыслитель. — Я столкнул его.

— Ну хорошо. Тот тип, которого ты столкнул, успел их предупредить. Возможно, он учゅял запах Охотника.

— Я не пахну, — обиделся Охотник.

— Ну, это уж слишком, — сказал Мыслитель. — У каждого из нас, я полагаю, тело обладает отличитель-

ным запахом. И твоя биологическая форма находилась здесь достаточно долго, чтобы ее запах пропитал пещеру.

— А может быть, это твой запах, — возразил Охотник. — Не надо забывать...

— Хватит, — оборвал их Оборотень. — Какая разница, кого из нас он учゅял. Вопрос в том, что делать дальше. Мыслитель, ты смог бы превратиться во что-нибудь тонкое и плоское, выбраться отсюда и вскарабкаться по склону?

— Сомневаюсь. На этой планете слишком холодно. Я быстро теряю энергию. Если я увеличу площадь моего тела, энергия будет тратиться еще быстрее.

— Надо решить, — сказал Охотник, — как поддерживать в теле необходимый запас энергии. Оборотню придется есть за нас. Усваивая пищу, которая есть на этой планете, он будет снабжать нас энергией. Для чего ему надо будет оставаться в его обличьи по крайней мере столько, сколько требуется для пищеварения. Некоторыми источниками энергии может воспользоваться Мыслитель. Что касается меня, похоже, здесь нет пригодной для меня пищи, и моя жизненная форма, видимо...

— Все так, — перебил Оборотень, — но об этом еще будет время поговорить. А пока давайте решим, что делать сейчас. Судя по всему, нам надо превращаться в Охотника. Меня они заметят. Белое тело сразу бросится в глаза. Ты готов, Охотник?

— Конечно, готов, — отозвался Охотник.

— Отлично. Выползай из пещеры и двигайся вверх по склону. Спокойно и тихо. Но как можно быстрей. Их отряд весь собрался внизу, и, если ты себя не выдашь, мы вряд ли натолкнемся на кого-либо из них.

— Вверх? — спросил Охотник. — А куда потом?

— Беги по любой из дорог, — ответил Оборотень, — пока мы не встретим телефон-автомат.

## Глава 18

— Если ваша мысль верна, — сказал Чандлер Гортон, — мы должны немедленно разыскать Блейка.

— Почему вы думаете, что это Блейк? — спросил главврач. — Не Блейк же убежал из больницы. Если Даниельс прав, то это инопланетное существо.

— Но там был и Блейк, — возразил Гортон. — Поначалу он мог принять облик инопланетного существа, а потом превратиться в Блейка.

Сенатор Стоун, нахохлившись в большом кресле, зашипел на ГORTона:

— Если вас интересует мое мнение, то все это чушь.

— Разумеется, нас интересует, что вы думаете, — отвечал Гортон. — Но мне очень хочется, Соломон, чтобы ваше мышление хоть раз принесло немного пользы.

— Какая тут может быть польза? — вскричал Стоун. — Какая-то детская инсценировка. И я еще в ней не разобрался, но знаю, что так оно и есть. Я готов держать пари, что за всем этим стоите вы, Чандлер. Вечно вы выкидываете трюки. Вот и подстроили все, чтобы что-то доказать! Я больше чем уверен в этом. Я сразу понял, что дело нечисто, еще когда вы позвали в свидетели этого шута Люкаса.

— Доктора Люкаса, с вашего разрешения, сенатор, — поправил Гортон.

— Ладно, пусть доктора Люкаса. Что ему об этом известно?

— Давайте выясним, — сказал Гортон. — Доктор Люкас, что вам об этом известно?

Люкас сухо улыбнулся.

— Относительно случившегося в этой больнице — ровным счетом ничего. А что касается высказанного доктором Даниельсом мнения о происшедшем, я должен с ним согласиться.

— Но это лишь предположение, — подчеркнул Стоун. — Доктор Даниельс все это придумал. Браво! У него богатое воображение, из чего не следует, что все произошло так, как ему кажется.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что Блейк был пациентом Даниельса, — сказал главврач.

— И, следовательно, вы верите предположениям доктора.

— Необязательно. Не знаю, что и думать. Но если кто-то имеет право на мнение, так это доктор Даниельс.

— Давайте-ка немного успокоимся, — предложил Гортон, — посмотрим, что у нас есть. По-моему, на выдвинутое сенатором обвинение в инсценировке вряд ли стоит отвечать, однако думаю, что мы должны согласиться: сегодня вечером здесь произошло нечто в высшей степени необычное. Кроме того, я не сомневаюсь, что решение созвать нас всех вместе далось доктору Уинстону нелегко. Он говорит, что не может составить обоснованное мнение, однако доктор, должно быть, чувствовал, что причина для беспокойства есть.

— Я по-прежнему так думаю, — сказал главврач.

— Как я понимаю, этот волк или что-то еще...

Соломон Стоун громко фыркнул. Гортон бросил на него ледяной взгляд.

— ...или что-то еще, — продолжал он, — перебежал через улицу в парк, и полиция погналась за ним.

— Совершенно верно, — сказал Даниельс. — Они там до сих пор стараются загнать его. Какой-то дурак водитель ослепил его фарами, когда он перебегал дорогу, и попытался задавить.

— Разве не ясно, что всему этому надо положить конец? — сказал Гортон. — Похоже, вся округа сорвалась с катушек...

— Поймите, — объяснил главврач, — все это выглядело сплошным безумием. Никто не мог сохранить хладнокровие.

— Если Блейк — то, чем считает его Даниельс, — сказал Гортон, — мы должны вернуть его. Мы потеряли двести лет развития человеческой биоинженерии только потому, что проект Космической Службы, как считали, провалился. И поэтому его замалчивали. И замалчивали, надо подчеркнуть, настолько успешно, что о нем забыли. Миш, легенда — вот и все, что от него осталось. Однако теперь ясно, что проект не был неудачным. И где-то в лесах сейчас, должно быть, бродит доказательство его успеха.

— Провалиться-то он провалился, — сказал доктор Люкас. — Он не сработал так, как хотела Космическая Служба. Думается, догадка Даниельса верна: если характеристики инопланетянина введены в андроида, их не сотрешь. Они стали постоянным свойством самого андроида. И вот он превратился в два существа — человека и инопланетянина. Во всех отношениях — как в телесном, так и с точки зрения устройства своего разума.

— Кстати, о разуме, сэр. Будет ли мышление андроида искусственным? — спросил главврач. — Я имею в виду специально разработанный и введенный в него разум.

Люкас покачал головой.

— Сомневаюсь, доктор. Это еще довольно сырой метод. В отчетах — по крайней мере, в тех, что я видел, — об этом не упоминается, но я предполагаю, что в мозг андроида был введен разум реального человека. Даже в те времена такое оказалось технически осуществимым. Как давно были созданы банки разума?

— Триста с небольшим лет назад, — ответил Гортон.

— Значит, технически они могли осуществить такой перенос. Построение же искусственного разума и сегодня трудное дело, а двести лет назад — и подавно. Думаю, что даже сейчас нам неизвестны все составляющие, необходимые для изготовления уравновешенного разума — такого, который можно назвать человеческим. Мы могли бы синтезировать разум — наверное, могли бы, но это был бы странный разум, порождающий странные поступки, странные чувства. Он не был бы целиком человеческим, не дотягивал бы до человеческого, а может быть, и превосходил его.

— Значит, вы думаете, что Блейк носит в своем мозгу дубликат разума какого-то человека, жившего в те времена, когда Блейка создавали? — спросил Гортон.

— Я почти уверен в этом, — ответил Люкас.

— И я тоже, — сказал главврач.

— В таком случае он человек, — проговорил Гортон. — Или, по крайней мере, обладает разумом человека.

— Я не знаю, как иначе могли снабдить его разумом, — произнес Люкас.

— И тем не менее это чепуха, — сказал сенатор Стоун. — Сроду не слыхал такой чепухи.

Никто не обратил на него внимания. Главврач посмотрел на Гортоня.

— По-вашему, вернуть Блейка жизненно необходимо?

— Да. Пока полиция не убила его, или ее, или в каком он там теле... Пока они не загнали его в такую дыру, где мы его несколько месяцев не найдем, если вообще найдем.

— Согласен, — сказал Люкас. — Подумайте только, сколько он может нам рассказать. Подумайте, что мы можем узнать, изучив его. Если Земля собирается заняться программой человеческой биоинженерии — ныне или в будущем, — тому, что мы сможем узнать от Блейка, цены не будет.

Главврач озадаченно покачал головой.

— Но Блейк — особый случай. Организм с незамкнутыми цепями. Насколько я понимаю, предложенная биоинженерная программа не предусматривает создания таких существ.

— Доктор, — сказал Люкас, — то, что вы говорите, верно, однако любой организованный синтетический...

— Вы тратите время попусту, господа, — сказал Стоун. — Никакой программы человеческой биоинженерии не будет. Я и кое-кто из моих коллег намерены позаботиться об этом.

— Соломон, — устало сказал Гортон, — давайте отложим заботы о политической стороне дела. Сейчас в лесах бродит перепутанный человек, и мы должны найти способ дать ему знать, что не хотим причинить ему вреда.

— И как вы предполагаете это осуществить?

— Ну, это, я думаю, нетрудно. Отзовите загонщиков, потом опубликуйте эти сведения, подключите газеты, электронные средства информации и...

— Думаете, волк будет читать газеты или смотреть трехмерник?

— Скорее всего, он не останется волком, — сказал Даниельс. — Я убежден, что он опять превратится в человека. Наша планета может причинить неудобства инопланетному существу...

— Господа, — сказал главврач. — Прошу внимания, господа.

Все повернулись к нему.

— Мы не можем этого сделать. В такого рода истории больница будет выглядеть нелепо. И так все плохо, а тут еще оборотень! Разве не ясно, какие будут заголовки? Разве не ясно, как повеселится на наш счет пресса?

— А если мы правы? — возразил Даниельс.

— То-то и оно. Мы не можем быть уверенными в своей правоте. У нас может быть сколько угодно причин считать себя правыми, но этого все равно недостаточно. В таком деле нужна стопроцентная уверенность, а у нас ее нет.

— Значит, вы отказываетесь опубликовать такое объявление?

— От имени больницы не могу. Если Космическая Служба даст разрешение, я соглашусь. Но сам я не могу. Даже если правда на моей стороне, все равно Космослужба обрушится на меня, как тонна кирпича. Они поднимут жуткий скандал...

— Несмотря на то, что прошло двести лет?

— Несмотря на это. Разве не ясно, что, если Блейк и вправду то, чем мы его считаем, он принадлежит Космослужбе? Пусть они и решают. Он — их детище, а не мое. Они заварили кашу эту и...

Комната наполнилась громовым хохотом Стоуна.

— Не смотрите на него, Чандлер. Идите и расскажите все газетчикам сами. Разнесите эту весть. Докажите нам, что вы не робкого десятка. Боритесь за свои убеждения. Надеюсь, это вам под силу.

— Уверен, что так, — ответил Гортон.

— Только попробуйте, — вскричал Стоун. — Одно слово на людях, и я подниму вас на воздух! Так высоко, что вы и за две недели не вернетесь на Землю!

## Глава 19

Настырные гудки телефона наконец-то пробились в созданный трехмерником мир иллюзий. Элин Гортон встала, вышла из будки. Телефон попискивал, видеокран сверкал нетерпеливыми вспышками. Элин добрались до него, включила аппарат на прием и увидела обращенное к ней лицо, слабо освещенное плохонькой лампочкой в потолке телефона-автомата.

- Эндрю Блейк? — в изумлении вскрикнула она.
- Да, это я. Видите ли...
- Что-то случилось? Сенатора вызвали в...
- Кажется, у меня маленькие неприятности, — сказал Блейк. — Вы, вероятно, слышали о происшедшем.
- Вы о больнице? Я немного посмотрела, но смотреть оказалось не на что. Какой-то волк. И, говорят, исчез один из пациентов, кажется... — Она задохнулась. — Один из пациентов исчез! Это они о вас, Эндрю?
- Боюсь, что да. И мне нужна помощь. Вы — единственная, кого я знаю, кого могу попросить...
- Что я должна сделать, Эндрю? — спросила она.
- Мне нужна какая-нибудь одежда, — сказал он.
- Вы что же, покинули лечебницу без одежды? На улице же холодно...
- Это длинная история, — сказал он. — Если вы не хотите мне помочь, так и скажите. Я пойму. Мне неохота впутывать вас, но я понемногу замерзаю. И я бегу...

- Убегаете из больницы?
- Можно сказать, да.
- Какая нужна одежда?
- Любая. На мне ничего нет.

На миг она заколебалась. Может, попросить у сенатора? Но его нет дома. Он не вернулся из больницы, и неизвестно, когда вернется.

Когда она заговорила снова, голос ее звучал спокойно и четко:

— Дайте-ка сообразить. Вы исчезли из больницы, без одежды, и не собираетесь возвращаться. По вашим словам, вы в бегах. Значит, кто-то за вами охотится?

— Какое-то время за мной гналась полиция, — ответил он.

— Но сейчас не гонится?

— Нет, не гонится. Мы от них ускользнули.

— Мы?

— Я оговорился. Я хочу сказать, что улизнул от них. Она глубоко вздохнула, набираясь решимости.

— Где вы?

— Точно не знаю. Город изменился с тех пор, когда я знал его. Думаю, я на южном конце старого Тафтского моста.

— Оставайтесь там, — сказала она. — И ждите мою машину. Я замедлю ход и буду высматривать вас.

— Спасибо...

— Минутку. Я тут подумала... Вы из автомата звоните?

— Совершенно верно.

— Чтобы такой телефон действовал, нужна монетка.

Где же вы ее взяли, на вас же нет одежды?

На его лице появилась грустная улыбка.

— Монетки тут падают в маленькие коробочки. Я воспользовался камнем...

— Вы разбили коробочку, чтобы достать монетку и позвонить по телефону?

— Преступник, да и только, — сказал он.

— Ясно. Тогда лучше дайте мне номер телефонной будки и держитесь поблизости, чтобы я могла позвонить, если не сумею отыскать вас.

— Сейчас, — он взглянул на табличку над телефоном и вслух прочел номер.

Элин отыскала карандаш и записала цифры на полях газеты.

— Вы понимаете, что искушаете судьбу? — спросила она. — Я держу вас на привязи у телефона, а по номеру можно узнать, где он.

Блейк скрчил кислую мину.

— Понимаю, но приходится рисковать. У меня же нет никого, кроме вас.

## Глава 20

— Человек, с которым ты говорил, — женская особь? — спросил Охотник. — Она женщина, правильно?

— Женщина, — подтвердил Оборотень. — Еще какая. Я имею в виду, красивая женщина.

— Мне трудно ухватить оттенки смысла, — сказал Мыслитель. — Я не сталкивался раньше с этим понятием. Женщина — это существо, к которому можно выражать свою приязнь? Влечеение, насколько я могу судить, должно быть взаимным. Женщине можно доверять?

— Когда как, — ответил Оборотень. — Это зависит от многих вещей.

— Твое отношение к самкам мне непонятно, — проговорил Охотник. — Что они такое? Не более чем продолжатели рода. В соответствующий момент и время года...

— Твоя система неэффективна и отвратительна, — добавил Мыслитель. — Когда мне надо, я сам продолжаю самого себя. Вопрос, который я задал, связан не с социальной или биологической ролью женщины, а с тем, можем ли мы довериться именно ей?

— Не знаю, — ответил Оборотень. — Думаю, что да. И я уже сделал ставку на это.

Дрожа от холода, он укрылся за кустами. Зубы начинали выбивать дробь. С севера дул ледяной ветер. Впереди, напротив Блейка, стояла телефонная будка с

чуть подсвеченнной тусклой надписью. За будкой тянулась пустынная улица, по которой изредка с шуршанием проносились наземные автомобили.

Блейк присел на корточки, вжимаясь в кусты. Господи, подумал он, ну и положение! Сидеть здесь голым, наполовину окоченевшим и ждать девушку, которую видел всего два раза в жизни, и почему-то надеяться, что она принесет ему одежду.

Он вспомнил телефонный звонок и поморщился. Ему пришлось собрать всю свою решимость, чтобы застать себя позвонить, и, если б она не стала с ним разговаривать, он бы не осудил ее. Но она выслушала его. Испуганно, конечно, и, может быть, с некоторым недоверием, как любой бы на ее месте, когда звонит едва знакомый человек и обращается с дурацкой просьбой. Никаких обязательств перед ним у нее не было. Он это понимал. Но еще более нелепой ситуацию делало то, что Блейк уже второй раз вынужден просить у дочери сенатора одежду. Только в этот раз к себе он не пойдет. Полиция наверняка уже караулит у дома.

Дрожа и тщетно пытаясь сохранить тепло тела, Блейк обхватил себя руками. С неба донесся рокот, и он быстро посмотрел вверх. Над деревьями, постепенно снижаясь, — по всей видимости, направляясь на одну из посадочных площадок города, — летел дом. В окнах горел свет, смех и музыку слышно было даже на земле. Счастливые, беззаботные люди, подумал Блейк, а он сидит тут, скрючившись и окоченев от холода.

Ну а что потом? Что делать им троим потом? После того, как он получит одежду?

Судя по Элин, средства массовой информации еще не объявили, что он тот самый человек, который сбежал из клиники. Но еще несколько часов — и сообщение появится. И тогда его лицо будет красоваться на каждой газетной странице. На каждом экране. В этом случае рассчитывать на то, что его не узнают, не приходится. Конечно, тело можно передать Мыслителю или Охотнику, и проблема опознания отпадет, но при этом любому из них надо будет избегать человеческого общества еще тщательней, чем ему. И климат против них — для Мыслителя слишком холодный, для Охотника чересчур жаркий, — и еще одна сложность, связанная с тем, что поглощать и накапливать необходимую для тела энергию мог только он. Возможно, существует пища, с которой справится Охотник, но, чтобы выяснить это, ее

надо найти и попробовать. Есть места, расположенные вблизи энергоисточников, и Мыслитель мог бы там зарядиться, но добраться до них и при этом оставаться незамеченным очень трудно.

А может, самое безопасное сейчас — попытаться связаться с Даниэльсом? Блейк подумал и решил, что такой шаг будет наиболее разумным. Ответ, который он получит, известен заранее: вернуться в больницу. А больница — это западня. Там на него обрушат бесконечные интервью и, вероятно, подвергнут лечению. Его освободят от заботы о самом себе. Его станут вежливо охранять. Его сделают пленником. А он должен осться собой.

Кем это — «собой»? Это значит, конечно, не только человеком, но и теми двумя существами. Даже если бы он захотел, ему никогда не избавиться от двух других разумов, которые вместе с ним владеют данной массой вещества, служащей им телом. И, хотя ему прежде не приходилось об этом задумываться, Блейк знал: он не желает избавляться от этих разумов. Они так близки ему, ближе, чем что-либо в прошлом и настоящем. Это друзья, или не совсем друзья, а, скорее, партнеры, связанные единой плотью. Но даже если б они не были друзьями и партнерами, существовало еще одно соображение, которое он не мог не принимать во внимание. Именно Блейк, и никто иной, втянул их в эту невероятную ситуацию, и потому у него нет другого пути, кроме как быть с ними вместе до конца.

Интересно, приедет Элин или сообщит в полицию и клинику? И даже если она выдаст его, он не сможет ее осудить. Откуда ей знать, не свихнулся ли он слегка, а может, и не слегка? Не исключено, что она донесет на него, полагая, что действует ему во благо. В любой момент можно ждать сирены полицейской машины, которая извергнет из себя ораву блюстителей порядка.

— Охотник, — позвал Оборотень, — похоже, у нас неприятности. Она слишком задерживается.

— Что-нибудь придумаем. Подведет нас она — найдем другой выход.

— Если появится полиция, — сказал Оборотень, — превращаемся в тебя. Мне от них ни за что не убежать. В темноте я плохо вижу, ноги сбиты, а...

— В любой момент, — согласился Охотник. — Я готов. Только дай знать.

Внизу, в поросшей лесом долине, захныкал енот. Волна дрожи прокатилась по телу Блейка. «Еще десять минут, — решил он. — Дам ей еще десять минут. Если за это время она не появится, мы отсюда уходим».

Жалкий и растерянный, Блейк сидел в кустах, физически ощущая свое одиночество. Чужак, подумал он. Чужак в мире существ, форму которых имеет. А есть ли вообще для него место, спросил Блейк себя, не только на этой планете, но во Вселенной? «Я человек, — сказал он тогда Мыслителю. — Я настаиваю на том, что я человек». А по какому, собственно, праву настаиваю?

Время тянулось медленно. Енот молчал. Где-то в лесу по-особенному чиркнула птица, — какая опасность, реальная или почудившаяся, разбудила ее?

На мостовой показалась машина. Остановилась у тротуара напротив телефонной будки. Мягко просигналил гудок.

Блейк поднялся из-за кустов и помахал рукой.

— Я здесь, — крикнул он.

Дверца открылась, и из машины вышла Элин. В тусклом свете телефонной будки он узнал ее — этот овал лица, эти прекрасные темные волосы. В руке она несла сверток.

Элин прошла мимо телефонной будки и направилась к кустам. Не доходя трех метров, остановилась.

— Эй, лови, — сказала она и бросила сверток.

Негнущимися от холода пальцами Блейк развернул его. Внутри были сандалии на твердой подошве и черная шерстяная туника с капюшоном.

Одевшись, Блейк вышел из кустов к Элин.

— Спасибо, — сказал он. — Я почти заледенел.

— Извините, что так долго, — произнесла она. — Я так переживала, что вы здесь прячетесь. Но надо было все собрать.

— Все?

— То, что вам понадобится.

— Не понимаю...

— Вы ведь сказали, что убегаете от преследователей. Значит, вам нужна не только одежда. Пойдемте в машину. У меня включен обогреватель. Там тепло.

— Нет, — отпрянул Блейк. — Неужели вам не ясно? Я не могу допустить, чтобы вы впутались в это еще больше. Я вам и так очень обязан...

— Ерунда, — сказала она. — Каждый день положено делать доброе дело. Мое сегодняшнее — это вы.

Блейк плотнее завернулся в тунику.

— Послушайте, — сказала она, — вы же совсем замерзли. Ну-ка, забирайтесь в машину.

Он заколебался. Согреться в теплом салоне было заманчиво.

— Пойдемте, — позвала она.

Блейк подошел с ней к автомобилю, подождал, пока она усядется на водительское сиденье, затем сел сам и закрыл дверцу. Струя теплого воздуха ударила его по лодыжкам.

Она включила передачу, и машина покатилась вперед.

— На одном месте стоять нельзя, — объяснила она. — Кто-нибудь может заинтересоваться или до нести. А пока мы на ходу, никаких вопросов. У вас есть место, куда я могла бы вас отвезти?

Блейк покачал головой. Он даже не задумывался, куда деваться дальше.

— Может быть, выехать из Вашингтона?

— Да-да, — согласился он. Выбраться из Вашингтона — для начала уже неплохо.

— Можете рассказать мне, в чем дело, Эндрю?

— Вряд ли, — сказал он. — Если я вам расскажу, вы скорее всего остановитесь и вышвырните меня из машины.

— В любом случае не стоит так драматизировать, — рассмеялась она. — Сейчас я развернусь и поеду на запад. Не возражаете?

— Не возражаю. Там есть где спрятаться.

— А как долго, по-вашему, вам придется прятаться?

— Если б я знал, — ответил он.

— Знаете, что я думаю? Я не верю, что вы вообще сможете спрятаться. Ваш единственный шанс — все время двигаться, нигде не задерживаясь подолгу.

— Вы все продумали?

— Просто здравый смысл подсказывает. Туника, которую я вам принесла, одна из папиных шерстяных. Он ими очень гордится — такую одежду носят студенты-бродяги.

— Студенты-бродяги?

— Ой, я все забываю. Вы же еще не успели освоиться. Они не настоящие студенты. Бродячие артисты. Бродят повсюду, одни рисуют, другие пишут книги, третья сочиняют стихи. Их не много, но и не так мало, и их принимают такими, какие они есть. Внимания на них, конечно, никто не обращает. Так что можете

опустить капюшон, и ваше лицо никто не разглядит. Да и вряд ли станет разглядывать.

— Вы советуете мне сделаться студентом-бродягой?

— Я приготовила вам старый рюкзак, — продолжала она, не обращая внимания на его слова. — Именно с такими они и ходят. Несколько блокнотов, карандашей, пару книг вам почитать. Лучше взгляните на них, чтобы представить, о чем они. Нравится вам или нет, но придется стать писателем. При первой возможности нацарапайте страницу-другую. Чтобы, если кто заинтересуется, не к чему было придраться.

Блейк расслабленно шевелился в кресле, впитывая тепло. Элин повернула на другую улицу и теперь ехала на запад. На фоне неба громоздились силуэты много квартирных башен.

— Откройте вон то отделение справа, — сказала она. — Вы наверняка проголодались. Я приготовила несколько сандвичей и кофе — там полный термос.

Он сунул руку в отделение, достал пакет, разорвал его и извлек сандвич.

— Я в самом деле проголодался, — произнес он.

— Надо думать, — сказала она.

Автомобиль неторопливо катил вперед. Многоквартирных домов встречалось все меньше. Тут и там вдоль дороги возникали поселки, составленные из летающих коттеджей.

— Я могла бы увести для вас леталку, — сообщила она. — Или даже автомобиль. Но их легко обнаружить по регистрационной лицензии. Зато на человека, который бредет пешком, никто не обращает внимания. Так вам будет безопаснее.

— Элин, — спросил он, — почему вы все это для меня делаете?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Наверное, потому, что вам столько досталось. Притащили из космоса, засунули в больницу, где начались все эти проверки и анализы. Ненадолго выпустили попасться в деревушке, затем снова заперли.

— Они старались помочь мне, как могли.

— Я понимаю. Но вряд ли это было приятно вам. Поэтому я не осуждаю вас за то, что вы сбежали, как только подвернулась возможность.

Некоторое время они ехали молча. Блейк съел сандвичи, запил кофе.

— Кстати, о волке, — вдруг спросила она. — Вы ничего не знаете об этом? Говорят, там был волк.

— Насколько мне известно, никакого волка там не было, — ответил он. А про себя, оправдываясь, подумал, что формально он не солгал: Охотник действительно не волк.

— В клинике все в шоке, — сказала она. — Они позвонили сенатору и попросили приехать.

— Из-за меня или из-за волка? — поинтересовался он.

— Не знаю. Когда я уезжала, сенатор еще не вернулся.

Они подъехали к перекрестку, Элин сбросила скорость, свернула на обочину и остановилась.

— Все, дальше я не могу везти вас, — сказала она. — Мне надо успеть вернуться домой.

Блейк открыл дверцу, но, прежде чем выйти, обернулся к ней.

— Спасибо, — произнес он. — Вы мне так помогли. Надеюсь, когда-нибудь...

— Еще минутку, — остановила его она. — Вот ваш рюкзак. Там вы найдете немного денег...

— Подождите...

— Нет, это вы подождите. Деньги вам понадобятся. Сумма небольшая, но на какое-то время вам хватит. Это из моих карманных. Когда-нибудь вернете.

Он нагнулся, взял рюкзак за лямку, перебросил через плечо.

— Элин... — произнес Блейк неожиданно севшим голосом, — я не знаю, что сказать.

Полумрак салона скрывал расстояние, приближая ее к нему. Не сознавая, что делает, он притянул Элин к себе одной рукой. Затем склонился и поцеловал ее. Ее ладонь легла ему на затылок.

Когда они оторвались друг от друга, Элин посмотрела на него уверенным взглядом.

— Я не стала бы тебе помогать, — сказала она, — если бы ты мне не понравился. Я верю тебе. Мне кажется, ты не делаешь ничего такого, чего надо было бы стыдиться.

Блейк промолчал.

— Ну, ладно, — сказала она. — Тебе пора, путник в ночи. Позже, когда сможешь, дай мне знать о себе.

## Глава 21

Закусочная стояла на острове V-образной развязки, от которой дорога шла в двух разных направлениях. В призрачной предрассветной мгле красная вывеска над крышей казалась розовой. Прихрамывая, Блейк ускорил шаг. Здесь можно было отдохнуть, обогреться и перекусить. Бутерброды, которыми снабдила его Элин, помогли ему прошагать без остановки всю ночь, но теперь он снова проголодался. Когда наступит утро, он должен найти какое-нибудь местечко, где можно и укрыться, и отоспаться. Может быть стог сена. Интересно, думал он, остались ли еще стога сена, или даже такие простые вещи, как стога, уже исчезли с лица Земли с тех пор, когда он ее знал?

Северный ветер яростно хлестал его, и Блейк натянул капюшон накидки на лицо. Бечевка мешка натирала плечо, и он попытался устроить его поудобнее, отыскать еще не натертый клочок кожи.

Наконец он добрался до забегаловки, пересек стоянку перед входом и поднялся по короткой лестнице к двери. В закусочной было пусто. Поблескивала отполированная стойка, в свете рядком протянувшихся по потолку ламп ярко сиял хром кофейника.

— Как поживаете? — спросила Закусочная голосом храброй и бойкой официантки. — Чего бы вы хотели на завтрак?

Блейк огляделся, но никого не увидел и только тогда оценил положение. Еще одно здание-робот, наподобие летающих домов.

Протопав по полу, он уселся на один из табуретов.

— Оладьи, — сказал он, — немного ветчины и кофе.

Он высвободил плечо из лямки и опустил мешок на пол рядом с табуретом.

— Рано утром на прогулочку? — спросила Закусочная. — Только не говорите мне, будто шагали всю ночь напролет.

— Нет, не шагал, — ответил Блейк. — Просто рано встал.

— Что-то вас, парни, последнее время совсем не видно, — заявила Закусочная. — Чем вы занимаетесь, приятель?

— Пописываю, — ответил Блейк. — Во всяком случае, пытаюсь.

— Ну что ж, — рассудила Закусочная, — так хоть страну посмотришь. А я-то все тут торчу и никогда ничего не вижу. Только разговоры слушаю. Но не подумайте, что мне это не нравится, — торопливо добавила она. — Хоть мозги чем-то заняты.

Из патрубка на сковородку с ручкой выпал ком теста, потом горловина передвинулась вдоль канавки, выпустила еще два комка и со щелчком вернулась на место. Металлическая рука, прикрепленная рядом с кофейником, разогнулась, вытянулась и передвинула рычаг над сковородой. Три ломтя ветчины скользнули на сковородку, рука ловко опустилась и отделила их один от другого, уложив ровным рядом.

— Кофе сейчас подать? — спросила Закусочная.

— Если можно, — ответил Блейк.

Металлическая рука схватила чашку, поднесла к носику кофейника и подняла вверх, включая патрубок. Потек кофе, чашка наполнилась, рука повернулась и установила ее перед Блейком, затем нырнула под прилавок, достала ложку и вежливо пододвинула поближе сахарницу.

— Сливок? — спросила Закусочная.

— Нет, спасибо, — ответил Блейк.

— Позавчера такую историю слыхала — закачаешься, — сказала Закусочная. — Один парень заходил, рассказывал. Похоже что...

За спиной у Блейка открылась дверь.

— Нет! Нет! — закричала Закусочная. — Убирайся вон. Сколько раз тебе говорить: не входи, когда у меня посетители.

— Я и зашел, чтобы встретиться с твоим посетителем, — ответил скрипучий голосок. Услышав его, Блейк резко обернулся.

В дверях стоял Брауни; его маленькие глаза поблескивали на мышиной мордочке, по бокам куполообразной головы торчали увенчанные кисточками ушки. Штанишки на нем были в зеленую и розовую полоску.

— Я его кормлю, — запричитала Закусочная. — Притерпелась уже. Говорят, когда один из них живет поблизости, это к счастью. Но от моего мне одно горе. Он хитрющий, он нахальный, он меня не уважает...

— Это потому, что ты важничашь и подделываешься под людей, — сказал Брауни. — И забываешь, что ты не человек, а лишь его заменитель, захапавший себе хорошую работу, которую мог бы делать человек. Почему, спрашивается, кто-то должен тебя уважать?

— Больше ты от меня ничего не получишь! — закричала Закусочная. — И не будешь тут ночевать, когда холодно. Довольно, я сыгра тобой по горло!

Брауни пропустил эту тираду мимо ушей и проворно засеменил по полу. Остановившись, он церемонно поклонился Блейку.

— Доброе утро, досточтимый сэр. Надеюсь, я застал вас в добром здравии.

— В очень добром, — подтвердил Блейк. Веселость боролась в нем с дурными предчувствиями. — Не завтракаете ли со мной?

— С радостью, — сказал Брауни, вскакивая на табурет рядом с Блейком и устраиваясь на нем как на настесте; ноги Брауни болтались, не доставая до пола.

— Сэр, — сказал он, — я буду есть то же, что и вы. Пригласить меня — очень любезно и великодушно с вашей стороны, ибо я совсем оголодал.

— Ты слышала, что сказал мой друг, — обратился Блейк к Закусочной. — Он хочет того же, что и я.

— И вы это оплатите? — осведомилась Закусочная.

— Разумеется, оплачу.

Механическая рука поднялась и пододвинула оладьи к краю сковороды, перевернув их. Из патрубка полезли новые комья теста.

— Какое блаженство питаться по-человечески, — доверительно сообщил Брауни Блейку. — Люди дают мне в основном отходы. И хоть голод — не тетка, внутренности мои иногда требуют большей разборчивости в пище.

— Не позволяйте ему присасываться к вам, — предостерегла Блейка Закусочная. — Завтраком угостите, коль уж обещали, но потом отвадьте его. Не давайте сесть на шею, не то всю кровь высосет.

— У машин нет чувств, — сказал Брауни. — Им неведомы прекрасные порывы. Они безучастны к страданиям тех, кому призваны служить. И у них нет души.

— И у вас тоже, варвары инопланетные! — в ярости вскричала Закусочная. — Ты обманщик, бродяга и лодырь. Ты безжалостно паразитируешь за счет человечества, ни удержу не зная, ни благодарности!

Брауни скосил на Блейка свои хомячье глазки и с безнадежным видом воздел руки горе, держа их ладонями кверху.

— Да, да, — удрученно проговорила Закусочная. — Каждое мое слово — истинная правда.

Рука забрала первые три оладьи, положила их на тарелку рядом с ветчиной, нажала кнопку и с большой ловкостью подхватила три вылетевшие из лотка кусочки масла. Поставив тарелку перед Блейком, рука метнулась под стойку и вытащила оттуда кувшин с сиропом.

Носик Брауни блаженно задрожал.

— Пахнет вкусно, — сказал он.

— Не вздумай умыкнуть! — вскричала Закусочная. — Жди, когда твои будут готовы!

Издалека донеслось тихое жалобное блеяние. Брауни замер, уши его подскочили и задрожали. Блеяние повторилось.

— Еще один! — заорала Закусочная. — Им положено издали оповещать нас, а не сваливаться как снег на голову. И тебе, паршивому прохиндею, полагается быть на улице, слушать и караулить их появление. За это я тебя и кормлю.

— Еще слишком рано, — сказал Брауни. — Следующий должен пройти только поздно вечером. Им положено рассредоточиться по разным дорогам, чтобы не перегружать какую-то одну.

Снова прозвучала сирена — на этот раз громче и ближе. Одинокий жалобный звук прокатился по холмам.

— Что это? — спросил Блейк.

— Крейсер, — ответил Брауни. — Один из этих больших морских сухогрузов. Он вез свой груз от самой Европы, а может, из Африки, а около часа назад вышел на берег и едет по дороге.

Послышался скрежет и грохот металла о металл. Блейк увидел, как с внешней стороны окон скользят большие стальные ставни. От стены отделились скобы на шарнирах и потянулись к двери, чтобы затворить ее поплотнее. Вой сирены уже наполнил помещение, а вдалеке что-то жутко завыло, как будто мощный ураган над землей.

— Все задраено! — заорала Закусочная, перекрывая шум. — Ложитесь-ка лучше на пол, ребята. Судя по звуку, машина здоровая!

Здание тряслось, зал едва не лопался от наполнившего его оглушительного шума, похожего на рев водопада. Брауни забился под табурет и держался изо всех сил, обхватив обеими ручонками металлическую стойку сиденья. Он разевал рот и, видимо, что-то кричал Блейку, но голосок его тонул в катившемся по дороге вое.

Блейк соскочил с табурета и распластался на полу. Он попытался вцепиться в половицы пальцами, но они были сделаны из твердого гладкого пластика, и он никак не мог за них ухватиться. Казалось, закусочная ходит ходуном; рев крейсера был почти невыносим. Блейк вдруг увидел, что скользит по полу.

А потом рев стал тоньше и замер вдали, вновь превратившись в слабый и протяжный жалобный вой.

Блейк поднялся с пола.

На прилавке, там, где стояла чашка, теперь была кофейная лужица, а сама чашка бесследно исчезла. Тарелка, на которой лежали оладьи и ветчина, осколками разлетелась по полу. Пухлые оладьи валялись на табурете, а те, что предназначались Брауни, все еще были на сковороде, но дымились и обуглились по краям.

— Я сделаю новые, — сказала Закусочная. Рука взяла лопаточку, сбросила подгоревшие оладьи со сковородки и швырнула в мусорный бак, стоявший под плитой. Блейк заглянул за прилавок и увидел, что весь пол там усеян осколками посуды.

— Вы только посмотрите! — скрипуче закричала Закусочная. — Должен быть специальный закон. Я поставлю в известность хозяина, а он подаст жалобу на эту компанию и добьется возмещения. Он всегда добивался. И вы, ребята, тоже можете учинить иск. Пришептите им нервное потрясение или что-нибудь в этом роде. Если хотите, у меня есть бланки исковых заявлений.

Блейк покачал головой.

— А как же водители? — спросил он. — Что делать, если встретишь такую штуку на дороге?

— А вы видели бункеры вдоль обочин? Футов десять в высоту, с подъездными дорожками?

— Видел, — ответил Блейк.

— Как только крейсер уходит с воды и начинает путь по сухе, он должен включить сирену. И она ревет все время, пока он движется. Услышишь сирену — отправляйся к ближайшему бункеру и прячься за ним.

Патрубок медленно двигался вдоль канавки, выпуская тесто.

— А как это получается, мистер, что вы не знаете о крейсерах и бункерах? — спросила Закусочная. — Может, вы из глухомани какой лесной?

— Не твоего ума дело, — ответил за Блейка Брауни. — Знай себе стряпай наш завтрак.

## Глава 22

— Я вас немного провожу, — сказал Брауни, когда они вышли из закусочной.

Утреннее солнце вставало над горизонтом у них за спиной, а впереди по дороге плясали длинные тени. Дорожное покрытие, как заметил Блейк, было выбито и размыто.

— За дорогами не следят так, как следили на моей памяти, — сказал он.

— Нет нужды, — ответил Брауни. — Колес больше нет. Зачем ровная поверхность, если нет сцепления? Все машины ходят на воздушных подушках. Дороги нужны только как путеводные нити, да еще чтобы держать транспорт подальше от людей. Теперь, когда прокладывают новую дорогу, просто ставят два ряда столбиков, чтобы водители видели, где шоссе.

Они неспешно брали вперед. Из болотистой низинки слева, сверкая воронеными крыльями, взмыла стайка черных дроздов.

— Собираются в стаи, — сказал Брауни. — Скоро им улетать. Нахальные птицы — эти черные дрозды. Не то что жаворонки или малиновки.

— Ты их знаешь?

— Мы же вместе живем, — отвечал Брауни. — И со временем начинаем их понимать. Некоторых так хорошо, что почти можем разговаривать с ними. Правда, не с птицами: птицы и рыбы глупые. А вот еноты, лисы, выхухоли и норки — народ что надо.

— Как я понимаю, вы живете в лесах?

— В лесах и полях. Мы сживаемся с природой. Мы принимаем мир таким, каков он есть, приспосабливаемся к обстоятельствам. Мы — кровные братья всякой жизни. Ни с кем не ссоримся.

Блейк попытался вспомнить, что ему говорил Даниельс. Странный маленький народец, полюбивший Землю не из-за господствующей на ней формы жизни, а из-за прелестей самой планеты. Возможно, потому, подумал Блейк, что в ее менее развитых обитателях, в немногочисленных диких зверях, населявших поля и леса, нашли они ту немудреную дружбу, которую так любили. Они настояли на том, что будут жить бродягами и побиушками, пристающими ко всякому, кто согласен удовлетворить их нехитрые надобности.

— Несколько дней назад я повстречал еще одного вашего, — сказал он. — Ты извини, я точно не знаю. Может...

— О нет, — ответил Брауни. — Это был другой. Тот, который вас отыскал.

— Отыскал меня?

— Ну да. Был караульным и отыскал. Он сказал, что вы не один и вы в беде. И передал всем нам, чтобы любой, кто вас встретит, приглядывал за вами.

— Похоже, ты отлично с этим справился. Нашел ты меня довольно быстро.

— Когда мы ставим перед собой какую-то цель, — гордо сказал Брауни, — мы можем действовать очень четко.

— А я? При чем тут я?

— Точно не знаю, — сказал Брауни. — Мы должны присматривать за вами. Знайте, что мы начеку, и вы можете рассчитывать на нас.

— Спасибо, — сказал Блейк. — Большое спасибо.

Только этого не хватало, подумал он. Только слежки этих маленьких одержимых созданий ему и не хватало.

Какое-то время они шли молча, потом Блейк спросил:

— Тот, который нашел меня, велел тебе наблюдать за мной...

— Не только мне.

— Знаю. Он велел вам всем. Хотя это, наверное, глупый вопрос: есть же почта и телефон.

Брауни издал какое-то кудахтанье, выражавшее безмерное презрение.

— Мы бы и под страхом смерти не стали пользоваться такими приспособлениями, — сказал он. — Это противоречит нашим принципам, да и нужды никакой нет: мы просто посылаем сообщение, и все.

— Ты хочешь сказать, что вы телепаты?

— По правде говоря, не знаю. Мы не умеем передавать слова, если вы это имеете в виду. Но мы обладаем единством. Это трудновато объяснить...

— Могу себе представить, — сказал Блейк. — Не-что вроде туземного телеграфа на психическом уровне.

— Для меня это звучит как бессмыслица, но если назвать эту штуку так, вреда не будет, — сказал Брауни.

— Наверное, вы приглядываете за множеством людей, — предположил Блейк.

Это так на них похоже, подумал он. Горстка маленьких хлопотунчиков, которых более всего заботит, как живут другие люди.

— Нет, — ответил Брауни. — Во всяком случае, не сейчас. Он нам сказал, что вас больше, чем один, и...

— А это тут при чем?

— Что вы, Господь с вами. В этом-то все и дело, — сказал Брауни. — Часто ли встречается существо, которое не одно? Не скажете ли вы мне, сколько...

— Меня — трое, — ответил Блейк.

Брауни с торжествующим видом выкинул коленце джиги.

— Так я и знал! — ликуя, вскричал он. — Я побился об заклад с самим собой, что вас трое. Один из вас теплый и лохматый, но с ужасным норовом. Вы согласны?

— Да, — ответил Блейк, — должно быть, так.

— Но второй, — сказал Брауни, — совершенно сбивает меня с толку.

— Приветствую собрата по несчастью, — сказал Блейк. — Меня тоже.

## Глава 23

Когда Блейк взошел на высокий крутой холм, оно лежало в долине и поразительно напоминало чудовищного жука с округлым горбом посередине и тупорылого спереди и сзади — гигантская черная машина, заполнившая чуть ли не половину всей равнины.

Блейк остановился. Ему еще не приходилось видеть большие крейсеры-сухогрузы, которые курсировали между континентами и о которых ходило столько слухов.

Автомобили со свистом проносились мимо, обдавая из рокочущих реактивных сопел струями выхлопных газов.

Перед этим Блейк, устало тащась по дороге, несколько часов высматривал какое-нибудь укромное место, где можно было бы спрятаться и отоспаться. Но вдоль обочин расстилались сплошь выкошенные поля. Не было и поселений у дороги — все они располагались за полмили или дальше от трассы. Интересно, подумал Блейк, почему так — из-за того, что по шоссе ходят эти крейсеры и еще какие-нибудь крупные транспорты или по другим причинам?

Далеко на юго-западе замаячили контуры нескольких мерцающих башен — скорее всего, еще один комплекс высотных домов, построенных в удобной близости от Вашингтона и при этом сохраняющих для его обитателей прелести сельской жизни.

Держась подальше от проезжей части, Блейк по обочине спустился с холма и наконец дошел до крейсе-

ра. Прижавшись к краю дороги, тот стоял на мощных приземистых ножках двухметровой длины и, казалось, дремал, словно петух на настесте.

У переднего конца машины, облокотившись на ступени кабины и вытянув ноги, сидел мужчина. Замасленная инженерская фуражка сползла ему на глаза, а туника задралась до самого пояса.

Блейк остановился, разглядывая его.

— Доброе утро, приятель, — поздоровался он. — Мне кажется, у тебя неприятности.

— Привет и тебе, брат, — сказал человек, посмотрев на черные одежды Блейка и его рюкзак. — Тебе правильно кажется. Полетела форсунка, и вся эта штука пошла вразнос. Хорошо еще, не развалилась. — Он демонстративно сплюнул в пыль. — А теперь нам придется торчать здесь. Я уже заказал по радио новый блок и вызвал парней из ремонтной бригады, но они, как всегда, не спешат.

— Ты сказал «нам».

— Ну да, нас же здесь трое. Остальные там наверху, дрыхнут. — Он ткнул большим пальцем вверх, в сторону тесного жилого отсека за водительской кабиной. — Через море прошли отлично, обошлись без штормов и береговых туманов. А теперь придем в Чикаго на несколько часов позже. Сверхурочные, конечно, выплатят, но на кой черт они нужны?

— В Чикаго?

— Да, сейчас туда. Каждый раз — новое место. Чтоб дважды одно и то же, такого не бывает.

Он приподнял руку и потянул за козырек фуражки.

— Все думаю о Мэри и ребятишках, — сказал он.

— Но ты же можешь связаться с ними, сообщи, что задерживаешься.

— Пытался. Никого нет дома. Пришлось просить диспетчера сходить к ним и сказать, чтоб меня скоро не ждали. Понимаешь, всякий раз, когда я еду этой дорогой, дети выходят к шоссе, ждут, чтобы помахать мне. Они приходят в восторг, когда видят, как их папочка ведет такое чудовище.

— Так ты живешь поблизости? — сказал Блейк.

— Да, тут есть один городок, — ответил инженер. — Этакая уютная тихая заводь милях в ста отсюда. Старинное местечко, такие сейчас редко встретишь. Все точно так же, как две сотни лет назад. Нет, конечно, на

Главной улице время от времени обновляют фасады, бывает, кто-нибудь надумает и целый дом перестроить, но в основном город остается таким, каким он был всегда. Без этих гигантских многоквартирных комплексов, которые сейчас везде строят. Там хорошо жить. Спокойно. Нет Торговой палаты. Никто ни на кого не давит. Не лезет вон из кожи, чтобы разбогатеть. Потому что тем, кто хочет разбогатеть, сделать карьеру или что-нибудь такое, там жить ни к чему. Отличная рыбалка, есть где поохотиться. На енотов, например, в подкову играют.

Блейк кивнул.

— В таком городе хорошо растить детей, — добавил инженер.

Он подобрал сухую соломинку, потыкал ею в землю.

— Это место называется Уиллоу-Гроув, — сообщил он. — Когда-нибудь слышал?

— Нет, — сказал Блейк, — в первый раз...

И тут до него дошло, что это не так. Он слышал об этом городе! Когда в тот день охранник привез его домой от сенатора, в почтографе оказалась записка, в которой упоминалось Уиллоу-Гроув.

— Значит, все-таки слышал, — заметил инженер.

— Кажется, да, — сказал Блейк. — Кто-то мне о нем упоминал.

— Хороший городок, — повторил инженер.

А что там говорилось в записке? Связаться с кем-то в городе Уиллоу-Гроув, чтобы узнать нечто, представляющее для Блейка интерес. И там назывался человек, с которым надо было связаться. Как же вспомнить его имя? Блейк напряг память, но нужного имени так и не нашел.

— Мне надо идти дальше, — сказал он. — Надеюсь, ремонтники приедут.

— Куда они денутся, — с отвращением сплюнул инженер, — приедут. Только вот когда?

Блейк побрел дальше, держа направление на большой, возвышающийся над всей долиной холм. На вершине виднелись деревья — неровная, раскрашенная осенними красками полоса на горизонте, наконец-то нарушившая золотисто-коричневую монотонность полей. Может быть, там, среди деревьев, удастся найти место, где можно поспать.

Блейк попытался пройтись мысленным взором по череде событий минувшей ночи, но все они были окутаны пеленой нереальности. Казалось, будто цепь происшествий не имеет к нему никакого отношения, будто все это случилось с кем-то другим.

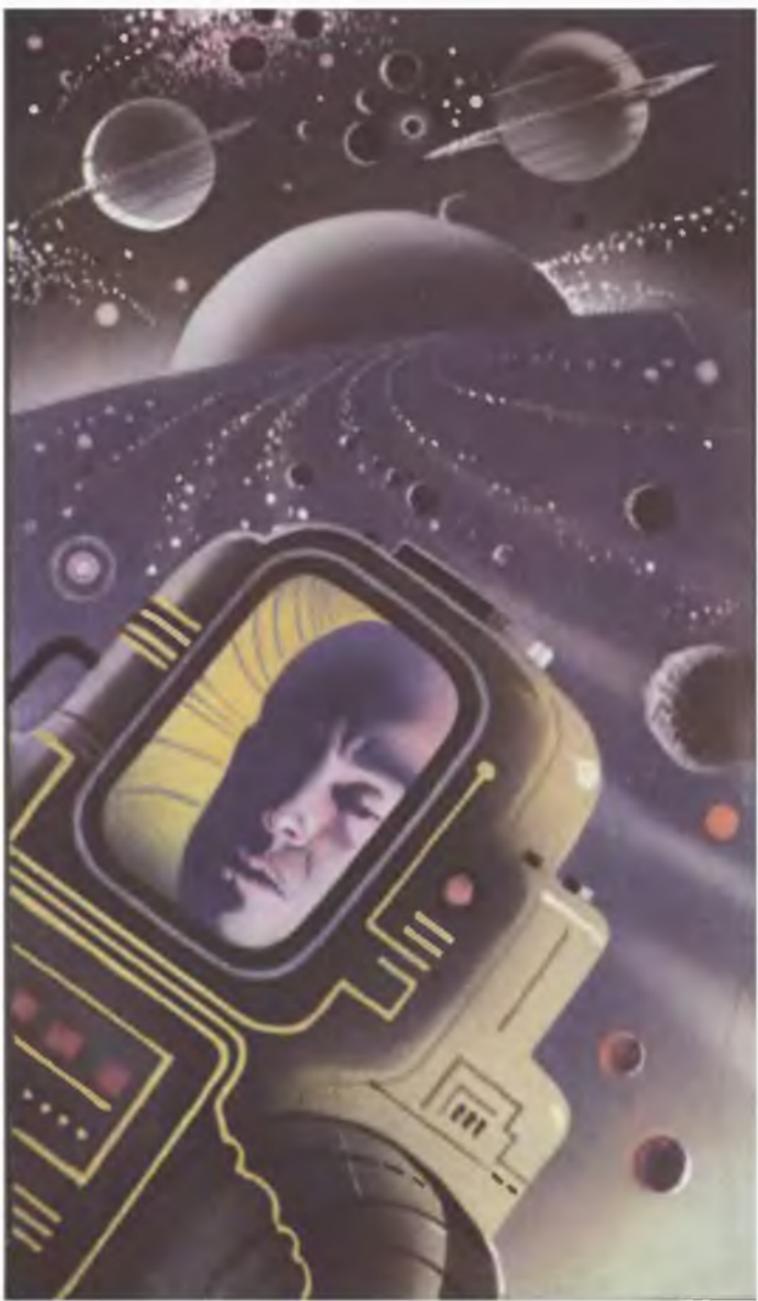
Охота за ним, конечно, не прекратилась, но пока ему удалось ускользнуть от внимания властей. Даниельс уже, по всей видимости, понял, что произошло, и теперь они начнут искать не только волка, но и самого Блейка.

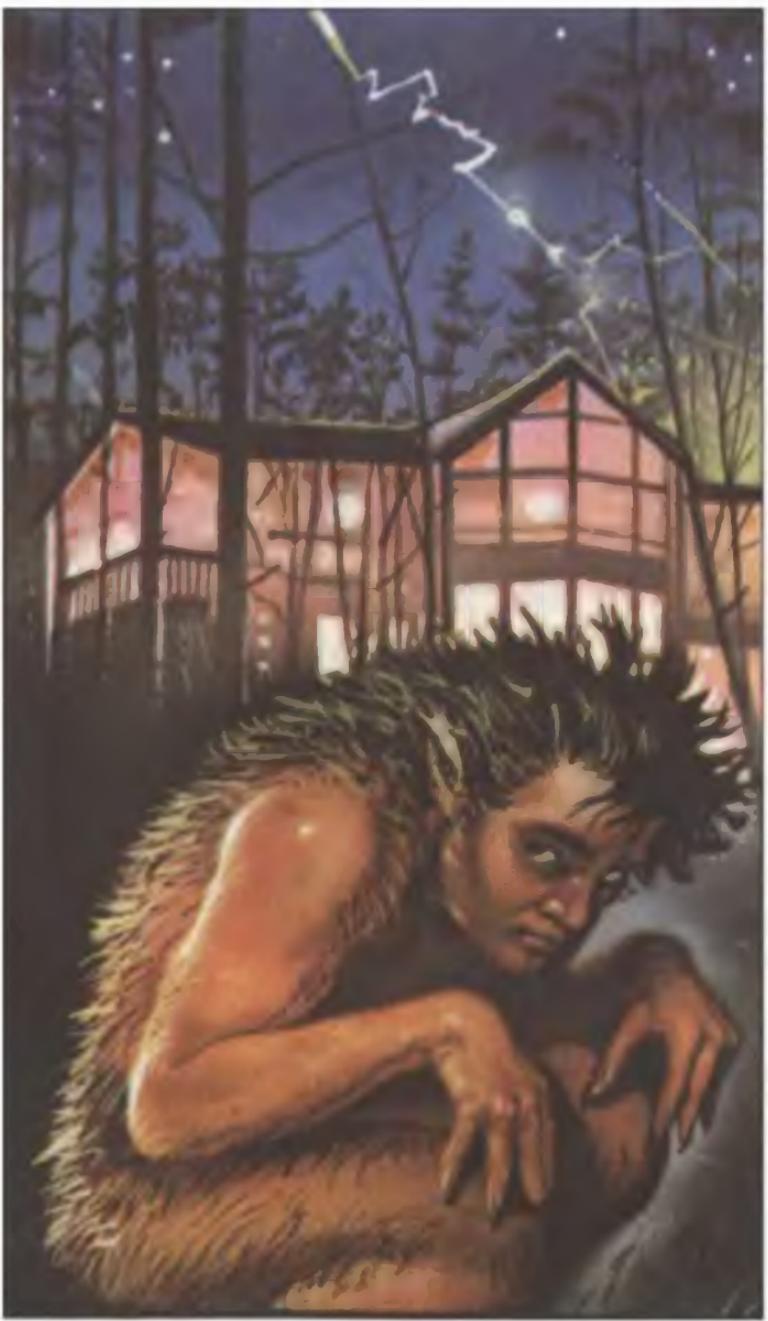
Он доплелся до вершины холма. Внизу стояли деревья. Не какая-нибудь поросль или отдельные деревца, а лес, покрывающий большую часть отлогого склона. Еще ниже, где долина выравнивалась, лежали поля, но на следующем склоне опять росли деревья. Холмы здесь слишком круты для земледелия, понял Блейк, и такая череда возделанных равнин и лесистых холмов может тянуться на многие мили.

Спускаясь к лесу, он вдруг вспомнил, что человек с крейсера говорил об охоте на енотов. Опять, подумал Блейк, случайная фраза поднимает пласт воспоминаний, о которых он не догадывался раньше, и на место становится еще один фрагмент головоломки его человеческого прошлого. Он вдруг вспомнил, — вспомнил с ослепительной остротой: ночь, светят фонари, он стоит на холме, сжимая ружье, и ждет, когда собака возьмет след, и тут, где-то вдалеке, подает голос гончая, почувствовавшая запах. Минуту спустя вся свора включается в погоню, и от лая собак звенит и холм, и долина. Он вспомнил сладкий, ни с чем не сравнимый аромат замерзших опавших листьев, вновь увидел голые ветви деревьев на фоне взошедшей луны и азарт погони с собаками, мчавшимися вверх по склону. А потом головокружительный бросок вниз — и дорогу подсвечивает лишь слабый лучик фонаря, и ты изо всех сил стараешься не отстать от своры.

Но откуда всплыло воспоминание об охоте на енотов? Неужели он сам когда-то участвовал в такой охоте? Невероятно. Потому что ему известно, кто он: синтезированный человек, изготовленный ради одной цели, какой не является охота на енотов.

Блейк шел между деревьями, и ему казалось, что он очутился в сказочной стране, нарисованной сумасшедшим художником. Весь подлесок, молодые деревца,





кустарники, прочая лесная поросль — все сплошь обвешано, словно драгоценными украшениями, листьями всех оттенков золотого и красного цвета, которые изысканно и неброско дополняли буйство осенних красок в кронах больших деревьев. И снова воспоминание о другом месте, а может быть, о нескольких других местах, похожих на это, проснулось в Блейке. Воспоминания, не привязанные к какому-либо определенному моменту или местности, и тем не менее такие отчетливые, что горло сжималось: непередаваемая красота другого леса, увиденного в такое время, в такой миг, когда осень разводит яркие и самые лучшие свои краски, которых вот-вот коснется, но еще не коснулось увядание.

Он остановился у гигантского, в несколько обхватов, дуба, ствол которого, кривой, перекрученный, в наростах, покрывала тяжелая чешуя лишайника, отчего кора казалась серебристо-коричневой. Внизу дерево окружали плотные заросли папоротника. Блейк раздвинул их, опустился на четвереньки и пополз. Хлестнули по лицу и шее ветки папоротника, и он оказался в мягкой прохладной темноте, пахнущей древесной трухой. Откуда-то сверху, рассеивая мрак, сочился слабый свет.

Глаза понемногу приспособились к темноте, и Блейк разглядел, что внутренняя поверхность дерева довольно гладкая. Полая сердцевина шахтой уходила вверх, и где-то в верхней части этого вертикального туннеля светились отверстия дупел.

Блейк подтянул к себе рюкзак, порылся в его содер-жимом. Тонкое, почти не занимающее места одеяло с металлическим отблеском, таких он раньше не встречал, нож в ножнах, складной топорик, небольшой набор кухонных принадлежностей, зажигалка и флакон с жидкостью, сложенная карта, фонарик...

Карта!

Он достал ее, развернул и, подсвечивая фонариком, склонился над ней, чтобы разобрать названия населенных пунктов.

Уиллоу-Гроув, сказал инженер, милях в ста отсюда. Вот оно, место, куда он должен попасть. Наконец-то, подумал Блейк, у него появилась цель в этом мире и в ситуациях, которые казались лишенными какой-либо определенности. Точка на карте и человек, имени кото-

рого он не помнит и который владеет информацией, представляющей для него возможный интерес.

Отложив одеяло в сторону, он убрал все остальное обратно в рюкзак. Потом придвинулся к стене, развернул одеяло, накрылся им, подоткнув под себя, лег. Оно оказалось довольно теплым. Пол был мягким, без бутров. Блейк зачерпнул пригоршню вещества, покрывающую пол, и позволил ему свободно просыпаться между пальцами... Раскрашенная гнилая древесина, понял он, которая ссыпалась годами из туннеля пустой сердцевины ствола.

Блейк закрыл глаза, и сон стал постепенно овладевать им. Казалось, сознание проваливается в какой-то колодец, тонет, но в колодце уже что-то есть — два других «я», они подхватывают его, придерживают, обступают, и он становится с ними одним целым. Это как возвращение в родной дом, как встреча со старыми друзьями, которых не видел целую вечность. Слова не произносятся, слова не нужны. Только радость встречи и понимание, и существо, у которого нет названия и которое значит больше, нежели только Эндрю Блейк или человек. Но сквозь единство, и уют, и радость встречи пробилась одна беспокойная мысль. Он сделал усилие, и его отпустили, он опять стал собой, снова личностью — но не Эндрю Блейком, а Оборотнем.

— Охотник, когда мы проснемся, будет еще холодней. Может быть, лучше на ночь стать тобой? Передвигаешься ты быстрее, умеешь ориентироваться в темноте и...

— Я согласен, превратимся в меня. Но как быть с одеждой и рюкзаком? Опять ты останешься голым и...

— Ты понесешь вещи. Или ты не помнишь, что у тебя есть руки и пальцы? Ты постоянно забываешь про свои руки.

— Ладно! — сказал Охотник. — Ладно! Ладно! Ладно!

— Уиллоу-Гроув, — напомнил Оборотень.

— Да, я знаю, — ответил Охотник. — Мы прочли карту вместе с тобой.

И снова стал подступать сон. И Блейк наконец заснул.

## Глава 24

Оборотень говорил, что похолодает, и действительно стало прохладней, но ненамного. И только когда Охотник достиг гребня холма, с севера удариł кинжалный ветер, и пахнуло долгожданной прохладой. Он остановился, чтобы насладиться ветром. Здесь, в силу каких-то геологических особенностей, не росли деревья — в отличие от большинства холмов, покрытых лесами, здесь линия леса обрывалась, немного не доходя до гребня.

Ночь выдалась чистой, и в небе светили звезды, хотя, как показалось Охотнику, звезд было не так много, как на его родной планете. Но и тут, на этой возвышенности, подумал Охотник, можно стоять и улавливать картины со звезд, правда, теперь он знал от Мыслителя, что это не только картины, но и мозаичные информационные отпечатки иных рас и иных цивилизаций, и что они несут в себе исходные, основополагающие факты, из которых когда-нибудь можно будет вывести вселенную истину.

Дрожь прокатилась по его телу, когда он вспомнил, как его разум и чувства перебрасывались через световые годы и собирали урожай, взращенный на других разумах и чувствах. Зато Мыслитель никогда не задрожал бы, даже если бы имел мышцы и нервы и был способен на дрожь. Потому что не существовало ничего, абсолютно ничего такого, что могло бы удивить Мыслителя; и Вселенную, и жизнь Мыслитель прини-

мал не как некое таинство, а скорее как конгломерат фактов и данных, принципов и методов, которые можно ввести в его разум и использовать с помощью его логики.

Но не для меня, думал Охотник, для меня все это таинственно и загадочно. И мной движет не рассудительность, не стремление к логическим построениям, не тяга к самой сути фактов.

Опустив хвост почти до земли, он стоял на каменистом гребне и подставлял оскаленную морду под резкие порывы ветра. Ведь главное, сказал Охотник сам себе, чтобы чудо и красота наполняли Вселенную и чтобы ничто и никогда не разрушало это ощущение чуда и красоты. А может быть, процесс разрушения уже начался? Не поставил ли он себя (или не поставили ли его) в такую ситуацию, когда перед ним открывается невиданный ранее простор для поиска новых чудес и тайн, и при этом ощущение чуда и красоты размывается осознанием того, что его находки — сырье для логической работы Мыслителя?

Охотник решил проверить эту мысль и обнаружил, что пока ощущение тайны и чуда все еще с ним. Тут, на продуваемом ветрами холме, под сверкающими в небе звездами, рядом с лесом, перешептывающимся внизу с темнотой, среди чужих странных запахов, трепещущих в воздухе, все еще живет чудо, озnobом прокатываясь по его нервным волокнам.

Пространство между ним и следующим холмом выглядело безопасным. Далеко слева ленточки бегущих огней отмечали путь машин, мчавшихся по автостраде. А в долине находились поселения людей, их выдавали лучи света и струящиеся от них вибрации, — присущие самому человеку и странной силе, которую люди здесь именуют электричеством.

Устроившись на ветвях деревьев, дремали птицы, справа от него в кустах крадучись прошел какой-то крупный зверь, в своих норах сутились мыши, в норе спал лесной сурок — и еще бесчисленное множество всяких маленьких животных и насекомых, копошащихся в почве и прелых листьях. Но эти крохотные существа сейчас не беспокоили его, и он заблокировал от них свое сознание.

Запоминая каждое дерево, каждый куст на своем пути, классифицируя и оценивая каждое увиденное

животное, готовый встретить любую опасность и боясь лишь, что не сумеет ее распознать, Охотник тихо спустился с холма и пересек лес.

За деревьями пошли поля, дороги и дома, — и здесь он опять задержался, чтобы осмотреться.

Вдоль ручья гулял человек с собакой; по частной дороге, ведущей к дому на другой стороне ручья, медленно ехала машина; в поле лежала корова — больше, не считая мышей, сусликов и прочей мелочи, в долине никого не было.

Долину Охотник пересек рысью, а потом понесся большими легкими прыжками. Достиг следующего холма, взобрался наверх, спустился по противоположному склону. Левой рукой он придерживал объемистый рюкзак с одеждой Оборотня и вещами. Рюкзак мешал, съезжал набок, и ему приходилось компенсировать это неудобство дополнительным усилием, кроме того, надо было постоянно следить за тем, чтобы не зацепиться за куст или ветку.

Он остановился на минуту, сбросил рюкзак на землю и убрал левую руку. Освободившись от груза, рука устало вернулась в плечевой карман. Охотник выдвинул правую руку, поднял рюкзак и, перебросив его через плечо, продолжал бег. Наверное, подумал он, надо чаще перевешивать груз с плеча на плечо, менять руки. Так будет легче.

Еще одна перебежка через долину, чтобы перед спуском перевести дух.

Уиллоу-Гроу, сказал себе Оборотень. Около ста миль. Если придерживаться взятого темпа, к рассвету он будет там. Но что может ждать их в Уиллоу-Гроув? На языке Оборотня «Уиллоу» означает вид дерева, а «Гроув» — группа деревьев. Как странно люди называют некоторые географические пункты. Причем логики в этом мало, поскольку группа деревьев может погибнуть, исчезнуть, и тогда название места потеряет смысл.

Деревья не постоянны, подумал он. Но и сами люди как раса тоже. И их непостоянство, смена жизней и смертей обеспечивает то, что они называют прогрессом. Ведь надо же было, подумал он, создать такую форму жизни...

Охотник сделал шаг вниз по склону и замер, напряженно вслушиваясь. Откуда-то издалека доносился слабый протяжный звук.

Собака, определил он. Собака, напавшая на след. Быстро, но осторожно, Охотник спустился с холма. На опушке леса остановился, чтобы оглядеть лежащую впереди равнину. Не обнаружив ничего опасного, он пересек ее, добежал до забора, перемахнул через него и побежал дальше.

Появились первые признаки усталости. Несмотря на относительную прохладу ночью, к температуре Земли Охотник еще не приспособился. С самого начала он взял быстрый темп, чтобы быть в Уиллоу-Гроув к утру. Теперь, пока не придет второе дыхание, придется бежать помедленнее. Надо сдерживать себя.

Следующую долину Охотник пересек трусцой, потом медленно поднялся на очередной склон. Наверху, сказал он себе, надо будет присесть и немного отдохнуть.

На половине подъема Охотник снова услышал лай, и теперь он казался ближе и громче. Но дул порывистый ветер, и точно определить направление или расстояние невозможно.

На гребне Охотник сделал остановку. На небе всходила луна, и деревья, под которыми он сидел, отбрасывали длинные тени через лужайку на крутом откосе.

Лай приближался. Судя по всему, собак не меньше четырех, а то и пять или шесть.

Не исключено, охота на енотов. Люди используют собак для травли енотов и называют это спортом. Ничего спортивного в этом, конечно, нет. Чтобы считать что-либо подобное спортом, требуется особая извращенность. Впрочем, если вдуматься, люди извращены во многих отношениях. Они пытаются выдать это за чистую схватку, но травля не имеет ничего общего ни со схваткой, ни с честностью.

Лай уже слышался с последнего холма. В нем теперь звучало какое-то особое возбуждение. Собаки шли сюда по следу.

Охотник вскочил и, обернувшись, устремил вниз сенсорный конус. И сразу увидел собак — они поднимались по склону и уже не приносились к земле, а просто шли по запаху.

И вдруг его словно оглушило: как он не понял этого сразу, заслышав лай? Собаки преследовали не енота. Они гнались за более крупной дичью.

Содрогнувшись от ужаса, Охотник развернулся и бросился вниз по склону. Свора уже взобралась на гребень, и яростная песнь погони, не прерываемая более препятствиями, звенела все громче и явственней.

Охотник достиг еще одной долины, пересек ее, бросился вверх по очередному склону. От собак ему удалось пока уйти, но он чувствовал, как усталость вытесняет из тела последние силы, и отчетливо представил себе, что будет дальше: в коротком отчаянном рывке он может оторваться от своих преследователей, но в конце концов силы иссякнут. Может быть, подумал Охотник, правильней самому выбрать место для схватки и встретить их там. Но их слишком много. Было бы две или три — с двумя-тремя он наверняка справился бы.

Как странно, подумал Охотник, что за ним погнались собаки. Ведь он существа с другой планеты, наверняка собаки не встречали ничего подобного, и след у него должен быть необычный, и запах. И все отличия (если это отличия), по всей видимости, не отпугивают их и вообще не оказывают на них никакого воздействия, разве что еще больше разжигают охотничий азарт. Вполне вероятно, сказал себе Охотник, что он не так заметно отличается от обитателей этой планеты, как можно было предположить.

Дальше он побежал скачками, снизив скорость и стараясь экономить силы. Однако усталость давала о себе знать. Скоро наступит изнеможение.

Конечно, можно передать управление Оборотню. Вполне вероятно, если его след превратится в человеческий, собаки отстанут, а если и не сойдут со следа, то на человека не нападут. Но принимать такое решение ему не хотелось. Надо постараться справиться самому, говорил он себе. В нем вдруг объявилась упрямая гордость, мешавшая позвать Оборотня.

Охотник взобрался на холм. Внизу перед ним лежала долина, а в долине стоял дом, в одном из окон которого горел свет. И тут у Охотника появился план.

Не Оборотень, а Мыслитель. Теперь дело за ним.

— Мыслитель, ты можешь извлечь энергию из дома?

— Могу, конечно. Однажды я это уже проделал.

— Находясь снаружи?

— Если не очень далеко.

— Отлично. Когда я...

— Давай, — ответил Мыслитель. — Я знаю, что ты задумал.

Охотник не спеша сбежал с холма, подпустил собак поближе, а затем стремглав понесся через долину к дому. Собаки, завидев жертву и оглушительно лая, все силы, каждый вдох уставших легких вложили в последний рывок, который должен был завершить погоню.

Охотник обернулся и увидел свору — жуткие, алчущие тени, очерченные лунным светом, и услышал возбужденный лай, заполнивший пространство между ним и животными, жаждущими его крови.

И клич Охотника снова взмыл в небо и разнесся по холмам.

До дома теперь было совсем близко, но, словно откликнувшись на лай собачьей своры, зажегся свет и в других окнах, а на шесте во дворе ослепительно загорелся фонарь. По всей видимости, обитатели дома проснулись, разбуженные неистовым лаем.

Низкая изгородь отделяла дом от поля, и Охотник, перескочив через ограду, приземлился на площадку, залитую светом фонаря. Еще бросок — и он уже у дома.

— Давай, — крикнул он Мыслителю, прижимаясь к стене. — Давай.

Холод, леденящий, убийственный холод обрушился на него, словно физический удар, вонзился в тело и разум.

Над неровной, зубчатой линией растительности висел спутник этой планеты, почва была чистой и сухой, а через сооружение, которое люди называют забором, прыгали разъяренные собаки.

Где-то рядом был источник энергии, и Мыслитель ухватился за него, движимый голодом, отчаянием и еще чем-то, очень похожим на панику. Ухватился и припал к нему, поглотив сразу больше энергии, чем ему требовалось. Дом погрузился в темноту, моргнул и погас фонарь на шесте.

Холод отступил, тело приняло форму пирамиды и засияло. И снова вся информация наконец-то оказалась на месте, более того, она стала еще отчетливей и ясней, чем когда-либо, и, распределившись по мысленным каталогам, ждала, когда ее употребят в дело. Логический процесс в разуме тоже шел безукоризненно и четко; и

теперь после перерыва, который слишком затянулся, можно было...

— Мыслитель, — завопил Охотник. — Прекрати! Собаки! Собаки!

Да-да, конечно. Он знал и про собак, и про план Охотника, и про то, что план действовал.

Скуля и визжа, собаки пытались затормозить отчаянный бег и обогнать это жуткое явление, возникшее вместо волка, которого они гнали.

Слишком много энергии, с испугом подумал Мыслитель. Даже для него слишком много.

Надо освободиться от излишка, решил он. И вспыхнул.

С треском сверкнула молния, на мгновение осветив долину. Краска на доме обуглилась и поползла чернеющими завитками. Собаки бросились обратно через ограду, взвыли, когда в их сторону полыхнула молния, и пустились наутек, прикрывая поджатыми хвостами опаленные дымящиеся зады.

## Глава 25

Уиллоу-Гроув, подумал Блейк, городок, который он знал когда-то. Что, разумеется, было невозможно. Вероятно, городок очень похож на тот, о котором он мог читать или видеть на фото. Но Блейк никогда не бывал здесь.

И все же... Он стоял на перекрестке в свете раннего утра, и воспоминания неотступно преследовали его, а мозг продолжал узнавать то, что видели глаза: ступеньки, ведущие от мостовой к банку, толстые вязы, росшие вокруг маленького парка в дальнем конце улочки. Он знал, что в парке, в центре фонтана, стоит статуя, а сам фонтан чаще бездействует, чем работает; что там же, в парке, есть древняя пушка на тяжелых колесах, и ее ствол загажен голубями...

Блейк не только узнавал, но и подмечал изменения. Велосипедный магазин и лавочка ювелира занимали теперь дом, где прежде был магазин садового инвентаря, а парикмахерская осталась на месте, хотя ее фасад и обновили. И над всей улицей и всей окрестной витал дух старости, которого не было, когда Блейк в последний раз видел городок.

Но мог ли он, спрашивал себя Блейк, вообще видеть его?

Как мог Блейк видеть его и не вспомнить о нем до сегодняшнего дня? Ведь по крайней мере технически он должен владеть тем, что когда-то знал. В тот миг, там, в больнице, все это вернулось к нему — все, что было,

все, что он сделал. Но если так, то каким образом у него отняли воспоминание об Уиллоу-Гроув?

Старый город, почти древний город, где нет летающих домов, сидящих на своих решетчатых фундаментах, будто на настене; нет воздушных жилых массивов многоквартирных домов, возвышающихся на окраинах. Прочные, добросовестно сложенные дома из дерева, камня и кирпича, возведенные на века и не предназначенные для скитаний. Некоторые из них, отметил Блейк, были снабжены солнечными электростанциями, пластины которых неловко прилепились к крышам, а на окраине стояла муниципальная станция более солидных размеров, вероятно, снабжавшая дома, не оборудованные электроустановками.

Он поудобнее устроил на плече мешок и плотнее затянул капюшон туники. Перейдя улицу, Блейк медленно побрел по мостовой. На каждом шагу ему встречались мелочи, будившие бессвязные воспоминания. Теперь он вспомнил не только дома, но и имена. Банкира звали Джейк Вудс, и Джейка Вудса наверняка уже нет в живых, поскольку, если Блейк когда-то видел сам городок, было это скорее всего более двухсот лет назад. Тогда он, Блейк, вместе с Чарли Брином удирал с уроков и отправлялся на рыбалку. Они ловили в ручье голавлей.

Невероятно, сказал он себе. Невозможно. И тем не менее воспоминания продолжали накапливаться, наваливаться на него, и в них присутствовали не смутные тени, а события, лица, картины прошлого. И все они были трехмерными. Блейк помнил, что Джейк Вудс хромал и ходил с тростью; и он знал, что это была за трость — тяжелая, блестящая, сделанная из отполированного вручную дерева. У Чарли были веснушки и широкая заразительная улыбка. И Блейк помнил, что именно из-за Чарли он всегда попадал в передряги. Тут жила Минни Шорт, полуумная старуха, которая носила рубище, передвигалась странной шаркающей походкой и работала на полставки бухгалтером на лесопильне. Но лесопильня исчезла, а на ее месте стояло построенное из стекла и пластика здание агентства по найму леталок.

Блейк добрался до скамейки, стоявшей перед рестораном напротив банка, и тяжело опустился на нее. На улице было несколько человек; проходя мимо Блейка, они разглядывали его.

Он прекрасно себя чувствовал. Даже после трудной ночи в теле еще ощущались свежесть и сила. Возможно, из-за похищенной Мышлителем энергии.

Сняв с плеча мешок, Блейк положил его рядом с собой на скамью, потом откинулся с лица капюшон.

Начали открываться магазины и лавочки. По улице с мягким урчанием проехала машина. Блейк читал вывески. Тут не было ни одной знакомой. Названия магазинов, имена их владельцев и управляющих изменились.

Окна над банком были украшены позолоченными надписями, сообщавшими, кто тут живет: Элвин Бэнк, доктор медицины; Г. Г. Оливер, стоматолог; Райан Уилсон, поверенный; Дж. Д. Лич, оптометрист; Вильям Смит...

Стоп! Райан Уилсон — вот оно! Имя, упомянутое в записке.

Там, на другой стороне улицы, находилась контора человека, написавшего в записке, что он может сообщить нечто любопытное.

Часы над дверью банка показывали почти девять. Уилсон уже мог быть в конторе. Или вот-вот там появится. Если контора еще закрыта, Блейк может подождать его.

Он поднялся со скамьи и пересек улицу. Дверь, ведущая на лестницу, которая шла наверх, на этаж над банком, болталась на петлях, скрипела и стонала, когда Блейк открывал ее. Лесенка была крутая и темная, а коричневая краска перил вытерлась и облупилась. Контора Уилсона располагалась в самом конце коридора, дверь была открыта.

Блейк вошел в приемную, которая оказалась пустой. Во внутреннем кабинете сидел человек в рубахе с короткими рукавами и корпел над какими-то бумагами. Другие документы кипой лежали в корзинке на столе.

Человек поднял глаза.

— Входите, входите, — сказал он.

— Вы Райан Уилсон?

Человек кивнул.

— Моя секретарша еще не пришла. Чем могу быть полезен?

— Вы прислали мне записку. Мое имя — Эндрю Блейк.

Уилсон откинулся на стуле и взорвался на Блейка.

— Черт меня побери, — сказал он наконец. — Вот уж не чаял свидеться. Думал, вы исчезли навсегда.

Блейк озадаченно покачал головой.

— Вы видели утреннюю газету? — спросил Уилсон.

— Нет, — ответил Блейк, — не видел.

Человек потянулся к сложенной газете, лежавшей на углу стола, развернул ее и показал Блейку.

Заголовок кричал: «ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЧЕЛОВЕК СО ЗВЕЗД — ОБОРОТЕНЬ?» В подзаголовке сообщалось: «Охота на Блейка продолжается». Под «шапкой» Блейк увидел свою фотографию. Он почувствовал, как застывает лицо, но сумел сохранить бесстрастное выражение.

— Интересно, — сказал Блейк Уилсону. — Спасибо, что показали. Они уже объявили награду?

Уилсон резко взмахнул кистью, складывая газету, и положил ее обратно на угол стола.

— Вам надо всего-навсего набрать номер, — сказал Блейк. — Телефон больницы...

Уилсон покачал головой.

— Это не мое дело, — заявил он. — Мне все равно, кто вы.

— Даже если я оборотень?

— Даже если так, — отвечал Уилсон. — Вы можете повернуться и уйти, если желаете, а я продолжу работу. Но если хотите остаться, я вынужден задать вам пару вопросов. И если вы сумеете ответить на них...

— Вопросы?

— Да. Всего два.

Блейк заколебался.

— Я действую по поручению клиента, — сообщил ему Уилсон. — Клиента, который умер полтора столетия назад. Это дело переходило по наследству от одного поколения сотрудников этой юридической фирмы к другому. Ответственность за выполнение просьбы клиента принял на себя еще мой прапрадед.

Блейк замотал головой, стараясь разогнать туман в мыслях. Что-то тут было не так. Он понял это в тот миг, когда увидел городок.

Уилсон выдвинул ящик стола, вытащил из него два конверта. Один он отложил в сторону, второй вскрыл и извлек листок бумаги, который зашелестел, когда повешенный принялся разворачивать его.

Уилсон поднес листок к глазам.

— Хорошо, мистер Блейк, — сказал он. — Первый вопрос: как звали вашу учительницу в начальных классах?

— Ну, ее имя было, — проговорил Блейк, — ее имя было...

Ответ пришел почти сразу.

— Ее звали Джонс, — сказал он. — Мисс Джонс. Ада Джонс, кажется. Это было так давно.

Но как-то выходило, что все это было не так уж давно. Он внезапно вспомнил, как она выглядела. Чопорная, похожая на старую деву, с вечно поджатыми губами и растрепанной прической. Она еще носила лиловую блузку. Как он мог забыть эту ее лиловую блузку?

— Хорошо, — сказал Уилсон. — А что вы и Чарли Брин сделали с арбузами Дикона Уотстона?

— Ну, мы... Эй, а как вы об этом узнали?

— Неважно, — сказал Уилсон. — Просто отвечайте на вопрос.

— Что ж, — сказал Блейк, — по-моему, это была жестокая проделка. Нам обоим было не по себе. Мы никому об этом не говорили. Чарли стащил у отца шприц: его старик, как вы, верно, знаете, был доктором...

— Я ничего не знаю, — ответил Уилсон.

— Ну, в общем, взяли мы шприц. У нас был кувшин керосина, и мы впрыснули керосин во все арбузы. Понемножку, как вы понимаете. Ровно столько, сколько нужно, чтобы у арбузов появился странный привкус.

Уилсон положил листок и взял второй конверт.

— Вы сдали экзамен, — сказал он. — Надо думать, это принадлежит вам.

Он вручил конверт Блейку.

Блейк взял его и увидел на лицевой стороне надпись, сделанную, судя по всему, трясящейся рукой глубокого старца. Чернила до того выцвели, что стали бледно-коричневыми.

Надпись гласила: «Человеку, которому принадлежит мой разум». Строкой ниже виднелась подпись: Теодор Робертс.

Рука Блейка дрогнула, и он опустил ее, все еще сжимая в пальцах конверт. Блейк попытался унять дрожь.

Теперь он знал. Теперь он снова знал. К нему вернулось все, — все то, что было забыто, все лица и личности.

— Это я, — сказал он, с трудом шевеля застывшими губами. — Это был я. Тедди Робертс. Я не Эндрю Блейк.

## Глава 26

Передние ворота, чугунные и массивные, были заперты, он вошел через задние и обнаружил посыпанную гравием тропинку, которая змейкой поднималась вверх по склону. Внизу лежал городок Уиллоу-Гроув, а здесь, под покосившимися замшелыми надгробиями, обрамленными соснами и старинной чугунной оградой, покоились старики, которые были молодыми людьми во времена его детства.

— Ступайте по левой дорожке, — сказал Уилсон. — Ваш семейный участок на полпути к вершине холма, с правой стороны. Но, знаете ли, Теодор не совсем мертв. Он помещен в Банк Разумов, и еще он в вас. Здесь только его тело. Хотя я этого не понимаю.

— Я тоже, — сказал Блейк, — но, думаю, мне надо сходить.

И он двинулся в путь, карабкаясь по крутой, неровной, почти нехоженой тропинке вверх к воротам кладбища. По дороге ему пришло в голову, что во всем городке самым знакомым местом ему показалось именно кладбище. Сосны вдоль внутренней стороны чугунной решетки выглядели выше, чем он помнил, и даже при ярком дневном свете были более темными и мрачными, чем он мог предположить. В их тяжелой хвое стонал ветер, и эти звуки походили на погребальную песню из воспоминаний детства.

Письмо было подписано именем Теодор. Но нет, тогда он был не Теодор, а Тедди. Маленький Тедди

Робертс, и позже тоже Тедди Робертс, молодой физик с дипломами технологических институтов Калифорнии и Массачусетса, которому Вселенная представлялась блестящим совершенным механизмом, требующим объяснения. Теодор появится позже — доктор Теодор Робертс, старый грузный человек с медленной походкой, нудным голосом и седой головой. Того человека, сказал себе Блейк, он не знал и никогда не узнает. Потому что его разум, — разум, нанесенный на его синтетический мозг в его синтетическом теле, — был разумом Тедди Робертса.

Теперь, чтобы поговорить с Тедди Робертсом, надо было лишь снять трубку, набрать номер Банка Разумов и назвать себя. И немногого погодя, возможно, раздастся голос, и голос этот будет говорить от имени разума Теодора Робертса. Не самого человека, чей голос умер вместе с ним; и не разума Тедди Робертса — более пожилого, более мудрого, более уравновешенного разума, в который должен был вырасти разум Тедди Робертса. Но это бессмысленно, подумал он, это будет разговор двух незнакомцев. Или нет? Ведь письмо ему оставил не Тедди, а Теодор, и послание выводила слабая трясущаяся рука старика.

Может ли разум выступать от имени человека? Или разум есть нечто отдельное, самостоятельное? Какую часть человека составляет разум, а какую — тело? И в какой степени представлял человека он сам, когда в качестве элементарной человеческой субстанции находился в теле Охотника? Или в теле Мыслителя? Видимо, в меньшей, поскольку Мыслитель столь далек от каких-либо известных человеческих понятий, — биологический преобразователь энергии с системой восприятия, отличной от человеческих чувств, и логико-инстинктивно-рассудочным блоком, заменяющим разум.

Пройдя через заднюю калитку, он остановился в тени сосен. На вершине холма среди замшелых гранитных плит в тишине солнечного утра работал человек, и яркие блики вспыхивали на его инструменте.

Сразу за калиткой стояла церквушка, сияя в сени зеленых сосен белизной дощатых стен и тщетно пытаясь дотянуться колокольней до уровня деревьев. Дверь часовни была открыта, и Блейк заметил, что внутри горит мягкий свет.

Медленным шагом Блейк миновал церковь и направился вверх по дорожке. Хрустел и перекатывался под ногами гравий. «На полпути справа». Когда он добрался до указанного места, то увидел камень с надписью, которая возвещала миру, что здесь поконится тело Теодора Робертса.

Сомнения охватили Блейка.

Зачем он сюда пришел?

Затем, чтобы посетить место, где похоронено его тело, — нет, не его, а человека, чей разум он носит в себе.

А если тот разум еще жив, если живы сразу оба разума, — какое значение имеет тело? Оно не более чем корпус, и его смерть не должна вызывать сожаления, а место захоронения не играет никакой роли.

Он повернулся и медленно пошел обратно к калитке. У часовни задержался, разглядывая лежащий внизу город через решетку ворот.

Блейк знал, что вернуться в город он пока не готов, — и неизвестно, будет ли готов когда-либо. Потому что тогда ему придется решать, что делать дальше. А он не знал этого. Не имел ни малейшего представления.

Блейк повернулся, подошел к порогу церкви и уселся на ступеньку.

И действительно, что теперь делать? — подумал он. Как ему поступить?

Теперь Блейк наконец узнал все про себя, и убегать больше нет надобности. Он обрел почву под ногами, но почва эта оказалась слишком зыбкой.

Блейк сунул руку в карман туники и достал письмо. Развернул и здесь же, на пороге церкви, снова перечитал его:

«Мой дорогой сэр!

Сожалею, что приходится обращаться к Вам в этой странной и нелепой форме. Я перебрал другие варианты обращения, но ни один из них не звучит как хотелось бы. Поэтому остается воспользоваться таким, которое, несмотря на внешнюю официальность, по крайней мере, исполнено достоинства. К настоящему моменту Вы, конечно, уже разобрались, кто есть я, а кто Вы, так что нет необходимости вдаваться в объяснения по поводу наших взаимоотношений, которые, на мой взгляд, не имеют аналогов в истории Земли и несколько необычны

для нас обоих. Все эти годы меня не покидала надежда, что однажды Вы возвратитесь, и тогда мы сможем посидеть вдвоем, быть может, и провести несколько приятных часов, сравнивая наши наблюдения. Теперь, однако, я начал сомневаться, что Вы вернетесь. Ваше отсутствие слишком затянулось, и я боюсь, могло случиться нечто такое, что помешало Вашему возвращению. Но даже если оно и произойдет, то я смогу Вас встретить, только если пройдет совсем немного времени, поскольку дни мои на исходе.

Я пишу, что жизнь моя заканчивается, и все же это не совсем верно. Жизнь кончается для меня как физического объекта. Однако разум мой продолжит существование в Хранилище Разумов, один среди многих, способный функционировать независимо или в сотрудничестве с другими находящимися там разумами в качестве своеобразной консультативной коллегии.

Должен признаться, я не сразу решился принять это предложение. Несомненно, мне оказали высокую честь, остановив выбор именно на мне, и тем не менее, даже дав уже согласие, я не уверен в мудрости совершающего шага как с моей стороны, так и со стороны человечества. Я не убежден, что человек способен достаточно уютно чувствовать себя, сохранившись в виде разума, и, кроме того, опасаюсь, что со временем человечество может оказаться в чрезмерной зависимости от сконцентрированной мудрости и знаний, собранных в так называемом Банке Разумов. Да, Банк может принести пользу, если мы останемся, как сегодня, только консультативным советом, который рассматривает различные вопросы и выдает рекомендации. Но если люди когда-нибудь станут полагаться на одну лишь мудрость прошлого, прославляя или обожествляя ее, поклоняясь ей и не веря в мудрость своего настоящего, то мы превратимся в помеху.

Я не знаю, почему пишу Вам это. Возможно, потому, что, кроме Вас, мне писать некому. Ведь в значительной мере Вы — это и есть я.

Как странно, что одному человеку выпало в жизни принимать дважды настолько схожие решения. Все те сомнения, которые обуревают меня теперь, мне уже пришлось испытать, когда я оказался в числе тех, чей разум предполагалось наложить на Ваш мозг. Мне казалось, что можно было подобрать разум, более пригод-

ный для Вас, чем мой. Мои склонности и предубеждения могли оказать Вам плохую услугу. Это же соображение беспокоит меня до сих пор: пригодился ли Вам или подвел Вас мой разум?

Если человек размышляет над подобными вопросами, это свидетельствует о том, что в своем развитии от простого животного он проделал действительно значительный путь. Я много раз задумывался, не слишком ли далеко мы зашли, не завело ли нас наше интеллектуальное тщеславие в запретную зону. Но такие мысли стали посещать меня сравнительно недавно. И, как на плод сомнений стареющего человека, на них не следует обращать внимания.

Мое письмо, наверное, кажется Вам сбивчивым и несущественным. Однако, если Вы наберетесь еще немногого терпения, я попытаюсь подойти к сути, ради которой это письмо написано.

Все эти годы я думал о Вас, не зная, живы ли Вы, и, если живы, где Вы и когда вернетесь. Полагаю, что к настоящему моменту Вы поняли, что некоторые, а может быть, даже многие из тех, кто Вас изготовил, рассматривали Вас как задачу из области биохимии, не более. Думаю также, что за долгие годы Вы свыклились с этим и поэтому не обидитесь на прямоту моих слов.

Что касается меня, то я всегда считал Вас собратом по людскому племени, практически таким же человеком, как я сам. В семье, как Вам известно, я остался единственным ребенком. И мне часто казалось, что в Вас я вижу того брата, которого никогда не имел. Но истину я осознал позднее. Она заключается в том, что Вы не брат мне. Вы мне значительно ближе, чем брат. Вы — мое второе Я, но ни в коей мере не вторичное, а равное во всех отношениях. И это письмо я пишу в надежде на то, что, если Вы вернетесь, Вы захотите связаться со мной, даже если физически я буду мертв. Меня очень интересуют Ваши дела и мысли. Мне кажется, что, побывав там, где Вы побывали в своем профессиональном качестве, Вы могли прийти к весьма любопытным и содержательным оценкам и взглядам.

Станете ли Вы связываться со мной или нет, решать Вам. И как бы мне ни хотелось поговорить с Вами, я не совсем убежден, что нам следует это делать. Оставляю это целиком на Ваше усмотрение в полной уверенности, что Вы примете наиболее целесообразное решение. Я

же в настоящий момент усиленно размышляю над тем, стоит ли постоянно поддерживать существование одного человеческого разума. Мне видится, что, хотя разум является главным в человеческом существе, человек все же больше, чем только разум. Человек — это не только рассудок, но и память, и способность усваивать факты и вырабатывать оценки. Может ли он сориентироваться в той невероятной стране, в которой оказывается, когда выживает лишь разум? Возможно, он остается человеком, но тогда возникает вопрос о степени его человечности. Превращается ли он в нечто большее или нечто меньшее, нежели человек?

Ну что ж, если Вы считете, что нам следует побеседовать, вы поделитесь со мной своими мыслями по этому поводу. Однако, если Вы полагаете, что нам лучше не встречаться, и я об этом как-то узнаю, то, заверяю Вас, у меня не будет обиды. И в этом случае пусть с Вами останутся всегда мои наилучшие пожелания и любовь.

Искренне Ваш *Теодор Робертс*.

Блейк сложил письмо, засунул его обратно в карман туники.

Все еще Эндрю Блейк, подумал он, а не Теодор Робертс. Может быть, Тедди Робертс, но Теодор Робертс — никогда.

Допустим, он сядет за телефон и наберет номер Банка Разумов. Что делать, когда ответит Теодор Робертс? Что сказать? Ему нечего предложить. Это будет встреча двух людей, которые в равной степени нуждаются в помощи и ждут помощи друг от друга, не умея ее оказать.

Можно будет сказать: «Я оборотень — так меня называют в газетах. Только отчасти человек, не более чем на треть. На остальные две трети я нечто такое, о чем ты никогда не слышал, а если бы услышал, то не поверил бы. Я уже больше не человек, и мне нет места на всей Земле. Я не знаю, кто я. Я чудовище, урод, и всякому, к кому я прикоснусь, причиняю одну лишь боль».

Да, это верно. Он причиняет боль всякому, с кем встречается. Элин Гортон, — она поцеловала его, девушка, которую он мог полюбить и, возможно, уже

полюбил. Но ведь любить может лишь человеческая его часть, только треть его. А это причинит боль ее отцу, замечательному старику с негнущейся спиной и нестигающими принципами. И причинит неприятности молодому доктору Даниельсу, который первым стал его другом и какое-то время был его единственной поддержкой.

Он всем им мог причинить боль — и причинит, если только...

Вот оно. Если.

Необходимо что-то сделать, предпринять какое-то действие, но какое?

Медленно встав со ступенек, он направился было к воротам, затем повернулся и зашел в церковь, в боковой придел.

В помещении царили тишина и полумрак. Электрические канделябры, расставленные на аналое, терялись среди теней — слабый огонек костра в пустынной темноте покинутой всеми равнины.

Место для размышлений. Место, где можно придумать план действий, провести с самим собой тайное совещание. Тщательно проанализировать свое положение, взвесить ситуацию и определить следующий шаг.

Из придела Блейк перешел в центральную часть здания, к скамейкам. Но садиться не стал, а остался стоять, поддерживаемый окутавшей его сумеречной тишиной, которую скорее подчеркивал, чем нарушал, доносившийся снаружи мягкий шорох ветра в соснах.

Блейку стало ясно, что наступило время решать. Здесь он наконец оказался в той точке пространства и времени, откуда нет пути к отступлению. До этого он убегал, и в бегстве был смысл, но теперь эта простая реакция на обстоятельства утратила логику. Потому что убегать дальше некуда. Блейк достиг окончательного предела, и теперь, если продолжать бег, надо разобраться, куда бежать.

Здесь, в этом маленьком городке, он узнал о себе все, что можно было узнать, и город стал тупиком. Вся планета оказалась тупиком, и нет для него места на этой Земле, и среди людей тоже нет места.

Даже принадлежа Земле, Блейк не может претендовать на статус человека. Он гибрид, а не человек, нечто такое, что никогда не существовало прежде, но возникло в результате жутких проектов человечества. Команда из трех различных существ, обладающих возможно-

стью и способностью решать, а может быть, и решить, главную загадку Вселенной, но эта загадка не имеет прямого отношения ни к планете Земля, ни к жизненным формам, населяющим ее. И он здесь ничего не может сделать для этой планеты, как и она для него.

Возможно, на другой планете, бесцветной и безжизненной, где никто не будет мешать, на планете, где нет цивилизации и где ничто не отвлекает, Блейк сумеет осуществить свою миссию — как команда, а не как человек. Именно он, триединый.

Он вновь задумался над могуществом этих трех разумов, соединенных нечаянным и неожиданным поворотом событий, которые породил человеческий разум, — сила и красота, чудо и ужас. И содрогнулся перед осознанием того, что на Земле, возможно, был создан инструмент, поправивший любые понятия цели и смысла, на поиски которых во Вселенной ему предстоит пуститься.

Вероятно, со временем все три разума сольются в один, и, когда это произойдет, вклад человека в нем перестанет иметь значение, поскольку не будет более существовать. А тогда лопнут, разорвутся нити, связывающие его с планетой по имени Земля и с расой обитающих на ней двуногих существ, и он станет свободным. Тогда, сказал себе Блейк, он сможет расслабиться, забыть. И когда забудет, когда из него исчезнет человеческое, тогда Блейк сможет отнести к силе и возможностям множественного разума как к чему-то вполне обыденному. Ибо интеллект человека, каким бы развитым он ни был, чрезвычайно ограничен. Он поражается чудесам и страшится цельного восприятия Вселенной. И все же, несмотря на ограниченность, человеческий разум дает ощущение безопасности, тепла, уюта.

Блейк перерос человека в себе, и это было болезненно. От этого он чувствовал не только тепло и уют, но и слабость и пустоту.

Он сел на пол, обхватив себя руками. Даже этот крошечный кусочек пространства, подумал Блейк, даже эта комната, в которую он, сжавшись, втиснулся, — даже это место не принадлежит ему, а он не принадлежит этому месту. У него нет ничего. И сам Блейк — запутанное нечто, произведенное на свет случайным стечением обстоятельств. Этот мир никогда не предназ-

начался для таких, как он. Он — непрошеный гость. Непрошеный, возможно, только применительно к этой планете, однако все еще упорно сидящий в нем человек никак не может отказаться от нее — и она оказывается единственным во Вселенной местом, которое имеет для него значение.

Не исключено, когда-нибудь Блейк стряхнет с себя человечность, но если это случится, то не раньше чем через несколько тысяч лет. А сейчас это его Земля. Сейчас, а не через вечность — и Земля, и Вселенная.

Блейк ощущал теплую волну чужого сочувствия к себе, он смутно осознал, откуда оно, и даже, несмотря на горечь и отчаяние, понял, что это западня, и закричал, силясь освободиться.

Блейк сопротивлялся как мог, но те двое все равно влекли его к себе в ловушку, он слышал их слова и мысли, которыми они обменивались между собой, и слова, с которыми они обращались к нему, хотя и не понимал их.

Их сочувствие оплело его, и они взяли его и крепко прижали к себе, и их инопланетная теплота окутала его тугим защищающим от всех опасностей одеялом.

Он начал погружаться в негу забвения, и сгусток измучившей его агонии растаял, растворился в мире, где не было ничего, кроме троих — его и тех двух других, связанных воедино на вечные времена.

## Глава 27

Промозглый и колючий декабрьский ветер завывал над землей, срываю последние бурые сухие листья с дуба, который одиноко рос на середине склона холма. Рваные тучи мчались по небу, и ветер доносил запах скорого снегопада. У кладбищенских ворот стояли двое в синем; бледное зимнее солнце на миг пробивалось сквозь тучи, сверкало на начищенных пуговицах и стволах винтовок. Сбоку от ворот собралась горстка туристов, они смотрели через чугунную ограду на белую церквушку.

— Сегодня их немного, — сказал Райан Уилсон. — В хорошую погоду, особенно по выходным, сюда приходят целые толпы, я это не очень одобряю, — продолжал он. — Там Теодор Робертс. Мне все равно, какое обличье он принимает. В любом случае это Теодор Робертс.

— Как я вижу, доктора Роберта высоко ценили в Уиллоу-Гроув, — сказала Элин.

— Это так, — ответил Уилсон. — Из нас он был единственным, кому удалось завоевать известность. Годок гордится им.

— И все это вас возмущает?

— Не знаю, подходит ли тут слово «возмущение». Пока соблюдаются приличия, мы не возражаем. Но толпа нет-нет да и разгуляется. А мы этого не любим.

— Может быть, мне не стоило приезжать, — проговорила Элин. — Я долго раздумывала, и чем больше копалась в себе, тем сильнее чувствовала, что должна приехать.

— Вы были его другом, — с грустью сказал Уилсон. — Вы имеете право приходить к нему. Вряд ли у него было очень много друзей.

Люди потянулись от ворот вниз по склону холма.

— В такой день им и смотреть-то особенно не на что, — сказал Уилсон. — Вот они и не задерживаются. Одна только церковь. В хорошую погоду ее двери, разумеется, бывают открыты, и можно заглянуть внутрь, но и тогда мало что увидишь. Просто темная полоса. Но когда двери открыты, кажется, будто там что-то светится. Поначалу ничего не светилось и ничего не было видно. Словно смотришь в дырку прямо над полом. Все как шорами закрыто. Думаю, это какой-то экран. Но потом экран или защита, или что там еще, постепенно исчез, и теперь можно увидеть, как эта штука светится.

— Они пропустят меня внутрь? — спросила Элин.

— Думаю, что да, — ответил Уилсон. — Я сообщу капитану. Нельзя упрекать Космическую Службу за такие строгие меры предосторожности. Вся ответственность за то, что там находится, лежит на них. Они начали этот проект двести лет назад. Того, что случилось, могло и не быть, если бы не проект «Оборотень».

Элин вздрогнула.

— Простите меня, — сказал Уилсон. — Я не должен был говорить так.

— Почему? — спросила она. — Как бы неприятно это ни было, его все так называют.

— Я рассказывал вам о том дне, когда он пришел в мою контору, — сказал Уилсон. — Это был молодой милый человек.

— Это был испуганный человек, бегущий от мира, — поправила его Элин. — Если б только он сказал мне...

— Возможно, тогда он не знал...

— Он знал, что попал в беду. Мы с сенатором помогли бы ему. И доктор Даниельс помог бы.

— Он не хотел впутывать вас. В такие вещи друзей обычно не втягивают. А ему хотелось сохранить вашу дружбу. Более чем вероятно, что он боялся потерять ее, рассказав все вам.

— Да, я понимаю, что он мог так рассуждать, — ответила Элин. — И я даже не пыталась заставить его поделиться со мной. Но я не хотела делать ему больно. Думала, что надо оставить ему шанс самому все узнать.

Толпа спустилась с холма, прошла мимо них и двинулась по дороге дальше.

Пирамида стояла слева, перед рядами стульев. Она тускло поблескивала и излучала широкую, слегка пульсирующую полосу света.

— Не подходите слишком близко, — посоветовал капитан. — Вы можете испугать его.

Элин не ответила. Она смотрела на пирамиду. От ужаса и изумления, внушаемых этим странным предметом, к горлу подкатывал удущливый комок.

— Можно приблизиться еще на два-три ряда, — сказал капитан. — Но подходить вплотную нельзя. Мы же толком ничего не знаем о ней.

— Испугать? — переспросила Элин.

— Не знаю, — ответил капитан. — Уж так эта штука себя держит. Будто боится нас. Или просто не желает иметь с нами никаких дел. До недавнего времени было по-другому. Она была черной. Кусочек пустоты. Создала собственный мир и воздвигла вокруг него всевозможные защитные приспособления.

— А теперь он знает, что мы не причиним ему вреда?

— Ему?

— Эндрю Блейку, — пояснила она.

— Вы знали его, мисс? Так сказал мистер Уилсон.

— Я трижды встречалась с ним, — ответила она.

— Насчет того, знает ли он, что мы не причиним ему вреда, — проговорил капитан. — Возможно, в этом все дело. Кое-кто из ученых так думает. Многие пытались изучить эту штуку... простите, мисс Гортон, изучить его. Но далеко продвинуться им не удалось. У них почти нет материала для работы.

— Они уверены? — спросила Элин. — Они уверены, что это Эндрю Блейк?

— Там, под пирамидой, — сказал ей капитан. — У ее основания с правой стороны.

— Туника! — воскликнула она. — Та самая, что я дала ему!

— Да, туника, которая была на нем. Вот она, на полу. Один только краешек торчит. Не отходите от меня слишком далеко, — предупредил капитан. — Не приближайтесь к нему.

Элин сделала шаг и остановилась. «Глупо, — подумала она. — Если Эндрю здесь, он знает, знает, что это я, и не испугается. Знает, что я не принесла ему ничего, кроме своей любви».

Пирамида мягко пульсировала.

Но он может и не знать, раздумывала Элин. Может, Блейк укрылся здесь от всего мира. И если он это сделал, значит, у него была причина.

Интересно, каково это — вдруг узнать, что твой разум — разум другого человека, разум, взятый взаймы, ибо собственного ты иметь не можешь, поскольку человек еще недостаточно изобретателен, чтобы создать разум? Его изобретательности хватает, чтобы сделать кости, плоть, мозг, но не создать разум. А насколько тяжелее, должно быть, знать, что ты часть двух других разумов — по меньшей мере двух?

— Капитан, — сказала она. — А ученым известно, сколько там разумов? Их может быть больше трех?

— Кажется, они так и не пришли к общему мнению, — ответил он. — На сегодняшний день положение таково, что их может быть сколько угодно.

Сколько угодно, подумала Элин. Это вместилище бесконечного числа разумов. Всей мысли Вселенной.

— Я здесь, — беззвучно сказала она существу, бывшему некогда Эндрю Блейком. — Разве ты не видишь, что я здесь? Если я буду нужна тебе, если ты когда-нибудь снова превратишься в человека...

Но почему Блейк должен опять превращаться в человека? Может быть, он превратился в эту пирамиду как раз потому, что ему не надо быть человеком? Не надо общаться с родом людским, частью которого он не может стать?

Она повернулась и неуверенно шагнула к выходу из церкви, потом снова вернулась назад. Пирамида мягко светилась, она казалась такой спокойной и прочной и вместе с тем такой отрешенной, что у Элин перехватило горло, а глаза наполнились слезами.

«Я не заплачу, — зло сказала она себе. — Кого мне оплакивать? Эндрю Блейка? Себя? Спящее человечество?»

Он не мертв, думала она. Но это, быть может, хуже смерти. Будь он мертвым человеком, она могла бы уйти. Могла бы сказать: «Прощай».

Однажды Блейк обратился к ней за помощью. Теперь она уже не в силах помочь ему. Люди не в силах помочь ему. Вероятно, подумалось ей, он уже недоступен для человечества.

Она снова повернулась.

— Я пойду, — сказала она. — Капитан, прошу вас, идите рядом со мной.

## Глава 28

Там было все. Громадные черные башни, вросшие в гранитную оболочку планеты, тянулись к небесам. Без движения застыла во времени зеленая, окруженная деревьями поляна, и какие-то животные резвились на ее цветочном ковре. Над пурпурным, испещренным пятнами пены морем возвышались воздушные завитки спирали бледно-розового сооружения. А по огромному, иссушенному жарой плато торчали во все стороны купола, в которых обитали разумы-отшельники. И не только купола — не только изображения, перехваченные со звезд, которые ледяными кристаллами раскинулись по небосводу над планетой песчаных и снежных дюн, — но и мысли, идеи и понятия, приставшие к изображениям, как комья земли пристают к выдернутым корням.

Мысли и понятия эти в большинстве своем были всего лишь отдельными, не связанными друг с другом частицами; но каждая из них могла послужить трамплином к решению логической задачи, — задачи, которая поражает, а порой и пугает своей сложностью. И все же кусочки информации один за другим вставали на место и, единожды опознанные, стирались из активного восприятия, но каждый в любой момент можно было вызвать из каталога и восстановить.

Работа доставляла ему удовольствие и радость, и это беспокоило его. Он ничего не имел против удовлетворения, но вот радость — это было плохо. Ощущение,

которого раньше Мыслитель никогда не испытывал и которое не должен был испытывать теперь; нечто ему чуждое — эмоции. А эмоциям нет места, если хочешь достичь оптимальных результатов, думал он, с раздражением пытаясь истребить в себе радость.

Это как заразная болезнь, сказал себе Мыслитель. И заразился он ею от Оборотня. И еще, возможно, от Охотника — существа, мягко говоря, весьма нестабильного. Теперь ему следует поостеречься: радость — уже достаточно скверно, но от этих двоих можно заразиться и другими аналогичными эмоциями, которые окажутся еще хуже.

Он освободился от радости, выставил охрану против других опасностей и продолжил работу, дробя мысли и понятия до мельчайших составляющих, до формул, аксиом и символов, при этом следя за тем, чтобы в процессе не потерялась их суть, потому что суть понадобится позже.

Время от времени ему встречались обрывки информации, в которых явно что-то крылось, их следовало пометить и отложить, чтобы затем поразмыслить над ними или подождать, пока не появятся дополнительные данные. В целом выстраивалась достаточно прочная логическая основа, но при слишком дальних экстраполяциях увеличивались значения погрешности, и для корректировки требовались новые данные. Сколько скользких мест на пути, на каждом шагу ловушки. Продвижение к решению требовало строжайшей дисциплины и постоянного самоконтроля, чтобы полностью исключить из процесса понятия собственного Я. И именно поэтому, подумал он, столь нежелательно влияние радости.

Взять, например, материал, из которого сделана черная башня. Настолько тонкий, что непонятно, как он выдерживает даже собственный вес, не говоря уже о весе других конструкций. Информация об этом была четкой и убедительной. Но в ней проглядывало и кое-что другое: намек на нейтроны, спрессованные столь плотно, что материал приобрел характеристики металла, и удерживаемые в этом состоянии силой, не имеющей определения. В намеке присутствовало время, но является ли время силой? Временной сдвиг, может быть. Время, сияющее занять свое законное место в прошлом или будущем, вечно стремящееся к цели, недости-

жимой из-за противодействия какого-то фантастического механизма, который разлаживает его ход?

А космические рыбаки, которые забрасывают сети в пространстве, процеживают кубические световые годы пустоты и отлавливают энергию, извергнутую в космос мириадами разъяренных солнц. А заодно — и планктон, состоящий из немыслимых вещей, которые когда-либо двигались либо жили в космосе, — мусор с не-обозримых космических пустырей. Причем никаких сведений о самих рыбаках, ни об их сетях, ни о том, как эти сети ловят энергию. Лишь мысль о рыбаках и их промысле. И не исключено, что это просто фантазия какого-нибудь затуманенного колективного разума, чьято религия, вера или миф — или в самом деле существуют такие рыбаки?

Обрывки сведений, эти и многие другие, и еще один, настолько слабый, что отпечаток его почти не фиксировался — потому, быть может, что оно было поймано от звезды столь далекой, что даже приходящий от нее свет уставал от непомерного пути. Вселенский разум, говорилось в нем, и больше ничего. Что имелось в виду? Может быть, разум, объединяющий все мыслительные процессы. А может, разум, установивший закон и порядок, в соответствии с которыми электрон начал вращаться вокруг ядра и запустил пульс причин и следствий, породивших галактику.

Так много всего в нескольких странных, интригующих обрывках информации. И это только начало. Урожай, снятый за ничтожный промежуток времени с одной лишь планеты. Но как все важно — каждый бит информации, каждый отложившийся на восприятии отпечаток. Всему должно быть найдено свое место в структурах законов и взаимодействий, действий и противодействий, из которых и слагается Вселенная.

Нужно лишь время. Составить мозаику помогут дополнительные данные и дополнительные логические ходы. Что касается времени, то о нем как о факторе можно не беспокоиться. Времени целая вечность.

Расположившись на полу церкви, Мыслитель ровно и мягко пульсировал: логический механизм, составляющий его разум, продвигался к универсальной истине.

## Глава 29

Оборотень боролся изо всех сил. Он должен выбраться. Должен спасти. Он не может больше оставаться погребенным в этой черноте и тиши, в уюте и безопасности, которые обволокли и спеленали, поглотили его.

Оборотень не хотел борьбы. Он предпочел бы оставаться там, где находился, и тем, чем был. Но что-то заставило его бороться — что-то не внутри его, а снаружи, — некое создание, или существо, или обстоятельство, которое звало и говорило, что оставаться нельзя, как бы он ни хотел оставаться. Что-то еще надо было сделать, что-то надо было обязательно сделать, и задание это, каким бы оно ни было, выполнить мог только он.

— Спокойней, спокойней, — сказал Охотник. — Оставайся там, где ты есть, так будет лучше.

Снаружи? — удивился он. И вспомнил. Женское лицо, высокие сосны у ворот — другой мир, на который он смотрел будто бы через стену струящейся воды, далекий, расплывчатый, нереальный. Но Оборотень твердо знал, что тот мир существует.

— Вы заперли меня! — закричал он. — Отпустите сейчас же.

Но Мыслитель не обратил на него внимания. Он продолжал мыслить, всю свою энергию направив на бесчисленные осколки информации и фактов.

Силы его и воля иссякли, и Оборотень погрузился во тьму.

— Охотник, — позвал он.

— Не мешай, — сказал Охотник. — Мыслитель работает.

Он затих в бессильной злости, сердясь безмолвно, мысленно. Но от злости не было толку.

«Я с ними так не обращался, — сказал он себе. — Я всегда их слушал, когда воплощались в меня».

Он лежал расслабившись, наслаждаясь покоем и тишиной, и думал, что так, возможно, лучше. Есть ли еще в чем-либо смысл? Есть ли смысл в Земле? Вот оно — Земля! Земля и человечество. И в том и в другом есть смысл. Может, не для Охотника или Мыслителя, — хотя то, что имеет смысл для одного, имеет смысл и для троих.

Он слабо шевельнулся, но высвободиться не было ни сил, ни, судя по всему, воли.

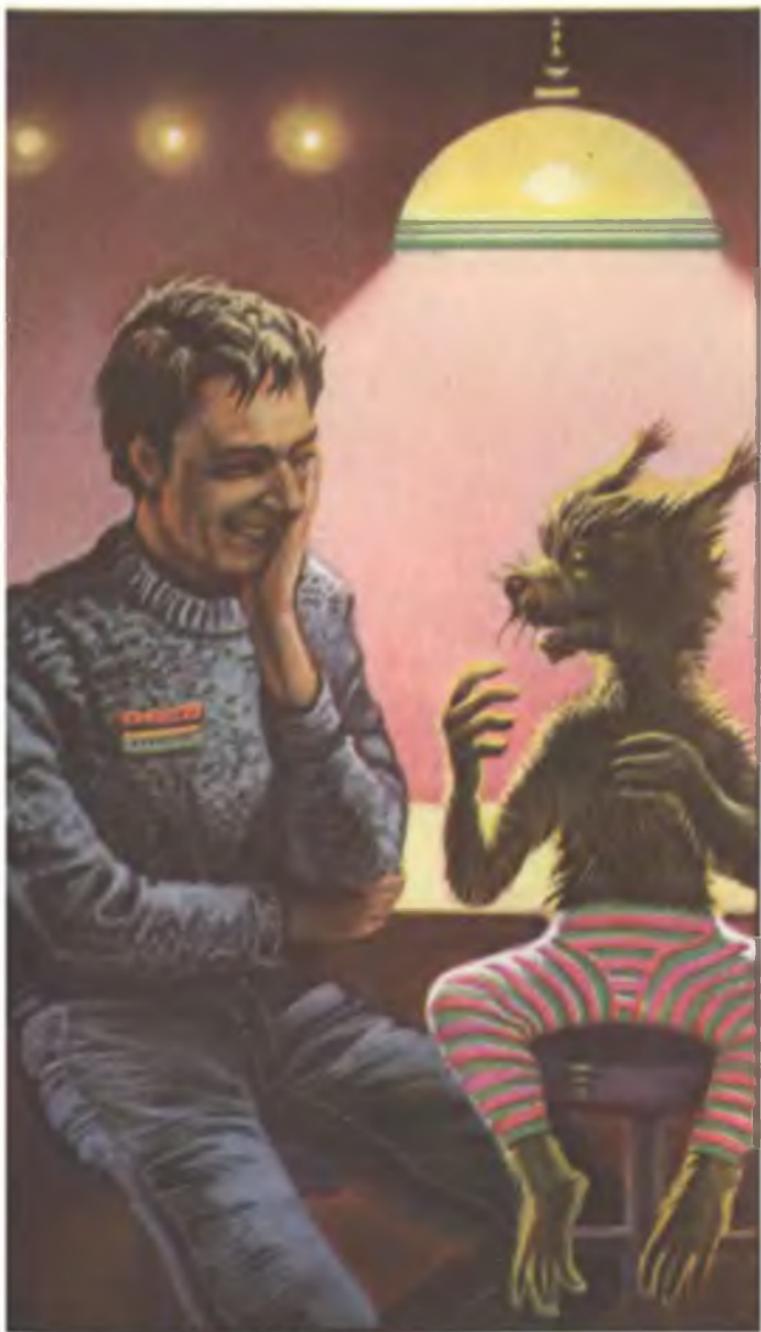
И снова Оборотень лег и затих, набираясь сил и терпения.

Они делают это ради него, прижав к себе, чтобы он поправился и окреп.

Оборотень попытался вызвать ту самую тревогу, надеясь, что обретет в ней силы и волю. Но он не мог вспомнить. Воспоминание оказалось уничтоженным, стертым. От него остались лишь закраины, за которые никак не удавалось ухватиться. И он свернулся клубочком, устраиваясь в темноте, и впустил в себя тишину — но даже теперь Оборотень знал, что все равно будет бороться за то, чтобы вновь освободиться, — пусть надежда слаба, и скорее всего он проиграет, но будет пытаться снова и снова, потому что какая-то не совсем понятная, но неодолимая сила не позволит ему сдаться.

Он тихо лежал и думал, как все это похоже на сон, когда снится, что взбираешься на гору и никак не достичь вершины, или будто висишь на краю пропасти, пальцы постепенно соскальзывают, а затем бесконечное падение, выполненное страха и ожидания того, что вот-вот рухнешь на дно, но удара о скалы все нет и нет...

Время и бессилие простирались перед ним, и само время было бессильно, он знал это, потому что знал все, что знал Мыслитель: время как фактор не играет никакой роли.





Оборотень попытался посмотреть на собственное положение под правильным углом, но оно никак не хотело принимать форму, соотносимую хоть с каким-либо углом зрения. Время — расплывчатое пятно, туманная дымка реальности, и сквозь туман приближается лицо, — лицо, сперва для него ничего особого не значащее, но которое он в конце концов узнал, и, наконец, лицо, которое навеки запечателось в его памяти.

Губы шевельнулись в полумраке, и, хотя он не мог услышать слов, они тоже навеки отпечатались в его сознании.

«Когда сможешь, дай мне знать о себе».

Вот оно, подумал он. Надо дать ей знать. Она ждет и хочет услышать, что с ним произошло.

Оборотень рванулся вверх из мрака и тишины, сопровождаемый рокотом — яростным протестующим рокотом тех других.

Черные башни закружились в обступающей его темноте — вращающаяся чернота, которую можно почувствовать, но нельзя увидеть. И вдруг он увидел.

Блейк стоял в церкви, в полумраке, подсвеченном слабыми огнями люстры. Затем кто-то закричал, и он увидел, как к выходу через неф бежит солдат. Другой солдат растерянно замер.

— Капитан! Капитан! — орал бегущий.

Второй солдат сделал короткий шаг вперед.

— Спокойно, дружок, — сказал Блейк. — Я никуда не ухожу. — Что-то путалось у него в ногах. Блейк взглянул вниз и увидел, что это его туника. Он переступил через нее, поднял и набросил на плечи.

Мужчина с нашивками на плечах пересек неф и остановился перед Блейком.

— Меня зовут капитан Сондерс, сэр, — представился он. — Космическая Служба. Мы охраняем вас.

— Охраняете или караулите? — спросил Блейк.

— Наверное, понемножку и того и другого, — чуть заметно ухмыльнувшись, ответил капитан. — Позвольте поздравить вас, сэр, с тем, что вы снова стали человеком.

— Ошибаетесь, — ответил Блейк, поплотней закутываясь в тунику. — И наверное, теперь вы уже знаете, в чем ваша ошибка. Вам должно быть известно, что я не человек — не совсем человек.

Может быть, подумал он, человеческое в нем лишь одно обличье. Хотя нет, этого мало, ведь его разрабатывали и строили как человека. Конечно, произошли определенные изменения, но Блейк не настолько изменился, чтобы стать нечеловеком. Он сделался нечеловеком ровно настолько, чтобы стать неприемлемым. Нечеловеком ровно настолько, чтобы человечество сочло его чудовищем, монстром.

— Мы ждали, — сказал капитан. — И надеялись...

— Сколько? — спросил Блейк.

— Почти год, — ответил капитан.

Целый год! — подумал Блейк. Ни за что бы не поверил. Казалось, прошло лишь несколько часов, не больше. А интересно, сколько его держали в центральных недрах общего разума, пока Оборотень понял, что должен освободиться? Или он понял это с самого начала, с той минуты, как Мыслитель подавил его? Ответ на это дать трудно. Время применительно к изолированному разуму, возможно, лишено всякого смысла и годится для измерения продолжительности не более, чем школьная линейка.

И все же времени прошло достаточно, по крайней мере для того, чтобы излечиться. Не было больше ни ужаса, ни режущей на куски агонии, теперь Блейк мог мириться с тем, что он в недостаточной степени человек, и не может претендовать на место на Земле.

— И что теперь? — спросил он.

— Мне приказано, — ответил капитан, — сопроводить вас в Вашингтон, в штаб Космической Службы. Если к этому не будет препятствий.

— Препятствий не будет, — заверил его Блейк. — Я не собираюсь оказывать сопротивление.

— Я не вас имею в виду, — сказал капитан, — а толпу на улице.

— Что значит «толпу»? Какая такая толпа?

— На этот раз толпа поклоняющихся вам фанатиков. Дело в том, что возникли секты, которые, насколько мне известно, верят, будто вы пророк, посланный избавить человека от его греховности. А иногда собираются другие группы, объявившие вас исчадием... Извините, сэр, я забылся.

— А что, — поинтересовался Блейк, — эти группы, и те и другие, причиняют вам какие-нибудь хлопоты?

— Причиняют, сэр, — подтвердил капитан. — И иногда немалые. Поэтому мы должны выбраться отсюда незаметно.

— Но почему не выйти через ворота? И положить всему конец?

— Боюсь, что ситуация не столь проста, как вам кажется, — сказал капитан. — Буду с вами откровенен. Кроме нескольких наших людей, о том, что вы уйдете отсюда, не будет знать никто. По-прежнему будет стоять охрана и...

— Вы будете делать вид, что я все еще здесь?

— Да. Так мы избежим ненужных осложнений.

— Но когда-нибудь...

— Нет, — покачал головой капитан, — по крайней мере, не скоро, очень не скоро. Вас никто не увидит. А корабль уже ждет. Так что вы можете лететь, конечно, если хотите лететь.

— Спешите избавиться от меня?

— Может быть, — ответил капитан. — Но еще и хотим дать вам возможность избавиться от нас.

## Глава 30

Земля хочет избавиться от него. Возможно, он просто внушает ей отвращение. Мерзкий плод ее собственного честолюбия и фантазии, плод, который надо быстренько замести под половик. Ибо не осталось ему места на Земле и среди людей, и вместе с тем он был порождением человечества, а его существование стало возможным благодаря смекалке и хитроумию земных ученых.

Блейк раздумывал об этом, когда впервые удалился в церковь, и теперь, стоя у окна своей комнаты и глядя на улицу Вашингтона, он знал, что был прав и точно оценил реакцию человечества.

Хотя нельзя было определить: в какой степени эта реакция исходит непосредственно от людей Земли, а в какой — от чинуш Космической Службы. Для Службы он был давней ошибкой, просчетом планирования с далеко идущими последствиями. И чем быстрее от него избавятся, тем им будет лучше.

Блейк помнил, что на склоне холма за оградой кладбища была толпа, которая собиралась, чтобы отдать дань уважения тому, чем он был в ее глазах. Зеваки? Разумеется. Верующие? Более чем вероятно. Люди, падкие на любые свежие сенсации, которыми можно заполнить пустоту жизни, но все равно человеческие существа, все равно человечество.

Блейк стоял и смотрел на залитые солнцем улицы Вашингтона, на редкие машины, сновавшие по проспек-

ту, и ленивых пешеходов, слонявшихся под деревьями на тротуарах. Земля, думал он. Земля и люди, живущие на ней. У них есть работа, семья, ради которой стоит спешить домой; у них есть домашнее хозяйство и увлечения, свои тревоги и маленькие торжества, друзья. Но это — зависимые люди. Интересно, мог бы он задумываться об этом, если бы сам был зависим, если бы в силу каких-то невообразимых обстоятельств человечество приняло его? Одному ему было не по себе. Блейк не воспринимал себя как одинокое существо, поскольку были и двое других, которые держались вместе, соединившись в том сгустке вещества, из которого состояло его тело.

Их не интересовало то, что он угодил в эмоциональный капкан, хотя там, в церкви, они и высказывали к этому интерес. То, что им самим были недоступны такие чувства, к делу не относилось.

Но удел изгоя, исход с Земли и скитания по Вселенной, доля парии — этого ему, наверное, не вынести.

Корабль ждал его, он был уже почти готов. И решать предстояло Блейку: он мог лететь или остаться. Хотя Космическая Служба ясно дала понять, что предпочла бы первое.

Да и что он приобретет, оставшись? Ничего. Разве что слабую надежду в один прекрасный день вновь обрести человечность.

А если он на это способен, хочет ли он этого?

В голове загудело: Блейк не находил ответа. Он стоял, со скучающим видом глядя в окно и почти не видя того, что творится на улице.

Стук в дверь заставил его обернуться.

Дверь открылась, и он увидел стоящего в коридоре охранника. Потом вошел какой-то человек, и Блейк не сразу узнал его. Но затем разглядел, кто это.

— Сенатор, — проговорил он, подходя к человеку, — вы очень любезны. Я не думал, что вы приедете.

— А почему, собственно, я не должен был прийти? — спросил Гортон. — В вашей записке было сказано, что вы хотите поговорить со мной.

— Я не знал, захотите ли вы видеть меня, — произнес Блейк. — В конце концов я, вероятно, внес свой вклад в исход референдума.

— Возможно, — согласился Гортон. — Стоун поступил в высшей степени неэтично, использовав вас в

качестве негативного примера. Хотя я обязан отдать должное этому парню: использовал он вас великолепно.

— Мне очень жаль, — проговорил Блейк. — Это я и хотел вам сказать. Я бы приехал повидать вас, но, похоже, сейчас меня держат на коротком поводке.

— Ну-ну, — возразил сенатор. — Думается, у нас куда больше тем для беседы. Референдум и его результаты, как вы можете догадаться, довольно болезненный для меня предмет. Только позавчера я отоспал им прошение об отставке. Откровенно говоря, мне понадобится время, чтобы привыкнуть к мысли, что я не сенатор.

— Может быть, присядете? — предложил Блейк. — Вон в то кресло, что ли. Я могу раздобыть немного коньяку.

— От всего сердца одобряю эту мысль, — сказал сенатор. — Уже достаточно поздно, можно начинать дневное возлияние. В тот раз, когда вы пришли к нам в дом, мы пили коньяк. Если память меня не подводит, бутылочка была особая.

Он сел в кресло и обвел глазами комнату.

— Должен заметить, что о вас неплохо заботятся, — заявил он. — По меньшей мере офицерские апартаменты.

— И страж у дверей, — добавил Блейк.

— Вероятно, они немного побаиваются вас.

— Наверное, но в этом нет нужды.

Блейк подошел к винному шкафчику, достал бутылку и два стакана. Потом он пересек комнату и уселся на кушетку лицом к Гортону.

— Как я понимаю, вы вот-вот покинете нас, — сказал сенатор. — Мне говорили, что корабль почти готов.

Блейк кивнул, разливая коньяк.

— Я немного размышлял об этом корабле, — сказал он. — Экипажа не будет. Я один на борту. Полная автоматика. Сделать такое всего за год...

— О, не за год, — возразил сенатор. — Разве никто не позабылся рассказать вам о корабле?

Блейк покачал головой.

— Меня кратко проинструктировали. Да, это точное слово: проинструктировали. Мне сказали, на какие рычаги нажимать, какие циферблаты крутить, чтобы попасть туда, куда я хочу попасть. Как работает система снабжения продуктами. Хозяйство корабля. Но это все.

Разумеется, я спрашивал, но ответов у них, похоже, не было. Кажется, главная их цель — поскорее выпихнуть меня с Земли.

— Понимаю, — сказал сенатор. — Старые военные игры. Всякие там каналы и тому подобные штуки, наверное. И чуть-чуть этой их нелепой секретности.

Он поболтал коньяк в стакане и поднял глаза на Блейка.

— Если вы думаете, что это ловушка, не бойтесь. Это не так. Корабль будет делать все, что они обещают.

— Рад это слышать, сенатор.

— Корабль не строили. Его, можно сказать, вырастили. Он не сходил с чертежных досок в течение сорока лет или дольше. Конструкцию меняли множество раз, испытывали снова и снова, строили и разбирали, чтобы внести усовершенствования. Это была попытка создать идеальный корабль, понимаете? На него потрачены миллионы человекодней и миллиарды долларов. Корабль способен работать вечно, и человек может жить в нем вечно. Это единственное средство, способное помочь человеку, оснащенному так, как вы, уйти в космос и выполнить ту работу, для которой и строили корабль.

Блейк вздернул брови.

— Один вопрос, сенатор: зачем столько хлопот?

— Хлопот? Не понимаю.

— Послушайте — все, что вы говорите, верно. Это странное создание, о котором вы вели разговор, на треть состоящее из меня, способно летать по Вселенной на таком корабле и делать дело. Но какая будет отдача? Что сулит это человечеству? Может быть, вы верите, что когда-нибудь мы вернемся, преодолев расстояние в миллионы световых лет, и передадим вам приобретенные знания?

— Не знаю, — сказал сенатор. — Может быть, так они и думают. Может быть, у вас достанет человечности вернуться.

— Сомневаюсь, сенатор.

— Что ж, — сказал тот, — не вижу большого смысла говорить об этом. Вдруг возвращение окажется невозможным, даже если вы захотите. Мы понимаем, сколько времени займет ваша работа, и человечество не настолько глупо, чтобы верить в свое вечное существование.

вание. К тому времени, когда вы получите ответ, нас может уже и не быть.

— Мы получим ответ. Если мы полетим, то получим его.

— Еще одно, — сказал сенатор. — Вам не приходило в голову, что человечество, быть может, способно дать вам возможность полететь в космос в поисках ответа, даже зная, что оно ничего на этом не выгадает? Зная, что где-то во Вселенной найдется некий разум, которому будет полезен ваш ответ и ваши знания?

— Об этом я не думал, — сказал Блейк. — И я не убежден, что это так.

— Мы досадили вам, не правда ли?

— Не знаю, — ответил Блейк. — Не могу сказать, какие чувства я испытываю. Человек, который вернулся домой и которого сразу же пинком вытравывают вон.

— Вы не обязаны покидать Землю. Я думал, вам самому этого хочется. Но если вам угодно остаться...

— Остаться? Зачем? — воскликнул Блейк. — Чтобы сидеть в красивой клетке и сполна пользоваться казенной добротой? Чтобы на меня пялили глаза и показывали пальцем? Чтобы дураки преклоняли колена возле этой клетки и молились, как там, в Уиллоу-Гроув?

— Наверное, это было бы довольно бессмысленно, — согласился Гортон. — Я имею в виду — остаться тут. В космосе у вас по крайней мере будет занятие, и...

— И еще одно, — прервал его Блейк. — Как получилось, что вы столько обо мне знаете? Как вы это раскопали? Как вычислили, в чем тут дело?

— Насколько я понимаю, при помощи дедукции, — ответил Гортон, — основанной на тщательных исследованиях и дотошных наблюдениях. Это не все. Но этого достаточно, чтобы понять, какими способностями вы обладаете и как можете их применить. Мы поняли, что такие способности не должны пропадать зря; надо было дать вам возможность использовать их. Кроме того, мы подозревали, что здесь, на Земле, вы их реализовать не сумеете. Тогда-то Космическая Служба и решила предоставить вам корабль.

— Вот, значит, к чему все сводится, — сказал Блейк. — Я должен выполнить задание, хочу я того или нет.

— По-моему, решать вам, — с холодком в голосе проговорил Гортон.

— Я на эту работу не напрашивался.

— Да, — согласился Гортон. — По-видимому, не напрашивались. Но вы можете обрести удовлетворение в ее заманчивости.

Они помолчали. Обоим было не по себе от того, что разговор принял такой оборот. Гортон допил коньяк и отставил стакан. Блейк потянулся за бутылкой.

— Нет, благодарю вас. Мне скоро идти. Но прежде я задам вам вопрос. Вот он: что вы рассчитываете там найти? И что вы уже знаете?

— Относительно того, что мы предполагаем найти, я не имею ни малейшего представления, — ответил Блейк. — Что мы уже знаем? Массу вещей, которые не сложились в цельную картину.

Гортон тяжело поднялся. Движения его были скованными.

— Я должен идти, — сказал он. — Спасибо за коньяк.

— Сенатор, — проговорил Блейк, — я послал Элин письмо, а ответа нет.

— Да, я знаю, — сказал Гортон.

— Мне нужно повидаться с ней перед отлетом, сэр. Я хочу кое-что ей сказать.

— Мистер Блейк, — заявил Гортон, — моя дочь не желает ни видеть вас, ни говорить с вами.

Блейк медленно поднялся. Они стояли лицом к лицу.

— А причина? Вы можете сказать, почему?

— Я думаю, что причина должна быть очевидна даже для вас, — ответил Гортон.

## Глава 31

Тени уже заползли в комнату, а Блейк все сидел на кровати не шевелясь, и мысли его все крутились вокруг одного-единственного беспощадного факта.

Элин не желает ни видеть его, ни говорить с ним — хотя она, чье лицо он запомнил навсегда, помогла ему вырваться из тьмы и покоя. Если сенатор сказал правду, все его усилия и борьба были напрасны. Лучше бы Блейк тогда остался там, где был, и залечивал бы раны, пока Мыслитель доведет до конца свои размышления и подсчеты. Но правду ли сказал сенатор? Может быть, он затаил на него обиду за роль, которую Блейк сыграл в поражении столь дорогой ему биоинженерной программы? И таким образом решил отплатить, хотя бы частично, за собственное разочарование?

Нет, это маловероятно, сказал себе Блейк. Сенатор — слишком искушенный политик, чтобы не отдавать себе отчета в том, что эта затея с биоинженерией была, мягко говоря, авантюрой и имела немного шансов на победу. И потом, во всем этом есть что-то странное. Поначалу Гортон был очень любезен и отмахивался от упоминания о референдуме, а потом вдруг тон его сделался резким и холодным. Словно сенатор играл заранее продуманную роль — хотя такое предположение выглядит совершенно бессмысленным.

— Я восхищен тем, как ты держишься, — сказал Мыслитель. — Ни стонов, ни зубовного скрежета, ни вырывания волос.

— Да замолчи ты! — оборвал его Охотник.

— Но я попытался сделать комплимент, — возразил Мыслитель, — и оказать моральную поддержку. Он подходит к проблеме на высоком аналитическом уровне, без эмоциональных вспышек. Единственный способ найти решение в подобной ситуации.

При этом разумный компьютер мысленно вздохнул.

— Хотя я должен признать, — сказал он, — я не в состоянии разобраться в важности данной проблемы.

— Не обращай на него внимания, — посоветовал Охотник Блейку. — Я заранее принимаю любое твое решение. Если хочешь задержаться на этой планете, я согласен. Мы подождем.

— Ну, конечно, — подтвердил Мыслитель. — Какие вопросы? Что такое одна человеческая жизнь? Ты ведь не останешься здесь дольше одной человеческой жизни?

— Сэр, — обратилась к Блейку Комната, — вы позволите включить свет?

— Нет, — сказал Блейк. — Пока не надо.

— Но, сэр, уже темнеет.

— Я люблю темноту.

— Может быть, желаете поужинать?

— Нет, не сейчас, благодарю.

— Кухня готова выполнить любой ваш заказ.

— Чуть позже, — сказал Блейк. — Я еще не голодаю.

Они сказали, что не возражают, если он решит остаться на Земле и попытаться стать человеком. Но зачем?

— А почему бы не попробовать? — сказал Охотник. — Человек-женщина может передумать.

— Вряд ли, — сказал Блейк.

И в этом, конечно, было самое худшее: он знал, почему она не передумает, почему не захочет иметь ничего общего с подобным ему существом.

Но дело было не только в Элин, хотя Блейк знал, прежде всего именно в ней. Ему еще предстояло об оборвать последние связи с человечеством, которое могло стать ему родным, с планетой, которая могла бы стать его первым и единственным домом, и теперь человеческая часть его сути не желала мириться с уготованным ей насилием, не хотела терять право первородства, не успев обрести его. И все это — дом, родина, родство —

из-за своей недосыгаемости где-то в глубине души становилось ему особенно дорогим.

Мягко звякнул колокольчик.

— Телефон, сэр, — сказала Комната.

Он протянул руку к телефону, щелкнул выключатель. Экран продолжал моргать.

— Вызов без видеопередачи, — объявил коммутатор. — Вы имеете право не отвечать.

— Ничего, — сказал Блейк. — Давайте. Мне все равно.

Голос — четкий, ледяной, лишенный всякой интонации, — ровно произнес:

— С вами говорит разум Теодора Робертса. Вы Эндрю Блейк?

— Да, — сказал Блейк. — Как поживаете, доктор Робертс?

— Со мной все в порядке. Разве может быть иначе?

— Извините, я забыл. Не подумал.

— Поскольку вы не связывались со мной, я решил найти вас сам. Думаю, нам надо поговорить. Насколько мне известно, вы скоро улетаете.

— Корабль почти готов, — ответил Блейк.

— Путешествие за знаниями?

— Да, — подтвердил Блейк.

— Летите все трое?

— Да, все трое.

— С тех пор как я узнал о вашей ситуации, — сказал разум Теодора Робертса, — я об этом часто думаю. Несомненно, рано или поздно наступит день, когда вас станет не трое, а один.

— Я тоже так думаю, — сказал Блейк. — Но это произойдет очень не скоро.

— Время для вас не играет никакой роли, — сказал разум Теодора Робертса, — и для меня тоже. У вас бессмертное тело, которое можно разрушить только извне. А у меня нет тела вообще, и потому меня нельзя убить. Я могу умереть, только если испортится техника, содержащая мой разум.

Не имеет никакого значения и Земля. Мне кажется, вам необходимо признать этот факт. Земля — не более чем точка в пространстве, крохотная, ничтожная точка.

Если задуматься, в этой Вселенной так мало чего-либо, что действительно важно. Когда ты все просеешь

через сито значительности, в нем останется только разум. Разум — общий знаменатель Вселенной.

— А человеческая раса? — спросил Блейк. — Человечество? Оно тоже не имеет значения?

— Человеческая раса, — ответил четкий, ледяной голос, — лишь мельчайшая частица разума. Не говоря уж об отдельном человеческом или каком ином существе.

— Но разве разум... — начал было Блейк и остановился.

Бесполезно, сказал он себе, разве может понять другую точку зрения существо, с которым он разговаривает, — не человек, а бестелесный разум, находящийся в плену предрассудков своего мира не в меньшей степени, чем существо из плоти и крови — своего. Утраченный для физического бытия, он, наверное, хранит о нем столь же туманные воспоминания, как взрослый — о собственном младенчестве. Разум Теодора Робертса существует в одном измерении. Маленький мир с гибкими параметрами, в котором не происходит ничего вне рамок движения мысли.

— Вы что-то сказали — или хотели сказать?

— По-видимому, — произнес Блейк, пропуская вопрос, — вы говорите мне это затем...

— Я говорю вам это затем, — сказал Теодор Робертс, — что знаю, насколько вы утомлены и расстроены. А так как вы — часть моего Я...

— Я не часть вашего Я, — сказал Блейк. — Два столетия назад вы дали мне разум. С тех пор этот разум изменился. Он уже не ваш разум.

— Но я полагал... — начал Теодор Робертс.

— Не знаю. Очень любезно с вашей стороны. Но из этого ничего не выйдет. Я стою на собственных ногах. У меня нет выбора. В моем создании участвовало много людей, и я не могу разорвать себя на части, чтобы каждому вернуть долг — вам, биологам, которые чертили проект, техникам, изготавлившим кости, мясо, нервы...

Воцарилось молчание. Затем Блейк быстро произнес:

— Простите. Наверное, мне не следовало этого говорить. Мне не хотелось бы, чтобы вы обиделись.

— Я не обиделся, — сказал разум Теодора Робертса. — Напротив, я вполне удовлетворен. Я могу теперь не беспокоиться о том, мешают ли вам мои склонности

и предрассудки, которыми я вас наделил. Но я что-то разболтался. А мне надо еще сообщить вам нечто для вас важное. Таких, как вы, было двое. Был еще один искусственный человек, который полетел на другом корабле...

— Да, я слышал об этом, — сказал Блейк. — Я не раз задумывался — вам о нем что-то известно?

— Он вернулся, — сообщил разум Теодора Роберта.

— Его доставили домой. Почти как вас...

— В состоянии анабиоза?

— Да. Но, в отличие от вас, в своем корабле. Через несколько лет после запуска. Экипаж испугался происходящего и...

— То есть мой случай уже никого особенно не удивил?

— Думаю, что удивил. Никому не пришло в голову увязать вас со столь давними событиями. Да и не так уж много людей в Космослужбе знали об этом. О том, что вы можете оказаться вторым из тех двух, начали догадываться незадолго до вашего побега из клиники, после слушаний по биоинженерному проекту. Но вы исчезли раньше, чем они смогли что-либо предпринять.

— А тот, другой? Он все еще на Земле? Взаперти у Космослужбы?

— Сомневаюсь, — произнес разум Теодора Роберта. — Трудно сказать. Он исчез. Больше мне ничего не известно...

— Исчез! Вы хотите сказать, его убили!

— Я не знаю.

— Вы должны знать, черт побери! — закричал Блейк. — Отвечайте! Я сейчас пойду туда и все разнесу. Я найду его...

— Бесполезно, — сказал Теодор Робертс. — Его там нет. Больше нет.

— Но когда? Как давно?

— Много лет назад. Задолго до того, как вас обнаружили в космосе.

— Но откуда вам известно? Кто сказал вам...

— Нас здесь тысячи, — ответил Теодор Робертс. — Что знает один, доступно всем. Все обычно в курсе всего.

Блейк почувствовал, как его обдало леденящим дыханием бессилия. Тот, второй, исчез, сказал Теодор Робертс, и в его словах сомневаться не приходится. Но

куда? Умер? Спрятался где-то? Снова отправлен в космос?

Второй искусственный человек, единственное во всей Вселенной другое существо, с которым его могло бы связать родство, — и теперь он исчез.

— Вы в этом уверены?

— Я в этом уверен, — подтвердил Теодор Робертс. Немного помолчав, Робертс спросил:

— Так вы летите в космос? Решились?

— Да, — сказал Блейк, — Наверное, это единственное, что мне осталось. На Земле у меня ничего нет.

Да, он знал, на Земле у него ничего нет. Раз тот, второй, исчез, на Земле у него ничего не осталось. Элин Гортон отказалась с ним разговаривать, а ее отец, когда-то такой доброжелательный, вдруг сделался холодным и официальным, прощаясь с ним, и Теодор Робертс оказался колючим голосом, вещающим из одномерной пустоты.

— Когда вы возвратитесь, — сказал Теодор Робертс, — я еще буду здесь. Прошу вас, позвоните. Обещаете?

«Если возвращусь, — подумал Блейк. — Если ты еще будешь здесь. Если кто-нибудь еще будет здесь. Если Земля заслуживает того, чтобы на нее возвращались».

— Да, — сказал он. — Да, конечно. Я позвоню.

Он протянул руку и разъединил связь. И сидел так, не шевелясь, в безмолвной темноте, чувствуя, как Земля удаляется от него, уходит по все расширяющейся спирали и он остается один, совсем один.

## Глава 32

Земля осталась позади. Солнце сделалось совсем маленьким, но все еще было Солнцем, а не одной звездой среди многих. Космический корабль падал вниз по длинному туннелю гравитационных векторов, которые через некоторое время разгоняют его до такой скорости, когда покажется, что у звезд смещаются орбиты и цвета.

Блейк сидел в кресле пилота и глядел на раскрывшуюся перед ним изогнутую прозрачность космоса. Здесь так тихо, подумал он, так тихо и покойно — полное отсутствие каких-либо событий. Через пару часов он встанет, обойдет корабль и убедится, что все в порядке, хотя заранее знает, что все будет в порядке. В таком корабле ничто не может испортиться.

— Домой, — тихо произнес Охотник в сознании Блейка. — Я лечу домой.

— Но ненадолго, — напомнил ему Блейк. — Ровно настолько, чтобы собрать то, что ты не успел собрать. А затем снова в путь, туда, где ты сможешь получить новые данные с новых звезд.

И так снова и снова, подумал он, вечно в пути, собирать урожай со звезд, обрабатывая данные в биокомпьютере — разуме Мыслителя. Поиск, беспрестанный поиск намеков, свидетельств, косвенных указаний, которые позволят составить знание о Вселенной в схему, доступную пониманию. И что же они тогда поймут? Многое, наверное, о чем сейчас никто и не подозревает.

— Охотник ошибается, — сказал Мыслитель. — У нас нет дома. У нас не может быть дома. Оборотень это уже выяснил. Нам и не нужен дом, мы это поймем со временем.

— Корабль станет нашим домом, — сказал Блейк.

— Нет, не корабль. Если вам так уж надо считать что-то домом, то тогда это Вселенная. Наш дом — весь космос. Вся Вселенная.

Возможно, это как раз то, подумал Блейк, что попытался объяснить ему разум Теодора Робертса. Земля, он сказал, не более чем точка в пространстве. Это относится, конечно, и ко всем другим планетам, ко всем звездам — они лишь разбросанные в пустоте точки концентрации вещества и энергии. Разум, сказал Теодор Робертс, не энергия, но разум. Не будь разума, все это распыленное вещество, вся эта бурлящая энергия, вся эта пустота потеряли бы смысл. Только разум в состоянии обнять материю и энергию и вложить в них значимость.

И все же, подумал Блейк, хорошо бы иметь в такой пустоте свою стоянку, чтобы можно было указать, пусть только мысленно, на какой-то сгусток энергии и сказать: вот мой дом.

Он сидел в кресле, всматриваясь в космос и снова вспоминая тот момент в церкви, когда впервые осознал свою бездомность, — что у него нет и никогда не может быть родины, что, появившись на свет на Земле, он никогда не станет землянином, наделенным человеческим обличьем, никогда не сможет стать человеком. Но тогда же, теперь Блейк это понял, ему стало ясно и другое: какой бы он ни был бездомный, он не одинок и одиноким никогда не будет. У него есть еще те двое других, и еще у него есть Вселенная, и все идеи, все фантазии — все, что когда-либо рождала кипящая в ней разумная жизнь.

Земля могла бы стать его домом, подумал он; Блейк был вправе рассчитывать, что она станет его домом. Точка в пространстве, снова вспомнил он. Все правильно — Земля и есть крохотная точка в пространстве. Но какой бы крохотной она ни была, она нужна человеку как маяк, как основа координат. Вселенной недостаточно, потому что она слишком всеобъемлюща. Человек с Земли — в этом есть содержание, есть личность; но

человек из Вселенной — это нечто затерянное среди звезд.

Заслышав мягкий шелест шагов, Блейк вскочил с кресла и повернулся.

В дверном проеме стояла Элин Гортон.

Он было рванулся к ней, но вдруг застыл, остановился.

— Нет! — воскликнул он. — Нет! Ты не ведаешь, что творишь...

«Заяц-безбилетник, — подумал он. — Смертный на бессмертном корабле. Но ведь она отказалась говорить со мной, она...»

— Вовсе нет, — возразила она, — Я знаю, что делаю. Я там, где мое место.

— Андроид, — с горечью произнес он. — Копия. Игрушка, сделанная, чтобы меня осчастливить. В то время как настоящая Элин...

— Эндрю, — сказала она, — я и есть настоящая Элин.

Растерянным жестом он приподнял руки, и вдруг она оказалась в его объятиях, и Блейк прижал ее к себе, всем телом, до боли, испытывая радость от того, что она здесь, что с ним рядом человек, причем человек, который ему дорог.

— Но это невозможно, — качал он головой. — Ты просто не понимаешь. Я ведь не человек. И я не всегда такой как сейчас. Я превращаюсь в других.

— Я знаю, — повторила она, подняв на него глаза. — Это ты не понимаешь. Я — тот второй, второй из нас.

— Тот второй был мужчина, — произнес он, чувствуя себя довольно глупо. — Он был...

— Не он. Она. Тем вторым была женщина.

Так вот оно в чем дело, ну конечно же, подумал он. Говоря «он», Теодор Робертс имел в виду «человек», а не мужчина или женщина, он просто не знал.

— Но Гортон? Разве ты не его дочь?

— Нет. У сенатора была дочь по имени Элин Гортон, но она умерла. Покончила жизнь самоубийством. При каких-то жутких и грязных обстоятельствах. Если бы это стало известно, карьера сенатора закончилась бы.

— И тогда ты...

— Именно. Но я об этом, естественно, ничего не знала. Сенатор узнал о моем существовании, когда начал раскапывать архивы программы «Оборотень». Увидев меня, он был поражен моим сходством с его до-

черью. Конечно, я тогда находилась в анабиозе уже много лет. Выяснилось, что у нас с тобой, Эндрю, скверные характеры. Мы оказались совсем не такими, как они предполагали.

— Да, — согласился он, — я знаю. И теперь этому даже рад. Так ты все это время знала...

— Я узнала только недавно, — сказала она. — Видишь ли, сенатор держал Космослужбу в кулаке, а те делали все, чтобы сохранить в тайне историю с оборотнями. Поэтому, когда он пришел к ним вне себя от горя после смерти дочери, считая себя конченым человеком, ему отдали меня. Я считала себя его дочерью. Любила его, как отца. Конечно, перед этим меня подвергли всяким там гипнозам и обработкам, чтобы внушить мне, что я его дочь.

— Наверняка ему пришлось пустить в ход все свои связи, чтобы замять историю со смертью родной дочери и подменить ее тобой...

— Другому это не удалось бы, — с горечью произнесла она. — Сенатор замечательный человек и чудесный отец, но в политике у него железная хватка.

— Ты любила его?

— Да, Эндрю, — кивнула она. — Во многих отношениях он для меня все еще отец. Даже представить невозможно, чего ему стоило сказать мне правду.

— А тебе? — спросил он. — Тебе это тоже кое-чего стоило.

— Разве ты не видишь, — сказала она, — что я не могла оставаться. Я не могла оставаться, зная правду. Как и тебя, меня ждала жизнь уродца, отщепенца, обреченно-го житьечно. А что осталось бы у меня, когда умрет сенатор?

Блейк понимающе кивнул, думая о том, как те двое людей, два человека, принимали это решение.

— И потом, — добавила она, — мое место с тобой. Мне кажется, я поняла это сразу, когда ты, весь промокший и продрогший, забрел в тот старинный каменный дом.

— Но сенатор сказал мне...

— Что я не хочу тебя видеть, что я не хочу с тобой разговаривать.

— Но почему? — спросил он недоуменно. — Почему?

— У тебя пытались отбить охоту оставаться, — объяснила она. — Было опасение, что ты не захочешь расстаться с Землей и откажешься лететь. Тебе старались внушить, что с Землей тебя ничего не связывает. И сенатор, и разум Теодора Робертса, и все остальные. Потому что мы должны были лететь. Мы с тобой посланцы Земли — дар, который Земля посыпает Вселенной. Если населяющему Вселенную разуму, мыслящей жизни суждено когда-либо постичь то, что происходит, уже произошло, произойдет в будущем и какой во всем этом смысл, то мы с тобой можем помочь в этом.

— Так, значит, Земля все же наша родина? Земля не отреклась от нас...

— Конечно, нет, — сказала она. — Теперь тайна раскрыта, все о нас знают, и Земля гордится нами.

Он прижал ее к себе, зная, что теперь у него есть и всегда будет дом — планета Земля. И человечество всегда будет с ним, куда бы они ни полетели. Потому что они — продолжение человечества, его руки и разум, протянувшиеся к таинству вечности.



**МОГИЛЬНИК**

## Глава 1

Впервые я увидел Кладбище при свете дня. От его красоты захватывало дух. Сверкающие надгробные памятники рядами тянулись по долине и покрывали склоны близлежащих холмов. Аккуратно подстриженная, нигде не вытоптанная трава изумрудным ковром устилала землю. Величественные сосны, которые отделяли одну аллею могил от другой, тихо и заунывно шелестели.

— Прямо за душу берет, — проговорил капитан звездолета похоронной службы.

Он постучал себя по груди, очевидно, показывая мне, где у него находится душа. У меня сложилось впечатление, что человек он не очень далекий.

— Сколько бы ты ни шатался по космосу, сколько бы планет ни перевидал, Мать-Земля тебя не отпускает, — продолжал он. — Ты всегда помнишь о ней. Но стоит лишь приземлиться здесь и выйти из корабля, как обнаруживаешь, что под забытось-то, оказывается, куда как много. Мать-Земля слишком велика и прекрасна, чтобы ее можно было удержать в памяти целиком.

Корпус звездолета, разогревшийся при посадке, теперь, потрескивая, отдавал тепло. Экипаж, не дожидаясь, пока корабль остынет окончательно, приступил к разгрузке. Распахнулись черные бортовые люки; оттуда, позвякивая и лязгая цепями, высунулись стрелы кранов. От длинного приземистого здания, которое,

судя по всему, исполняло роль этапного ангара, к звездолету устремились автомобили.

Капитана, похоже, все это нисколько не заботило. Он по-прежнему зачарованно разглядывал Кладбище. Вдруг он величаво повел рукой.

— Какие просторы! — сказал он. — А ведь сейчас мы видим только крохотный его кусочек. Оно давно переросло Северную Америку.

Он не сообщил мне ничего нового. Я прочитал гору книг о Земле, просмотрел и прослушал сотни кинопленок и магнитных лент. Я бредил Землей с детства. Наконец-то сбылась моя мечта, а этот придурок капитан вещает с таким видом, будто планета принадлежит ему одному. Хотя, быть может, тому есть основания: ведь он работает на Кладбище.

Он ничуть не преувеличивал, говоря о крохотном кусочке. Ряды памятников, бархатное покрывало травы, величественные сосны — подобная картина являлась, пожалуй, неотъемлемой частью пейзажа как в Северной Америке, так и на древнем острове Британия, на европейском континенте, в северной Африке и в Китае.

— И каждый его дюйм, — не унимался капитан, — так же тих, покоен, торжествен и содержитя в таком же порядке, что и уголок, который мы видим перед собой.

— А остальное? — спросил я.

Капитан обернулся ко мне.

— Что остальное? — раздраженно бросил он.

— Остальная территория планеты. Как с ней? Насколько мне известно, Кладбище владеет не всей Землей.

— Помнится, — заметил капитан ядовито, — вы меня об этом уже спрашивали. И что вам неймется? Поймите, кроме Кладбища, тут нет ничего, заслуживающего внимания.

Так оно, в общем-то, и было. Во всех современных, то есть менее чем тысячелетней давности, книгах о свободной от захоронений территории едва упоминалось. Земля была Кладбищем, если не считать немногих мест, которые представляли интерес с точки зрения истории или культуры. Эти места широко рекламировались, для их посещения организовывались специальные паломничества. Однако у тех, кто побывал там, неиз-

бежно возникало впечатление, что существуют они лишь до поры до времени — пока Кладбищу не надобест ломать комедию. Так вот, по книгам выходило, что, помимо тех мест, Земля представляет собой всего лишь площадку для захоронений, на которой так давно ничего не строилось, что всякая память о былых днях успела улетучиться.

Капитан, по-видимому, не собирался сменить гнев на милость.

— Мы выгрузим ваши вещи и переправим их в ангар, — сказал он. — Там вы без труда их найдете. Я прикажу ребятам быть повнимательнее и не перепутать с гробами ваши ящики.

— Вы очень добры, — отозвался я. Он утомил меня до последней степени. Уже на третий день полета я не чаял, как от него избавиться. Я, как мог, избегал его — без особого, впрочем, успеха, ибо, летя пассажиром на корабле похоронной службы, я тем самым становился на время перелета гостем капитана. Надо сказать, эта привилегия обошлась мне недешево.

— Надеюсь, — в его голосе все еще слышались раздраженные нотки, — ваш груз не содержит ничего запрещенного к ввозу.

— А я и не подозревал, что фирма «Мать-Земля, Инк.» опасается крамолы.

— Вы напросились ко мне в пассажиры, и я взял вас потому, что вы показались мне благородным человеком.

— О благородстве у нас не было и речи, — напомнил я ему. — Разговор шел только о деньгах.

Быть может, подумалось мне, не стоило упоминать о свободных пространствах Земли. Мы с капитаном не раз касались этой темы, и, как я мог заметить, он всегда реагировал на нее весьма болезненно. Мне следовало бы получше помнить прочитанное и держать рот на замке. Однако я не в силах был смириться с мыслью, что старушка Земля за десять тысяч лет превратилась в совершенно безликую планету. Во мне жила уверенность, что, если поискать, можно обнаружить старые шрамы и извлечь из-под пыли веков запечатленную в камне летопись былых времен.

Капитан повернулся, чтобы уйти, но я остановил его вопросом:

— Тот человек, к которому я должен обратиться, управляющий. Где я могу с ним встретиться?

— Его зовут Максуэлл Питер Белл, — бросил капитан. — Вы найдете его вон там, в административном корпусе.

Он показал на высокое серебристое здание в дальнем конце космодрома, к которому бежала дорога. Прикинув на глаз расстояние, я решил, что путь мне предстоит неблизкий. Никаких средств передвижения видно не было, если не считать выстроившихся в ряд у грузового люка корабля автомобилей-катафалков. Ну и ладно, прогуляемся по свежему воздуху.

— В соседнем здании, — продолжал капитан, — располагается гостиница, где останавливаются те, кто совершает паломничество. Возможно, вам повезет получить там номер.

Выполнив свои обязательства по отношению ко мне до конца, капитан развернулся и пошел прочь.

До гостиницы, приземистого сооружения в три этажа высотой, было гораздо дальше, чем до административного корпуса. Космодром выглядел чуть ли не заброшенным. На поле не было ни одного звездолета помимо того, на котором я сюда прибыл, и, если забыть про катафалки, ни одного автомобиля.

Я направился к административному корпусу, думая о том, как хорошо размять мышцы, как хорошо снова чувствовать под ногами твердый грунт и дышать свежим воздухом. Как хорошо очутиться на Земле, особенно после того, как неоднократно отчаялся сюда попасть.

Элмер, должно быть, бесится в своем ящике, гадая, почему я не распаковал его сразу после посадки. Это было бы разумное решение, ибо за то время, которое уйдет у меня на посещение Белла, он мог бы привести в порядок Бронко. Но тогда пришлось бы дожидаться, пока мои вещи выгрузят и переправят в ангар, а мне не терпелось сделать ну хоть что-нибудь.

Откровенно говоря, меня заинтриговало: с какой стати я должен отмечаться у этого самого Максуэлла Питера Белла? Капитан выразился в том смысле, что того, мол, требует простая вежливость, но я ему не поверил. Его поведение в полете, на который ушли без остатка все сбережения Элмера, отнюдь нельзя было назвать образцом любезности. Походило на то, что

Кладбище считает себя чем-то вроде правительства и ожидает соответствующего уважения со стороны гостей планеты. На деле же оно было ничем иным, как преуспевающей фирмой, которую мало интересовали моральные проблемы. За годы, посвященные изучению Земли, у меня выработалось весьма определенное мнение о компании «Мать-Земля, Инк.».

## Глава 2

Максуэлл Питер Белл, управляющий североамериканским отделением фирмы «Мать-Земля, Инк.», оказался пухленьким коротышкой с претензиями на роль всеобщего любимца. Когда я вошел в его офис, занимающий особняк на крыше административного корпуса, он встретил меня, восседая в громоздком зачехленном кресле за большим сверкающим столом. Потерев руки, он приветливо, если не сказать нежно, улыбнулся мне. Начни его карие глаза таять и сбегать ручейками по щекам, оставляя на них следы как от шоколада, я бы ничуть не удивился.

— Вы довольны перелетом? — спросил он. — У вас нет претензий к капитану Андерсону?

Я покачал головой.

— Никаких. Я ему очень признателен. Мне не хватило бы денег, чтобы заплатить за место на корабле для паломников.

— Ну что вы, что вы, — проговорил он. — Это мы должны быть вам признательны. В наши дни мало кто из людей искусства проявляет интерес к Матери-Земле.

Тут он, разыгрывая из себя радушного хозяина, пожалуй, слегка переборщил. Мне было известно, что Земля вовсе не обделена вниманием, как он выразился, «людей искусства»; причем любой из них, прилетев сюда, незамедлительно попадал под «материнское» крыльиш-

ко фирмы. Об опеке со стороны компании мог не догадаться разве что полный недотепа. Потому-то многое из того, что было здесь написано или снято, выглядело, как состряпанная высокооплачиваемыми мастерами своего дела кладбищенская реклама.

— У вас тут хорошо, — сказал я лишь для того, чтобы поддержать разговор.

Получилось так, что я сам напросился на лекцию. Белл завозился, поудобнее устраиваясь в кресле, — точь-в-точь наследка, распускающая перья над гнездом с яйцами.

— Вы, разумеется, слышали сосны, — начал он. — Они поют. Даже отсюда, если распахнуть окно, можно услышать их пение. Я слушаю их вот уже тридцать лет и никак не наслушаюсь. Они поют о вечном покое, который нельзя обрести нигде, кроме как на Земле. Порой мне кажется, что это песня не только сосен и ветра, но разбросанного по космосу человечества, которое наконец возвращается домой.

— Ничего такого я не слышал, — признался я. — Наверное, прошло слишком мало времени. Но вообще-то, я для того и прилетел, чтобы слушать.

С тем же успехом я мог бы не раскрывать рта. Он меня не слышал. Он не желал меня слышать. Он был поглощен исполнением давным-давно заученного монолога.

— Тридцать с лишним лет, — вещал он, — я заботился об Окончательно Вернувшихся. За такую работу берутся, лишь хорошенько все взвесив. У меня было много предшественников; в этом кресле сиживали многие управляющие, и все они были людьми благородными и возвышенными. И моя обязанность — продолжать их дело. Еще я считаю своим долгом поддерживать великие традиции, которые зародились в далеком прошлом Матери-Земли.

Он откинулся на спинку кресла. В уголках его карих глаз выступила влага.

— Временами, — сообщил он, — мне приходится нелегко. Сами понимаете, обстоятельства бывают разные. Порочащие измышления, всякие слухи, обвинения, которые никогда не высказываются открыто. Полагаю, вам они известны.

— Да, я кое-что слышал.

— Вы верите им?

— Не всем.

— Давайте не будем ходить вокруг да около, — предложил он, пожалуй, чуть резковато. — Давайте поговорим начистоту. Во-первых, фирма «Мать-Земля, Инкорпорейтед» есть ассоциация похоронных услуг, а Земля — кладбище. Далее, наша компания — отнюдь не мыльный пузырь, созданный ради легкой наживы, не ловушка для простаков и не какая-нибудь там посредническая контора, которая распродает за бешеные деньги лакомые кусочки бесценных угодий. Разумеется, мы в своей работе пользуемся существующими деловыми каналами. А как же иначе? Только этим путем мы можем предложить свои услуги населенной людьми Галактике. Отсюда возникает необходимость создания организации настолько крупной, что подобное трудно себе вообразить. Но у каждой медали есть оборотная сторона. В силу грандиозности предприятия, практически невозможно говорить об осуществлении надлежащего контроля за ходом всей деятельности организации. Другими словами, вполне вероятно, что мы, руководители, зачастую остаемся в неведении относительно событий, которым, знай мы о них, вряд ли позволили бы произойти.

Мы нанимаем бесчисленных специалистов по рекламе. Мы вынуждены рекламировать свои товары в самых отдаленных уголках обжитого космоса. Мы с готовностью признаем, что на всех планетах, колонизованных людьми, находятся наши торговые агенты. Для делового мира все это в порядке вещей. Учтите также, что, навязывая свои услуги, мы тем самым проявляем заботу о благе человека. В нашей деятельности можно выделить по меньшей мере два аспекта.

— Два? — переспросил я ошарашенно. Меня поразила не столько та лавина сведений, которую обрушил мне на голову Белл, сколько личность моего собеседника. — Я думал...

— Первый из них — индивидуальный подход, — перебил он. — О нем-то вы, без сомнения, и подумали. Разумеется, мы ставим индивида во главу угла. Поверьте мне: зная, что твои усопшие родственники покоятся в священной землице материнской планеты, ощущаешь в душе радость и умиротворение. И как приятно сознавать, что, окончив все счеты с жизнью, ты тоже ока-

жешься тут — на планете, которая была колыбелью человечества!

Я повел плечами. Мне стало за него стыдно. Он поставил меня в неловкое положение, и потому я слегка рассердился. Должно быть, подумалось мне, он считает меня круглым дураком, если рассчитывает сладкими речами успокоить мои подозрения насчет истинного лица фирмы «Мать-Земля, Инк.» и обратить меня в свою веру.

— Второй аспект, — продолжал он, — является, пожалуй, еще более значимым. Мы, то есть наша фирма, сохраняем человечество как единое целое. Позабыв о Матери-Земле, человек превратился бы в перекати-поле. Он потерял бы всякую память и всякие связи с этим относительно небольшим кусочком материи, который кружит вокруг ничем не примечательной звезды. А так, пускай связь неимоверно хрупка, но она объединяет людей. Земля — вот то, что принадлежит всем нам без исключения. Лишившись ее, человек обратится в бродягу, не помнящего родства.

Белл сделал паузу и поглядел на меня. Мне показалось, он ожидает с моей стороны одобрительного замечания. Если так оно и было на самом деле, то ему пришлось разочароваться.

— Итак, Земля представляет собой огромное галактическое кладбище, — произнес он, сообразив, видно, что я не намерен раскрывать рот. — Однако это отнюдь не просто могильник. Она — памятник, она — нить, которая связывает человечество воедино. Без нас люди бы давным-давно предали Землю забвению. Сложись обстоятельства иначе, и планета, которая дала жизнь человеку, вполне вероятно, превратилась бы в предмет академического интереса и пустых споров. Изредка в поисках туманных свидетельств о временах юности галактической расы, сюда заглядывали бы археологические экспедиции — и все.

Он подался вперед и оперся локтями на стол.

— Я утомил вас, мистер Карсон?

— Нисколько, — отозвался я, ничуть не покривив душой. Он вовсе меня не утомил, скорее, зачаровал. Неужели он и вправду верит всему тому, что наговорил мне?

— Мистер Карсон, — повторил он. — А имя? Бояюсь, я его запамятаю.

— Флетчер, — подсказал я.

— Ну, конечно! Флетчер Карсон. Значит, вы слышали все эти рассказы. Что мы дерем с клиентов три шкуры, что мы облапошиваем их, что мы...

— Слышал, но не все, — заметил я.

— И принимаете их за чистую монету, не так ли?

— Послушайте, мистер Белл, — сказал я, — мне непонятно...

Он перебил меня.

— Надо признать, некоторые наши представители излишне усердны, — проговорил он. — А рекламищики, преисполнясь творческого пыла, забывают порой о хорошем вкусе. Но в общем и целом мы прилагаем немалые усилия, чтобы поддержать лицо фирмы, которая взялась за такое, прямо скажем, нелегкое дело. Любой из паломников, побывавших на Матери-Земле, подтвердит, что на планете не найти ничего краше участков, к которым мы приложили руку. Благоустроенные, обсаженные вечнозеленым кустарником и тисом... трава бархатистая и аккуратно подстрижена... великолепные цветочные клумбы... да ведь вы видели все своими глазами, мистер Карсон.

— Лишь мельком, — сказал я.

— Что касается проблем, с которыми мы сталкиваемся, позвольте привести вам маленький пример, — он словно вдруг проникся доверием ко мне. — Несколько лет назад одному нашему агенту в дальнем секторе Галактики вздумалось распустить слух, что на Земле почти не осталось места, и что тем семьям, которые хотели бы похоронить там своих покойников, настоятельно рекомендуется заблаговременно приобрести пока еще свободные территории.

— Разумеется, это была «утка», — закончил я. — Не так ли, мистер Белл?

Мой вопрос был чисто риторическим. Просто мне захотелось подколоть Белла. Однако он, если и уловил насмешку в моем голосе, то не подал вида.

Он вздохнул.

— Естественно. Приведись мне услышать такое, я бы, откровенно говоря, не поверил. Я бы пожал плечами и посмеялся в лицо тому, кто мне это бы рассказал. Но многие поверили и побежали жаловаться, а власти затянули расследование. Короче, нам пришлось несладко во всех отношениях. Хуже всего то, что слух не умер,





что к нему до сих пор некоторые относятся вполне серьезно. Мы стараемся искоренить его. Мы тратим на борьбу с ним силы и деньги. Мы опубликовали не одно опровержение, но пока безрезультатно.

— Мне кажется, этот слух в какой-то степени вам на пользу, — заметил я. — На вашем месте я бы не особенно боролся с ним.

Белл надул пухлые щеки.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Наши отношения с клиентами всегда строились на основе честности и взаимного доверия. Именно поэтому мы считаем, что фирма не должна нести ответственности за опрометчивый поступок одного из агентов. Если принять во внимание грандиозный масштаб нашей деятельности и трудности поддержания связи, то неудивительно, что такое иногда может произойти.

— Не могли бы вы рассказать мне об остальной Земле, — попросил я, — о той ее части, которая не является Кладбищем. Было бы весьма...

Взмахом пухленькой ручки Белл отмел мой вопрос и остальную Землю вместе с ним.

— Ничего там нет, — ответил он. — Дикая природа. Совершенно дикая. Интерес на планете представляет лишь Кладбище. С практической точки зрения, Земля — это могильник и ничего больше.

— Тем не менее, — не отступался я, — мне бы...

Не дав мне договорить, он возобновил свою лекцию.

— Нам никуда не деться от вопроса о наших доходах. Почему-то считается, что они у нас колоссальные. Но давайте прикинем с вами издержки. Во-первых, затраты на обеспечение существования фирмы — от них одних волосы дыбом встают. Прибавьте сюда расходы на содержание флота похоронной службы: ведь наши корабли привозят на Землю покойников со всей Галактики. Приплюсуйте еще деньги, которые тратятся на приведение в порядок участков на планете, и вы получите сумму, по сравнению с которой расценки на наши услуги покажутся мизерными.

Немногие из родственников соглашаются сопровождать умерших на борту корабля похоронной службы. А потом, мы сами зачастую не разрешаем им этого. Вы провели несколько месяцев на одном из кораблей и знаете теперь, что до комфорта туристских лайнеров

нашим звездолетам далеко. Зафрахтовать корабль могут позволить себе лишь те, у кого денег куры не клюют, а прибытие звездолетов с паломниками, путешествие на которых, кстати сказать, тоже обходится недешево, как правило, не совпадает по времени с посадкой кораблей похоронной службы. Таким образом, поскольку родственники обычно не в состоянии наблюдать за преданием усопшего земле, на нашу долю выпадает позаботиться о соблюдении традиций. Невозможно представить себе, чтобы человека погребли в священной почве Матери-Земли, не проронив над ним ни слезинки! Поэтому мы содержим большой штат плакальщиц и тех, кто несет гробы до могилы. Кого у нас только нет — цветочницы и могильщики, скульпторы и садовники, не говоря уже о священниках. Со священниками вопрос особый. Их у нас видимо-невидимо. Вера в божественное, которую люди понесли с собой к звездам, неоднократно видоизменялась, и на сегодняшний день мы имеем тысячи культов и сект. Однако наша фирма по праву гордится тем, что тело опускается в могилу лишь после того, как над ним прочитают заупокойную молитву, которая предписывается его вероисповеданием. Отсюда — невообразимое количество священников, причем кое-кому из них приходится отправлять свои обязанности не чаще, чем раз или два в год. Но, чтобы они всегда были под рукой, мы платим им жалованье круглогодично.

Разумеется, мы смогли бы сэкономить известные средства, воспользовавшись, к примеру, механическими экскаваторами для рытья могил. Но мы не хотим нарушать традиции, и потому у нас служит не одна тысяча могильщиков. Другой пример: значительно дешевле было бы устанавливать на могилах металлические таблички. Но опять-таки — традиция есть традиция. Все надгробные памятники на кладбищах вырезаны вручную из камней Матери-Земли.

Кроме того, существует еще вот какая проблема. Наступит день — не завтра, но тем не менее, — когда на Земле не останется свободного места. Источник нашего дохода иссякнет, но кому-то ведь надо будет заботиться о захоронениях и тратить деньги на их содержание. По этой причине мы ежегодно отчисляем определенную сумму в страховой фонд, гарантируя

клиентам, что, пока Земля кружит по своей орбите, могилам их близких ничто не угрожает.

— Очень интересно, — сказал я. — Спасибо за доставленное удовольствие. Однако не откажите в любезности объяснить, зачем вы все это мне рассказали.

— Как зачем? — удивился Белл. — Чтобы прояснить ситуацию. Чтобы не допустить извращения истины. Чтобы вы осознали, с какими трудностями мы сталкиваемся.

— И чтобы я заметил, вдобавок, как развито у вас чувство долга, и насколько вы преданы делу.

— А почему бы и нет? — спросил он, ничуть не смущившись. — Мы хотим показать вам все, что тут есть интересного. Прелестные деревушки, где живут наши рабочие, удивительно красивые часовни, мастерские, в которых изготавливают памятники.

— Мистер Белл, — сказал я, — мне не нужны экскурсоводы. Я прибыл сюда не как паломник.

— Но ведь вы не откажетесь от нашей помощи, которую мы вам с удовольствием предоставим?

Я покачал головой, надеясь, что Белл не обидится.

— Извините, но это не входит в мои планы. Нам надо работать — мне, Элмеру и Бронко.

— Вам, Элмеру и кому?

— Бронко.

— Бронко? Что-то я вас не пойму.

— Мистер Белл, — сказал я, — чтобы как следует понять меня, вам придется изучить историю Земли и познакомиться кое с какими древними легендами.

— А причем здесь Бронко?

— Так раньше на Земле называли лошадей. Не всех, правда, а особой породы \*.

— Значит, ваш Бронко — лошадь?

— Нет, — ответил я.

— Мистер Карсон, я не уверен, что понимаю, кто вы такой и что намереваетесь делать на Земле.

— Я специалист по композиции, мистер Белл. Я собираюсь сочинить композицию о планете Земля.

---

\* Бронко (амер.) — полудикая лошадь американских прерий.  
(Здесь и далее примеч. перев.)

Он величественно кивнул, избавившись, как видно, от всяческих подозрений на мой счет.

— Вот оно что. И как я сразу не догадался! Ведь в вас с первого взгляда чувствуется что-то этакое... Вы сделали великолепный выбор. Мать-Земля подарит вам вдохновение. Ей присуще какое-то неуловимое очарование. Музыка переполняет ее...

— Дело не в музыке, — перебил я. — Вернее, не только в музыке.

— Вы хотите сказать, что музыка не имеет ничего общего с композицией?

— Конечно, нет. Просто музыка — лишь часть композиции. Композиция есть абсолютная форма искусства. Она включает в себя музыку, письмо и устную речь, скульптуру, живопись и пение.

— И вы все это умеете делать?

Я покачал головой.

— По правде сказать, я мало что умею. А вот Бронко — да.

Он хлопнул в ладоши.

— Боюсь, я слегка запутался.

— Бронко — композитор, — объяснил я. — Он впитывает в себя настроение, внешние впечатления, малозаметные нюансы, звуки, формы и очертания. Он поглощает все это и выдает полуфабрикат — пленки и рисунки. Тогда наступает моя очередь. На время я как бы становлюсь придатком Бронко. Он подбирает материал, а я располагаю его в гармоническом порядке, но не весь, а только часть. Остальное доделяет тоже Бронко. Похоже, я ничего не сумел объяснить.

Белл покачал головой.

— Никогда ни о чем таком не слышал. Ну и дела!

— Теория композиции возникла на планете Олден лишь пару столетий назад, — сказал я, — и с тех пор ее непрерывно развивают. Двух одинаковых инструментов для композиции просто не существует. Как бы ни был хорош тот или иной экземпляр, всегда найдется какая-нибудь деталька, которая требует доработки. Поэтому, когда садишься конструировать композитор (небудтое название, но лучшего пока не придумали), трудно сказать заранее, что получится.

— Вы назвали свой аппарат Бронко. Наверное, на то была какая-то причина?

— Понимаете, — ответил я, — композитор — штука довольно громоздкая. У него сложный механизм со множеством хрупких деталей, для защиты которых от повреждений требуется прочный корпус. Иными словами, на себе его не потаскаешь. Следовательно, он должен двигаться самостоительно. Вдобавок, мы приделали к нему седло для тех, кто захочет на нем прокатиться.

— Если мне не изменяет память, вы упомянули Элмера. Почему вы пришли без него?

— Элмер находится в ящике, потому что он — робот, — пояснил я. — Он совершил перелет до Земли в качестве груза.

Белл беспокойно зашевелился.

— Мистер Карсон, — заявил он, — вам наверняка известно, что роботам запрещено ступать на Землю. Боюсь, нам придется...

— У вас ничего не выйдет, — сказал я. — Вы не вправе прогнать его с планеты. Он — коренной житель Земли, на что мы с вами явно не в силах претендовать.

— Коренной житель? Невероятно! Должно быть, вы шутите, мистер Карсон?

— Ни в коей мере. Его изготовили здесь в дни Решающей Войны. Он участвовал в создании последней из огромных боевых машин. С наступлением мирных дней он стал свободным роботом и, согласно галактическому закону, за очень небольшим исключением обладает теми же правами, что и любой человек.

Белл снова покачал головой.

— Не знаю, — протянул он, — не знаю...

— Знать тут нечего, — сказал я. — Между прочим, я внимательно изучил свод галактических законов. Из них следует, что Элмер, ко всему прочему, считается уроженцем Земли. Не изготовленным на Земле, а рожденным на ней. Я прихватил с собой копию документа, который все это подтверждает. Сам документ остался на Олдене. Копию предъявить меня не попросили. По существу, — заключил я, — Элмер все равно что человек.

— Но капитан должен был поинтересоваться...

— Капитану было все равно, — ответил я. — Его вполне устроила взятка, которую я ему дал. А на случай, если вам окажется мало законных оснований, утчите: в

Элмере восемь футов роста, и нрав у него далеко не покладистый. А еще он весьма чувствителен. Когда я запаковывал его в ящик, он запретил мне выключать себя. Скажу вам откровенно, мне не хочется думать о том, что может случиться, если его ящик открою не я, а кто-то другой.

Глазки Белла сонно сощурились, но взгляд у него был настороженный.

— Почему вы такого плохого мнения о нас, мистер Карсон? — поинтересовался он. — Мы рады вашему приезду, рады, что вы решили навестить старушку Землю. Стоит вам только попросить, и мы тут же придем вам на помощь. Если у вас возникнут трудности с финансами...

— Уже возникли. Но никакой помощи мне не надо.

— Бывали случаи, — гнул свое Белл, — когда мы субсидировали людей искусства. Писатели, художники...

— Я и так и этак старался дать вам понять, что мы не хотим связываться ни с вашей фирмой, ни с Кладбищем. Однако вы упорно не желаете ничего замечать. Нужно ли мне сказать об этом напрямик?

— Думаю, ни к чему, — отозвался он. — У вас сложилось в корне ошибочное представление, будто на Земле есть что-то еще, кроме Кладбища. Поверьте мне, милейший, ничего на ней больше нет. Земля — никудышная планета. Десять тысяч лет назад люди изгадили ее и бежали в космос, и если бы не мы, кто бы сейчас про нее помнил? Поразмыслите хорошенько. Мы можем договориться к взаимному удовольствию. Меня заинтересовала та новая форма искусства, о которой вы говорили.

— Послушайте, — сказал я, — давайте кончать. Я не собираюсь пахать на Кладбище. И должность штатного писаки в вашей фирме меня не устраивает. Я вам ничего не должен. Более того, я заплатил вашему драгоценному капитану пять тысяч кредиток, чтобы он доставил нас сюда...

— А на звездолете паломников, — перебил Белл раздраженно, — вам пришлось бы заплатить куда больше. Да и груз ваш сократили бы вдвое.

— По-моему, — бросил я, — заплачено было достаточно.

Я повернулся и вышел не попрощавшись. Спускаясь по ступенькам крыльца, я увидел автомобиль красного цвета, припаркованный у подъезда административного корпуса, на отведенном для стоянки месте. Сидевшая в нем женщина глядела прямо на меня с таким видом, как будто мы с ней были знакомы.

Цвет машины неожиданно напомнил мне об Олдене, где все и началось.

## Глава 3

Дело было под вечер. Я сидел в саду, разглядывая пурпурное облако на розовом горизонте (небеса Оддена розового цвета), слушая пение птиц, которое доносились из небольшой рощицы у подножия садового холма. Я наслаждался их песнями, и тут на пыльной дороге, что бежала через песчаную равнину, показалось это чудище восьми футов ростом. Двигалось оно неуклюжей походкой пьяного бегемота. Наблюдая за ним, я мысленно умолял его пройти мимо и оставить меня наедине с чудесным вечером и пением птиц. Я пребывал в глубокой депрессии и больше всего на свете хотел остаться один, рассчитывая найти в одиночестве исцеление. Ибо в тот день я столкнулся лицом к лицу с жестокой реальностью и вынужден был признать, что у меня нет ни малейшей возможности попасть на Землю, пока я не раздобуду где-нибудь еще денег. А раздобыть их мне было негде. Что-то я наскреб сам, что-то одолжил, но сумма оказалась крохотной. Будь у меня надежда на успех, я бы, наверное, отправился воровать. Будущее виделось мне окутанным беспросветным мраком. Я твердил себе, что хватит предаваться бесплодным мечтаниям, ведь построить такого композитора, как мне хочется, я все равно не в состоянии.

Сидя в саду, я наблюдал за восьмифутовым чудищем и желал всей душой, чтобы оно прошло мимо. Но надеяться на это было бессмысленно, поскольку, кроме моего сада, вокруг ничего не было.

Судя по всему, чудище было рабочим роботом, быть может, роботом-строителем. Хотя что делать роботу-строителю на Олдене? Никакого активного строительства тут не ведется.

Подковыляв к калитке, робот остановился.

— С вашего разрешения, сэр, — сказал он.

— Добро пожаловать, — проговорил я сквозь зубы.

Он отодвинул щеколду, прошел в калитку и аккуратно запер ее снова. Приблизившись ко мне, он медленно опустился на землю и прошипел что-то вежливое. Вы слышали, как шипит трехтонный робот? Уверяю вас, впечатление остается жуткое.

— Хорошо поют птички, — произнесла гора металла, сидя на корточках рядом со мной.

— Да, неплохо, — согласился я.

— Позвольте представиться, — сказал робот.

— Прошу, — ответил я.

— Меня зовут Элмер, — сказал робот. — Я свободный робот. Меня отпустили на свободу много веков назад, и с тех пор я принадлежу самому себе.

— Поздравляю, — хмыкнул я. — И как жизнь?

— Неплохо, — ответил Элмер. — Брожу, знаете, туда-сюда.

Я кивнул. Мне доводилось встречать свободных роботов-бродяг. После многих лет рабства закона, наконец, уравнял их в правах с людьми.

— Я слышал, — продолжал Элмер, — что вы собираетесь вернуться на Землю.

Именно так он и сказал: «вернуться на Землю». Минуло десять тысячелетий, и какой-то робот надумал вернуться на Землю. Как будто человечество покинуло ее только вчера!

— Тебя неправильно информировали, — сказал я.

— Но у вас есть композитор...

— Всего лишь каркас, с которым придется немало повозиться, прежде чем он окажется на что-либо способным. Такой хлам на Землю тащить не стоит.

— Плохо, — вздохнул Элмер. — Где же еще сочинять композиции, как не на Земле! Правда, тут есть одно «но»...

Неизвестно почему, он замялся. Я терпеливо ждал, не желая смущать его вопросами.

— Я вот что хочу сказать, сэр... не знаю, имею ли я право так говорить... в общем, не дайте Кладбищу

поймать себя на удочку. Кладбище — чужое. Оно присосалось к Земле. Присосалось, понимаете ли, как пиявка.

Услышав такие слова, я навострил уши. Гляди-ка, сказал я себе с изрядной долей удивления, не ты один не доверяешь Кладбищу.

Я внимательнее пригляделся к роботу. Ничего особенного в нем не было. Тело его, по крайней мере по одденским меркам, было старомодным и топорно спрятанным, но сильным и крепким. Что касается головы, то изготовителям Элмера, как видно, никогда было думать о такой чепухе, как приятное выражение лица. Выглядел он довольно неряшливо, но по манере говорить никак не напоминал устаревшего неповоротливого рабочего робота.

— Нечасто встретишь робота, который интересуется искусством, — промолвил я, — да еще таким трудным для понимания. Ты порадовал меня.

— Я пытался стать человеком, — объяснил Элмер. — Я ведь им никогда не был. Вот почему, наверное, я так старался. Сначала я получил документы об освобождении, а потом вышел закон о правах роботов; ну, и я решил, что мой долг — попробовать стать человеком. Конечно, это невозможно. Во мне до сих пор многое чего от машины...

— Однако вернемся ко мне, — сказал я. — Откуда ты узнал, что я собираю композитор?

— Понимаете, я механик, — ответил Элмер. — Я был механиком всю жизнь. Я так устроен, что достаточно мне поглядеть на прибор, и я уже знаю, как он работает, и что в нем сломалось. Скажите мне, какая вам нужна машина, и я построю ее для вас. А что до композитора, он — чрезвычайно сложный аппарат, и разработка его далека от завершения. Я вижу, вы смотрите на мои руки. Наверняка вы думаете, как такие лапы могут управляться с композитором. А ответ простой: у меня много рук. Когда требуется, я отворачиваю свои, так сказать, повседневные руки и привинчиваю вместо них другие. Вы, конечно, о таком слышали?

Я кивнул.

— Да. И глаз, надо полагать, у тебя тоже не одна пара?

— Разумеется, — отозвался Элмер.

— Так что, композитор бросил вызов твоим способностям механика?

— Какой там вызов, — отмахнулся Элмер. — Прे-дурецкое словечко! Мне нравится работать со сложными механизмами. Я словно оживаю и начинаю чувствовать себя на что-то годным. Вы спрашивали, откуда я узнал про вас. По-моему, кто-то обронил невзначай, что вы строите композитор и хотите вернуться на Землю. Я услышал, навел о вас справки, узнал, что вы учились в университете, сходил туда и поговорил с народом. Один профессор сказал мне, что верит в вас. Он сказал, что вы рождены для больших дел, что у вас талант от природы. Кажется, его зовут Адамс.

— Доктор Адамс, — поправил я. — Он всегда был добр ко мне, а теперь постарел и стал очень рассеянным.

Я хихикнул, представив себе, как огромный Элмер заявляется в университет, расхаживает по исполненным академического духа коридорам моей альма-матер и пристает к профессорам с глупыми вопросами о бывшем студенте, которого многие из них, несомненно, давным-давно забыли.

— Там был еще один профессор, — продолжал Элмер, — который произвел на меня сильное впечатление. Мы долго с ним разговаривали. Он профессор не гуманитарных наук, а археологии. По его словам, он близко знаком с вами.

— Должно быть, Торндайк. Он мой старый и верный друг.

— Именно так его и звали, — сказал Элмер.

Я слегка развеселился и в то же время ощутил нарастающее раздражение. С какой стати этот детина сует нос в мои дела?

— Теперь ты убедился, что мне по силам построить композитор? — спросил я.

— Совершенно верно, — отозвался он.

— Если ты пришел наниматься ко мне в помощники, то только зря потерял время, — сказал я. — Помощник мне нужен, да и парень ты вроде ничего, но вот денег у меня нет.

— Понимаете, сэр, — пробормотал Элмер, — конечно, я был бы рад работать с вами. Но пришел я к вам по другой причине. Я хочу вернуться на Землю. Я родился на ней. Меня там изготовили.

— Что? — воскликнул я.

— Меня создали на Земле, — сказал Элмер. — Я уроженец Земли. Мне хотелось бы снова увидеть родную планету. И я подумал, что раз вы летите...

— Еще раз, — попросил я, — и помедленнее. Ты что, в самом деле с Земли?

— Я видел последние дни Земли, — ответил Элмер. — Я работал над последней боевой машиной и был руководителем проекта.

— Как же ты до сих пор не рассыпался? — удивился я. — Разумеется, роботы — машины долговечные, однако...

— Я был ценным работником, — заметил Элмер. — Когда люди собирались улетать к звездам, для меня нашли место на корабле. Я был не просто роботом. Я был механиком, инженером. Людям нужны были роботы вроде меня, чтобы обжиться на далеких планетах. Они заботились обо мне, меняли детали, которые изнашивались, и вообще следили за мной. А получив свободу, я стал заботиться о себе сам. Мне и в голову никогда не приходило поменять тело. Я не давал ему ржаветь да время от времени плакировал, но о замене не помышлял. Главное то, что внутри, а не то, что снаружи. И потом, сегодня туловище так запросто не поменяешь. Их нет в наличии. Значит, надо оформлять специальный заказ.

Похоже, он если и привидал, то совсем чуть-чуть. Когда люди бежали с Земли, — ибо их уже ничто не удерживало на разрушенной и поруганной планете, — они действительно могли захватить с собой роботов типа Элмера. Да и вид у него был внушающий доверие.

Вот он сидит рядом со мной, и, если я его попрошу, он расскажет мне о Земле. Он помнит ее, помнит все, что видел, слышал и знал, ибо роботы, в отличие от живых существ, никогда и ничего не забывают. Воспоминания о древней Земле хранятся в его памяти, отчетливые и незамутненные, как будто он приобрел их лишь накануне.

Я понял, что дрожу — не физически, а внутренне. Многие годы я изучал историю Земли; по правде сказать, изучать было почти нечего. Записи и книги сохранились в лучшем случае в виде фрагментов и обрывков. Убегая с Земли, люди слишком торопились, чтобы заду-

мываться о сохранении наследия планеты. И где оно теперь? Разбросано по тысячам планет, позабытое и потому сохраненное, спрятано в самых невообразимых местах. Чтобы разыскать его, никакой жизни не хватит. Причем наверняка большая часть его не заслуживает внимания исследователя.

А тут нате вам, пожалуйста, — робот, который видел Землю и может рассказать о ней; быть может, не так полно, как хотелось бы, поскольку находился он там в тяжелое время, когда многое из былой красоты Земли уже исчезло.

Я попытался сформулировать вопрос, но не смог придумать ничего такого, на что, как мне казалось, мог бы ответить Элмер. Я отвергал вопросы один за другим, потому что они не годились для робота, который строил боевые машины.

И вдруг он сказал такое, от чего я в первый момент обомлел.

— Я бродяжничал не один год, — проговорил он, — поменял не одну работу, и платили мне всюду прилично. Деньги я откладывал про запас, потому как, сами понимаете, на что роботу их тратить? Но, кажется, я наконец-то дождался подходящего случая. Если вы, сэр, не обидитесь...

— На что? — спросил я, не вполне уловив, куда он клонит.

— Да я хотел предложить вам истратить их на композитор, — ответил он. — По-моему, их должнохватить на то, чтобы закончить его.

Наверное, мне следовало ощалеть от радости, встать на голову и заболтать в воздухе ногами. А я сидел, боясь пошевелиться, боясь неосторожным движением сорвать улыбку с лица фортуны.

— Я бы не советовал тебе этого, — выдавил я из себя, с трудом разжав губы. — Невыгодно.

В его голосе послышались просительные нотки.

— Ну, пожалуйста, сэр! Деньги — дело десятое. Я ведь хороший механик. Вдвоем с вами мы сможем построить аппарат, какого свет еще не видывал.

## Глава 4

Когда я спустился с крыльца, женщина, сидевшая за рулем красного автомобиля, обратилась ко мне.

— Вас зовут Флетчер Карсон, не так ли?

— Да, — ответил я озадаченно, — но откуда вы узнали о том, что я здесь? Я вроде бы никому об этом не сообщал.

— Я поджидала вас, — сказала она. — Я знала, что вы прилетите на корабле похоронной службы, но немного запоздала: слишком далеко ехать. Меня зовут Синтия Лансинг, и мне надо с вами поговорить.

— У меня мало времени, — сказал я. — Давайте в другой раз.

Красавицей ее никто бы не назвал, однако в ней было что-то такое, что притягивало взгляд. Приятное кругловатое лицо, черные волосы до плеч, невозмутимый взор. Когда она улыбалась, впечатление было такое, словно вам дарит улыбку каждая черточка ее лица.

— Вы направляетесь в ангар распаковывать Бронко с Элмером, — проговорила она. — Могу вас подбросить.

— Похоже, вам известно обо мне больше моего, — съязвил я.

Она улыбнулась.

— Я знала, что сразу после посадки вы отправитесь наносить визит Максуэллу Питеру Беллу. Как он, кстати, прошел?

— Максуэлл Питер записал меня в отщепенцы.

— Значит, заарканить ему вас не удалось?

Я покачал головой, решив из осторожности промолчать. Откуда, черт побери, она все это узнала? Должно быть, тоже побывала в одденском университете. Да, хорошие ребята мои друзья, но нельзя же настолько распускать языки!

— Садитесь, — пригласила она. — Мы можем продолжить разговор по дороге. Мне очень хочется увидеть вашего чудесного Элмера.

Я забрался в машину. На коленях у женщины лежал конверт. Она протянула его мне.

— Для вас, — сказала она.

На лицевой стороне конверта было накорябано мое имя. Я знал только одного человека с таким безобразным почерком. «Торни, — сказал я себе. — Что общего может быть у Торни с Синтией Лансинг, которая пристала ко мне, как репей, в первый же час моего пребывания на Земле?»

Синтия выжала сцепление; автомобиль тронул с места. Я разорвал конверт. Внутри оказался официальный бланк одденского университета. В левом верхнем углу было напечатано: «Уильям Дж. Торндейк, доктор философии, археологический факультет».

Письмо было написано тем же самым почерком, что и адрес на конверте. Оно гласило:

«Дорогой Флетч!

*Ты должен верить всему, что расскажет тебе погадель сего письма, мисс Синтия Лансинг. Я проверил факты и готов поручиться за их достоверность собственной репутацией. Она желает сопровождать тебя; если ты примиришься с этим, то окажешь мне большую услугу. Она отправится на Землю кораблем для паломников и будет встречать тебя на космодроме. Я предоставил в ее распоряжение определенную сумму из средств факультета; если тебе понадобятся деньги, можешь ими воспользоваться. Что касается мисс Синтии, у нее на Земле есть дело, связанное с тем, о чем мы с тобой говорили в последний раз, когда ты заглянул ко мне попрощаться перед отлетом».*

Сжимая письмо в руке, я закрыл глаза и представил себе Торндейка — такого, каким я видел его в последний раз. Мы были в захламленной комнате, которую он именовал кабинетом. Книжные полки до потолка, невзрачного вида мебель; в камине, перед которым на коврике клубком свернулся пес, горел огонь; неподале-

ку возлежала на своей подушечке кошка. Сидя на пурпурной скамье, Торндейк перекатывал в ладонях стакан с бренди. «Флетч, — сказал он, — я уверен, что моя теория верна. Те мои коллеги, которые считают анахрониан галактическими торговцами, серьезно заблуждаются. Они — наблюдатели, разведчики, если хочешь. И это вовсе не безумное предположение. Допустим, что существует некая великая цивилизация, которая уже проторила дорогу к звездам. Допустим, что они обнаружили планету, на которой ожидается всплеск интеллектуальной культуры. Они посыпают туда наблюдателя с заданием сообщать обо всем, что может представлять мало-мальский интерес. Как тебе известно, двух одинаковых культур не бывает. Возьми, к примеру, колонии, основанные покинувшими Землю людьми. Потребовалось совсем немного времени, чтобы выявились значительные отличия. А что уж говорить о тех мирах, культуры которых по сути своей являются чуждыми человечеству? Разумные существа двух разных видов никогда не повторяют друг друга в развитии. Они могут добиться одинаковых или похожих результатов, но воспользуются ими по-разному, и у каждого вида со временем проявится какая-нибудь отличительная особенность. Таков путь развития любой галактической цивилизации, малой или великой; поэтому многое остается незамеченным или пропускается. Раз так, даже великим цивилизациям стоило бы заняться изучением достижений других культур — достижений, которые они сами упустили из виду. Быть может, полезным окажется лишь одно из десятка этих достижений, но что если именно оно откроет новые горизонты познания? Предположим, любопытства ради, что до колеса додумались только на Земле. Все великие цивилизации прошли мимо колеса, сделав упор на иной принцип движения. Но так ли невероятно, что, узнав о колесе, они заинтересуются им? Ведь колесо — штука весьма и весьма полезная».

Я открыл глаза. Письмо по-прежнему было зажато у меня в руке. Мы приближались к ангару. Звездолет одиноко возвышался над посадочной площадкой; никаких автомобилей рядом не было. Должно быть, разгрузка закончилась.

— Если верить Торни, вы собираетесь присоединиться к нам, — сказал я Синтии Лансинг. — Не уверен, стоит ли. Мы будем жить походной жизнью.

— Ну и что? Походная жизнъ меня не пугает.  
Я покачал головой.

— Послушайте, — заявила она, — я отдала все, что имела, чтобы встретиться с вами. Я кое-как наскребла денег на билет на звездолет для паломников...

— Да, Торни упомянул о какой-то субсидии.

— Мне не хватало на билет, — призналась она, — поэтому пришлось воспользоваться любезностью Торндейка. Поджидая вас, я сняла номер в гостинице для паломников, что тоже обошлось в кругленькую сумму. Короче говоря, денег осталось кот наплакал...

— Плохо, — сказал я. — Но вы, похоже, знали, на что шли. Не думали же вы, в самом деле...

— Думала, — перебила она. — Мы с вами — два сапога пара.

— То есть?

— Когда вы закончите свою композицию, вам не на что будет возвращаться на Одден, правильно?

— Правильно, — согласился я, — но если композиция...

— Денег нет, — пробормотала она, — и у «Матери-Земли» вы не в фаворе.

— Ну да, однако я не понимаю, при чем тут вы...

— Ну так выслушайте меня. Наверное, вы посмеетесь...

Она замолчала и посмотрела на меня. Улыбка сошла с ее лица.

— Черт возьми, — воскликнула она, — вы что, в рот воды набрали? Помогите же мне. Спросите меня, что я хочу вам рассказать.

— Ладно. Что вы хотите мне рассказать?

— Я знаю, где лежит клад.

— Святое небо! Какой клад?

— Анахронианский.

— Торни убежден, что анахрониане побывали на Земле, — сказал я. — Он просил меня поискать следы их пребывания. Судя по его словам, игра не стоит свеч. Археологи сомневаются, существовал ли такой народ вообще. Планету их обнаружить не удалось. Всего и доказательств, что фрагменты надписей, найденные в нескольких мирах. Отсюда заключили, что некогда представители этой таинственной расы жили на многих планетах. Большинство археологов считает их торговцами. По мнению Торни, они были наблюдателями, а может

быть, ни теми и ни другими. Он мог рассуждать о них часами, однако ни о каком кладе не упоминал.

— Но клад, тем не менее, существует, — возразила она. — Его перевезли из Греции в Америку в дни Решающей Войны. Я узнала про него, а профессор Торндейк...

— Давайте разберемся, — остановил я ее. — Если Торни прав, они прилетали сюда не за сокровищами. Они наблюдали, собирали данные...

— Разумеется, — согласилась она. — Наблюдатель должен был быть профессионалом, не правда ли? Историком, даже больше, чем просто историком. Он мог оценить культурное значение известных артефактов — скажем, церемониального ручного топора доисторической эпохи, греческой вазы, египетских украшений...

Сунув письмо в карман куртки, я выбрался из машины.

— Пора заниматься делом, — объявил я. — Надо выпустить Элмера и распаковать Бронко.

— Вы берете меня с собой?

— Посмотрим.

Интересно, как я могу ее не взять? У нее рекомендация от Торни; она кое-что знает об анахронианах, да и клады на дороге не валяются. И потом, она окончательно разорится, если останется в гостинице для паломников, а другого жилья тут нет. Вообще-то, мне она ни к чему. Наверняка будет мешаться под ногами. Я вовсе не охотник за кладами. Я прилетел на Землю, чтобы сочинить композицию. Я надеялся уловить очарование Земли — той Земли, которая избежала пока щупалец Кладбища. На кой мне сдались анахронианские сокровища? Мы с Торни ни о чем подобном не договаривались.

Я направился к раскрытой двери ангара. Синтия шагала за мной по пятам. Внутри ангара было темно, и я остановился, давая глазам привыкнуть к темноте. Что-то шевельнулось во мраке, и я различил троих мужчин. Судя по одежде, это были рабочие.

— Тут должны быть мои ящики, — сказал я.

Ящиков в ангаре было много, поскольку сюда свезли весь груз звездолета.

— Вон они, мистер Карсон, — ответил один из рабочих, махнув рукой. Присмотревшись, я разглядел большой ящик, в котором томился Элмер, и четыре ящика поменьше — в них помещался разобранный Бронко.

— Спасибо, что поставили их в сторону, — поблагодарил я. — Я, правда, просил капитана, но...

— Надо бы уладить один вопросик, мистер Карсон, — сказал тот же рабочий. — Как насчет транспортировки и хранения?

— В смысле? Что-то я вас не пойму.

— В смысле оплаты. Мои ребята работают не за просто так.

— Вы бригадир?

— Точно. Фамилия Рейли.

— И сколько с меня?

Рейли залез в задний карман комбинезона и вытащил листок бумаги. Он внимательно просмотрел его, как будто проверяя правильность подсчетов.

— Получается четыреста двадцать семь кредиток, — сказал он, — но, пожалуй, хватит и четырехсот.

— Вы, наверное, ошиблись, — проговорил я, стараясь сдержать гнев. — Вы всего-то и сделали, что сгрузили ящики с корабля и доставили их сюда, а хранятся они здесь не больше часа.

Рейли печально покачал головой.

— Извините, но у нас такие расценки. Если вы не заплатите, мы не выдадим вам груз. Никуда не денешься, правила.

— Что за чушь! — воскликнул я. — Ну и шуточки у вас!

— Мистер, — сказал бригадир, — а шутить никто и не собирался.

Четырехсот кредиток у меня не было, да если бы и были, я бы все равно не стал их выкладывать. Однако с бригадиром и двумя дюжими грузчиками мне явно было не справиться.

— Разберемся, — пробормотал я, пытаясь сохранить лицо и не имея ни малейшего представления о том, как мне быть. Они приперли меня к стенке, вернее, не они, а Максуэлл Питер Белл.

— Так что давайте-ка, мистер, — заключил Рейли, — гоните монету.

Конечно, можно было бы потребовать разъяснений от Белла, но он наверняка именно на это и рассчитывал. Он ожидал, что я приду к нему, и если я покаяюсь, приму предложенные деньги и соглашусь работать на Кладбище, то все моментально будет улажено. Однако ничего подобного я делать не собирался.

За моей спиной раздался голос Синтии:

— Флетчер, они вот-вот кинутся на вас!

Повернув голову, я увидел в дверном проеме новые фигуры в комбинезонах.

— Ничуть не бывало, — возразил Рейли. — Хотя вашего приятеля надо бы проучить: в другой раз поостережется указывать землянам, что им делать.

Внезапно послышался слабый, приглушенный звук. Похоже, из всех присутствующих один лишь я понял, что он означал, — это заскрежетал выдираемый из дерева гвоздь.

Рейли и его подручные обернулись.

— А ну, Элмер! — завопил я. — Задай им жару!

Большой ящик словно взорвался. Верхняя крышка разлетелась в щепы, и из ящика, выпрямляясь во весь рост, поднялся Элмер.

Он перемахнул через борт и, надо отметить, вышло у него это довольно грациозно.

— Что случилось, Флетч?

— Разберись с ними, Элмер, — приказал я. — Но не убивай, а так, изувечь немножко.

Робот сделал шаг вперед. Рейли с грузчиками отшатнулись.

— Я их не трону, — пообещал Элмер. — Просто выгоню, и все. А кто это с тобой, Флетч?

— Синтия, — ответил я. — Она составит нам компанию.

— Правда? — спросила Синтия.

— Эй, Карсон, — крикнул Рейли, — не стоит нам угрожать...

— Марш отсюда! — бросил Элмер, делая шаг по направлению к нему и отводя руку для замаха. Грузчики мигом выскочили за дверь.

— Ну нет! — воскликнул Элмер и рванулся следом. Дверь уже готова была захлопнуться, но он просунул руку в щель, напрягся, и дверь снова оказалась открытой. Потом он ударил в нее плечом. Дверь сорвалась с петель.

— Так-то лучше, — проговорил Элмер. — Теперь дверь не закроется. Они ведь хотели нас тут запереть. Будь добр, Флетч, объясни, что происходит?

— Мы пришли не по нраву Максуэллу Питеру Беллу, — сказал я. — Давай зайдемся Бронко. Чем скорее мы отсюда уберемся...

— Мне нужно добраться до машины, — проговорила Синтия. — Там припасы и моя одежда.

— Припасы? — переспросил я.

— Еда и кое-что другое, что может нам пригодиться. Вы же прилетели налегке, правильно? Вот, кстати, одна из причин, почему я истратила столько денег.

— Идите к машине, — сказал Элмер, — а я постою на страже. Они не посмеют к вам привязаться.

— Вы все предусмотрели, — заметил я. — Значит, вы были уверены...

Но Синтия, не дослушав, выбежала из ангара. Запрыгнув в машину, она запустила двигатель и загнала автомобиль внутрь. Рейли и его людей нигде не было видно.

Элмер подошел к куче ящиков и постучал по самому маленькому из них.

— Бронко? — позвал он. — Ты тут?

— Да, — ответил глухой голос. — Это ты, Элмер? Мы долетели до Земли?

— Я и не знала, что Бронко может разговаривать и чувствовать, — сказала Синтия. — Профессор Торндейк меня не предупредил.

— Он чувствует все, но интеллект у него слабоват, — отозвался Элмер. — Гигантом мысли его не назовешь.

— Ты в порядке? — спросил он у Бронко.

— В полном, — откликнулся тот.

— Чтобы открыть ящики, нам понадобится лом, — сказал я.

— Зачем? — удивился Элмер и с размаху стукнул кулаком по одному из углов ящика. Дерево хрустнуло. Робот просунул в образовавшуюся дыру пальцы и оторвал доску.

— Все очень просто, — пробормотал он. — Со мной было хуже. Мне было тесно и не за что было ухватиться. Но когда я услышал, что творится снаружи...

— А Флетч здесь? — спросил Бронко.

— Флетч у нас парень не промах, — ответил Элмер. — Он тут и уже подцепил себе девчонку.

Доски отлетали от ящика одна за другой.

— За дело, — сказал Элмер.

И мы с ним принялись за работу.

Собрать Бронко играючи было невозможно. В его конструкции было невообразимое количество деталей,

Каждую из которых надлежало так подогнать к соседней, чтобы зазор между ними был минимальным. Но мы возились с Бронко на протяжении двух лет и потому знали его как облупленного. На первых порах мы пользовались инструкцией, но теперь необходимость в ней отпала. Мы выкинули инструкцию, когда она совершенно истрепалась, а Бронко, собранный по винтику заново, превратился в аппарат, который ничем не напоминал модель, описанную в инструкции. Мы знали Бронко наизусть. Мы могли настраивать его с завязанными глазами. Никаких лишних движений, никаких затруднений. Действуя как два автомата, мы с Элмером собрали Бронко за час.

В собранном виде он являл собой нелепое и потешное зрелище. У него было восемь суставчатых ног, которые были способны изгибаться практически под любым углом и придавали ему насекомоподобный вид. На ногах, для удобства захвата, имелись мощные когти. Бронко мог передвигаться по любой местности. Он мог чуть ли не залезать на отвесные стены. Его бочкообразный, увенчанный седлом корпус хорошо защищал хрупкие приборы внутри. На спине Бронко располагался ряд колец, за которые можно было закрепить груз. Еще у него был выдвижной хвост, в котором насчитывалось до сотни различных датчиков. Голову его венчало причудливое сенсорное устройство.

— Ладно, — сказал он. — Когда отправляемся?

Синтия выгружала из автомобиля припасы.

— Туристское снаряжение, — бормотала она. — Пищевые концентраты. Одеяла, дождевики и тому подобное. Ничего лишнего. На лишнее у меня не было денег.

Элмер принялся навьючивать Бронко.

— Как, усидите на нем? — спросил я Синтию, показывая на Бронко.

— Конечно. А вы?

— Он поедет на мне, — ответил Элмер.

— Ну нет, — возразил я.

— Не будь дураком, — оборвал меня Элмер. — А если нам придется улепетывать? Вдруг они нас поджигают?

Синтия подошла к двери и выглянула наружу.

— Никого не видно, — сказала она.

— Куда направляемся? — поинтересовался Элмер. — Как быстрее всего выбраться с Кладбища?

— По дороге на запад, — сказала Синтия. — Мимо административного корпуса. Кладбище заканчивается миль через двадцать пять.

Закончив утрамбовывать груз на спине Бронко, Элмер огляделся.

— По-моему, все, — сказал он. — Забирайтесь.

Он подсадил Синтию на Бронко.

— Держитесь крепче, — предостерег он, — а то в два счета вылетите из седла. Бронко у нас такой.

— Ладно, — пообещала она. В глазах ее мелькнул испуг.

— Теперь ты, — Элмер повернулся ко мне. Я хотел было запротестовать, но передумал, поняв, что слушать меня не станут. И потом, оседлать Элмера было весьма толковой идеей. Он бегает раз в десять быстрее моего. Его длинные металлические ноги буквально пожирают расстояния.

Он поднял меня и усадил себе на плечи.

— Держись за мою голову, — сказал он, — а я возьму тебя за ноги. Не бойся, не упадешь.

Я грустно кивнул, чувствуя себя выставленным на всеобщее посмешище.

Бежать нам не пришлось. Если не считать одинокой фигуры путника вдалеке, на глаза нам никто не попался. Однако за нами следили; я всей кожей ощущал обращенные на нас взгляды. Синтия среди тюков и ящиков на спине у насекомоподобного Бронко и я, вознесенный над землей на могучих плечах Элмера, — должно быть, вид у нас был еще тот.

Мы продвигались не спеша, но и даром времени тоже не теряли. Бронко с Элмером были хорошими ходоками. Даже когда они шли обычным шагом, человек с трудом мог поспеть за ними.

Мы выбралисся на дорогу, миновали административный корпус, и вскоре перед нами во всей своей красе раскинулось Кладбище. Дорога была пустынной, а пейзаж — мирным. Изредка мелькали вдали укрывшиеся в распадках деревеньки, устремленный в небо шпиль церкви да яркие пятна крыш. Наверное, в этих деревеньках живут те, кто работает на Кладбище.

Раскачиваясь и подпрыгивая в лад размашистой походке Элмера, я глядел по сторонам, и мне показалось,

что Кладбище, при всей его хваленой живописности, на самом деле гнетущее и зловещее место. В его ухоженности таилось однообразие; над ним витал дух смерти и бесповоротности.

Раньше мне беспокоиться было некогда, а теперь я ощутил нарастающую тревогу. Сильнее всего меня беспокоило то, что Кладбище, как ни странно, по сути не попыталось остановить нас. Хотя, поправил я себя, не выберись Элмер из ящика, Рейли с подручными навил бы из меня веревок. Но все равно складывалось такое впечатление, что Белл сознательно дал нам уйти, зная, что в любой момент сможет нас отыскать. Да, насчет Максуэлла Питера Белла иллюзий я не питал.

Попробуют ли они задержать нас? Пока что не похоже; вполне возможно, что Беллу с Кладбищем давным-давно не до нас. Они махнули на нас рукой, и мы можем отправляться, куда захотим. Ведь куда бы мы ни пошли, и что бы мы ни сделали, нам не покинуть Землю без содействия Кладбища.

Ну, подумалось мне, и натворил же я дел. Самоуваженно посмеявшись над напыщенностью Белла, я лишил себя возможности какого-либо сотрудничества с ним или с Кладбищем. Правда, от моего поведения вряд ли что зависело. Я должен был понимать, что на Земле без Кладбища — никуда. Вся моя затея была изначально обречена на провал.

Мне почудилось, что прошло совсем немного времени: я с головой ушел в свои мысли и не замечал ничего вокруг. Дорога взбежала на холм и оборвалась, а вместе с ней закончилось и Кладбище.

Моему восхищенному взгляду открылись долина внизу и уходящие вдаль гряды холмов. Местность была лесистой, и листва многих деревьев под лучами полуденного солнца была странного багряного цвета — оттенка тлеющих угольев.

— Осень, — проговорил Элмер. — Я успел забыть, что на Земле бывает осень. А там, сзади, все зеленое.

— Осень? — переспросил я.

— Время года, — пояснил Элмер. — В эту пору леса меняют цвет. И как я мог забыть?

Он повернул голову и поглядел на меня в упор. Если бы я не знал, что роботы не умеют плакать, я бы подумал, что заметил в его глазах слезы.

— Сколько мы забываем, — проронил он.

## Глава 5

Это был прекрасный мир. Но красота его была зловещей и вызывающей и ничуть не напоминала нежную, почти хрупкую красоту моего родного Олдена. От нее исходило впечатление силы, она была торжественной и подавляющей, и в ней сплелись воедино изумление и страх.

Я сидел на мшистом валуне на берегу журчащего бурого потока и следил за тем, как течение уносит прочь волшебные ало-золотистые лодочки опавших листвьев. Если прислушаться, то можно было на фоне клекота бурой воды различить приглушенный шелест, с каким слетали на землю все новые и новые листья. Но, несмотря на буйство красок, чудилось, что в воздухе разлита печаль былых лет. Я сидел и слушал журчание воды и шелест листвы и поглядывал на деревья. У них были мощные стволы, которые, вероятно, перевидали на своем веку немало, и они словно обещали безопасность, покой и домашний уют. Здесь было все: цвет, настроение и звук, образ и структура, и ткань — все, что можно постигнуть рассудком.

Солнце садилось. Над водой и над деревьями повисла сумеречная дымка. Стало прохладно. Самое время возвращаться в лагерь. Однако мне не хотелось уходить. У меня возникло странное ощущение, что таких вот мест нельзя увидеть дважды. Уйдя и вернувшись, я обнаружу, что все переменилось; и сколько бы я ни уходил и ни возвращался, чувство ни за что не повтор-

рится: что-то прибавится, что-то исчезнет, но воссоздать этот восхитительный момент в точности не удастся никому и никогда.

За моей спиной послышались шаги. Обернувшись, я увидел Элмера. Молча он подошел ко мне и опустился на корточки. Говорить было нечего и незачем. Я припомнил, сколько раз бывало так, когда мы сидели с Элмером вдвоем, понимая друг друга без слов. Сумерки сгущались; издалека донеслось чье-то уханье, а следом — приглушенный расстоянием лай. В темноте неумолчно журчала речка.

— Я развел костер, — сказал наконец Элмер. — Я развел бы его, даже если бы нам не нужно было готовить еду. Земля просит огня. Они неразделимы. Благодаря огню человек перестал быть дикарем и потому постоянно поддерживал его в очаге.

— Запомнилось? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, не запомнилось. Что-то подсказывает мне, что все было именно так, хотя я не помню ни деревьев, ни речушек вроде этой. Но стоит мне увидеть дерево, листва которого пламенеет в свете осеннего солнца, как я представляю себе рощу таких деревьев. Стоит мне приблизиться к речке, вода в которой побурела от грязи, и я вижу ее чистой и светлой.

От вновь раздавшегося в сумерках лая у меня по коже побежали мурашки.

— Собаки, — проговорил Элмер, — верно, кого-нибудь гонят. Или волки.

— Ты был здесь в дни Решающей Войны, — сказал я, — тогда все было иначе, правда?

— Да, — подтвердил Элмер. — Земля умирала. Но иногда попадались места, где притаилась жизнь. Лощины, куда не проникли ни отрава, ни радиация, укромные mestечки, которые оказались лишь вскользь затронутыми ударной волной. Они сохранили первоначальное обличье Земли. Люди в большинстве своем жили под землей, а я работал на поверхности. Я строил боевую машину — вероятно, последнюю из их числа. Если бы не назначение этой машины, ее можно было бы назвать изумительным творением. Внешне она ничем не отличалась от других боевых машин. Однако ее наделили интеллектом. Ее искусственный мозг находился в контакте с сознанием нескольких людей. Их имен я не

знал. Кому-то они, без сомнения, были известны, но не мне. Понимаешь, войну можно было вести только так, устранив человека с поля боя. За людей сражались машины — их слуги и помощники. Я часто задавался вопросом, почему они не бросят это дело, — ведь все, из-за чего стоило бы сражаться, было давным-давно уничтожено.

Оборвав рассказ, он поднялся.

— Пошли в лагерь, — сказал он. — Ты, должно быть, голоден, как и молодая леди. Извини, конечно, Флетч, но я никак не пойму, чего ради она за нами увязалась.

— Хочет отыскать клад.

— Какой еще клад?

— По правде говоря, не знаю. Ей некогда было объясняться.

С того места, где мы стояли, пламя костра было видно очень хорошо. Мы двинулись на огонь.

Синтия, стоя на коленях, держала над углами котелок и помешивала ложкой его содержимое.

— Надеюсь, похлебка из тушеники получилась, — сказала она.

— Вам вовсе не надо было этим заниматься, — проговорил Элмер, слегка, как мне показалось, обиженный. — Когда требуется, я прекрасно готовлю.

— Я тоже, — парировала Синтия.

— Завтра, — заявил Элмер, — я раздобуду вам мясо. Мне уже попадались на глаза белки и пара кроликов.

— А с чем ты собираешься охотиться? — спросил я. — Мы же не захватили с собой ружей.

— Можно сделать лук, — предложила Синтия.

— Не нужно мне ни ружья, ни лука, — отмахнулся Элмер. — Обойдусь камнями. Вот наберу голышей...

— Кто же охотится с голышами? — удивилась Синтия. — Все равно, что палить из пушки по воробьям.

— Я робот, — возразил Элмер. — Поэтому ни человеческие мышцы, ни человеческий глазомер, пускай он и чудо природы...

— Где Бронко? — перебил я.

Элмер ткнул пальцем во мрак.

— Он в трансе.

Чтобы рассмотреть Бронко, мне понадобилось обойти костер. Дело обстояло именно так, как сказал Элмер.

Бронко стоял, накренившись на один бок и выставив все свои сенсоры. Он впитывал в себя окружающее.

— Лучшего композитора еще не было, — заметил Элмер с гордостью. — Чувствителен до невозможности.

Синтия положила похлебку в две тарелки и протянула одну мне.

— Горячее, не обожгитесь, — предупредила она.

Я сел рядом с девушкой, зачерпнул из тарелки и с опаской поднес ложку ко рту. Похлебка оказалась довольно вкусной, но жутко горячей, так что перед тем, как отправить ложку в рот, мне приходилось всякий раз на нее дуть.

Снова послышался лай — теперь значительно ближе.

— Точно собаки, — сказал Элмер. — Гонят дичь. Наверное, и люди с ними.

— Может, дикая стая, — предположил я.

Синтия покачала головой.

— Нет. Живя в гостинице, я кое-что узнала. Тут, как выражаются на Кладбище, в захолустье, есть люди. О них мало что известно, вернее, их существование предпочитают обходить молчанием, как будто они и не люди вовсе. В общем, обычное отношение Кладбища и паломников. Насколько я понимаю, Флетчер, вы испытали подобное отношение на себе во время разговора с Максуэллом Питером Беллом. Кстати, вы так и не сказали мне, что у вас с ним произошло.

— Он попытался завербовать меня. Я был настолько нелюбезен, что отшил его. Я знаю, что должен был вести себя повежливее, но он меня достал.

— Вы бы ничего не выгадали, — заметила Синтия. — Кладбище не привыкло к отказам — даже к вежливым.

— Чего тебя к нему понесло? — осведомился Элмер.

— Так принято, — ответил я. — Капитан просветил меня насчет здешних обычаяев. Визит вежливости, словно Белл король или премьер-министр, или какой-нибудь удельный князь. А работать я не умею.

— Поймите меня правильно, — сказал Элмер, обращаясь к Синтии, — я ничуть не против вашего присутствия в нашей компании. Но каким образом вы оказались замешаны в это дело?

Синтия поглядела на меня.

— Разве Флетчер тебе не сказал?

— Он упомянул про какой-то клад...

— Пожалуй, — проговорила Синтия, — будет лучше, если я расскажу все с самого начала. Я не хочу, чтобы вы считали меня искательницей приключений. В этом есть что-то не то. Вы согласны меня выслушать?

— Почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Элмер.

Синтия помолчала, прежде чем продолжить. Чувствовалось, что она собирается с мыслями, так сказать, настраивается, словно ей предстоит решать трудную задачу, и она намерена с честью выйти из положения.

— Я родилась на Олдене, — начала она. — Мои предки входили в число первых колонистов. История семейства — легендарная история, поскольку она не задокументирована — восходит к моменту их прибытия на Олден. Однако вы не отыщете имени Лансингов в перечне Первых Семейств — с большой буквы. Первые Семейства — это те, кому удалось разбогатеть. А мы не разбогатели. Я не знаю, что тому причиной — неумение ли вести дела, леность, отсутствие амбиций или простое невезение, но мои предки были беднее церковных мышей. В сельской местности, правда, есть местечко под названием Лансингова Глушь; вот единственный след, оставленный моим семейством в истории Олдена. Мои родичи были фермерами, лавочниками, рабочими, совершенно не интересовались политикой и не породили ни одной гениальной личности. Они довольноствовались малым: выполняли свою работу, а вечера проводили, сидя на крылечке, попивая пиво и болтая с соседями или любуясь в одиночестве знаменитыми олденскими закатами. Они были обычными людьми. Некоторые, — мне кажется, таких было много, — с годами покидали планету и отправлялись в космос на поиски счастья, которое, по-моему, никому из них так и не улыбнулось. Ведь если бы случилось иначе, оставшиеся на Олдене Лансинги непременно узнали бы об этом; однако в семейных преданиях ни о чем подобном не сообщается. Я думаю, те, кто остался, попросту не испытывали тяги к перемене мест: не то, чтобы их что-то удерживало, но сам по себе Олден — прелестная планета.

— Да, — согласился я. — Я прилетел туда поступать в университет, да так и застрял. До сих пор у меня не хватало решимости покинуть его.

— Откуда вы прилетели, Флетчер?

— С Гремучей Змеи, — ответил я. — Слышали?  
Она покачала головой.

— Считайте, что вам повезло, — заключил я. — Не спрашивайте почему и, пожалуйста, продолжайте.

— Расскажу немного о себе, — сказала она. — Мне всегда хотелось чего-то добиться в жизни. Наверное, о том же мечтало не одно поколение Лансингов, но мечты их оказались бесплодными. Быть может, и я не избегну общей участи, ведь на Лансингов ныне никто не ставит. Я была совсем маленькой, когда умер мой отец. Принадлежавшая ему ферма давала приличный доход; то есть после необходимых расходов у нас еще оставалась на рукахенная сумма. Мать, к которой перешло владение фермой, сумела набрать денег и отправить меня в университет. Я интересовалась историей. В мечтах я видела себя профессором истории, который проводит глубокие исследования и выдвигает ошеломительные гипотезы. Училась я хорошо, ибо отступать мне было некуда. Я посвящала учебе все свое время и потому пропустила многое другое из того, что может дать человеку университет. Теперь я это понимаю, но, тем не менее, не жалею. Ничто не могло оторвать меня от занятий историей. Я буквально упивалась ею. По ночам, лежа в постели, я воображала, будто у меня есть машина времени, и путешествовала на ней в далекое прошлое. Я воображала, что лежу не в кровати, а в машине времени, и что снаружи моего аппарата происходят события, которые вошли в историю человечества, что там живут, дышат и двигаются люди, о которых я читала. Когда настало время выбора какой-то узкой специализации, я обнаружила, что меня неудержимо влечет к себе древняя Земля. Мой консультант отговаривал меня от этой темы. Он говорил, что тема слишком узкая, а исходного материала крайне мало. Я знала, что он прав, и старалась переубедить себя, но безуспешно. Я была одержима Землей.

Моя одержимость, я уверена, частично объяснялась любовью к прошлому, стремлением отыскать начало начал. Ферма моего отца, как утверждали легенды, находилась всего лишь в нескольких милях от того места, где высадились на Одден первые Лансинги. В неглубоком скалистом ущелье, там, где оно выходило в некогда плодородную долину, стоял старый каменный дом — вернее, то, что от него осталось. Незначитель-

ные колебания почвы, которые сказываются только по истечении долгого времени, разрушили его. Никаких преданий о привидениях, которые бы его населяли, я не слышала. Он был слишком старым даже для того, чтобы в нем обитали привидения. Он просто стоял, где стоял, превратившись со временем в неотъемлемую часть пейзажа. Его не замечали. Он был слишком старым и неприметным, чтобы люди обращали на него внимание, хотя, как я обнаружила, заглянув туда однажды, в нем поселилось множество диких зверушек. Почва, на которой он стоял, была истощенной и никому не нужной, так что он счастливо избежал доли других старинных домов: его не снесли и не сровняли с землей. Местность эта, погубленная веками хищнического землепользования, ни на что не годилась, и люди редко показывались там. Если верить одной, весьма, кстати сказать, неправдоподобной легенде, когда-то в том доме жили первые Лансинги.

Я зашла в него, как мне кажется, потому, что от него исходил дух былого. Мне было все равно, чей он, — Лансингов или нет; меня привлекала его древность. Я не предполагала что-либо в нем найти. Я забрела туда из праздного любопытства, чтобы не пропал впустую выходной. Разумеется, мне было известно о его существовании, но я, как и все остальные, относилась к нему совершенно равнодушно. Многие люди воспринимали его как деталь ландшафта, словно он ничем не отличался от дерева или от валуна. В нем не было ничего примечательного. Наверное, если бы не мое все возвращавшее стремление познать прошлое, я бы никогда не заглянула в него. Вам не трудно следить за моим лепетом?

— Напротив, — сказал я, — я понимаю вас гораздо лучше, чем вы думаете. Симптомы мне знакомы, сам переболел.

— Я пошла туда, — продолжала Синтия. — Я гладила древние, грубо отесанные камни и думала о руках давно умерших людей, которые придавали им форму и водружали один на другой, чтобы построить на чужой планете убежище от непогоды и мрака. Поставив себя на место древних каменщиков, я поняла, почему они решили строить дом именно здесь. Стены ущелья защищали от ветра, неподалеку из скалы был родник; стоило только переступить порог, чтобы оказаться в широкой

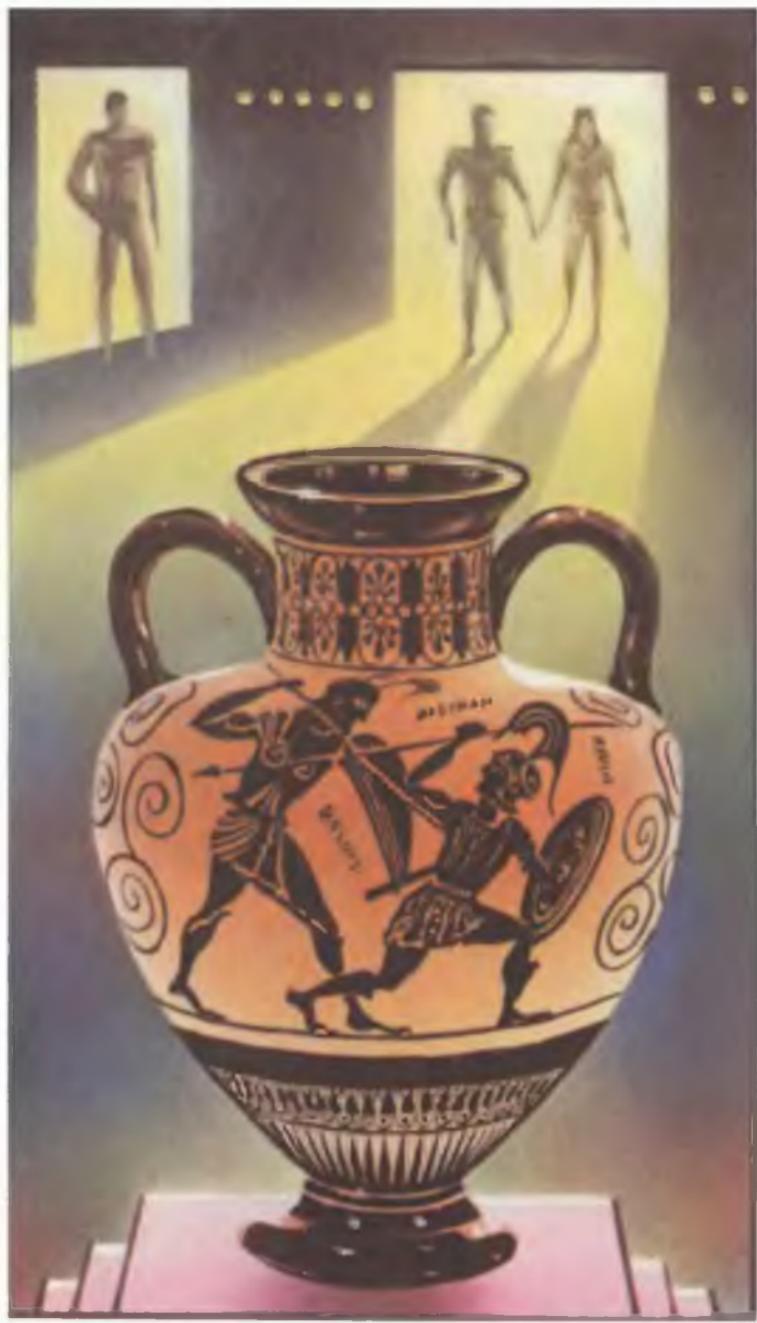
плодородной долине, — правда, теперь она вовсе не такая. И потом, участок, на котором стоял дом, был красив тихой и неброской красотой. Я чувствовала то, что когда-то переживали они. И не имело никакого значения, были ли они Лансингами или кем-то еще. Они были людьми, они принадлежали к человеческой расе.

Если бы я сразу ушла оттуда, то и тогда я ушла бы с ощущением, что не зря потратила время. Прикосновение к древним камням и чувства близости к прошлому было вполне достаточно, однако я зашла в дом...

Она помолчала немного, словно собираясь с силами для того, чтобы закончить рассказ.

— Я зашла в дом, не сознавая, что поступаю опрометчиво: ведь стены грозили обрушиться в любой момент. Впечатление было такое, что дом ходит ходуном. Но, помнится, тогда я об этом не думала. Я ступала осторожно не потому, что боялась обвала, но потому, что опасалась осквернить святыню. Я испытывала странные, противоречивые чувства. Я ощущала себя посторонним человеком, у которого нет права тут находиться. Я посягала на древние воспоминания, на призраки эмоций, которые следовало оставить в покое, которые заслужили, чтобы их оставили в покое. Я вошла в довольно большую комнату, служившую, судя по ее размерам, гостиной. На полу толстым слоем лежала пыль, в которой отпечатались следы мелких животных. В комнате витали запахи существ, обитавших в ней на протяжении тысячелетия. По углам поблескивала паутина; некоторые паучьи сети были такими же пыльными, как пол. Я остановилась на пороге, и со мной случилось нечто неожиданное: я почувствовала, что имею право быть здесь, что это мой дом, что я вернулась после долгого отсутствия туда, где мне рады. Тут некогда жили те, для кого я — плоть от плоти и кровь от крови, а право плоти и крови неподвластно времени. В углу я заметила очаг. Дымоход давным-давно рухнул вместе с трубой, но очаг сохранился. Я приблизилась к нему, опустилась на колени и коснулась пальцами камней. Я видела черную дыру дымохода, опаленную пламенем очага. Там была сажа, и на какой-то миг мне почудилось, что в очаге потрескивает огонь. И тогда я сказала, — не знаю, вслух или про себя, — я сказала: «Все в порядке. Я вернулась, чтобы ты узнал: Лансинги живы». Если бы меня спросили, кому я это говорю, я





бы не затруднилась с ответом. Я не ждала, что кто-нибудь отзовется. Отзываться было некому. Но я чувствовала себя так, словно исполнила свой долг.

Синтия поглядела на меня, во взгляде ее мелькнул испуг.

— Зачем я вам это рассказываю? — пробормотала она. — Я ведь не собиралась говорить ничего такого. Вам незачем знать о моих ощущениях. Факты я могла бы раскрыть в нескольких предложениях, но мне почему-то кажется, что голыми фактами нам не обойтись.

Я погладил ее по руке.

— Бывают случаи, когда голые факты ничего не объясняют, — сказал я. — Вы чудесно рассказываете.

— Вам не скучно?

— Ни капельки, — ответил за меня Элмер. — Мне очень интересно.

— Осталось чуть-чуть, — проговорила она. — В другом конце гостиной была дверь, самая настоящая, и открывалась она, как я обнаружила, в полуразрушенное помещение, которое в незапамятные времена было кухней. В доме имелся второй этаж, и он был частично цел, несмотря на то, что крыша обрушилась и погребла под собой большинство комнат. Но над кухней второго этажа не было. По всей видимости, сразу над кухонным потолком располагалась крыша. Рядом с тем, что когда-то было наружной стеной кухни, были навалены обломки — скорее всего, обломки карниза. Не знаю, как я ухитрилась заметить это, но часть обломков лежала как-то слишком правильно. В их правильности было что-то не то, они не выглядели обломками. Как и все в доме, они были покрыты пылью. Догадаться, что там находится предмет из металла, было невозможно. Думается, меня заинтриговала его прямоугольная форма. Я вытащила предмет из-под обломков. Это был изъеденный ржавчиной ящичек, — если не считать ржавчины, абсолютно неповрежденный. Я села и задумалась, как он мог тут оказаться. Я решила, что, должно быть, его в свое время засунули под карниз, а потом забыли. Когда карниз обрушился, он упал вниз, пробив потолок кухни, если, конечно, потолок к тому времени еще был цел.

— Значит, вот оно что, — подытожил я. — Ящичек с запиской о кладе...

— В общем, да, — подтвердила Синтия, — но не совсем так. Я не смогла его открыть и потому захватила с собой. Вернувшись домой, я взломала его с помощью инструментов. Внутри лежала грамота на владение кусочком земли, долговая расписка с отметкой об уплате, пара пустых конвертов, один или два опротестованных чека и документ о передаче семейных архивов отделу рукописей университета. Вернее, не о передаче, а о предоставлении во временное пользование. На следующее утро я отправилась в отдел рукописей. Вам наверняка известно, как они там работают...

— Да уж, — согласился я.

— Пришлось попереживать, но в конце концов то, что я — студентка-дипломница со специализацией по истории Земли, и то, что бумаги принадлежат моей семье, сыграло свою роль. Они думали, что я хочу лишь просмотреть документы, но к тому времени, когда мне их выдали, — должно быть, они хранились не там, куда помещал их каталог, — я была сыта по горло всей этой волокитой, а потому заполнила требование о возвращении бумаг и вышла на улицу уже вместе с ними. Вот вам и тихоня-отличница, не правда ли? В отделе мне угрожали судебным преследованием, и, если бы они выполнили свою угрозу, я не знаю, чем бы все закончилось. Но что-то им помешало. Быть может, они решили, что бумаги не представляют никакой ценности, хотя с чего — не смею догадываться. Все документы уместились в один конверт. Очевидно, к ним никто не прикасался, поскольку они не были ни рассортированы, ни проштампованы, и даже печать на конверте не имела следов повреждений. Наверное, их зарегистрировали под одним номером и благополучно про них забыли.

Синтия прервалаась и пристально поглядела на меня. Я промолчал. Потихоньку она доберется до сути дела. Как знать, вдруг у нее есть причины рассказывать именно так и никак иначе? Быть может, она хочет перепроверить себя и убедиться (снова, в который раз), что не совершила ошибки, что поступила правильно? Я не собирался подгонять ее, хотя, видит Бог, она могла бы и не тянуть кота за хвост.

— Документов было немного, — заговорила Синтия, выдержав паузу. — Подборка писем, которые проливали свет на историю колонизации Олдена землями, — характерные образчики эпистолярного жанра

той эпохи. Они не содержали ни единого неизвестного прежде факта. Несколько стихотворений, явно сочиненных молоденькой девицей. Счета-фактуры какой-то фирмы, которые, пожалуй, могли бы заинтересовать историка-экономиста, а еще — памятная записка, в какой пожилой человек в довольно-таки вычурных выражениях излагал историю, услышанную им от деда, причем дед его был одним из первых колонистов на Олдене.

— И что же это за записка?

— В ней говорилось о невероятных событиях, — ответила Синтия. — Я отнесла ее профессору Торндейку, рассказала ему то, что вы только что слышали, и попросила прочесть. Окончив чтение, он уселся, устремив взгляд в никуда, а потом произнес одно-единственное слово — «Анахрон».

— Что такое «Анахрон»? — спросил Элмер.

— Мифическая планета, — отозвался я, — мир, которого на самом деле не существовало. Предмет мечтаний археологов, вызванный ими из небытия...

— Придуманный мир, — проговорила Синтия. — Я не спрашивала об этом профессора Торндейка, но мне кажется, что название его образовано от слова «анахронизм» — то есть что-либо, сильно устаревшее. Понимаете, археологи многократно наталкивались на следы, оставленные неведомой расой. Как ни странно, анахронианские надписи находили только на артефактах аборигенов той или иной планеты и никогда — отдельно.

— Как будто они, то бишь анахрониане, случайно заглянули на огонек, — присовокупил я, — а уходя, оставили хозяевам в знак благодарности пару безделушек. Они могли побывать на многих планетах, а их безделушки обнаруживаются лишь на некоторых, да и то по воле случая.

— Так что там с памятной запиской? — спросил Элмер.

— Она при мне, — ответила Синтия, доставая из внутреннего кармана куртки объемистое портмоне и извлекая оттуда пачку сложенных пополам бумаг. — Это копия. Оригинал был слишком хрупким и не выдержал бы подобного обращения.

Она протянула бумаги Элмеру. Тот развернул их, просмотрел и передал мне.

— Я подброшу дров, чтобы было посветлее, — сказал он. — А ты читай вслух.

Записка была написана корявым почерком пожилого и немощного человека. Местами попадались кляксы, но они не мешали уловить смысл. Наверху первой страницы была цифра — 2305.

Синтия следила за мной.

— Должно быть, год, — заметила она. — Тут у нас с профессором Торндайком не было разногласий. Если ее написал именно тот человек, на которого я думаю, то в дате нет ничего удивительного.

Элмер подбросил в костер хвороста, и пламя весело загудело.

— Порядок, Флетч, — сказал робот. — Чего ты ждешь, начинай.

И я начал.

## Глава 6

«2305  
Моему внуку Говарду Лансингу

В мою бытность юношней, мой дед рассказал мне о том, что ему довелось пережить, когда он был молодым человеком примерно моего возраста, а теперь, когда мне столько же лет, сколько было ему в момент нашего разговора, или даже больше, я передаю услышанное тебе; но поскольку ты еще зеленый юнец, я решил доверить эту историю бумаге, чтобы ты, став старше, смог прочитать ее и понять, в чем тут дело.

Беседуя со мной, мой дед пребывал в твердом уме и здравом рассудке, который не повредили многочисленные старческие немощи. Ты можешь счесть историю неправдоподобной, однако, как мне всегда казалось, в ней есть своя логика, из-за которой она обретает истинность.

Мой дед, как тебе, без сомнения, известно, родился на Земле, а на Олден прилетел уже далеко не юношней. Он родился в начальную пору Решающей Войны, когда народы Земли, разбившись на два блока, терзали и опустошали планету. В дни своей юности он участвовал в боях, если я вправе так выразиться, ибо то была война не людей, а машин, которые сражались друг с другом с бессмысленной яростью, позаимствованной у тех, кто их создал. Поскольку все члены его семьи и большинство друзей то ли погибли, то ли пропали без вести

(по-моему, он сам не знал, что вернее), он с легким сердцем присоединился к группе людей, крохотной частице некогда громадного населения Земли, которые вошли в космические корабли и покинули Землю, дабы основать колонии на других планетах.

Но история, которую он мне поведал, относится не к войне и не к бегству с Земли. Она связана с происшествием, которое случилось неизвестно когда и, как говорил дед, почти неизвестно где. Мне кажется, что это событие произошло, когда он был молод, хотя я не помню, почему я так решил. Я с готовностью признаю, что многие подробности его истории успели подзабыться, но основную канву событий я помню отчетливо.

Благодаря какому-то стечению обстоятельств (какому именно, я забыл, если он вообще о том упоминал) мой дед очутился в безопасной, как он ее именовал, зоне: на небольшой территории, где в силу ее местоположения, а также топографических и метеорологических особенностей почва была менее ядовитой, чем в иных местах, и где человек мог жить в сравнительной безопасности, не пользуясь или почти не пользуясь средствами защиты. Он не помнил в точности, где находится то место, но уверял, что неподалеку от него текущая с севера речушка впадает в Огайо.

У меня сложилось впечатление (хотя он не говорил мне ничего подобного, а я его об этом не расспрашивал), что мой дед, будучи свободным от каких-либо обязанностей по службе и волею судьбы оказавшись в том месте, попросту решил остаться там, чтобы насладиться сравнительной безопасностью, которую оно предлагало. Решение его, принимая во внимание тогдашнюю ситуацию, было чрезвычайно разумным.

Я не знаю ни того, сколько он там пробыл, ни когда произошло то самое событие, ни того, почему он, в конце концов, оттуда ушел. Впрочем, все это не имеет никакого отношения к тому, что с ним случилось.

Однажды он увидел, что поблизости совершил посадку корабль. В то время еще существовали корабли для перелетов по воздуху; правда, многие из них были уничтожены, а те, что остались, совершенно не годились для ведения военных действий. Но такого корабля дед никогда не видел. Он рассказал мне, чем именно тот корабль отличался от остальных, однако я помню под-

робности весьма смутно и, если начну излагать, наверняка что-нибудь напутаю.

Из осторожности — без нее тогда было не выжить — дед спрятался в укрытие и принялся внимательно следить за происходящим.

Корабль приземлился на вершине одного из холмов над рекой. Едва он сел, из него вышли пять роботов и с ними существо, похожее на человека, но деду показалось, что сходство здесь чисто внешнее. Когда я спросил его, почему он так подумал, он затруднился с ответом. Дело заключалось не в том, как существо ходило, двигалось или говорило, а в подсознательном ощущении чужеродности, которое подсказывало деду, что это существо — не робот и не человек.

Два робота, отойдя от корабля на несколько шагов, остановились. Должно быть, их назначили часовыми, потому что они то и дело поворачивались в разные стороны, словно кого-то высматривая. Остальные принялись сгружать на землю ящики и оборудование.

Дед был уверен, что спрятался надежно. Он укрылся в зарослях на берегу речушки и лег на живот, чтобы ветки загородили его от часовых. Помимо всего прочего, стояло лето, и можно было уловить на то, что листва сделает его незаметным.

Однако в скором времени один из роботов, трудившихся на разгрузке, бросил работу и направился туда, где прятался мой дед. Поначалу дед решил, что робот пройдет мимо, а потому замер и затаил дыхание.

Но у робота, очевидно, были четкие инструкции. Дед считал, что, скорее всего, кто-то из часовых засек его по тепловому излучению и сообщил своему хозяину о том, что за ними наблюдают.

Приблизившись к зарослям, робот наклонился, схватил деда за руку, извлек из кустарника и потащил на холм.

По словам деда, все, что было дальше, он помнит довольно смутно. Хотя хронологическая последовательность воспоминаний не нарушена, в них случаются пробелы, объяснить которые он не в силах. Он был уверен в том, что, прежде чем его отпустили или ему удалось бежать (правда, как он признавался, у него не возникало ощущения, что его удерживают насилием), была предпринята попытка стереть в его мозгу память о произошедшем. На какое-то время эта мера подейство-

вала; лишь с прибытием деда на Олден память начала потихоньку возвращаться, словно воспоминаниям был поставлен заслон, который они сумели преодолеть только с течением лет.

Дед помнил, что разговаривал с человеком, который человеком не был. Ему запомнилось, что существо говорило с ним по-доброму, но вот, о чем шла речь, он позабыл начисто, если не считать нескольких фраз. Существо сообщило деду, что прибыло из Греции (на Земле когда-то существовала такая страна), где жило долгие времена. Дед ясно запомнил это выражение — «долгие времена» — и подивился, как можно так коверкать язык. Существо сказала также, что искало место, где ничто не угрожало бы его жизни, и после ряда измерений, сути которых дед не понял, остановило свой выбор на площадке, где приземлился его корабль.

Дед припомнил еще, что роботы использовали часть сгруженного с корабля оборудования для того, чтобы пробить в скале глубокий колодец и вырезать под землей обширную пещеру. Покончив с этим, они вздвинули над колодцем деревянную хижину самого затрапезного вида снаружи, но прекрасно обставленную внутри. Вырубленные в стенах колодца ступени уводили к подземной пещере, а отверстие ствола закрывалось крышкой, причем, когда она находилась на месте, заподозрить, что за ней начинается туннель, было невозможно.

Ящики, которые сгрузили с корабля, снесли в подземелье. На поверхности остались лишь те из них, в которых была мебель для хижины.

Один из роботов, спускаясь под землю, уронил свой ящик. Дед, который неизвестно почему очутился внизу, увидел, что тот летит прямо на него, и поспешно отпрыгнул в сторону. Уже пересчитывая ступеньки, ящик начал разваливаться, а достигнув дна колодца, разлетелся на мелкие кусочки, так что все его содержимое раскатилось по полу пещеры.

Как утверждал дед, ящик был битком набит сокровищами: там были подвески, браслеты и кольца с драгоценными камнями, золотые обручи со странными узорами на них (дед уверял, что обручи были золотые, однако я не понимаю, как ему удалось распознать золото на глаз), выкованные из драгоценных металлов и отделанные самоцветами статуэтки животных и птиц, с поддо-

жины королевских венцов, сумки с монетами и многое другое, в том числе — пара или тройка ваз. Вазы, естественно, разбились.

Тут же примчались роботы и принялись подбирать сокровища, а следом спустился их хозяин. Ступив на пол пещеры, он, не удостоив взглядом драгоценности, наклонился и подобрал обломки одной из ваз и попробовал соединить их заново, но у него ничего не получилось, потому что ваза раскололась на множество мелких кусочков. Однако, посмотрев на обломки, которые не-знакомцу удалось-таки собрать вместе, дед увидел, что на вазе имелись покрытые глазурью рисунки, которые изображали странного вида людей в момент охоты на еще более странных зверей. Странность рисунков заключалась в их неумелости, в полном отсутствии у художника представления о перспективе и каких-либо познаний в анатомии.

Существо поникло головой над обломками вазы. Лицо его было печальным, а по щеке скатилась слеза. Моему деду показалось нелепым проливать слезы над разбитой вазой.

К тому времени роботы сложили рассыпавшиеся сокровища в кучу. Потом один из них принес корзину, и онисыпали туда драгоценности и отволокли корзину к ящикам в глубине пещеры.

Но они были не слишком внимательны. Дед заметил на полу монетку. Он спрятал ее в карман и вынес из пещеры, и передал мне, а теперь я кладу ее в этот конверт...»

## Глава 7

Я прервал чтение и взглянул на Синтию Лансинг.

— Монета?

Девушка кивнула.

— Да. Она была завернута в фольгу. Такой фольгой не пользуются давным-давно. Я отдала монету на сохранение профессору Торндейку...

— Но он сказал вам, что она собой представляет?

— Он колебался и потому обратился за советом к эксперту по монетным системам Земли. Тот утверждает, что это неходовая афинская монета с изображением совы, которую отчеканили, скорее всего, спустя несколько лет после битвы у местечка под названием Марафон.

— Неходовая? — переспросил Элмер.

— Которая не была в обращении. Металл ходовой монеты гладкий и тусклый оттого, что она перебывала во многих руках. А наша монетка выглядела новехонькой.

— И никаких сомнений? — справился я.

— Профессор Торндейк говорит, что нет.

Из-за гребня холма, у подножия которого мы разбили лагерь, вновь послышался собачий лай. Он звучал тоскливо и страшно. Я вздрогнул и придвигнулся поближе к костру.

— Кого-то ловят, — сказал Элмер. — Наверное, енота или опоссума. Охотники идут следом, ориентируясь на лай.

— Но зачем они охотятся? — спросила Синтия. — Я про людей, не про собак.

— Чтобы добыть мясо и поразвлечься, — ответил Элмер.

Синтия моргнула.

— Мы не на Олдене, — продолжал Элмер. — Здесь не приходится рассчитывать на мягкость нравов розовой планеты. Люди, которые обитают вон в тех лесах, вполне могут оказаться полудикарями.

Мы сидели и слушали, и нам показалось, что лай отдаляется.

— Что касается клада, — нарушил молчание Элмер. — Давайте прикинем, что нам известно. Где-то на территории этой страны, к западу от того места, где мы сейчас находимся, некто, прилетев из Греции, припрятал добрый десяток ящиков, предположительно, с сокровищами. Мы знаем, что в одном из них сокровища были на самом деле, и заключаем отсюда о содержимом остальных. Но местоположение клада определить будет нелегко. Нет четких ориентиров. Река, которая течет с севера и впадает в старушку Огайо. Да таких рек не перечесть...

— Хижина, — напомнила ему Синтия.

— Ее построили десять тысяч лет назад, так что она давно уже развалилась. Нам придется искать колодец, а его могло засыпать.

— А с какой стати, — вмешался я, — Торни решил, что тот странный тип из Греции — анахронианин?

— Я спросила его об этом, — ответила Синтия, — и он сказал, что инопланетный наблюдатель, вероятнее всего, должен был поселиться где-то в том районе. Ведь на земле бывшей Турции обитали первые оседлые человеческие племена. Наблюдатель вряд ли стал бы обосновываться в непосредственной близости от объектов наблюдения. И Греция тут, по мнению профессора Торндайка, подходит со всех точек зрения. У такого наблюдателя наверняка имелись средства скоростного передвижения, поэтому расстояние между Грецией и Турцией не было для него помехой.

— Не вижу логики, — заявил Элмер упрямо. — Почему именно Греция, а не Синайский полуостров, не Каспийское побережье и не дюжина других мест?

— Торни доверяет интуиции ничуть не меньше, чем фактам или логике, — сказал я. — Интуиция у него

великолепная, и зачастую он оказывается прав. Если он говорит: «Греция», — значит, так оно и есть, хотя, как мне кажется, этот наш гипотетический наблюдатель мог время от времени менять место проживания.

— Вовсе нет, — возразил Элмер, — в особенностях, если он только и делал, что рыскал вокруг в поисках добычи. Она наверняка оттягивала ему карманы. Переместить такую гору добра — это тебе не раз плюнуть. Судя по рассказу, он укрыл на Огайо несколько тонн поживы.

— Да нет же, не поживы! — воскликнула Синтия. — Ну как ты не поймешь! Ему нужны были не деньги и не предметы роскоши. Он собирал артефакты.

— Какой, однако, разборчивый, — хмыкнул Элмер. — Все артефакты из золота да из самоцветов.

— Не преувеличивай, — осадил я Элмера. — Золото и самоцветы могли быть лишь в том ящике, который разбился, а в других хранились, скажем, наконочники стрел и копий, образцы древних тканей, ступки и пестики...

— Доктор Торндайк считает, — сказала Синтия, — что ящики, которые довелось увидеть моему предку, содержали в себе лишь незначительную часть того, что удалось собрать наблюдателю. Быть может, в них он упаковал самые ценные предметы. А в других пещерах, где-нибудь в Греции, может находиться в сотни раз больше ящиков.

— Как бы то ни было, — заключил Элмер, — клад есть клад. Люди гоняются за любыми артефактами, а то, что они с Земли, я думаю, набавляет им цену. Артефакты распределяют направо и налево. Многие богачи, — ибо нужно быть богатым, чтобы платить такие деньги, — коллекционируют их. И потом, в парочке артефактов на каминной полке или на журнальном столике в кабинете есть свой шик.

Я кивнул, вспомнив, как Торни расхаживал по комнате, ударяя кулаком по ладони и метая громы и молнии. «Дошло до того, — воскликнул он, — что археологи остались не у дел! Ты знаешь, сколько ограбленных городов мы обнаружили за последнюю сотню лет? Их раскопали и ограбили прежде, чем там появились мы! Различные археологические общества при поддержке некоторых правительств проводили одно расследование за другим — и ничего. Неизвестно, ни кто совер-

шал набеги, ни куда подевались артефакты. Их где-то складируют, а потом перепродают коллекционерам. Дело это прибыльное и потому хорошо организованное. Мы пытались добиться принятия закона о запрещении частного владения артефактами, но остались с носом. В правительстве слишком много таких, у кого рыльце в пушку, кто и сам коллекционирует. Кроме того, кто-то финансирует их противодействие принятию такого закона. В итоге мы попросту остались с носом. А из-за разгула вандализма теряем единственную возможность понять, как развивались те или иные галактические культуры».

Собачий лай сменился вдруг восторженным тявканьем.

— Загнали, — констатировал Элмер. — Загнали жертву на дерево.

Я дотянулся до кучки хвороста, принесенного Элмером, подбросил сучьев в огонь и помешал палкой угли. Язычки голубого пламени из развороженных угольев потянулись к сучьям, вспыхнула, разбрасывая искры, сухая кора. Пламя словно обрело второе дыхание.

— Хорошая штука костер, — проговорила Синтия.

— Возможно ли, чтобы столь хилое пламя согревало даже таких, как я? — спросил Элмер. — Сидя рядом с ним, я ощущаю тепло, клянусь.

— Почему бы и нет? — ответил я. — Ты постепенно превращаешься в человека.

— Я человек, — сказал Элмер. — По крайней мере по закону. А если по закону, значит, и во всем остальном.

— Как там Бронко? — подумал я вслух. — Надо бы его позвать.

— Он занят делом, — сказал Элмер. — Создает лесную фантазию из темных теней деревьев, шороха ночного ветра в листве, бормотания воды, мерцания звезд и трех черных фигур у костра. Картина, ноктюрн, стихотворение, быть может, скульптура — он творит все это одновременно.

— Бедняжка, — вздохнула Синтия, — он не знает отдыха.

— Бронко живет работой, — сказал Элмер. — Он мастер своего дела.

В темноте послышался сухой треск. Через несколько секунд звук повторился. Собаки, которые было замолчали, снова разразились лаем.

— Охотник выстрелил в того, кто спасался на дереве от собак, — пояснил Элмер.

Над лагерем воцарилось молчание. Мы сидели, представляя себе — я, во всяком случае, представлял — сцену в ночном лесу: собаки, скачущие вокруг дерева, наведенное ружье, вырвавшееся из ствола пламя и — темный силуэт, который падает к ногам охотника.

Внезапно мне показалось, что я слышу иной звук. Издалека донесся слабый хруст. Налетевший ветерок промчался по лощине и увлек звук за собой, но вскоре он возвратился, став громче и назойливее.

Элмер вскочил на ноги. Блики пламени засверкали на его металлическом теле.

— Что это? — спросила Синтия.

Элмер не ответил. Звук приближался. Он надвигался на нас, нарастаая с каждым мигом.

— Бронко! — крикнул Элмер. — Скорее сюда. К костру!

Бронко тут же примчался, по-паучьи перебирая ногами.

— Мисс Синтия, — приказал Элмер, — забирайтесь.

— Что?

— Забирайтесь на Бронко и держитесь крепче. Если он побежит, пригибайтесь пониже, чтобы не удариться о сук.

— Что происходит? — спросил Бронко. — Что за шум?

— Не знаю, — отозвался Элмер.

— Рассказывай сказки, — проворчал я, но он не услышал, а если и услышал, то не подал вида.

Звук приближался. Он не шел ни в какое сравнение со всем, слышанным мною до сих пор. Впечатление было такое, словно кто-то разрывает лес на кусочки: рев, скрежет, визг раздираемой древесины. Земля задрожала у меня под ногами, будто по ней колотили увесистым молотом.

Я огляделся. Бронко с Синтией на спине отступал от костра в темноту, готовый в любой момент пропустить бегом.

Оглушительный и душераздирающий, шум обрушился на нас. Я отпрыгнул в сторону и побежал бы, если бы знал куда; и тут я различил на гребне холма нечто громадное, заслонившее от меня звезды. Деревья задрожали мелкой дрожью; черная машина слетела с холма, сокрушая все на своем пути, едва не разнесла лагерь и устремилась дальше по лощине. Шум быстро затихал. Деревья на холме тихонько постанывали.

Я стоял, прислушиваясь к удаляющемуся шуму, который вскоре пропал, словно его и не было вовсе. Я стоял, загипнотизированный тем, что произошло; не понимая, что произошло; гадая, что произошло. Элмер, судя по его позе, пребывал не в лучшем состоянии.

Я плюхнулся на землю рядом с костром; Элмер оглянулся и направился ко мне. Синтия соскочила с Бронко.

— Элмер, — выдохнул я.

Он замотал головой.

— Не может быть, — пробормотал он, обращаясь, скорее, к себе, чем ко мне. — Не может быть. Сколько лет прошло...

— Боевая машина? — спросил я.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Такого не бывает, Флетч, — сказал он.

Я подбросил в огонь хвороста. Я не жалел дров, я отчаянно нуждался в огне. Пламя вспыхнуло с новой силой.

Синтия подсела ко мне.

— Боевые машины, — продолжал разговаривать сам с собой Элмер, — строились для того, чтобы нападать на людей, брать города, сражаться с другими машинами. Они дрались до конца, до тех пор, пока в них оставалась хоть крупица энергии. Их не предназначали для выживания. И они, и мы, те, кто создавал их, знали это. Их единственным заданием было — уничтожить. Мы готовили их к смерти и посыпали их на смерть...

Его голос был голосом далекого прошлого; он вещал о древней морали, о старинной вражде, о первобытной ненависти.

— Те, кто был в них, не имели желания жить. Они были все равно что мертвые. Они умирали, но согласились потерпеть...

— Элмер, Элмер, — перебила Синтия. — Те, кто был в них? А кто был в них? Я не знала, что в них кто-то был. В них же не было экипажей. Они...

— Мисс, — сказал Элмер, — они были не до конца машинами. По крайней мере это можно сказать про нашу модель. У нее был искусственный мозг, который находился в контакте с мозгом человека. В мозг машины, которую создавал я, было заключено сознание нескольких людей. Я не знаю, ни кто они, ни сколько их было, хотя всем на стройплощадке было известно, что они — быть может, самые крупные военные специалисты, пожелавшие продлить себе жизнь для того, чтобы нанести врагу последний удар. Искусственный мозг в союзе с человеческим мозгом...

— В нечестивом союзе, — бросила Синтия.

Элмер метнул на нее быстрый взгляд и опять усталоился на костер.

— Пожалуй, вы правы, мисс. Однако вы не представляете, что такое война. Война — возвышенное безумие, греховная ненависть, которая рождает неоправданное чувство собственной правоты...

— Давайте не будем об этом, — предложил я. — В конце концов, это могла быть не боевая машина, а что-нибудь еще.

— Что, например? — поинтересовалась Синтия.

— Не знаю, но ведь прошло десять тысяч лет.

— Да, — протянула она, — за такой срок мало ли что может случиться.

Элмер промолчал.

На гребне холма раздался крик. Мы вскочили. На верху мелькал огонек; слышно было, как кто-то пробирается через поваленные деревья.

Крик повторился.

— Эй, у костра!

— Эй, там! — отозвался Элмер.

Огонек мелькал по-прежнему.

— Фонарь, — сказал Элмер. — Должно быть, те люди, которые охотились с собаками.

Мы следили за фонарем. Окликать нас больше не окликали. Наконец огонек перестал мелькать и поплыл вниз по склону холма.

Людей оказалось трое: высокие, одетые в тряпье мужчины с ружьями за плечами. Один из них тащил

что-то на закорках. Они улыбались, и зубы их сверкали в бликах пламени костра. Вокруг них прыгали собаки.

Остановившись на краю освещенного круга, они бесцеремонно вытаращились на нас.

— Вы кто? — подал голос один из охотников.

— Путники, — ответил Элмер. — Путешественники.

— А ты? Ты ведь не человек, — последнее слово он произнес как «чолвик».

— Я робот, — сказал Элмер. — Я уроженец Земли. Меня изготовили на ней.

— Ну и дела, — заметил другой охотник. — Прямо ночь больших дел.

— Вы знаете, что это было? — спросил Элмер.

— Разорительница, — отозвался первый. — Про нее много чего толкуют. Моему прадедушке еще его папаша о ней рассказывал.

— Коль она вам показалась, — вступил в разговор третий, — можно перед ней не дрожать. Никому пока не удавалось повстречать ее дважды. Она возвращается только через много лет.

— И вам неизвестно, что она такое?

— Разорительница. (Как будто это слово все объясняло.)

— Мы углядели ваш костер, — сказал первый охотник, — ну и решили перекинуться словцом.

— Присаживайтесь, — пригласил Элмер.

Они уселись на корточки у костра, уперев приклады ружей в землю, а стволы выставив в воздух. Тот из них, который тащил что-то на спине, сбросил свою ношу с плеч.

— Енот, — сказал Элмер. — Хорошая добыча.

Собаки, тяжело дыша, улеглись у ног хозяев, время от времени принимаясь вилять хвостами.

Охотники ухмыльнулись, и один из них проговорил:

— Меня зовут Лютер, это Зик, а это Том.

— Очень приятно, — ответил Элмер вежливо. — Меня зовут Элмер, молодую леди — Синтия, а джентльмена — Флетчер.

Они кивнули в знак приветствия.

— А что у вас за животное? — спросил Том.

— Его зовут Бронко, — сказал Элмер. — Он механический.

— Рад познакомиться с вами, — сообщил Бронко.

Они уставились на него во все глаза.

— Наверное, мы кажемся вам странноватыми, — хмыкнул Элмер. — Мы прилетели с другой планеты.

— Да нам, в общем-то, без разницы, — сказал Зик. — Мы увидели ваш костер и решили заглянуть на огонек.

Лютер сунул руку в задний карман брюк и вытащил оттуда бутылку. Он помахал ею, предлагая выпить.

Элмер покачал головой.

— Не пью, — объяснил он.

Я сделал шаг вперед и взял у Лютера бутылку. Пришло время выйти на сцену и мне; до сих пор в разговоре с нашей стороны участвовал только Элмер.

— Шикарная штука, — подмигнул Зик. — Старик Тимоти муры не гонит.

Вышибив пробку, я поднес бутылку к губам и отхлебнул. Я чуть не задохнулся и с трудом удержался от кашля. Самогонка обожгла мне внутренности. Ноги мои стали ватными.

Охотники, ухмыляясь во весь рот, внимательно наблюдали за мной.

— Знатная вещь, — похвалил я, сделал еще глоток и вернул бутылку хозяину.

— Леди? — осведомился Зик.

— Для нее будет слишком крепко, — сказал я.

Тогда они принялись за дело сами. Я не спускал с них глаз. Они снова протянули бутылку мне, и я не стал отказываться. В голове у меня зашумело, но я твердил себе, что страдаю на благо общества. Ведь кому-то же из нас надо перенять язык охотников.

— Повторим? — спросил Том.

— Попозже, — сказал я. — Попозже. Мне не хочется оставить вас без «горючего».

— Оно у нас не последнее, — усмехнулся Лютер, похлопав себя по карману.

Зик отцепил от пояса нож и пододвинул поближе тушку енота.

— Лютер, — распорядился он, — набери-ка прутьев для жаркого. Мясо у нас есть, выпивка тоже, и костерок славный. Гуляем, ребята!

Я искоса поглядел на Синтию. Побледнев, она широко раскрытыми от ужаса глазами следила за тем, как нож Зика вспарывает белое брюшко енота.

— Эй, — окликнул я ее, — не берите в голову.

Она одарила меня вымученной улыбкой.

— А утрецом, — проговорил Том, — потопаем домой. Чего зазря в темноте ноги ломать? Завтра у нас большой праздник. Вам обрадуются, вот увидите. Ведь вы идете с нами, верно?

— Конечно, — сказала Синтия.

Я посмотрел на Бронко. Он застыл в напряженной позе, выставив напоказ все свои сенсоры.

## Глава 8

Он провел меня по полям, где пригибались к земле колосья и золотились на солнце тыквы; он продемонстрировал мне сад с немногими необобранными еще плодовыми деревьями, готовую к работе коптильню, сарай, в котором хранили всякого рода металлический утиль, курятник, помещение для инструментов, кузницу и амбары; я увидел жирных свиней, которых откармливали лесными желудями на убой; я полюбовался на коров и овец, что паслись на высокой луговой траве; вдосталь нагулявшись, мы уселись на верхнюю перекладину шаткой изгороди.

— Сколько вы тут живете? — спросил я. — Не лично вы, а люди вообще.

Он повернулся ко мне. Морщинистое лицо, кроткие голубые глаза, благообразная седая борода до груди — ни дать ни взять деревенский патриарх.

— Глупости спрашиваете, — сказал он. — Мы тут всегда жили. По всей долине люди селились с незапамятных времен. Живем мы вместе, семьями. Иногда попадаются бирюки, но таких раз-два и обчелся. Кое-кто уходит — от добра добра искать. Нас немного, но так оно и было искони. То женки не рожают, то детишки не выживают. Говорят, кровь у нас дурная. Не знаю: слухов ходит без числа, досужие языки чего только не болтают, а вот как правду ото лжи отличить?

Он уперся пятками в нижнюю перекладину изгороди и обхватил руками колени. Пальцы у него были по-ста-

риковски скрюченные, острые костяшки, казалось, вот-вот прорвут кожу. На тыльных сторонах ладоней отчетливо проступали синие вены.

— А с Кладбищем вы уживаитесь? — поинтересовался я.

Он ответил не сразу; он с первых слов произвел на меня впечатление человека, который сначала думает, а потом говорит.

— Да вроде бы, — отозвался он наконец. — Они, черти, все ближе подбираются. Ходил я туда пару раз, толковал с этим... ну как его...

Он нетерпеливо прищелкнул пальцами.

— С Беллом, — подсказал я. — Его зовут Максуэлл Питер Белл.

— Точно, с ним самым. Толковал я с ним, да ни до чего мы не договорились. Он скользкий как угорь. Улыбается, а чего — кто его разберет? Он хозяин, а мы — так, мелкота. Я ему говорю: вы наседаете на нас, сгоняете с насиженных мест, а в округе полным-полно заброшенных земель. А он мне: мол, своей землей вы тоже не пользуетесь. Ну, я отвечаю, что, дескать, пускай мы не пашем, но жить-то нам надо; к тесноте мы непривычные, нам простор подавай. А он меня спрашивает, есть ли у нас право на землю. Я говорю: какое такое право? Вы мне ваше право докажите. Мекал он, мекал, да так ничего путевого и не сказал. Вот вы, мистер, вы человек пришлый; может, вам известно, есть ли у него право на нашу землицу?

— Сильно сомневаюсь, — фыркнул я.

— Уживаться мы с ними уживаемся, — продолжал он. — Некоторые наши подрабатывают у них: ну там, копают могилы, траву подстригают, деревья с кустами подрезают. Они порой зовут нас, когда не могут обойтись своими силами. Сами понимаете, могильник требует ухода. Если б мы того захотели, мы могли бы делать куда больше, да какой от работы прок? У нас есть все, что нам нужно, и им попросту нечего нам предложить. Одежда? Овцы дают нам довольно шерсти, чтобы прикрыть срам и не замерзнуть в холода. Выпивка? Мы гоним самогон, и кладбищенскому пойлу до него, пожалуй, далеко. Если самогон настоящий, после него и нектар отравой покажется. Что еще? Кастрюли со сковородками? Да много ли их надо?

Мы вовсе не лентяи, мистер. Мы трудимся как пчелки: рыбачим, охотимся, роемся в земле, раскапываем железо. В окрестностях хватает холмов с железом внутри; правда, путь до них неблизкий. Из железа мы делаем инструменты и ружья. К нам частенько заглядывают торговцы с запада и с юга. Мы вымениваем у них порох и свинец за продукты, шерсть и самогон — конечно, не только это, но в основном порох и свинец.

Он оборвал рассказ. Мы сидели рядышком на верхней перекладине изгороди и нежились на солнышке. Деревья представлялись мне застывшими в неподвижности кострами; рыжевато-коричневые поля пестрели золотистыми тыквами. У подножия холма, в кузнице, размеренно стучал молот; из трубы тянулся к небу дымок, догоняя клубы дыма из труб стоящих по соседству домов. Хлопнула дверь, и я увидел Синтию. Она была в фартуке и держала в руке сковородку. Выйдя во двор, она вывалила содержимое сковородки в пузатый бочонок. Я помахал ей; она махнула мне в ответ и скрылась в доме.

Старик заметил, что я разглядываю бочонок.

— Помойный, — сказал он. — Мы бросаем в него картофельные очистки, капустные листья и прочую дрянь, сливаем молоко, если оно скисло, и отдаем свиньям. Вы что, никогда в жизни не видели помойного бака?

— Честно говоря, нет, — признался я.

— Что-то я запамятовал, откуда вы прибыли и чем там занимались, — буркнул он.

Я рассказал ему про Оден и постарался объяснить, что мы задумали. Кажется, он меня не понял.

Он мотнул головой в сторону амбара, около которого с самого утра пристроился Бронко.

— Значит, вон та штуковина работает на вас?

— Изо всех сил, — ответил я, — и куда как толково. Он очень восприимчивый. Он впитывает в себя образы амбара и сеновала, голубей на крыше, телят в стойлах, лошадей, что пасутся на лугу. Потом из этого возникнет музыка и...

— Музыка? Как если играют на скрипке, что ли?

— Можно и на скрипке, — сказал я.

Он недоверчиво и вместе с тем ошарашенно покрутил головой.

— Я вот о чем хотел вас спросить, — переменил я тему разговора. — Что это за штука — Разорительница?

— Точно не знаю, — сказал он. — Ее называют так, а почему — непонятно. Мне не доводилось слышать, чтобы она кого-нибудь разорила. Опасно только оказаться у нее на дороге. Она — редкая гостья в наших краях. Мы не видим ее десятилетиями. Прошлой ночью она впервые прокатилась так близко от нас. По-моему, никому не взбрело в голову попробовать выследить ее. Она из тех, кого лучше не трогать.

Я видел, что он что-то скрывает, и потому решил на него надавить, не рассчитывая, впрочем, на удачу.

— А что говорит молва? Разве о Разорительнице не сложено никаких легенд? Вы не слышали, чтобы ее называли боевой машиной?

Он со страхом посмотрел на меня.

— Какой машиной? — переспросил он. — Да с кем ей биться-то?

— Вы хотите сказать, что вам ничего не известно о войне, которая чуть было не уничтожила Землю? О войне, после которой люди покинули планету?

По его ответу я понял, что он не лукавит, — просто время стерло воспоминания о тяжелой године.

— Народ болтает всякое, — проговорил он. — Коль ты парень с головой, то особо слухам доверять не станешь. Есть тут у нас переписчик душ — ну, тот, кто знает с призраками; мы зовем его Душелюбом. Я в него не верил до тех пор, пока нос к носу не столкнулся. А есть еще бессмертный человек, но его я ни разу не встречал, хотя если кое-кого послушать, так он — их лучший друг. На свете существуют и магия, и колдовство, однако в нашей округе ничего такого не замечалось, да оно и славно. Мы — люди тихие, живем скромно и к сплетням не прислушиваемся.

— А книги? — воскликнула я.

— Были да сплыли, — ответил он. — Я про них слышал, но ни одной в глаза не видел, да и другие тоже, Кого ни спроси. Тут у нас книг нет и, верно, никогда и не было. К слову, мистер, что такое книга?

Я попытался объяснить. Вряд ли он понял меня как следует, но вид у него был ошеломленный. Он ловко перевел разговор на другую тему, чтобы, как мне показалось, скрыть замешательство.

— Ваш аппарат придет на праздник? — спросил он. — И будет смотреть и слушать?

— Да, — сказал я. — Спасибо вам, кстати, за гостеприимство.

— Народ начнет подходить, лишь солнце сядет. Будут музыка и танцы, а на улицу выставят столы с угощением. У вас на вашем Олдене бывают такие гулянки?

— Отчего же нет, — сказал я, — только гулянками их не называют.

Не сговариваясь, мы замолчали. Мне подумалось, что день, вроде бы, выдался неплохой. Мы прошлись по полям, и старик с гордостью показал мне, какое у них уродилось зерно; мы заглянули в свинарник и понаблюдали, как поросыта с хрюканьем роются в отбросах; мы полюбовались на работу кузнеца, который при нас докрасна раскалил лемех плуга, ухватил его щипцами, бросил на наковальню и пошел стучать по нему молотом так, что во все стороны полетели искры; мы насладились прохладой амбара и воркованьем голубей на сеновале; беседа наша была неторопливой, потому что нам некуда было спешить. Да, денек выдался хоть куда.

В одном из домов распахнулась дверь, и наружу выглянула женщина.

— Генри! — позвала она. — Где ты, Генри?

Старик медленно слез с изгороди.

— Это они меня ищут, — проворчал он. — Нет чтобы объяснить, что случилось. Решили, видно, что я сижу без дела. Пойду узнаю, чего им надо.

Я смотрел, как он лениво спускается по склону холма. Солнышко согревало мне спину. Пойти, что ли, поискать, чем заняться? Должно быть, выгляжу я как петух на настесте; и потом, неудобно бездельничать, когда кругом все работают. Однако я испытывал странное нежелание что-либо делать. Впервые в жизни мне не нужно было ни над чем ломать голову. И я не без стыда признался самому себе, что такое положение вещей меня вполне устраивает.

Бронко по-прежнему стоял у амбара, а Синтии не было видно с тех пор, как она выплеснула что-то в помойный бак. Интересно, где это целый день пропадает Элмер?

Он словно подслушал мои мысли: вышел из-за амбара и направился прямиком ко мне. Он не проронил ни

слова, пока не приблизился вплотную. Я заметил, что ему явно не по себе.

— Я ходил посмотреть на следы, — сказал он негромко. — Сомневаться не приходится: прошлой ночью мы видели боевую машину. Я обнаружил отпечатки протекторов: такие могла оставить только она. Я прошелся по колеям: она умчалась на запад. В горах найдется немало таких уголков, где она сможет укрыться.

— От кого ей прятаться?

— Не знаю, — ответил Элмер. — Поведение боевой машины непредсказуемо. Десять тысяч лет она была представлена самой себе. Скажи мне, Флетч, чего можно ожидать от ее комбинированного интеллекта после стольких лет одиночества?

— Либо ничего, либо всего сразу, — хмыкнул я. — Во что превратилась боевая машина, которая уцелела в чудовищной бойне? Что побуждает ее к жизни? Как воспринимает она окружающее, столь отличное от того, для которого ее изготавливали? И вот что странно, Элмер: похоже, люди совершенно не боятся ее. Она для них — нечто непостижимое, а, как я успел убедиться, постигнуть они не в силах очень и очень много.

— Чудные они какие-то, — проговорил Элмер. — Мне здесь не нравится. Я чувствую себя не в своей тарелке. Сомневаюсь, чтобы та троица с енотом заявила к нашему костру без причины. Ведь им по пути надо было преодолеть колею боевой машины.

— Ими двигало любопытство, — сказал я. — У них тут тишь да гладь, поэтому, когда что-нибудь происходит, их разбирает любознательность. Так было и с нами.

— Естественно, — согласился Элмер. — И все же...

— Факты?

— Да нет, ничего конкретного. Но что-то меня тревожит. Давай сматывать удочки, Флетч.

— Я хочу, чтобы Бронко записал праздник. Едва он закончит, мы сразу уйдем.

## Глава 9

Как и предрекал старик Генри, люди начали собираться вскоре после захода солнца. Они приходили поодиночке, парами и троицами, а иногда — целыми компаниями. Все толпились во дворе, у столов с едой. Кто-то пока отсиживался в доме; часть мужчин удалилась в амбар, и оттуда послышался звон посуды.

Столы вытащили во двор ближе к вечеру. Парни приволокли из плотницкой козлы, на которые положили доски, — так получились лавочки и платформа для музыкантов. Последние уже расселились по местам и теперь настраивали инструменты: с платформы доносились пиликанье скрипок и треньканье гитар.

Луна еще не взошла, но небо на востоке отливало серебром, и черные стволы деревьев отчетливо выделялись на фоне светлой полоски в небесах. Собака подвернулась кому-то под ноги и с воем исчезла во мраке. Мужчины, что стояли у одного из столов, вдруг громко расхохотались, очевидно, над отпущенной кем-то шуткой. Костер, в который то и дело подбрасывали хворост, стрелял искрами; пламя жадно лизало сухие ветки.

Бронко расположился на опушке леса, и его металлический корпус мерцал в бликах костра. Элмер, присоединившись к какой-то компании у столов, судя по всему, оказался втянутым в оживленную дискуссию. Я поиском глазами Синтию, но ее нигде не было.

Кто-то тронул меня за руку. Обернувшись, я увидел рядом с собой старика Генри. Зазвучала музыка, по двору закружились пары.

— Не скучно одному? — спросил старик. Легкий ветерок шевелил его бакенбарды.

— Хочется спокойно понаблюдать, — ответил я. — Никогда не присутствовал на таких сборищах.

Я не кривил душой. В этом празднике было что-то от первобытной дикости и варварства; его необузданное веселье возвращало память к юности человечества. Как будто ожили древние обычаи и обряды — настолько древние, что на ум почему-то приходили кремневые топоры и обглоданные бедренные кости.

— Оставайтесь с нами, — пригласил старик. — Вы же знаете, наши все обрадуются. Оставайтесь; никто не помешает вам заниматься вашей работой.

Я покачал головой.

— Надо поговорить с другими, что скажут они. Но все равно, спасибо.

На платформе надрывался певец; музыканты наяривали что-то немыслимое, однако движения танцоров были плавными и даже изящными.

Старик хихикнул.

— Это называется танцем престарелых. Слыхали?

— Нет, — признался я.

— Хлопну еще стаканчик, — проговорил он, — чтобы косточки не скрипели, да тоже пойду попляшу. К слову...

Он извлек из кармана бутылку, вышиб пробку и протянул мне. Бутылка приятно холодила руку; я поднес ее к губам и сделал глоток. Против моих ожиданий, в бутылке оказалось неплохое виски. Оно ни капельки не напоминало ту отправу, которой меня угощали накануне.

Я вернул бутылку старику, но он оттолкнул мою руку.

— Мало, — сказал он. — Добавьте-ка.

Я снова приложился к бутылке. Мне стало хорошо и радостно.

Старик последовал моему примеру.

— Кладбищенское виски, — сказал он. — Малость повкуснее нашего будет. Ребята смотались нынче утром на Кладбище и выменяли у них пару ящиков.

Не успел закончиться первый танец, как музыканты тут же заиграли следующий. Я заметил среди танцую-

ших Синтию. Меня поразила грациозность ее движений, хотя, с чего я взял, будто она не умеет танцевать, честно говоря, не знаю.

Луна наконец поднялась над лесом. Мне было безумно хорошо.

— Еще, — предложил старик, вручая мне бутылку.

Теплая ночь, веселая компания, темный лес, яркое пламя костра. Я посматривал на Синтию, и мне вдруг отчаянно захотелось потанцевать с ней.

Музыка смолкла, и я сделал шаг вперед, намереваясь подойти к Синтии и пригласить ее на очередной танец. Однако меня опередил Элмер. Встав посреди двора, он неожиданно пустился отплясывать джигу; какой-то скрипач вскочил с места и принялся аккомпанировать ему, и вскоре к Элмеру присоединились все остальные.

Я не верил своим глазам. Элмер, который всегда казался мне тяжеловесным и неповоротливым роботом, теперь чуть ли не порхал над землей, извиваясь всем телом. Люди образовали вокруг него хоровод; они подбадривали его громкими криками и хлопаньем в ладоши. Бронко покинул свой пост на опушке и приблизился к танцорам. Кто-то увидел его; хоровод разомкнулся, пропуская Бронко внутрь. Он остановился перед Элмером, а потом запрыгал и завертелся, одновременно притоптывая всеми восемью ногами.

Музыканты убыстряли и убыстряли темп, но Бронко с Элмером это было нипочем. Ноги Бронко летали вверх-вниз, точно помешавшиеся поршни, а между ними вихлялось набитое приборами тело. Земля гудела от дружного топота, и мне почудилось, что я ощущаю ее дрожь. Люди вопили и улюлюкали. Танец двух машин никого не оставил равнодушным.

Я скосил глаза на старика Генри. Он вертелся юлой, седые волосы его растрепались, борода трепыхалась в лад заковыристым коленцам.

— Танцуй! — гаркнул он, тяжело дыша. — Чего не танцуешь?

Не переставая дергаться, он выгудил из кармана бутылку и протянул ее мне. Я схватил ее и пустился в пляс. Я запрокинул голову, и горлышко бутылки застучало по моим зубам; немного виски пролилось мне на лицо, но большая его часть попала туда, куда следовало. Я танцевал, размахивал бутылкой; по-моему, я издавал какие-то звуки — просто так, радуясь жизни.

Должно быть, все мы слегка ошалели — ошалели от ночи, от костра, от музыки. Мы отплясывали, не думая ни о чем. Мы плясали потому, что все вокруг делали то же самое, равно люди и машины, потому, что мы были живы и знали в глубине души, что жизнь не бесконечна.

Луна перемещалась по небу; дым от костра белым столбом уходил в поднебесье. Визгливые скрипки и гнусавые гитары стонали, рыдали и пели.

Внезапно, словно по приказу, музыка смолкла. Увидев, что все остановились, застыл на месте и я — с бутылкой в поднятой руке.

Кто-то дернул меня за локоть.

— Бутылка, приятель. Давай ее сюда.

Это был старик Генри. Я отдал ему бутылку. Он ткнул ею куда-то в сторону, а потом поднес к губам. В бутылке забулькало; кадык на шее старика гулял, отмечая каждый новый глоток.

Поглядев туда, куда показал Генри, я различил в полумраке человека в черной робе до пят. Лицо его смутно белело в тени капюшона.

Старик поперхнулся и оторвался от бутылки.

— Душелюб, — сказал он, указывая на пришельца.

Люди медленно отступали от Душелюба. Музыканты отдыхали, вытирая лица рукавами рубашек.

Постояв немного, провожаемый изумленными взглядами, Душелюб поплыл — не пошел, а именно поплыл — внутрь хоровода. Послышались звуки свирели — это заиграл один из музыкантов. Сначала пение дудочки походило на шелест ветра в луговой траве, но постепенно делалось громче. Вдруг свирель испустила руладу, которая словно повисла в воздухе. Тихонько вступили скрипки, как будто вдалеке прозвучал гитарный перебор; скрипки зарыдали, свирель точно обезумела, гитары неистово загремели.

Душелюб танцевал. Ног его не было видно из-под длинной робы, но он раскачивался всем телом, и движения его были настолько необычными и неуклюжими, что казалось, мы наблюдаем танец марионетки.

Он был не один. Вокруг него кружились какие-то тени, которые возникли неизвестно откуда. Сквозь призрачное мерцание их нематериальных тел можно было разглядеть пламя костра. Сперва они были просто безликими тенями, но, приглядевшись, я с изумлением заметил, что они начинают обретать форму, не стано-

вясь при этом, правда, материальнее. В них по-прежнему ощущалось нечто призрачное, но они были уже не тени, а люди. Я ужаснулся, рассмотрев, как они одеты. На них были традиционные одежды многих народностей Галактики. Один из них нарядился в кильт и шапочку разбойника с далекой планеты под любопытным названием Конец Пустоты, другой — в величественную тогу кутща с веселой планеты Денежка, а между ними, не обращая ни на что внимания, отплясывала девица в лохмотьях, но с ниткой самоцветов на шее; судя по ее виду, она явилась сюда с планеты развлечений Вегас.

Она не дотрагивалась до меня, и как она подошла, я не слышал, но что-то подсказало мне, что Синтия стоит рядом со мной. Я взглянул в ее глаза и прочел в них испуг и изумление. Губы ее шевелились, но из-за громыханья музыки я не разобрал ни словечка.

— Что вы говорите? — крикнул я, однако ответить она не успела: нечто обрушилось на меня, и я рухнул как подкошенный, ударившись о землю с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Перекатившись на спину, я страшно удивился: по воздуху, гротескно растопырив ноги, летел Бронко, окруженный пламенеющими бревнами и ветками. Клубы дыма на мгновение заслонили луну.

Я попытался вздохнуть — и не смог. Меня охватила паника: а что если я разучился дышать? Но дыхание вернулось ко мне. Я жадно глотал воздух, и каждый глоток отдавался в легких чудовищной болью, но я никак не мог остановиться.

Брошенным на землю оказался не я один. Кое-кто поднимался, кое-кто силился подняться, а некоторые, и таких было много, лежали не шевелясь.

С немалым трудом я встал на четвереньки и, увидев, что рядом беспомощно ворочается Синтия, помог ей принять сидячее положение. Бронко отчаянно елозил по земле. Наконец ему удалось перевернуться и встать, но с двумя его ногами, причем на одной и той же стороне, что-то случилось, и он неуверенно покачивался на оставшихся шести.

Элмер вихрем пронесся мимо меня, подскочил к Бронко и поддержал его. Я поднялся и поставил на ноги Синтию. Элмер с Бронко ковыляли к нам.

— Прочь отсюда! — крикнул робот. — На холм, бегом!

Мы повернулись и побежали. Дорогу нам преградила изгородь, на которой днем мы сидели со стариком Генри. Поврежденному Бронко было через нее не перебраться. Я ухватился обеими руками за столб и попробовал повалить его. Он заходил ходуном, но выдернуть его у меня не получилось.

— Пусти, — бросил Элмер. Ударом ноги он опрокинул столб. Фигурка Синтии мелькала далеко впереди. Я устремился за ней.

На бегу я обернулся: поблизости от амбара полыхал сеновал, в который, должно быть, угодила одна из веток, подброшенных к небу взрывом, повредившим Бронко. У сеновала бестолково суетились люди.

Забыв, что надо смотреть вперед, а не назад, я споткнулся обо что-то в темноте и кубарем покатился по земле.

Кое-как поднявшись, я различил силуэты Элмера и Бронко на гребне освещенного луной холма. Я рванулся следом. Мое лицо и руки после неудачного приземления покрылись болезненными ссадинами; проведя ладонью по щеке, я почувствовал на пальцах липкую влагу.

Преодолев гребень холма, я заметил внизу, почти на опушке леса, белое пятно — куртку Синтии. Бронко с Элмером не отставали от девушки. Бронко освоился с поддержкой Элмера и двигался теперь довольно быстро.

Набившиеся за пазуху сухие стебли трав царапали мне кожу. Из селения доносились невнятные вопли.

Я добежал до изгороди, что отделяла поле от леса, и увидел, что Элмер проломил в ней проход. Промчавшись сквозь него, я очутился в лесу, и мне пришлось сбавить прыть, чтобы соследу не налететь на какое-нибудь дерево.

Кто-то шепотом окликнул меня. Замерев, я огляделся. Все трое моих спутников укрылись под сенью разлапистого дуба. Бронко в целом выглядел неплохо. Элмер спустился с дерева, держа в руке какие-то узелки.

— Я припрятал их тут с наступлением темноты, — сказал он. — Меня не отпускало ощущение, что что-нибудь обязательно случится.

— Тебе известно, что случилось?

— Кто-то бросил на двор гранату, — ответил робот.  
— Кладбище, — проговорил я. — Вот на что выменили виски.

— Расплатились, значит, — сказал Элмер.  
— Похоже. А я все гадал, с какой стати они расщедрились.

— А призраки, если они, конечно, призраки? — спросила Синтия.

— Отвлекающий маневр, — предположил Элмер.  
Я покачал головой.

— Слишком сложно. Не думаю, чтобы в этом были замешаны все без исключения.

— Ты недооцениваешь наших друзей, — возразил Элмер. — Что ты наговорил Беллу?

— Да ничего такого. Я лишь отказался работать на них.

Элмер фыркнул.

— Все ясно. *Lese — maesté* \*.

— Что же нам теперь делать? — спросила Синтия.

— Ты без меня пока обойдешься? — поинтересовался Элмер у Бронко.

— Если не спешить, да.

— Флетч будет сопровождать тебя. Поддержки от него не жди, но, если ты свалишься, он поможет тебе встать. А мне надо раздобыть инструменты.

— Тебе что, своих мало? — сказал я. Ведь у него в специальном отделении груди хранились запасные руки и многое-многое другое.

— Мне понадобится молоток и кое-что еще. Ноги Бронко просто так не починишь. Я знаю, где у них в деревне сарай с инструментом. Он, правда, заперт, но это ерунда.

— Мне казалось, мы торопимся унести ноги, а ты хочешь вернуться...

— Им будет не до меня: того и гляди, загорится амбар. Никто меня и не заметит.

— Возвращайся скорей, — попросила Синтия.

Он кивнул.

— Постараюсь. Вы никуда не сворачивайте, пока не доберетесь до долины, а там поверните направо и двигайтесь вниз по течению реки. Бери мешок, Флетч, а Синтия возьмет тот, что поменьше. Остальное я захва-

---

\* Оскорбление монарха (фр.).

чу на обратном пути. Бронко сейчас не в состоянии ничего тащить.

— Один момент, — сказал я.

— Ну?

— Почему мы должны поворачивать направо и идти вниз по течению?

— Потому что, пока ты трепался со своим лохматым приятелем, а Синтия чистила картошку для праздника, я пробежался по окрестностям. Жизнь научила меня не пренебрегать осмотром местности.

— Но куда мы направляемся? — справилась Синтия.

— Подальше от Кладбища, — ответил Элмер. — Как можно дальше.

## Глава 10

Бронко еле держался на ногах. Склон холма был крутым и неровным, и Бронко трижды падал, прежде чем мы спустились в долину. Всякий раз я ухитрялся его поднять, но при этом едва не падал сам.

Позади нас какое-то время в небе мерцали багряные отблески. Должно быть, занялся амбар, ибо сеновал гореть так долго попросту не мог. Однако, когда мы достигли долины, зарево погасло. То ли амбар выгорел полностью, то ли пламя удалось потушить.

Идти по долине было значительно легче. Земля была удивительно ровной, хотя иногда попадались неглубокие рытвины. Лес поредел, и луна худо-бедно освещала нам путь. Слева по ходу нашего движения журчала река. Близко мы к ней не подходили, но то и дело слышали плеск воды у каменистых перекатов.

Нас окружала серебристая дымка; порой издалека доносились конское ржание или иные звуки. Раз над нами, неслышно взмахивая крыльями, пролетела большая птица. Покружившись, она скрылась с глаз.

— Если бы ноги у меня были сломаны с разных сторон, — проговорил Бронко, — я бы ничего не заметил. А так — остается две с одной стороны, четыре — с другой; вот и приходится ковылять.

— Все хорошо, — утешала его Синтия. — Не болит?

— Нет, — ответил Бронко. — Я не способен испытывать боль.

— По-вашему, в случившемся виновато Кладбище, — повернулась ко мне Синтия. — Элмер согласен с вами и я, пожалуй, тоже. Но ведь мы не представляем для них угрозы...

— Любой человек, если он не гнет перед Кладбищем спину, воспринимается ими как угроза, — сказал я. — Они обосновались на Земле давным-давно и потому не терпят ни малейшего вмешательства в свои дела.

— Но мы же ни во что не вмешиваемся!

— Можем. Исполнив то, за чем мы сюда прилетели, и вернувшись на Олден, мы можем все им испортить. Мы расскажем о Земле без Кладбища. А вдруг наша работа получит признание у зрителей? Люди перестанут считать Землю всего лишь галактическим могильником.

— Но им от этого не станет хуже, — недоумевала Синтия. — Ничего же не изменится. Никто не покушается на их способ зарабатывать деньги.

— Вы забываете о самолюбии, — заметил я.

— При чем здесь оно? И потом, чье самолюбие окажется ущемленным? Максуэлла Питера Белла и других князьков вроде него. Но не самолюбие Кладбища — это гигантская корпорация, которую интересуют доходы, объем ежегодного прироста прибыли, себестоимость услуг и тому подобное. В ее гроссбуках нет места самолюбию. Дело не в нем, Флетч. Должна быть иная причина.

Может, она и права, сказал я себе. Может, дело действительно не только в самолюбии. Но в чем тогда?

— Они привыкли править, — буркнул я. — Они могут купить все, что им взбредет в голову. Они наняли кого-то швырнуть гранату в Бронко. Их не остановило даже то, что при взрыве могут пострадать другие. Им наплевать, понимаете? Им наплевать, потому что они привыкли добиваться того, чего им хочется. И, кстати сказать, задешево. Они тут хозяева, поэтому с ними никто не осмеливается торговаться. Мы знаем, чем они расплатились за гранату, — ящиком виски. Смехотворно низкая плата! Мне думается, чтобы поддержать свою репутацию, им приходится сурово наказывать тех, кто ускользает из их объятий.

— Вы все время говорите «они», — перебила Синтия. — Но вы же знаете, что нет ни «их», ни «Кладбища». А есть один-единственный человек.

— Верно, — согласился я, — и вот почему я упомянул о самолюбии. Уязвлено не самолюбие Кладбища, а собственное достоинство Максуэлла Питера Белла.

Долина раскинулась перед нами во всей красе — огромный луг, окруженный лесистыми холмами, оживляемый лишь редкими группами деревьев. Река бежала где-то слева от нас, но журчания воды не было слышно уже давненько. Земля была ровной, и Бронко двигался без особого напряжения, хотя при взгляде на него у меня сердце обливалось кровью. Но в общем он держался молодцом.

Об Элмере не было ни слуху ни духу. Поднеся руку к глазам, я посмотрел на часы. Почти два часа. Я не имел ни малейшего понятия о том, сколько было времени, когда мы обратились в бегство, но почему-то в глубине души был уверен, что взрыв произошел около десяти вечера, а это означало, что мы находимся в пути уже четыре часа. Может, с ним что случилось? Разумеется, он должен был подобрать мешки, что остались на том месте, где мы расстались, однако вряд ли они задержат его надолго.

Если он не нагонит нас к утру, надо будет выбрать местечко поукромнее и дождаться его. Я не сомкнул глаз с тех самых пор, как рас прощался с капитаном Андерсоном, а что касается Синтии, она буквально валилась с ног от усталости. Спрячемся понадежнее и немножко вздремнем, а Бронко, который не нуждается в сне, поручим нести дозор.

— Флетчер, — проговорила Синтия, остановившись столь внезапно, что я налетел на нее. Бронко застыл как вкопанный.

— Дым, — сказала она. — Я чувствую запах дыма. Я принюхался.

— Почудилось, — буркнул я. — Кому тут быть?

В долине ничто не напоминало о людях. Лунный свет на траве, деревья и холмы, свежий ночной воздух, черные тени птиц — и ни намека на людей.

И вдруг я уловил запах дыма. Он пощекотал мне ноздри и почти мгновенно улетучился.

— Вы правы, — сказал я. — Где-то неподалеку жгут костер.

— Раз костер, значит, люди, — заметил Бронко.

— Людьми я сыта по горло, — бросила Синтия. — Не хочу никого видеть в ближайшие пару дней.

— Я тоже, — поддержал ее Бронко.

Горьковатый запах дыма словно растворился в ночи.

— Может, и не костер, — сказал я. — Может, несколько дней назад в дерево ударила молния, и оно все тлеет и тлеет. Или костер, но давнишний: все ушли, а его залить не потрудились.

— Пойдемте отсюда, — проговорила Синтия. — Мы стоим тут у всех на виду.

— Слева от нас рощица, — подал голос Бронко. — До нее мы доберемся без труда.

Мы повернули влево и краудучись направились к рощице. Утром, подумалось мне, мы посмеемся над своими страхами. Вполне возможно, что напугавший нас дым принес издалека ночной ветерок. Вполне возможно, в конце концов, что мы совершенно напрасно опасаемся тех, кто развел в ночи костер.

На опушке рощицы мы остановились и прислушались. Впереди журчала вода. Вот и славно, подумал я, будет чем утолить жажду. Рощица, похоже, поднялась на берегу реки, что бежит через долину.

Мы двинулись дальше. Переход от яркого лунного света к глубоким теням под деревьями был настолько резким, что я на какое-то время полуослеп. Неожиданно одна из теней метнулась мне навстречу и ударом дубинки повергла меня на землю.

## Глава 11

Я упал в озеро и сразу, в третий и последний раз, пошел ко дну. Вода залиvalа мне уши и нос, и я не в силах был сделать вдох. Я дернулся и судорожно глотнул, и струйки воды с мокрых волос потекли по моему лицу.

Тут я обнаружил, что нахожусь вовсе не в озере, что подо мной — твердая земля; при свете горевшего не-подалеку костра я разглядел темную мужскую фигуру, которая держала в руках деревянное ведро. Я понял, что из этого ведра мне только что плеснули в лицо водой.

Мужчина стоял спиной к огню, поэтому его черты я толком не разглядел; лишь сверкнули белизной зубы, когда он сердито крикнул что-то, чего я не разобрал.

По правую руку от меня послышались вопли и проклятия. Повернув голову, я увидел лежащего на спине Бронко, вокруг которого, норовя подобраться поближе, толпились люди. Им приходилось туже: Бронко отбивался от них шестью неповрежденными ногами.

Я поиском взглядом Синтию. Она сидела у костра в довольно неестественной позе, зачем-то подняв над головой руку. И тут я заметил рядом с ней верзилу, который сжимал кисть девушки в своих лапицах. Когда Синтия попыталась встать, он заломил ей руку, и она вынуждена была опуститься обратно.

Я приподнялся, и человек с ведром кинулся ко мне с таким видом, словно намеревался раскроить мне че-

реп. Увидев летящее мне в голову ведро, я перекатился на бок и резко выбросил руку. Ведро просвистело в сантиметре от моего виска, а его владелец споткнулся о мою руку и повалился на меня. Я принял его на плечо; он перекувырнулся через меня и с размаху грохнулся оземь. Я не стал дожидаться, пока он поднимется, если поднимется вообще. Прыжком я преодолел расстояние, которое отделяло меня от верзилы, что держал за руку Синтию.

Он разгадал мой замысел и потянулся было за ножом, но действовал слишком медленно, и я успел нанести ему сокрушительный удар в челюсть. Клянусь, его подбросило в воздух на добрый фут! Я помог Синтии подняться, хотя, похоже, помочь ей не требовалось.

За моей спиной раздался вопль. Обернувшись, я увидел, что те, кто сражался с Бронко, решили поживиться более легкой добычей.

С того момента, когда ведро воды привело меня в чувство после удара по голове, и до сих пор мне было некогда оценить ситуацию, в которой мы оказались. Но теперь, используя короткую передышку, я присмотрелся к нападавшим. Иначе как сбродом назвать их было нельзя: грязные, нечесаные, в лохмотьях из оленых шкур и меховых шапках. У некоторых из них были ружья, у большинства, без сомнения, — ножи. Короче говоря, шансов уцелеть у меня было ничтожно мало.

— Уходите, — проговорил я, обращаясь к Синтии. — Постарайтесь где-нибудь спрятаться.

Она не ответила. Я оглянулся, чтобы узнать, почему она молчит, и увидел, что она шарит руками по земле. Когда она выпрямилась, в руках у нее были дубинки — длинные палки, которые она, должно быть, отломила от приготовленных для костра дров. Кинув одну дубинку мне, она сжала другую в кулаке и встала плечом к плечу со мной.

Вооружившись дубинками, мы ожидали нападения. Сторонний наблюдатель, вероятно, восхитился бы нашим мужеством, но я знал, что долго нам не выстоять.

Заметив дубинки, оборванцы остановились. Впрочем, даже так им ничего не стоило справиться с нами. Одному-двоим, быть может, и достанется, но они по-просту задавят нас числом.

Здоровенный детина, стоявший чуть впереди остальных, сказал:

— Что стряслось? Зачем вам дубинки?  
— Чтобы вы на нас не набросились, — ответил я.  
— Нечего было подсматривать за нами.  
— Мы почувствовали запах дыма, — проговорила

Синтия, — и ни за кем подсматривать не собирались.

Среди деревьев слева послышалось фырканье. Очевидно, там паслись какие-то животные.

— Вы подсматривали, — гнул свое детина. — Вы и ваша зверюга.

Пока он занимал нас беседой, его дружки потихоньку начали обходить нас с флангов.

— Давайте не будем горячиться, — сказал я. — Мы путники. Мы не подозревали о вашем присутствии...

Они рванулись было к нам, и тут из леса донесся заунывый вопль — дикий и воинственный боевой клич, от которого встали дыбом волосы и застыла в жилах кровь. Из-за деревьев показалась массивная металлическая фигура; завидев ее, оборванцы пустились наутек.

— Элмер! — воскликнула Синтия.

Робот не обратил на нас внимания. Один из беглецов споткнулся и упал; Элмер подхватил его, раскрутил и швырнул в темноту. Раздался выстрел; пуля глухо звякнула, стукнувшись о металлическое тело Элмера. Больше выстрелов не было. Элмер загнал оборванцев в лес. Судя по плеску воды, они перебрались на другой берег реки. Вскоре их испуганные крики затихли в отдалении.

Синтия подбежала к трепыхающемуся Бронко. Я поспешил ей на подмогу. Вдвоем мы поставили Бронко на ноги.

— Вот вам и Элмер, — сказал он. — Задай им жару, дружище! Они удрали не все. В лесу привязаны те, в ком нет зла.

— Лошади, — догадалась Синтия. — Их должно быть много. Наверное, мы повстречались с торговцами.

— Вы можете рассказать мне в точности, как все произошло? — спросил я. — Мы вошли в лес, в котором было темным-темно. А потом этот тип плеснул мне водой в лицо.

— Они оглушили вас, — ответила Синтия, — схватили меня и поволокли нас к костру. Они тащили вас за ноги, и вид у вас был препотешный.

- Ну, разумеется, вы помирали со смеху.
- Нет, — возразила она, — я не смеялась, но выглядели вы шикарно.
- А ты что скажешь, Бронко?
- Я поскакал к вам на выручку, — проговорил Бронко, — но оступился и упал. Но я показал им, с кем они имеют дело, верно, Флетч? Пока они вокруг меня крутились, мне удалось кое-кому как следует врезать.
- Они появились неожиданно, — сказала Синтия. — Похоже, они заметили нас издалека и устроили засаду. Костер мы увидеть не могли, потому что они развели его в глубокой лощине...
- Они наверняка выставили часовых, — буркнул я. — В общем, нам повезло, что все закончилось так, а не как-нибудь иначе.
- Мы вернулись к костру. Он почти погас, но мы не стали разжигать его заново. Нам почему-то казалось, что в темноте безопаснее. У костра в беспорядке валялись всякие ящики и тюки; чуть поодаль возвышалась куча хвороста. По всей стоянке были разбросаны тарелки, чашки, ложки, оружие и одеяла. Нечто с громким плеском пересекло реку и двинулось напролом через кусты. Я нагнулся было за ружьем, но Бронко сказал:
- Это Элмер.
- Я выпрямился. Сам не знаю, отчего я потянулся за ружьем: ведь я совершенно не представляю, как с ним обращаться.
- Элмер вывалился из кустов на лужайку.
- Удрали, — сообщил он. — Я хотел поймать одного и послушать, что у него найдется нам сказать, но они улепетывали так, что только пятки сверкали.
- Испугались, — фыркнул Бронко.
- Как наши дела? — спросил Элмер. — Вы в порядке, мисс?
- Мы все в порядке, — ответила Синтия. — Флетчера, правда, согрели дубинкой, но, по-моему, он уже оправился.
- Будет шишка, — проговорил я, — и голова, если честно, слегка побаливает. Но это пустяки.
- Флетч, — укорил Элмер, — почему ты не разводишь костер? Вам с мисс Синтией не мешало бы перекусить и вздремнуть часок-другой. А я пойду за вещами, которые бросил в лесу.

— А не лучше ли нам убраться отсюда и поскорее? — поинтересовался я.

— Они не вернутся, — успокоил меня Элмер. — Точнее, вернутся, но не при дневном свете. Солнце-то вот-вот встанет. Они вернутся завтрашней ночью, однако мы к тому времени будем далеко.

— В лесу привязаны их животные, — сказал Бронко. — Судя по всем этим тюкам, животные должны быть выручочными. Они могут нам пригодиться.

— Заберем их с собой, — решил Элмер, — пусть наши друзья потопают ножками. И, кроме того, мне не терпится заглянуть хотя бы в один из мешков. Быть может, их содержимое объяснит негостеприимность хозяев.

— А может, и нет, — возразил Бронко. — Вдруг они набиты под завязку всякой дрянью?

## Глава 12

Однако он ошибался.

У встреченных нами головорезов были все основания опасаться за свою поклажу.

В первом мешке, который мы развязали, находились металлические пластины, вырубленные, по всей видимости, долотом из цельного листа.

Элмер подобрал две пластины и с силой стукнул друг о друга, так что они загудели.

— Сталь, покрытая бронзой, — определил он. — Интересно, где они ее раздобыли?

Похоже, он догадался об этом, еще не закончив фразы. Взглянув на меня, он понял, что мне в голову пришла та же мысль, и констатировал:

— То, из чего изготавливают гробы. Правильно, Флетч?

Мы сгрудились вокруг мешка. Бронко переминался с ноги на ногу за нашими спинами. Элмер уронил пластины, которые держал в руках.

— Сейчас принесу инструменты, — сказал он, — и мы займемся тобой, Бронко. У нас в запасе меньше времени, чем я предполагал.

Мы взялись за дело, пользуясь инструментами, которые Элмер позаимствовал в деревне. С одной ногой мы управились быстро: выпрямили ее, простучали, так что

она стала как новенькая, и поставили на место. А вот со второй пришлось повозиться.

— Как долго, по-твоему, это продолжается? — спросил я Элмера. — Неужели Кладбище не подозревает о том, что его грабят?

— Даже если и знают, что они могут поделать? — откликнулся робот. — И вообще, какая им разница? Подумаешь, пару-тройку могил раскопали.

— Но их обязательно заметят! Ведь за Кладбищем ухаживают и...

— Заметят, если они на виду, — перебил Элмер. — Я готов побиться об заклад, что на Кладбище есть уголки, за которыми никто не следит, и посетителей туда не пускают.

— Но если мне нужна конкретная могила?

— Они узнают о подобных вещах заранее. Они заглавовременно знакомятся со списком пассажиров очередного звездолета для паломников и, если требуется, быстренько приводят в порядок тот или иной сектор Кладбища. Или и того не делают, а просто меняют таблички на могилах, и вся недолга.

Синтия бросила готовку и подошла к нам.

— Можно взять? — справилась она, берясь за лом.

— Конечно, — ответил Элмер, — нам он ни к че-му. Старина Бронко в полном порядке. А зачем он вам понадобился?

— Хочу открыть какой-нибудь ящик.

— Стоит ли? Там наверняка такие же пластины.

— Все равно, — сказала Синтия. — Хочется мне.

Понемногу светело. Солнце позолотило небо на востоке и скоро должно было взойти. Среди деревьев порхали птицы, которые запели, едва начала отступать ночная тьма. Большая синяя птица с хохолком на голове кружилась над нами, возбужденно крича.

— Голубая сойка, — проговорил Элмер. — Шумливая птаха. Ее помню и кое-кого еще, вот только названия подзабылись. Вон малиновка, а вон дрозд, — если мне не изменяет память, краснокрылый. Нахал, каких мало.

— Флетчер, — позвала Синтия сдавленным голосом.

Я сидел на корточках, наблюдая, как Элмер вправляет Бронко сустав.

— Да, — сказал я, не оборачиваясь, — чего?

— Можно вас на минуточку?

Я встал. Она ухитрилась оторвать край одной из досок крышки ящика. На меня она не глядела. Ее взгляд был устремлен внутрь ящика. Она стояла неподвижно, словно загипнотизированная тем, что увидела.

Ее вид заставил меня насторожиться. Сделав три быстрых шага, я очутился рядом с ней.

Первое, что я заметил, был изысканно украшенный сосуд — маленький, изящной формы, изготовленный, похоже, из яшмы. Нет, вряд ли это яшма: на сосуде цвета незрелого яблока черной, золотистой и темно-зеленой красками были изображены грациозные фигуры, а ни одно здравомыслящее существо яшму расписывать не будет. Рядом с сосудом лежала, если я ничего не перепутал, фарфоровая чашка ало-голубой раскраски, а дальше — причудливая скульптура, грубо вырезанная из камня кремового цвета. Из-под скульптуры виднелся кувшин с вычурным узором на боку.

Неслышино подошедший Элмер забрал у Синтии лом и двумя сильными ударами сбил с ящика крышку. Нашим глазам предстало поразительное зрелище: ящик оказался доверху набитым кувшинами, сосудами, статуэтками, фарфоровой посудой, искусной работы металлическими вещицами, поясами и браслетами с драгоценными камнями, самоцветными ожерельями и брошами, предметами культа (ничем иным они быть просто не могли), шкатулками из дерева и из металла и многим-многим другим.

Я взял в руки отшлифованный камень со множеством граней, на каждой из которых были выгравированы таинственные, наполовину стершиеся символы. Я повертел его в ладонях, недоумевая, почему он такой тяжелый, будто внутри у него не тот же камень, а металл. И тут меня словно осенило: мне ведь доводилось уже видеть нечто подобное — на каминной полке в кабинете Торни. Однажды он продемонстрировал мне, для чего этот булыжник предназначался. Его бросали, как игральную кость, чтобы узнать, как поступить в том или ином случае. Божественный камень, очень древний и чрезвычайно ценный, — один из немногих артефактов, которые с

уверенностью можно было отнести к творениям загадочной расы с далекой планеты, — планеты, обитатели которой исчезли в никуда задолго до того, как люди натолкнулись на их мир.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Элмер.

— Да вроде бы, — отозвался я. — Старинная штучка. У Торни есть похожая. Он называл мне планету, на которой их делали, но я, признаться, подзабыл.

— Послушайте, почему бы вам не продолжить разговор за едой? — вмешалась Синтия. — Все того и гляди остынет.

Я понял вдруг, что зверски голоден. Со вчерашнего дня у меня во рту не было и маковой росинки.

Синтия разлила по тарелкам густой, наваристый суп из тушеники с овощами. Торопясь попробовать, я первой же ложкой обжег себе небо.

Элмер примостился рядышком, подобрал палку и принялся ворошить угли.

— Мне кажется, — сказал он, — обнаруженные нами предметы имеют отношение к тому, о чем, по твоим словам, частенько говоривал профессор Торндейк. Сокровища, которые похитили с мест археологических раскопок и припрятали с тем, чтобы позже за бешеные деньги продать коллекционерам.

— Думается, ты прав, — ответил я, — и теперь нам известно, где хранится хотя бы часть их.

— На Кладбище, — сказала Синтия.

— Совершенно верно, — согласился я. — В гробу можно спрятать все, что угодно. Кому придет в голову раскапывать могилу? Да никому, за исключением шайки пришлых добытчиков металла, которые, очевидно, решили, что куда выгоднее извлечь из земли парочку гробов, чем без толку рыскать по округе.

— Они разрывали могилы ради металла, — вступила в разговор Синтия, — а как-то раз нашли гроб, в котором вместо скелета лежала груда сокровищ. Быть может, такие могилы особым образом помечены. Быть может, на памятник или на указатель ставится какой-нибудь значок, который, если не знать, куда смотреть, ни за что не заметишь.

— Вряд ли они ориентируются по значкам, — возразил Элмер. — Прикиньте, сколько уйдет времени на поиски по крайней мере одного из них.

— Я думаю, времени у них было достаточно, — парировала Синтия. — Скорее всего, промышлять воровством они начали не вчера, а несколько столетий назад.

— Однако наличие меток ничем не доказано, — сказал я.

— Как это ничем? — воскликнула Синтия. — Откуда же им тогда известно, где копать?

— Вполне возможно, что у них на Кладбище есть свой человек, который наводит их на могилы.

— Вы оба вот о чем забываете, — вмешался Элмер, — что если наших ночных знакомцев все эти бездешушки в ящиках интересуют постольку-поскольку?

— Но они прихватили их с собой, — проговорила Синтия.

— Да, прихватили. Сообразили, должно быть, что за них можно выручить кое-какие деньги. Но нужен им был, я уверен, в первую очередь, металл. Сегодня с металлом на Земле туговато. Когда-то его собирали в городах, но на открытом воздухе он быстро ржавел, и потому пришлось искать его под землей. А на Кладбище он не такой старый и гораздо лучшего качества. Артефакты, которые попались грабителям в одной-двух могилах, имеют ценность для нас, поскольку профессор Торндейк просветил нас на их счет, однако мне сомнительно, чтобы кладбищенские воришки разбирались в предметах искусства. Им нужен металл, а все остальное — так, игрушки детям, побрякушки женщинам.

— Как бы то ни было, — сказал я, — теперь понятно, почему Кладбище норовит присмотреть за всеми, кто прилетает на Землю. Им вовсе ни к чему, чтобы кто-нибудь узнал про артефакты.

— В этом нет ничего противозаконного, — заметила Синтия.

— Увы, да. Археологи много лет пытаются пробить закон, который запретил бы торговлю артефактами, но пока безуспешно.

— Грязное это дело, — буркнул Элмер, — неблаговидное. Если правда выплынет наружу, она здорово подпортит Кладбищу фасад.

— И все же они позволили нам уйти, — проговорила Синтия.

— Они просто оказались не готовы, — объяснил я. — Им нечем было остановить нас.

— Потом они попробовали отыграться, — прибавил Элмер. — На Бронко.

— Они полагали, что, уничтожив Бронко, сумеют нас запугать, — подумала Синтия вслух.

— Скорее всего, — согласился я. — Хотя, быть может, они ко взрыву и не причастны.

— Ну да, — фыркнул Элмер.

— Вот что меня настораживает, — сказал я. — Не прилагая к тому усилий, мы умудрились нажить себе кучу врагов. Во-первых, Кладбище, во-вторых, шайка грабителей, а в-третьих, мне кажется, жители деревни. Едва ли они вспоминают нас добрым словом. Из-за нас у них сгорели сеновал и амбар; наверняка кто-то из них пострадал при взрыве. Поэтому...

— Сами виноваты, — перебил Элмер.

— Иди и скажи им это.

— Не пойду.

— Думаю, нам пора трогаться в путь, — закончил я.

— Вам с мисс Синтией надо поспать.

Я посмотрел на девушку.

— Пару часов мы как-нибудь выдержим, верно?

Она уныло кивнула.

— Возьмем лошадей, — предложил Элмер. — Погрузим на них мешки...

— Зачем? — спросил я. — Оставь все здесь. К чему нам лишняя поклажа?

— И как я сам не додумался? — воскликнул Элмер. — Когда они вернутся, кому-то из них придется остаться тут, чтобы караулить добро, а значит, нам будет легче.

— Они погонятся за нами, — проговорила Синтия. — Без лошадей они как без рук.

— Разумеется, — ответил Элмер, — но когда они, в конце концов, обнаружат лошадей, нас уже и след простынет.

— Ты забываешь людей, — неожиданно подал голос Бронко. — Они не способны обходиться без сна и не могут шагать сутки напролет.

— Что-нибудь придумаем, — отмахнулся Элмер. — Давайте собираться.

— А как быть с Душелюбом и его призраками? — спросила Синтия безо всякого, как мне показалось, повода.

— Пусть они вас не волнуют, — сказал я.

Она спрашивала о них не в первый раз. Все-таки женщина есть женщина: человек в затруднительном положении, а она пристает к нему с дурацкими вопросами!

## Глава 13

Я проснулся посреди ночи и растерялся было, но тут же вспомнил, где мы, и что с нами произошло. Сев и оглядевшись, я различил в темноте крепко спящую Синтию. Скоро уже должны вернуться Бронко с Элмером, и тогда мы продолжим наш путь. Все-таки, сказал я себе, мы поступили по-глупому; нам не следовало разлучаться. Да, конечно, я был в полусонном состоянии, и первая в жизни прогулка верхом порядком меня утомила, а Синтия вообще выдохлась окончательно, однако мы могли бы пересадить ее на Бронко и привязать к седлу, чтобы она не свалилась во сне. Но Элмер настоял на том, чтобы мы оставались здесь, пока они с Бронко отгонят лошадей в маячившие на горизонте горы.

— Не беспокойся, — убеждал он. — Пещера эта удобная и хорошо замаскирована, а к тому времени, как вы проснетесь, мы вернемся.

Зачем мы его послушались, корил я себя. Зачем? Нам надо было держаться вместе; что бы ни случилось, нам надо было держаться вместе.

У входа в пещеру промелькнула тень. Послышался тихий голос:

— Друг, будь добр, не шуми. Тебе нечего опасаться.

Я вскочил, чувствуя, как волосы на моей голове встают дыбом.

— Кто там, черт побери?

— Тише, тише, — попросил меня голос. — Поблизости ходят те, кому слышать нас вовсе не обязательно.

Синтия взвизгнула.

— Замолчите! — прикрикнул я на нее.

— Не волнуйтесь, — произнес некто. — Вы не узнали меня, но мы виделись на празднике.

Синтия, подавив крик, судорожно сглотнула.

— Это Душелюб, — выдавила она. — Что ему нужно?

— Я пришел к вам, красавица, — ответил Душелюб, — чтобы предупредить вас о большой опасности.

— Выкладывай, — сказал я негромко, поддавшись на его уговоры не повышать голоса.

— Волки, — объяснил он. — По вашему следу пустили механических волков.

— И что же нам делать?

— Сидеть тихо, — ответил Душелюб, — и надеяться, что они пробегут мимо.

— А где твои приятели? — поинтересовался я.

— Где-то тут. Они частенько сопровождают меня, но прячутся, впервые встречаясь с людьми. Они слегка робеют, но если вы им понравитесь, они обзываются.

— Прошлой ночью они ничуть не робели, — заметила Синтия.

— Они были среди старых друзей, с которыми знакомы не один год.

— Ты говорил про волков, — перебил я. — Если я не ошибся, про механических волков.

— Подобравшись ко входу, вы, наверное, сможете их разглядеть. Только, пожалуйста, старайтесь не шуметь.

Я протянул Синтии руку, и она крепко вцепилась в нее.

— Механические волки, — проговорила она.

— Должно быть, роботы, — сказал я. Не знаю почему, но я оставался абсолютно спокойным. За последние два дня нам столько привелось увидеть, что механические волки отнюдь не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Подумаешь, эка невидал!

Снаружи пещеры ярко светила луна. Деревья были видны как на ладони. Крохотные лужайки, валуны — дикий, неприветливый, суровый край. Я невольно вздрогнул.

Мы притаились у самого входа в пещеру. Взгляд различал лишь деревья, лужайки, валуны и темные очертания холмов вдалеке.

— Я не... — начала было Синтия, но Душелюб цыкнул на нее, и она замолчала.

Мы лежали бок о бок, с каждой секундой все острее ощущая нелепость своего положения. Ничто не нарушило ночных покоя; в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

Внезапно в тени дерева что-то шевельнулось. Мгновение спустя на открытом месте показалась отвратительная тварь. Она поблескивала в лунном свете и производила впечатление чудовищной силы и злобы. Расстояние и неверный свет луны скрадывали ее размеры, однако ростом она была явно не ниже теленка. Движения ее были быстрыми, ловкими и, я бы даже сказал, немного нервными; но мощь, заключенную в ее металлическом теле, можно было угадать за несколько сотен миль. Тварь кружила по поляне, будто к чему-то приюючиваясь, а потом вдруг замерла и уставилась прямо на нас. Застыв в напряженной позе, она рвалась к нам — словно кто-то удерживал ее на поводке.

Так же неожиданно она отвернулась и возвратилась к прежнему занятию, и тут я заметил, что их уже трое. Обследовав поляну, они устремились в лес.

Один из волков на бегу оскалил пасть — вернее, то, что называется пастью у живых существ, — продемонстрировав сдвоенный ряд металлических клыков. Зубы его клацнули, и нас бросило в дрожь.

Синтия прижалась ко мне. Высвободив руку, я обнял девушки; в тот момент я думал о ней не как о женщине, но как о человеке, в плоть которого могут вонзиться металлические клыки. Прильнув друг к другу, мы наблюдали, как волки рыщут среди деревьев, настороженно поводя носами и — не знаю, может, мне по-мерещилось? — пуская слону. Постепенно я проникался уверенностью, что им известно наше местонахождение.

И вдруг они исчезли, пропали без следа, так что мы даже не успели ничего разглядеть. Их исчезновение ошеломило нас; мы лежали у входа в пещеру, боясь открыть рот, боясь пошевелиться. Сколько продолжалось наше оцепенение, я не знаю.

Кто-то постучал по моему плечу.

— Они ушли, — сказал Душелюб.

Признаться, я совершенно позабыл о его присутствии.

— Они растерялись, — сказал он. — Их сбил с толку лошадиный запах. Что ж, пускай побегают.

Синтия поперхнулась, будучи, видно, не в силах произнести ни слова. Я сочувствовал ей: мое горло пересохло до такой степени, что непонятно было, обрету ли я когда-нибудь дар речи.

— Я думала, они искали нас, — запинаясь, выговарила Синтия. — По-моему, они догадывались, что мы где-то рядом.

— Все может быть, — ответил Душелюб, — однако непосредственная опасность миновала. Почему бы нам не вернуться в пещеру?

Я поднялся на ноги и помог встать Синтии. Мышцы мои после долгого пребывания в неподвижности затекли, и я потянулся всем телом. В пещере было темно, хоть глаз выколи, но, ощупывая рукой стену, я с грехом пополам добрался до сложенных в кучу мешков и сел, прислонившись к ним. Синтия последовала моему примеру.

Душелюб расположился перед нами. Его черная роба сливалась со мраком пещеры, и потому мы видели только белое пятно его лица — размытое пятно, лишенное каких бы то ни было черт.

— Наверное, — сказал я, — нам нужно поблагодарить тебя.

Он передернул плечами.

— Друзья нынче встречаются редко, — сказал он. — Поэтому их надо всячески берегать.

В пещере засеребрились тени. То ли они появились всего лишь мгновение назад, то ли я попросту не замечал их раньше, но теперь они окружали нас со всех сторон.

— Ты созвал своих? — спросила Синтия, и по напряженности ее голоса я понял, каких усилий стоило девушке совладать с испугом.

— Они были здесь все время, — объяснил Душелюб. — Они возникают медленно, чтобы никого не перепугать.

— Тут не захочешь, а испугаешься, — возразила Синтия. — Я ужасно боюсь призраков. Или ты называешь их по-другому?

— Лучше будет, — ответил Душелюб, — называть их тенями.

— Почему? — спрятался я.

— Семантика причины, — заявил Душелюб, — требует для объяснения вечерних сумерек. Честно говоря, я сам в некотором затруднении. Но они предпочитают именоваться так.

— А ты? — спросил я. — Что ты такое?

— Не понимаю, — ответил Душелюб.

— Ну как же? Мы люди. Твои спутники — тени. Существа, за которыми мы следили, были роботами — механическими волками. А к кому отнести тебя?

— Ах, вот ты про что, — догадался Душелюб. — Ну, это несложно. Я переписчик душ.

— Что касается волков, — вмешалась Синтия. — Они, должно быть, кладбищенские?

— Да, — подтвердил Душелюб. — Теперь их почти не используют, не то что прежде. В былые дни у них было много работы.

— Какой же? — удивился я.

— Чудовища, — ответил Душелюб, и я заметил, что ему не хочется развивать эту тему.

Беспрерывное колыхание теней прекратилось. Друг за дружкой они опускались на пол пещеры, постепенно приобретая все более четкие очертания.

— Вы им нравитесь, — сказал Душелюб. — Они знают, что вы на их стороне.

— Мы ни на чьей стороне, — запротестовал я. — Наоборот, мы бежим сломя голову, чтобы нас не сцепали. Едва мы очутились на Земле, как нас тут же попытались взять в оборот.

Одна из теней подсела к Душелюбу. Мне показалось, она утратила часть своей облакоподобной субстанции и не то чтобы затвердела, но стала плотнее. Она осталась прозрачной, но размытость формы исчезла; силуэт приобрел завершенность. Тень напоминала сейчас рисунок мелком на грифельной доске.

— Если вы не возражаете, — заявил рисунок, — я хотел бы представиться. Мое имя в далеком прошлом на планете Прерия наводило ужас на ее обитателей. Странное название для планеты, не правда ли? Однако объясняется оно очень просто: это была огромная планета, пожалуй, даже больше Земли, территория суши на которой намного превосходила площадь океана. На

суще не было ни гор, ни возвышенностей, и на все четыре стороны простиралась прерия. Там не было зимы, потому что тепло звезды, вокруг которой обращалась планета, ветры распределяли равномерно по всей поверхности. Так что мы, обитатели Прерии, наслаждались вечным летом. Разумеется, мы были людьми. Наши предки покинули Землю с третьей волной эмиграции. В поисках наилучшего места жительства они перелетали от планеты к планете, пока не очутились на Прерии. Вероятно, наш образ жизни покажется вам необычным. Мы не строили городов. Причину тому я, быть может, открою вам позднее, ибо рассказывать придется долго. Мы стали бродячими пастухами, и, на мой взгляд, это занятие куда достойнее любого другого. На Прерии, кроме нас, обитали аборигены — гнусные, злобные проныры. Они отказывались от всякого сотрудничества с нами и то и дело вставляли нам палки в колеса. Помнится, я начал с того, что просил позволения представиться, но забыл назвать свое имя. Это доброе земное имечко, ибо мое семейство и весь мой клан бережно хранили наследие Земли, и...

— Его зовут, — перебил Душелюб, — Рамсей О'Гилликадди. Откровенно говоря, имя в самом деле неплохое. Я вмешался потому, что он наверняка не скоро бы добрался до сути.

— А теперь, — сообщила тень Рамсея О'Гилликадди, — поскольку меня любезно представили, я поведаю вам историю своей жизни.

— Не стоит, — возразил Душелюб. — У нас нет времени. Нам многое нужно обсудить.

— Тогда историю моей смерти.

— Хорошо, — уступил Душелюб, — но только покороче.

— Они поймали меня, — начала тень Рамсея О'Гилликадди, — и посадили под замок. Грязные, мерзкие аборигенишки! Я не буду описывать обстоятельства, которые привели к столь плачевному для меня исходу, ибо иначе мне придется излагать все в подробностях, на что, по словам Душелюба, времени нет. Так вот, они поймали меня и в моем присутствии завели спор о том, как им лучше меня прикончить. Сами понимаете, с каким настроением я все это слушал. И способы, надо отметить, предлагались самые кровожадные. Отнюдь не удар по голове и не перерезание горла, но долгие,

выматывающие, замысловатые процедуры. В конце концов, после многих часов обсуждения, в течение которых они не раз интересовались моим мнением насчет очередного способа, решено было содрать с меня живьем кожу. Они объяснили мне, что не хотят меня убивать, и что поэтому мне не следует держать на них зла, и что, если, лишившись кожи, я все-таки выживу, они с радостью меня отпустят. Что касается моей кожи, сказали они, то они высушат ее и изготовят из нее там-там, грохот которого известит мой клан о позоре их родича.

— Учитывая, что среди нас леди... — произнес я, но он не обратил на меня внимания.

— Обнаружив мой труп, — продолжал он, — мои родичи решились на немыслимое дело. До тех пор мы погребали своих мертвцев в прерии, не ставя над могилами никаких памятников, потому что человек должен довольствоваться тем, что стал единым целым с землей, по которой ходил. Несколько лет назад нам довелось услышать о земном Кладбище; тогда мы пропустили эти сведения мимо ушей, ибо они нам были ни к чему. Но после моей смерти на совете клана было решено удостоить меня чести быть похороненным в почве Матери-Земли. Мои бренные останки, погруженные в спирт и запаянные в большой бочонок, доставили в захудалый космопорт — единственный на планете. Там бочонок хранился многие месяцы, ожидая прибытия звездолета, на котором его доставили в ближайший порт, где регулярно совершали посадки корабли похоронной службы.

— Вы вряд ли понимаете, — прибавил Душелюб, — чего это стоило его клану. Все богатство обитателей Прерии заключается в их стадах. Им потребовался не один год, чтобы вырастить поголовье, стоимость которого равнялась бы стоимости услуг Кладбища. Они пожертвовали всем, и жаль, что их старания пошли насмарку. Рамсей, как вы, видимо, догадываетесь, остается пока одним-единственным обитателем Прерии, чей прах погребен на Кладбище; точнее сказать, он не то чтобы погребен там, то есть погребен, но не так, как предполагалось. Давным-давно чиновникам Кладбища потребовался гроб, чтобы кое-что в нем припрятать...

— Артефакты, — перебил я.

— Вам про это известно? — спросил Душелюб.

— Мы это подозревали.

— Вы были правы в своих подозрениях, — сказал Душелюб. — Наш бедный друг оказался одной из жертв их жадности и подлости. Его гроб использовали под артефакты, а останки Рамсея выкинули в глубокий овраг на окраине Кладбища. С тех пор его тень, как и тени его товарищей по несчастью, бродит по Земле, не зная приюта.

— Хорошо сказано, — заметил О'Гилликадди, — и все чистая правда.

— Давайте на этом остановимся, — попросила Синтия. — Вы нас вполне убедили.

— У нас больше нет времени на разговоры, — ответил Душелюб. — Вам предстоит решить, что делать дальше. Едва волки нагонят ваших друзей, они сообщат, что вас с ними нет; поскольку же Кладбищу наплевать на роботов, то...

— Волки вернутся за нами, — с дрожью в голосе докончила Синтия.

При мысли о преследующих нас металлических тварях мне тоже стало не по себе.

— Как они нас найдут? — спросил я.

— Они обладают нюхом, — сказал Душелюб. — Их нюх устроен иначе, чем у людей: они различают химические компоненты запаха. А еще у них острое зрение. Если вы будете держаться скалистых возвышенностей, где запах быстро выветривается, и где на камнях не остается следов, у вас появится шанс ускользнуть. Я боялся, что они почуют вас в пещере, но вы находились над ними, а благожелательный воздушный поток, должно быть, отнес ваш запах в сторону.

— Они пойдут по лошадиному следу, — проговорил я. — Он свежий, а они бегут быстро. Им понадобится немного времени, чтобы обнаружить наше отсутствие.

— Время у вас есть, — успокоил Душелюб. — Вы не можете трогаться в путь, пока не рассветет, а до рассвета еще несколько часов. Вам придется поспешиать, поэтому идите налегке.

— Мы возьмем с собой еду, — сказала Синтия, — и одеяла...

— Много еды не берите, — предупредил Душелюб. — Только то, что необходимо. Вы найдете ее по дороге. У вас ведь есть рыболовные снасти?

— Да, — ответила Синтия, — я купила их целую упаковку. Причем в последний момент — меня словно что-то подтолкнуло. Но мы не можем пытаться только рыбой.

— А коренья? А ягоды?

— Но мы в них не разбираемся.

— А вам и не нужно, — возразил Душелюб. — Хватит того, что в них разбираюсь я.

— Ты идешь с нами?

— Мы идем с вами, — сказал Душелюб.

— Конечно! — воскликнул О'Гилликадди. — Все как один! Правда, пользы от нас маловато, но кое-что мы умеем. Мы будем высматривать погоню...

— Однако призраки... — пробормотал я.

— Тени, — поправил О'Гилликадди.

— Однако тени не путешествуют при свете дня.

— Человеческий предрассудок, — заявил О'Гилликадди. — Нас нельзя увидеть днем, это факт, но и ночью тоже, если мы того не захотим.

Остальные тени одобрительно загудели.

— Соберем рюкзаки, — предложила Синтия, — а мешки оставим тут. Элмер с Бронко будут нас разыскивать. Напишем им записку и приколем к какому-нибудь мешку. Они наверняка ее заметят.

— Надо сообщить им, куда мы направляемся, — добавил я. — У кого какие мысли насчет конечного пункта?

— Мы пойдем в горы, — сказал Душелюб.

— Вы знаете реку под названием Огайо? — спросила Синтия.

— Знаю и очень хорошо, — ответил Душелюб. — Вы хотите отправиться туда?

— Послушайте, — сказал я, — нам некогда рыскать...

— Почему? — удивилась Синтия. — Нам же все равно, куда идти, правда?

— Я думал, что мы договорились...

— Знаю, — сказала Синтия. — Вы высказались весьма недвусмысленно. Первым делом ваша композиция; но ведь вам безразлично, где ее сочинять, верно?

— Верно-то верно...

— Вот и отлично, — заключила Синтия. — Значит, идем на Огайо. Если, разумеется, вы не возражаете, — прибавила она, обращаясь к Душелюбу.

— Ничуть, — сказал тот. — Чтобы добраться до реки, нам придется перевалить через горы. Надеюсь, мы съебем волков со следа. Но если позволите...

— Долгая история, — отрезал я. — Мы расскажем вам все потом.

— А вам не доводилось слышать, — поинтересовалась Синтия, — о бессмертном человеке, который ведет жизнь отшельника?

— По-моему, доводилось, — ответил Душелюб. — Много лет назад, Мне он представляется мифом. На Земле существовало столько мифов!

— Они все в прошлом, — сказал я.

Он печально покачал головой.

— Увы. Мифы Земли мертвы.

## Глава 14

На небе собирались облака. Ветер, изменив направление на северное, стал холодным и пронзительным. В воздухе ощущался странный сырой запах. Сосны, что росли на холме, раскачивались и постанывали.

Мои часы остановились, но я ни капельки не огорчился. Начиная с того момента, как я покинул Одден, они мне были практически не нужны. На борту корабля похоронной службы действовало галактическое время, а земное время не совпадало с одденским, хотя, повышаясь немножко, их можно было сопоставить. Я справлялся о времени в той деревне, где нас пригласили на праздник, но там этого никто не знал и не желал знать. Насколько мне удалось выяснить, в деревне имелись одни-единственные часы, изготовленные вручную из дерева, да и те ничем не могли мне помочь, поскольку их никто не заводил. Я решил установить часы по солнцу, но прозевал тот миг, когда оно было прямо над головой, и потому вынужден был прикидывать, как давно светило начало клониться к западу. Теперь же часы остановились окончательно, ибо запустить их я не сумел. Но, по правде сказать, я приучился обходиться без них.

Душелюб возглавлял наш отряд, за ним двигалась Синтия, а я замыкал шествие. С рассвета мы покрыли значительное расстояние, однако я не имел ни малейшего представления о том, сколько мы уже идем. Солнце

скрылось в облаках, мои часы остановились — так что определить, который час, было невозможно.

Призраков нигде не было видно, однако я нутром ощущал их незримое присутствие. Душелюб тревожил меня ничуть не меньше своих приятелей. Дело заключалось в том, что при свете дня он напоминал человека не больше, чем тряпичная кукла. У него было лицо тряпичной куклы: узкий, слегка перекошенный рот, глаза чуть ли не крестиком, нос и подбородок начисто отсутствовали. Сразу ниже рта лицо переходило в шею. Капюшон и роба, которые я на первых порах принял за одежду, казались частями его карикатурного тела. Если бы не невероятность подобного предположения, я бы поручился чем угодно, что так оно и есть. Ног его я не видел, потому что его роба (или тело) опускалась до самой земли. Передвигался он таким образом, словно ноги у него были; я еще подумал, что, будь он безногим, ему навряд ли удалось бы все время опережать нас на несколько шагов.

Он молча вел нас за собой, а мы следовали за ним — тоже молча, ибо при столь быстрой ходьбе дыхания на разговоры не хватало.

Наш путь пролегал глухими местами, где не было никаких следов того, что когда-то тут жили люди. Мы шли по холмам, время от времени пересекая крохотные долины. С вершин холмов нам открывались бескрайние просторы, лишенные даже намека на человеческую деятельность: ни обломков строений, ни разросшихся изгородей. Кругом был лес; он густой стеной вставал в долинах и немного редел на холмах. Почва была каменистой; повсюду встречались огромные валуны, на склонах холмов серели выходы пород. Почти ничто не оживляло безрадостную картину. Изредка раздавались птичьи трели, мелькали порой среди деревьев какие-то зверушки. Я решил, что это кролики или белки.

В долинах мы останавливались, чтобы напиться из мелководных речушек, но привалы были кратковременными. Мы с Синтией ложились на живот и жадно пили, а Душелюб, который, по всей видимости, не нуждался в питье, нетерпеливо поджидал нас, чтобы двигаться дальше.

Наконец, впервые с момента выхода в путь, мы устроили настоящий привал. Гребень холма, вдоль которого мы шли, круто забирал вверх, а потом нырял в

распадок; самую верхнюю его точку образовывала широкая площадка, на которой громоздились друг на дружку камни, каждый размером с хороший амбар. Навалены они были так, словно с ними играл какой-нибудь древний великан: они наскутили ему, и он бросил их лежать там, где они лежат до сих пор. На камнях росли чахлые сосенки, кривые корни которых алчно цеплялись за любую опору.

Душелюб, который по-прежнему опережал нас, исчез среди камней. Достигнув того места, где он пропал из вида, мы обнаружили, что наш вожатый удобно устроился в расселине, образованной массивными каменными глыбами. Расселина защищала от ветра, и из нее можно было наблюдать за тропой, по которой мы пришли.

Душелюб помахал рукой, подзываая нас.

— Передохнём, — сказал он. — Если хотите, перекусите, но без огня. Огонь, быть может, разведем вечером. Там поглядим.

Мне хотелось только одного: сесть и больше не вставать.

— Не рано ли мы остановились? — спросила Синтия. — Они, наверное, уже пустились в погоню.

Вид у нее был такой, будто колени ее вот-вот подломятся, и она рухнет навзничь, чтобы никогда не подняться.

Тонкие губы на лице тряпичной куклы разошлись в усмешке:

— Они еще не вернулись в пещеру.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— От теней, — ответил Душелюб. — Они бы известили меня о возвращении волков.

— А не может быть, — поинтересовался я, — чтобы твои тени сбежали, бросив нас на произвол судьбы? Он покачал головой.

— Не думаю, — сказал он. — Куда они денутся?

— Ну мало ли, — смешался я. По совести говоря, я понятия не имел, куда могут деться призраки.

Синтия устало опустилась на землю и оперлась спиной на громадный валун.

— Что ж, — проговорила она, — значит, можно перевести дух.

Порывшись в рюкзаке, который скинула с плеч перед тем, как сесть, она достала из него что-то и

протянула мне. Я присмотрелся: какие-то непонятные красные с черным плитки.

— Что это за отрава? — осведомился я.

— Вяленое мясо, — сказала она. — Отломите от плитки кусочек, положите в рот и начинайте жевать. Очень питательно.

Она предложила мясо Душелюбу, но тот отказался.

— Я крайне редко поглощаю пищу, — объяснил он.

Избавившись от своего рюкзака, я подсел к Синтии, отломил кусочек вяленого мяса и сунул его в рот. Мне показалось, что даже картон был бы, пожалуй, помягче и повкуснее.

Усевшись лицом к тропинке, по которой мы сюда добрались, и меланхолично двигая челюстями, я думал о том, насколько суровее жизнь на Земле по сравнению с нашим милым Олденом. Вряд ли я действительно сожалел о том, что покинул Олден, но был к этому близок. Однако воспоминания о прочитанных книгах о Земле, о моих мечтаниях и томлениях укрепили мой дух. Я размышил о том, что, будучи восторженным поклонником первобытной красоты земных лесов, тем не менее, ни физически, ни по складу характера решительно не годился на роль этакого первопроходца, покорителя девственной природы. Я прилетел на Землю вовсе не за этим; но, с другой стороны, в теперешних обстоятельствах мне выбирать не приходится.

Синтия, торопливо дожевывая свой кусок, спросила:

— Мы идем к Огайо?

— Разумеется, — отозвался Душелюб, — но до реки еще далеко.

— А как насчет бессмертного отшельника?

— О бессмертном отшельнике мне ничего не известно, — сказал Душелюб. — До меня доходили только слухи о нем, а слухи бывают всякие.

— Про чудовищ, например? — справился я.

— Не понимаю.

— Ты как-то упомянул чудовищ и сказал, что волков использовали для борьбы с ними. Ты заинтриговал меня.

— Это было очень давно.

— Но было же.

— Да.

— Наверное, генетические выродки...

— Слово, которое ты употребил...

— Послушай, — перебил я, — когда-то Земля представляла собой радиоактивное пекло. Многие формы жизни исчезли. А у тех, кто выжил, должен был измениться генетический код.

— Не знаю, — сказал он.

«Так я тебе и поверил», — усмехнулся я мысленно. И тут у меня мелькнуло подозрение, что он потому разыгрывает из себя незнайку, что сам является одним из генетических выродков и прекрасно об этом осведомлен. Интересно, как я не сообразил раньше?

— Зачем Кладбищу было возиться с ними? — продолжал я допрос. — Зачем было изготавливать волков для охоты на них? Правильно? Ведь волки предназначались именно для охоты?

— Да, — кивнул Душелюб. — Волков были тысячи и тысячи. Они собирались в огромные стаи и были запрограммированы на охоту за чудовищами.

— Не за людьми, — уточнил я, — только за чудовищами?

— Совершенно верно. Только за чудовищами.

— Наверное, иногда они ошибались и нападали на людей. Не так-то просто запрограммировать робота на охоту только за чудовищами.

— Да, ошибки бывали, — признал Душелюб.

— По-моему, — заметила Синтия горько, — Кладбище из-за них не убивалось. Подумаешь, несчастный случай!

— Не могу знать, — сказал Душелюб.

— Чего я не понимаю, — проговорила Синтия, — так это того, зачем им понадобилось отлавливать чудовищ. Вряд ли их было слишком много.

— Нет, их в самом деле было слишком много.

— Ладно, пускай. Ну и что из того?

— Думается, — сказал Душелюб, — причина здесь в паломниках. Едва Кладбище встало на ноги, его чиновники осознали, что организация паломничества принесет им немалую прибыль. А всякие чудища могли напугать паломников до смерти. Вернувшись домой, паломники рассказали бы о том, что им пришлось пережить, и количество желающих посетить Землю наверняка значительно снизилось бы.

— Чудесно! — восхлинула Синтия. — Геноцид, да и только. Чудовищ, должно быть, начисто стерли с лица планеты.

— Да, — согласился Душелюб, — от них постарались избавиться.

— Но некоторые уцелели, — прибавил я, — и время от времени попадаются на глаза.

Он смерил меня взглядом, и я пожалел о словах, что сорвались у меня с языка. И что мне неймется? Мы ведь полностью зависим от Душелюба, а я донимаю его дурацкими намеками!

Оборвав разговор, я принялся энергично пережевывать мясо. Оно частично утратило первоначальную жесткость и приобрело горьковатый вкус; голод оно не утоляло, но по крайней мере приятно было ощущать, что во рту что-то есть.

Мы с Синтией молча жевали; Душелюб, казалось, погрузился в размышления.

Я повернулся к Синтии.

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — ответила она язвительно.

— Извините меня, — попросил я. — Я вовсе не предполагал, что все так обернется.

— Ну конечно, — подхватила она, — вы воображали себе увеселительную прогулку по романтическим местам! Начитались книжек, навыдумывали невесть...

— Я прилетел сюда сочинять композицию, — перебил я, — а не играть в кошки-мышки с гранатометчиками, кладбищенскими ворами и стаей механических волков!

— И вините во всем меня, да?! Если бы я не увязалась за вами, если бы я не напросилась...

— Ничего подобного, — возразил я. — Мне это и в голову не приходило.

— Разумеется, вы всего лишь выполняли просьбу милашки Торни...

— Прекратите! — рявкнул я. Мое терпение истощилось. — Какая муха вас укусила?

Прежде чем Синтия успела открыть рот, Душелюб поднялся.

— Пора, — объявил он. — Вы поели и отдохнули, и теперь мы можем продолжать путь.

Ветер стал холоднее и задул резкими порывами. Когда мы выбрались из расселины на гребень холма, он обрушился на нас и швырнул нам в лицо первые капли приближающегося дождя.

Мы побрели навстречу дождю. Его отвесная стена преградила нам дорогу и толкнула обратно. Душелюб продвигался вперед, не обращая на дождь никакого внимания. Роба его, как ни терзал ее ветер, оставалась неподвижной и ни разу даже не шелохнулась. Удивительное, доложу я вам, было зрелище!

Я хотел было поделиться своим наблюдением с Синтией и окликнул ее, но налетевший шквал заставил меня поперхнуться собственным криком.

Деревья в распадке клонились к земле и стонали под напором вихря. Птицы беспомощно размахивали крыльями, будучи не в силах противостоять мощи ветра. При взгляде на тучи почему-то возникало впечатление, что они опускаются все ниже и ниже.

Мы упорно тащились вперед. Ледяной, колючий ливень хлестал нам в лицо. Я утратил всякую способность ориентироваться и потому старался не терять из вида согбенную фигуру Синтии. Как-то девушка споткнулась. Не говоря ни слова, я помог ей подняться. Не поблагодарив, она поплелась дальше.

Подстегиваемый ветром, дождь зарядил не на шутку. Порой он превращался в град и барабанил по веткам деревьев, а потом снова становился самим собой, и был, по-моему, холоднее града.

Мы шли целую вечность, и неожиданно я обнаружил, что мы оставили гребень холма и спускаемся по его склону. Внизу бежал ручей; мы перепрыгнули его, выбрав местечко поуже, и полезли на следующий холм. Внезапно почва у меня под ногами сделалась ровной. Я услышал бормотание Душелюба:

— Ну вот, теперь мы достаточно далеко.

Едва разобрав, что он там бормочет, я без сил плюхнулся на мокрый валун. На какой-то миг я совершенно отключился и сознавал лишь то, что больше никуда идти не надо. Постепенно напряжение спало, и я осмотрелся.

Мы остановились на широкой каменистой площадке. Футах в тридцати или выше над ней нависала скала, образуя глубокую нишу в поверхности утеса. Чуть ниже площадки прыгал по камням ручей — маленький и стремительный горный поток. Он то бурлил и пенился на порогах, то разливался заводями и отдыхал перед очередным прыжком. За ручьем возвышался холм, гребень которого и привел нас сюда.

— Добрались, — весело проговорил Душелюб. — Теперь ни ночь, ни погода нам не помеха. Разведем костер, наловим в ручье форели и пожелаем волку сбиться со следа.

— Волку? — переспросила Синтия. — Но ведь их было трое. Что случилось с двумя другими?

— У меня есть подозрение, — ответил Душелюб, — что двум другим волкам немножко не повезло.

## Глава 15

Снаружи бушевала гроза. Но нам около костра было тепло и уютно, и одежда наша наконец просохла. В ручье и в самом деле водилась рыба. Мы поймали чудесную крапчатую форель и с удовольствием ею поужинали. Не знаю, как Синтию, а меня уже начинало воротить при одном упоминании о консервах или вяленом мясе.

Судя по всему, не мы первые укрывались в этой пещерке от непогоды. Свой костер мы развели на том месте, где камень почернел и потрескался от пламени, которое разжигали тут прежде (хотя как давно, определить было невозможно). Черные круги кострищ, на половину прикрытые слоем опавших листьев, были разбросаны по всей площадке.

В куче листьев, наметенной ветром в углу пещерки, там, где крыша ныряла навстречу полу, Синтия обнаружила еще одно доказательство того, что здесь бывали люди, — едва тронутый ржавчиной металлический прут примерно четырех футов длиной и около дюйма в диаметре.

Я сидел у костра, глядел на огонь, вспоминал пройденный нами путь и пытался понять, почему столь хорошо продуманный план, как наш, пошел насмарку. Ответ напрашивался сам собой: происки Кладбища. Правда, в стычке с шайкой разорителей могил Кладбище винить не приходится. Нам следовало быть поосторожнее.

Как ни верти, положение у нас просто никудышное. Нас вынудили бежать из деревни, нас опять же вынудили разлучиться с Элмером и Бронко, а в итоге мы с Синтией оказались во власти загадочного существа, которое ведет себя весьма, скажем так, странно.

И, вдобавок, волк — один из трех, если Душелюб не ошибся. Я знал наверняка, что произошло с двумя другими. Троица схватилась с Элмером и Бронко, и это была с их стороны непростительная глупость. Однако, пока Элмер разбирался с двумя из них, третьему удалось ускользнуть, и теперь, быть может, он идет по нашему следу, если, конечно, таковой остался. Во-первых, мы двигались по каменистым гребням, на которых ничто не росло; во-вторых, дул ураганный ветер, и он должен был развеять наш запах. Ветер и дождь — наверное, следа попросту не существует.

— Флетч, — сказала Синтия, — о чем вы думаете?

— Прикидываю, где могут сейчас быть Бронко с Элмером, — ответил я.

— Возвращаются в пещеру, — предположила она. — А там их ждет записка.

— Записка, — повторил я. — По совести говоря, пользы от нее... В ней говорится, что мы направляемся на северо-запад, и что если они не нагонят нас по дороге, то встретимся на Огайо. Вы представляете, какое расстояние отделяет нас от реки? И на сколько миль она протянулась от истока до устья?

— Мы сделали, что могли, — сердито бросила Синтия.

— Утром, — вмешался в разговор Душелюб, — мы разведем на холме костер, чтобы они знали, где нас искать.

— Ну да, — сказал я, — и все остальные тоже, и волк — в том числе. Или их все-таки трое?

— Один, — уверил меня Душелюб. — Поодиночке волки не такие уж храбрецы. Они набираются смелости, лишь сбившись в стаю.

— Откровенно говоря, — заметил я, — я не горю желанием повстречаться пускай даже с одним волком, каким бы трусоватым он ни был.

— Их осталось немного, — сказал Душелюб. — Они давным-давно не охотились; быть может, долгие годы бездействия отразились на их характере.

— Интересно, — проговорил я, — почему Кладбище сразу не отправило их за нами в погоню? Ведь их могли бы спустить с привязи в самый момент нашего побега.

— Должно быть, — ответил Душелюб, — им пришлось послать за волками. Я не знаю точно, где их логово, но оно довольно далеко от Кладбища.

Ветер с воем гулял по долине; проливной дождь глухо шумел у входа в пещерку. Отдельные его капли порой долетали до костра.

— Где твои приятели? — поинтересовался я. — Я имею в виду теней.

— В такую ночь, — сказал Душелюб, — они покидают меня и спешат по делам.

Я не стал спрашивать, какие у призраков могут быть дела. Меня это не заботило.

— Вы как хотите, — сказала Синтия, — а я намерена завернуться в одеяло и подремать.

— Ложитесь оба, — предложил Душелюб. — День был долгим и трудным. Я покараулю. Мне сон почти не нужен.

— Ты не спиши, — проговорил я, — и редко когда ешь. Ветер не раздувает твою робу. Что же ты, черт побери, за существо?

Он не ответил. Я был уверен, что он не ответит.

Последнее, что я увидел перед тем, как заснуть, был сидящий поодаль от костра Душелюб. Его силуэт до странности напоминал поставленный на основание конус.

Пробудился я оттого, что замерз. Костер потух; снаружи пещерки разгорался рассвет. Ночная гроза отбушевала, и на видимом мне кусочке неба не было ни облачка.

На площадке у входа в пещерку сидел металлический волк. Он внимательно глядел на меня; его стальные челюсти крепко сжимали бессильно обвисшую тушку кролика.

Отбросив одеяло, я сел и зашарил рукой вокруг в поисках палки поувесистей, хотя на что годится палка против этакого чудища, я не представлял. Однако я нашел кое-что получше. Я шарил рукой вслепую, не осмеливаясь отвести глаз от волка, но когда мои пальцы наконец нашуяли твердый предмет, я моментально догадался, что это такое, — металлический прут, обна-

руженный Синтией в куче опавшей листвы. Пробормотав нечто вроде благодарственной молитвы, я обхватил пальцами прут и поднялся, сжимая его в кулаке с такой силой, что руке стало больно.

Волк сидел не шевелясь, не делая попыток броситься на меня, по-прежнему держа в зубах кроличью тушку. Его хвост задвигался и застучал по камню площадки — точь-в-точь как хвост собаки, которая рада встрече с вами.

Я рискнул оглядеться. Душелюба нигде не было видно. Синтия сидела, закутавшись в одеяло, и глаза у нее были каждый размером с плошку. Она не замечала, что я смотрю на нее; ее взгляд был устремлен на волка.

Я сделал шаг в сторону, чтобы обойти костер, и взял прут наизготовку. Если мне повезет огреть его по этой дурацкой металлической башке, подумал я, мы еще посмотрим, кто кого.

Однако волк не собирался нападать. Когда я сделал следующий шаг, он перевернулся на спину, выставив все четыре лапы в воздух; его хвост заходил ходуном. Звон металла о камень казался оглушительным в утренней тишине.

— Он хочет подружиться с нами, — подала голос Синтия. — Он просит вас не бить его.

Я медленно приближался к волку.

— Он принес нам кролика, — гнула свое девушка.

Я опустил прут. Волк перевернулся на брюхо и пополз ко мне. Я поджидал его с прутом в руке. Он уронил кролика к моим ногам.

— Возьмите, — сказала Синтия.

— Ну да, чтобы он откусил мне руку, — хмыкнул я.

— Возьмите, — повторила она. — Он принес кролика вам. Он вам его отдает.

Я наклонился и поднял кроличью тушку. Волк вскочил, подбежал ко мне и потерся о колено, едва не свалив меня с ног.

## Глава 16

Мы сидели у костра и обгладывали кроличьи косточки, а волк лежал в стороне и пристально разглядывал нас, время от времени принимаясь вилять хвостом.

— Что, по-вашему, могло с ним случиться? — спросила Синтия.

— Наверное, сошел с ума, — предположил я. — А быть может, участь собратьев сделала из него пуганую ворону. Или он задабривает нас, чтобы успокоить наши подозрения, а когда ему представится возможность, он живо прикончит нас.

Я придвинул металлический прут поближе.

— Вряд ли, — возразила Синтия. — Вы знаете, о чем я. Он просто не хочет возвращаться.

— Возвращаться куда?

— Туда, где его держало Кладбище. Подумайте. Ему и другим волкам, сколько бы их ни было, пришлось многие годы просидеть на привязи...

— Ну уж не на привязи, — сказал я. — Скорее всего, когда в них отпала надобность, их взяли и выключили.

— Пускай так, — ответила она. — Значит, он не хочет возвращаться туда потому, что боится, что его выключают снова.

Я фыркнул. Что за глупости она говорит! Пожалуй, правильнее всего было бы схватить прут и отколошмать им волка до смерти. И удерживало меня от этого только то, что в одиночной схватке с противником, у

которого, судя по всему, весьма богатый опыт в подобного рода делах, я вряд ли выйду победителем.

— Интересно, куда подевался Душелюб? — проговорил я.

— Волк напугал его, — ответила Синтия. — Он не вернется.

— Мог бы по крайней мере разбудить нас. Или предостеречь.

— Все и так получилось нормально.

— Откуда ему было это знать?

— Что мы будем делать?

— Понятия не имею, — сказал я. И это была чистая правда. Никогда в жизни не доводилось мне испытывать такой растерянности и неуверенности в себе. Я не знал, где мы находимся; с моей точки зрения, мы заблудились в безлюдной глухи. Нас разлучили с двумя нашими спутниками, наш проводник удрал. Правда, к нам в друзья набился металлический волк, но у меня были достаточно серьезные основания сомневаться в его искренности.

Краем глаза я уловил какое-то движение и вскочил на ноги, но было уже поздно. На меня уставились два ружейных стволова. В человеке, который держал одно из ружей, я узнал того детину, который предводительствовал толпой гробокопателей, что собирались напасть на нас с Синтией, но разбежались, устрашенные появлением Элмера. Меня слегка удивило то, что я узнал его, поскольку тогда мне было вовсе не до запоминания лиц. Однако, как видно, в памяти моей отпечаталась эта гнусная ухмылка, мрачный взгляд и рваный шрам через всю щеку. Напарник верзилы был мне незнаком.

Должно быть, они подкрались ко входу в пещерку, и теперь мы всецело в их руках.

Услышав изумленное восклицание Синтии, я проговорил:

— Замрите!

Зацокал по камням металл. Что-то подошло ко мне, потерлось о мою ногу и встало рядом. Мне не нужно было смотреть вниз, чтобы сказать, кто это. Присутствие волка придало мне смелости.

Пока он лежал у стены, бандиты его, по-видимому, не замечали. Едва он появился, с лица Детины, как я мысленно его окрестил, сползла ухмылка, и челюсть у

него слегка отвисла. Физиономия другого исказилась в нервической гримасе. Однако ружей они не опустили.

— Джентльмены, — заговорил я, — мне кажется, силы у нас равные. Вы можете убить нас, но за ваши жизни я не поручусь.

Детина, помедлив, поставил ружье прикладом на землю.

— Джед, — приказал он, — убери пушку. Они нас перехитрили.

Джед опустил ружье.

— Надо бы обмозговать, — продолжал Детина, — как бы нам разойтись так, чтобы ничья шкура не пострадала.

— Идите сюда, — пригласил я, — только уговоримся сразу: с ружьями не баловаться.

Неторопливой, где-то даже сонной походкой они приблизились к костру.

Я метнул взгляд на Синтию. Она по-прежнему лежала, но страха в ее глазах не было. Она была тверда как кремень.

— Флетч, — сказала она, — джентльмены, должно быть, голодны. Ведь они пришли издалека. Пригласи их сесть, а я тем временем открою что-нибудь из консервов. Деликатесов не обещаю, поскольку мы путешествуем налегке, но тушенка у нас найдется.

Бандиты посмотрели на меня. Я довольно нелюбезно кивнул.

— Садитесь.

Они уселись прямо на камень, положив ружья рядом с собой.

Волк не шелохнулся. Он неотрывно глядел на непронесенных гостей.

Детина вопросительно указал на него.

— Он нам не помешает, — сказал я. — Однако резких движений делать не советую.

Я старался говорить уверенно, а в глубине души терзался сомнениями.

Синтия вынула из рюкзака сковородку. Я поворошил дрова, и пламя вспыхнуло с новой силой.

— Ну, а теперь, — проговорил я, — будьте добры объясниться. Что вам от нас нужно?

— Вы угнали наших лошадей, — ответил Детина.

— Мы искали их, — добавил Джед.

Я покачал головой.

— Не верю. Вы бы выследили их с завязанными глазами, а значит, должны были бы разыскать их давным-давно. Табун лошадей — отнюдь не иголка в стоге сена.

— Ладно, — проворчал Детина. — Мы нашли нору, где вы прятались; там была записка. Джед, он разобрался, о чем в ней речь. И потом, мы знали про это место.

— Мы сами тут, бывало, останавливались, — поддержал Джед.

Я не удовлетворился объяснением, однако надавливать не стал. Впрочем, Детина еще не закончил:

— Мы догадались, что вы не одни. С вами должен был быть кто-то, кто знает дорогу. Людям вроде вас в одиночку сюда не дойти.

— А вот насчет волка я не сообразил, — перебил Джед. — Мы про него и думать не думали — решили, что он без оглядки мчится к себе в логово.

— Вы знали про волков?

— Мы видели следы. Их было трое. А потом мы нашли то, что осталось от двоих.

— Не обманывайте, — сказал я. — Вы прочитали записку и бросились в погоню. У вас просто не было времени...

— У нас — да, — ответил Джед. — Своими глазами мы волков не видели, зато их видели другие. Они дали нам знать.

— Они дали вам знать?

— Точно, — подтвердил Детина. — Мы всегда друг друга так извещаем.

— Телепатия, — проговорила Синтия. — Иной разгадки быть не может.

— Но телепатия...

— Фактор выживания, — перебила она. — Люди, которые остались на Земле после войны, должны были как-то приспособиться к окружающей среде. Мутации и тому подобное. Если ты мутировал и выжил, постепенно начинаешь наслаждаться своими новыми способностями. Телепатия — удобная штука, и она не разрушает человека.

— Скажите мне, — спросил я у Детины, — что стало с Элмером? Какова судьба наших товарищей?

— Металлических штуковин, что ли? — справился Джед.

— Именно их.

Детина помотал головой.

— Другими словами, вам ничего о них не известно?

— Нет, но мы можем узнать.

— Сделайте одолжение, узнайте.

— Послушайте, мистер, — вмешался Джед. — Вы нас совсем оседдали. Давайте так: мы вам узнаем, а вы нам, баш на баш...

— У нас есть волк, — напомнил я. — Вот он, рядом со мной.

— Чего нам попусту препираться? — сказал Детина. — Что мы, враги какие, что ли?

— И на мушку вы нас, разумеется, взяли только из дружеских чувств?

— Правда ваша, — отозвался Джед. — Сперва мы жаждали крови. Вы разорили наш лагерь, прогнали нас и забрали наших лошадей. Нет ничего подлее, чем забрать у человека его лошадей. Так что в любви мы вам, конечно, объясняться не собирались.

— А теперь передумали и хотите с нами подружиться?

— Слушайте, мистер, — проговорил Детина. — На вас напустили волков, правильно? Это могло сделать только Кладбище. А мы всех, кто не ладит с Кладбищем, записываем в друзья.

— Вам-то чем Кладбище насолило? — спросила Синтия. Обойдя костер, она остановилась перед Детиной, держа в руке сковороду. — Вы его грабите, раскапываете могилы. Если бы не Кладбище, вы бы остались не у дел.

— Они жульничают, — пожаловался Джед. — Они ставят на нас ловушки, самые разные. Они здорово донимают нас.

Детина никак не мог опомниться.

— Чем вы приманили волка? — справился он. — Они ни с кем не заводят дружбы. Они ведь людоеды, все до одного.

Синтия по-прежнему стояла рядом с Детиной, но глядела не на него, а на холм за ручьем. Что она там заметила? — подумалось мне.

— Если хотите войти с нами в компанию, — сказал я, — то почему бы вам для начала не поведать нам, где мы можем найти наших товарищей?

Я не доверял им; я знал, что доверять им чревато неприятностями. Однако я решил, что если они откроют нам местонахождение Элмера и Бронко, можно будет взять их с собой.

— Не знаю, — ответил Детина. — Честное слово, не знаю, получится у нас или нет.

Краем глаза я уловил движение Синтии. Она взмахнула рукой, и я догадался, что она задумала, правда, не понял, с какой стати. Я был бессилен остановить ее, однако даже если бы у меня была возможность сделать это, я бы не стал вмешиваться, потому что у Синтии наверняка были веские основания поступить именно так. Мне оставалось только одно. Я прыжком метнул свое тело туда, где лежала на камнях винтовка Джеда, успев заметить, как сковорода обрушилась на голову Детины.

Джед схватился было за ружье, но тут на него упал я. Мы тянули оружие каждый в свою сторону, мы боролись, стараясь вырвать его друг у друга.

События развивались слишком быстро, чтобы за ними можно было уследить. Я увидел Синтию с винтовкой Детины наизготовку. Детина ползал по полу пещерки на четвереньках, тряся головой, словно пытаясь таким способом привести в порядок расплющенные ударом мозги. Неподалеку валялась потерявшая всякую форму сковородка. Волк серебристой молнией рванулся наружу; на склоне холма за ручьем показались темные фигуры. Послышались глухие хлопки, и по стенам застучали пули.

Лицо Джеда исказила гримаса то ли страха, то ли ярости (как ни странно, в разгаре поднявшейся суматохи у меня нашлось время подметить выражение его лица). Рот его был широко раскрыт, как будто он что-то кричал. У него были желтоватые зубы и зловонное дыхание. Он уступал мне в росте и весе, но был очень вертк, и я пришел к неутешительному выводу, что ружье в конце концов достанется не мне.

Детина кое-как поднялся и теперь шаг за шагом отступал от костра, зачарованно глядя на Синтию, которая наставила на него его же винтовку.

Схватка, по моим подсчетам, продолжалась чуть ли не целую вечность, хотя я твердо знал, что она не могла занять больше, чем несколько секунд. Внезапно Джед словно переломился пополам. Ослабив хватку и дернув-

вшись всем телом, он рухнул на каменный пол пещеры. На спине его медленно расплывалось кровавое пятно.

— Бежим, Флетч! — закричала Синтия. — Они стреляют по нам!

Но они уже не стреляли, они улепетывали во весь дух. Маленькие черные фигуры торопливо взбирались на холм. Двое или трое залезли на деревья. За ними по пятам мчалась стальная машина. Я увидел, как она поймала одного из бандитов, на мгновение стиснула свои массивные челюсти и отшвырнула бездыханное тело прочь.

Детина исчез, словно его и не было.

— Флетч, нам нельзя здесь оставаться! — воскликнула Синтия, и я от души согласился с ней. В пещерке мы у бандитов как на ладони. Пока их помыслы сосредоточены на волке, самое время улизнуть.

Синтия опередила меня. Я поспешил за ней, оступился на крутом склоне и съехал на заду чуть ли не прямо в ручей. Споткнувшись, я выронил ружье; я хотел было вернуться за ним, но что-то просвистело над моим ухом и вонзилось в склон холма не далее, чем в трех футах от меня. В воздух взметнулся небольшой фонтанчик земли и камней. Я быстро откатился в сторону и бросил взгляд на гребень холма. Над деревом, на ветвях которого примостилась чучелоподобная фигура, плавал клуб голубого дыма.

Я не стал искушать судьбу.

Синтия скрылась в узком овраге, по дну которого бежал ручей; я кинулся за ней. За моей спиной дважды громыхнули ружья, но пули, должно быть, ушли в «малоко», потому что я не слышал их свиста. Скоро, успокоил я себя, мы окажемся вне их досягаемости. Самодельные ружья с пулями, набитыми самодельным порохом, не могут бить на большое расстояние.

Продвижение по оврагу напоминало бег с препятствиями. Крутые склоны холмов с обеих сторон, здоровенные валуны, что когда-то скатились с них, приветливые изгибы ручья — словом, все возможные удовольствия. О тропинке приходилось только мечтать. На путешествие по этому оврагу можно было отважиться лишь в случае крайней необходимости. Поэтому я бежал, не разбирая дороги, уворачиваясь от деревьев и валунов и перескакивая через ручей, когда тот преграждал мне путь.

Я нагнал Синтию у огромной каменной кучи, которую с ходу было не перевалить. Дальше мы двинулись уже вместе. Я заметил, что она идет с пустыми руками.

— Я бросила его, — сказала она, имея в виду ружье Детины. — Оно было такое тяжелое и очень мне мешало.

— Ничего страшного, — утешил ее я. В самом деле, страшного ничего не произошло. Обе винтовки были однозарядными, а у нас при себе не было ни пуль, ни пороха, не говоря уж о том, что мы совершенно не представляли, как эти ружья заряжать. Они были весьма неудобными в обращении, и у меня сложилось впечатление, что надо было извести немало пороха и пуль, прежде чем научиться из них стрелять более-менее метко.

Мы добрались до места, где овраг, по которому мы шли, соединялся с другим — такой же V-образной формы.

— Пойдем по нему вверх, — предложила Синтия. — Они знают, что до сих пор мы спускались.

Я кивнул. Если они погоняются за нами, то, может быть, решат, что мы выбрали дорогу полегче и двинулись дальше вниз по оврагу, который начинался у скалистой пещерки.

— Флетч, — сказала девочка, — мы все оставили там. Мы позабыли взять рюкзаки.

Я заколебался.

— Пойду вернусь, — решил я наконец. — Ты иди, я тебя догоню.

— Нам нельзя разлучаться, — сказала она. — Мы должны держаться друг друга. Если бы Элмер был с нами, всего этого не случилось бы.

— Волк загнал их на деревья, — проговорил я. — А тех, кто удрал, давно и след простыл.

— Все равно не пущу, — ответила она. — Они вооружены. И потом, их слишком много. Волку просто не под силу справиться с ними со всеми.

— Ты увидела их, — пробормотал я, — и потому стукнула нашего приятеля сковородкой.

— Да, — подтвердила она, — я увидела, как они крадутся по склону холма. Сказать по правде, я бы и так его огrela. Мы не могли довериться им, Флетч. И никуда ты не пойдешь. Иначе мне придется идти с тобой, а я боюсь.

Я отступил. Честно говоря, не знаю, что на меня подействовало сильнее: доводы Синтии или мое собственное нежелание возвращаться.

— Ладно, — согласился я. — Потом, когда переполох уляжется, мы вернемся и заберем наши пожитки.

Я отчетливо сознавал, что у нас в избытке возможностей не вернуться никогда. Впрочем, бандиты наверняка позаимствуют наши вещи.

Мы начали утомительный подъем по оврагу, который оказался ничуть не лучше спуска, а где-то даже хуже.

Пропустив Синтию вперед, я задумался. Должно быть, мы с ней ударились в панику. Собрать рюкзаки перед тем, как покинуть пещерку, было минутным делом. Однако мы занервничали, а в итоге остались без еды и без одеял — без всего вообще. Меня слегка утешило то, что в кармане я нащупал зажигалку. Значит, хотя бы костер нам обеспечен.

Дорога была изнурительной, и нам время от времени приходилось устраивать привал. Я настороженно прислушивался, ожидая в любой момент услышать шум погони, но все было тихо. Я даже засомневался, а не приснилась ли мне стычка с бандитами. Правда, сомневаться было глупо.

Мы приближались к вершине холма; овраг постепенно сужался. Мы забрались на гребень. Он густо порос лесом, и мы, достигнув вершины, словно очутились в сказочном краю. Массивные стволы величественных лесных гигантов отливали красным и желтым. По некоторым из них вились золотистые и ослепительно алые стебли ползучих растений. День выдался ясным и теплым. Разглядывая деревья, я припомнил свой первый день на Земле; казалось, с тех пор прошла уже не одна неделя, хотя миновало всего лишь несколько дней, как мы покинули территорию Кладбища и спустились по склону холма к лесу, который поразил меня своим осенним нарядом.

Мы повернулись в ту сторону, откуда пришли.

— Почему они преследуют нас? — спросила Синтия. — Разумеется, мы забрали их лошадей, но если причина в этом, тогда почему они гонятся за нами, а не за теми, кто увел животных?

— Быть может, из мести, — ответил я. — Решили, наверное, посчитаться с нами. Возможно, банда разде-

лилась пополам. Одни преследуют нас, а другие отправились за лошадьми.

— Пожалуй, — согласилась она, — однако мне кажется, что все далеко не так просто.

— Кладбище, — проговорил я. Сам не знаю, что я имел в виду; правда, Кладбище все время каким-то боком оказывалось замешанным в происходящем. Но едва я произнес это слово, как меня будто осенило.

— Слушай, — сказал я. — Кладбище так или иначе причастно ко всему, что происходит с нами. Оно везде. В деревне они наняли кого-то из жителей за ящик виски кинуть гранату в Бронко. А что касается гробокопателей...

— Они враждуют с Кладбищем, — перебила Синтия. — Они обкрадывают Кладбище, а Кладбище расставляет на них ловушки.

— Скорее всего, — сказал я, — они заигрывают с Кладбищем. Они узнали, что за нами гонятся волки, которых могло послать в погоню только оно. Волки остались с носом, верно? И бандиты тут же поняли, какая перед ними открывается возможность. Раз волки осрамились, они сами нас отловят; быть может, им за это что-нибудь перепадет. Все очень просто.

— Наверное, — сказала Синтия. — Наверное, ты прав.

— В таком случае, — заключил я, — нам лучше здесь не задерживаться.

По склону холма мы спустились в очередную каменистую лощину и шли по ней, пока она не вилась в довольно широкую долину, идти по которой было уже полегче.

По дороге нам попалось дерево, от корней до макушки увитое виноградными лозами. Я взобрался на него. Большую часть плодов склевали птицы, однако мне повезло обнаружить парочку увесистых гроздей. Я сбросил их вниз. Виноград оказался кисловатым, но мы не привередничали. Мы были голодны, а посему с жадностью на него накинулись; однако я понимал, что рано или поздно наши желудки запросят чего-нибудь посущественней. Рыболовные снасти остались в рюкзаках, правда, у меня с собой был перочинный нож; можно будет нарезать ивовых прутьев и сплести из них невод. Мне вспомнилось, что соли у нас тоже нет, но это не беда, — голод поможет нам не заметить ее отсутствия.

— Как по-твоему, Флетч, — спросила Синтия, — отыщем ли мы Элмера?

— Думаю, он сам разыщет нас, — ответил я. — У него не тот характер, чтобы забыть про друзей.

— В записке сказано, куда мы направились, — проговорила она.

— Записки нет, — напомнил ей я. — Записку нашли бандиты. Скорее всего, они уничтожили ее.

Эта долина была пошире оврага, который начинался от пещерки, но холмы с обеих ее сторон поднимались все выше и как будто надвигались на нас. Ландшафт изменился: на смену лесистым холмам пришли скалистые утесы футов ста с лишним высотой. Каждый следующий шаг давался нам тяжелее предыдущего, потому что пейзаж вселял в наши души суеверный страх. В долине стояла леденящая сердце тишина. По дну долины протекала полноводная речка, напрочь забывшая о том, что когда-то была ручейком и весело прыгала по камням. Она неторопливо и неслышно катила свои воды, и в ее молчании ощущалась грозная сила.

Солнце клонилось к западу; я сообразил, что мы провели в пути целый день, и немало тому удивился. Разумеется, я устал, но отнюдь не так сильно, как, по идее, должен был бы устать.

Я заметил впереди глубокую расщелину. Вершину утеса, в тело которого она вонзилась, венчала роща высоких деревьев, а к трещинам на его склоне лепились чахлые кедры.

— Пойдем посмотрим, — предложил я. — Нам надо выбрать место для ночевки.

— Мы замерзнем, — сказала Синтия. — У нас нет одеял.

— Разведем костер, — ответил я.

Она вздрогнула.

— А это не опасно? Ведь костер видно издалека.

— Без огня нам не обойтись, — сказал я.

В расщелине было темно. Разглядеть, где она кончается, мы не смогли, поскольку чем дальше от входа, тем гуще становилась темнота. Дно расщелины было усыпано камнями, однако поблизости от входа, около одной из стен, мы натолкнулись на большой и плоский валун.

— Пошел за дровами, — сказал я.

— Флетч!

— Нам нужно развести огонь, — проговорил я. — Без костра мы к утру превратимся в ледышки.

— Мне страшно, — призналась Синтия.

Я посмотрел на нее. Лицо девушки смутно белело в темноте.

— Мне страшно, — повторила она. — Я думала, что я выдержу. Я твердила себе, что бояться нечего. Я уговаривала себя потерпеть. Пока мы шли, и пока светило солнышко, все было в порядке. Но, Флетч, надвигается ночь, а у нас нет еды, и мы не знаем, где находимся...

Я обнял Синтию. Она не сопротивлялась. Она обвила меня руками за шею и прижалась ко мне. И впервые с тех пор, как, выходя из административного корпуса Кладбища, я увидел ее сидящей в автомобиле, я подумал о ней как о женщине и, по совести говоря, удивился самому себе. Поначалу она была для меня непредвиденной помехой нашим планам: явилась, понимаете ли, неизвестно откуда, да еще с этим смехотворным рекомендательным письмом от Торни. Потом нас закрутила череда событий, и воспринимать Синтию как женщину было попросту некогда. Она была всего лишь хорошим товарищем — не скулила, не ныла, терпеливо сносила все тяготы пути. Мысленно я обругал себя олухом. От меня вовсе бы не убыло, если бы я по дороге оказывал ей маленькие любезности; насколько я мог припомнить, ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Мы с тобою как младенцы в лесу, — пробормотала она. — Помнишь ту старую земную сказку?

— Конечно, помню, — ответил я. — Птицы привнесли листьев...

Я не докончил фразу. Сказка эта, если задуматься, очень грустная. Помнится, птицы укрыли детей листовой потому, что те умерли. Так что эту сказку, как, впрочем, и многие другие, правильнее было бы назвать страшной историей.

Синтия подняла голову.

— Извини, — сказала она. — Все нормально.

Я взял ее за подбородок, наклонился и поцеловал в губы.

— А теперь пошли за дровами, — сказала она.

Солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, но света пока было достаточно. Далеко за дровами идти не пришлось. У подножия утеса во множестве

валялись сухие кедровые ветки, которые, видимо, время от времени сбрасывали лепившиеся к скалистой поверхности деревья.

— Наш костер можно будет заметить, только подойдя вплотную к расщелине, — проговорил я.

— А дым? — спросила Синтия.

— Дрова сухие, — буркнул я, — и дымить они не должны.

Я оказался прав. Пламя костра было ярким и чистым, а дым тянулся к выходу из расщелины едва различимой струйкой. Ночной холод еще не вступил в свои права, однако мы уселись поближе к огню. Он успокаивал, он отгонял мрак и сближал нас, он согревал нас и окружал магическим кругом.

Солнце закатилось; снаружи сгостились сумерки. Мы остались наедине с темнотой.

Что-то шевельнулось во тьме, за пределами освещенного пространства. Что-то звякнуло по камням.

Вскочив, я разглядел во мраке белое пятно. Волк подполз к костру. По его металлическому телу бегали блики пламени.

В зубах он держал кроличью тушку.

Волк, без сомнения, был грозой кроликов.

## Глава 17

Когда мы доедали кролика, неожиданно появился О'Гилликадди в сопровождении остальных призраков. Несоленое кроличье мясо было довольно безвкусным, однако за весь день мы съели лишь несколько виноградин, а потому даже сам факт того, что мы жевали что-то плотное, придал нам уверенности в завтрашнем дне.

Волк растянулся у костра, положив голову на могучие лапы.

— Если бы он мог говорить, — сказала Синтия. — Быть может, он поведал бы нам, что творится вокруг.

— Волки не разговаривают, — пробормотал я, обсасывая берцовую кость кролика.

— Зато роботы говорят, — возразила Синтия. — Элмер говорит, и Бронко — тоже. А волк — такой же робот. Ведь он не животное, а только подобие животного.

Волк скосил глаза сначала на Синтию, потом на меня. Он ничего не сказал, но застучал хвостом по камню. Я подавил желание заткнуть уши.

— Волки не виляют хвостами, — продолжала девушка.

— Откуда ты знаешь?

— Читала где-то. В отличие от собак, волки хвостами не виляют. Значит, в нашем приятеле больше от собаки, чем от волка.

— Он беспокоит меня, — признался я. — То он гонится за нами, чтобы перегрызть нам горло, то наби-

вается к нам в друзья. Бессмыслица какая-то! Так не бывает.

— Я начинаю думать, — сказала Синтия, — что на Земле все идет шиворот-навыворот.

Мы сидели у костра, внутри очерченного пламенем волшебного круга. Огонь замерзал; у меня возникло странное ощущение, будто воздух наполнен движением.

— У нас гости, — заметила Синтия.

— Это О'Гилликадди, — успокоил ее я. — О'Гилликадди, вы тут?

— Мы здесь, — отозвался О'Гилликадди. — Нас много. Мы пришли составить вам компанию.

— И, я надеюсь, принесли нам новости?

— Да. Нам есть о чем вам рассказать.

— Мы рады вам, — сказала Синтия. — Я хочу, чтобы вы об этом знали.

Волк дернул ухом, словно отгоняя комара или муху, хотя никаких мух не было и в помине, а если бы и были, навряд ли бы они его потревожили.

Призраки, подумал я. Множество призраков, главный из которых величает себя О'Гилликадди. Призраки навестили наш приют, и мы принимаем их так, словно они — люди. Безумие чистейшей воды. Обычно рассказы о привидениях высушиваются со снисходительной усмешкой, но на Земле, похоже, призраки успели стать вполне заурядным явлением.

Мне стало страшно. В какое же нелепое положение мы угодили, если реальность настолько неправдоподобна, что знакомые места — вроде Одена с его тихой красотой или Кладбища с его напыщенной величавостью — утеряли с ней всякую связь!

— Боюсь, вам пока не удалось вырваться из когтей гробокопателей, — сообщил О'Гилликадди. — Они преследуют вас, пылая жаждой мщения.

— Иными словами, — сказал я, — они намерены предъявить Кладбищу наши скальпы.

— Именно так, досточтимый сэр.

— Но почему? — удивилась Синтия. — Они же враждуют с Кладбищем.

— Да, враждуют, — подтвердил О'Гилликадди. — На этой планете у Кладбища вообще нет друзей. Однако любой житель Земли с готовностью окажет Кладбищу услугу, рассчитывая на вознаграждение. Деньги и власть развращают людей.

— Но ведь им от Кладбища ничего не нужно, — воскликнула Синтия.

— На данный момент, может быть. Но если вознаграждение получить не сразу, если явиться за ним через некоторое время, оно же не перестанет быть таковым, не правда ли?

— Вы сказали, что Кладбищу согласится помочь любой житель Земли, — проговорил я. — А как насчет вас самих?

— О, мы — другое дело, — ответил О'Гилликадди. — Кладбище не в состоянии отблагодарить нас и, что гораздо важнее, оно не в состоянии навредить нам. Мы не ждем вознаграждения и не испытываем страха.

— Значит, мы в опасности?

— Они гонятся за вами, — сказал О'Гилликадди. — Они ни за что не откажутся от погони. Вы одолели их сегодня утром, и воспоминание об этом не дает им покоя. Одного из них загрыз стальной волк, другой умер...

— Мы тут ни при чем, — вмешалась Синтия. — Они стреляли в нас, а попали в него.

— Тем не менее, они винят в его смерти вас и хотят рассчитаться. Они винят вас во всем, что с ними случилось.

— Им придется попотеть, прежде чем они нас найдут, — проворчал я.

— Может быть, — согласился О'Гилликадди. — Но в конце концов они вас настигнут. Они знают лес, как свои пять пальцев. У них нюх охотничьих собак. Они замечают буквально все. Перевернутый камень, потревоженный лист, примятая трава — ничто не ускользнет от их внимания.

— Наша единственная надежда, — сказала Синтия, — найти Элмера и Бронко. Если они будут с нами...

— Мы знаем, где они, — сообщил О'Гилликадди, — но, поспешив к ним, вы прыжком угодите в руки разъяренных бандитов. Мы всячески старались явиться вашим товарищам, но они упорно нас не замечали. Чтобы ощутить наше присутствие, нужно обладать чувствительностью более обостренной, чем у робота.

— Мы пропали, — констатировала Синтия; голос ее слегка дрожал. — Вы не можете привести к нам Элмера с Бронко, а бандиты, по вашим словам, скоро нас нагонят.

— И это еще не все, — заявил О'Гилликадди, чуть ли не луна от удовольствия. — На охоту вышли Разорительницы.

— Разорительницы? — переспросил я. — Разве их несколько?

— Их две.

— Вы говорите про боевые машины?

— Вы называете их так?

— Так называл их Элмер.

— Ну, они нам не страшны, — сказала Синтия. — Ведь боевые машины никак не связаны с Кладбищем.

— Вы уверены? — осведомился О'Гилликадди.

— То есть? — не понял я. — Им-то зачем Кладбище?

— Смазочные материалы, — лаконично пояснил О'Гилликадди.

Кажется, я застонал. Просто до невероятности и вполне логично. И в самом деле: источники питания у машин автономные, скорее всего, атомные; необходимый ремонт они наверняка выполняют самостоятельно. Единственное, что им требуется, и чего у них нет, — смазка.

Конечно, Кладбище не могло пройти мимо такой возможности. Оно не упускало ничего, ревниво оберегая свое монопольное владение Землей.

— А Душелюб? — спросил я. — По-моему, он тоже тут замешан. Где он, кстати?

— Исчез, — сказал О'Гилликадди. — Он появляется, когда ему вздумается, и не всегда сопутствует нам. Он — иной, чем мы. Мы не знаем, где он.

— А кто он?

— Как кто? Душелюб.

— Я не о том спрашиваю. Он человек или не человек? Может, он мутант? Земля в свое время, должно быть, кишила мутантами. Большой частью мутации сказывались на людях отрицательно; правда, судя по всему, такие мутанты со временем вымерли. Ну так вот: гробокопатели обладают способностями к телепатии и Бог знает к чему еще; деревенские жители — наверное, тоже, хотя мы ничего особенного в их поведении не заметили. Даже вы, призраки...

— Тени, — поправил О'Гилликадди.

— Разумеется, разумеется. Быть тенью — вовсе не естественное человеческое состояние. Пожалуй, теней не встретишь нигде, кроме Земли. Никто понятия не

имеет, что творилось тут после того, как люди бежали в космос. Нынешняя Земля ничуть не похожа на прежнюю.

— Не увлекайся, — остановила меня Синтия. — Ты хотел узнать, связан ли Душелюб с Кладбищем.

— Уверен, что нет, — сказал О'Гилликадди. — Кто он, я не знаю. Я всегда считал его человеком. Он во многом напоминает вас, хотя, конечно, появился на свет иначе, и таких, как он, больше нет...

— Послушайте, — перебил я, — вы пришли к нам не просто так, а с какой-то целью. Вы бы не стали утруждать себя ради плохих вестей. Ну-ка, выкладывайте.

— Нас много, — сказала тень. — Мы нарочно собрались все вместе. Мы созвали весь клан, потому что испытываем к вам странную привязанность. Еще никому за всю историю Земли не удавалось так ловко прищемить Кладбищу хвост.

— И вы этим довольны?

— Весьма и весьма.

— И явились нас повеселить?

— Нет, не повеселить, — возразил О'Гилликадди, — хотя мы с радостью бы вас потешили. По нашему убеждению, мы сможем оказать вам маленькую услугу.

— Мы примем любую помощь, — сказала Синтия.

— К сожалению, объяснение будет довольно путанным, — предостерег О'Гилликадди, — а из-за отсутствия соответствующей информации вы можете мне не поверить. Дело вот в чем: будучи теми, кто мы есть, мы не имеем никаких контактов с материальной Вселенной. Однако, как выяснилось, нам до известной степени подвластны пространство и время, которые не то чтобы составные части материальной Вселенной, и не то чтобы наоборот.

— Подождите, подождите, — не выдержал я. — Вы говорите о...

— Поверьте, — продолжал О'Гилликадди, — мы не нашли иного решения. Ничем иным мы вам помочь не в силах, но...

— Вы предлагаете, — уточнила Синтия, — переместить нас во времени.

— Буквально на чуть-чуть, — ответил О'Гилликадди. — На долю секунды, но этого будет достаточно.

— Но перемещения во времени неосуществимы, — возразила Синтия. — Как над ними ни бились, результаты оказывались совершенно неудовлетворительными.

— Вы это уже делали? — требовательно спросил я.

— По правде говоря, нет, — сказал О'Гилликадди, — однако мы поразмыслили, все прикинули и теперь почти уверены...

— Но не до конца?

— Увы, — ответил О'Гилликадди. — Не до конца.

— А вернуться мы сможем? — справился я. — Мне вовсе не улыбается провести остаток жизни в мире, который на долю секунды отстает от Вселенной.

— Об этом мы тоже подумали, — беспечно отзвалась тень. — У входа в расщелину мы установим временную ловушку. Ступив в нее...

— А в ней вы уверены? Или опять не до конца?

— Она не подведет, — заверил О'Гилликадди.

Перспектива вырисовывалась довольно безрадостная, и потом, сказал я себе, откуда мы знаем, что он не лжет? Быть может, О'Гилликадди хочет использовать нас в качестве подопытных кроликов для какого-нибудь паршивого эксперимента. Кстати, а существуют ли тени вообще? Мы видели их, или нам почудилось, что мы их видели там, у костра, на деревенском празднике. Но где доказательства? Всего-то и есть, что слова Душелюба да голос, который именует себя О'Гилликадди.

Вот именно, голос О'Гилликадди. Может, он такая же галлюцинация, как хоровод теней у костра в деревне или группа тех же теней в пещере, где состоялся наш первый разговор с Душелюбом? Да, но ведь слышу его не я один. Синтия тоже его слышит, по крайней мере ведет себя так, словно слышит. А может, мне померещилось? Черт те что, выругался я мысленно; поневоле начнешь сомневаться не только в реальности окружающего мира, но и в своей собственной.

— Синтия, — позвал я, — ты действительно слышала...

Ослепительная вспышка больно ударила по глазам. Взрыв разметал костер. Пепел поднялся к верху расщелины; во все стороны полетели искры и пылающие ветки. Снаружи донесся приглушенный хлопок, за ним — другой; что-то чиркнуло о камень за нашими спинами.

Мы, все трое, вскочили на ноги. В узком проходе между скалами клубилась какая-то завеса. Не знаю, что

это было, но она накатила на нас приливной волной, затопила пещеру и захлестнула с головой.

Потом она скрылась, но, как ни странно, мы ничего не почувствовали. Она как-то ухитрилась избежать со-прикосновения с нами. Мы двое стояли там, где стояли.

Однако Костер пропал, исчез без следа. А снаружи расщелины ярко светило солнце.

## Глава 18

Долина изменилась. На первый взгляд она осталась прежней, но все же чувствовалось, что она уже не та. Она изменилась, и постепенно мы, стоя у входа в расщелину, начали замечать конкретные отличия.

Во-первых, в ней стало меньше деревьев, и они будто слегка съежились. И листва на них была зеленою, еще не тронутой багрянцем осени. Даже трава была другой — не такая бархатная и не сочно-зеленая, а, скорее, желтоватая.

— Они сделали это, — прошептала Синтия. — Они сделали это без нашего согласия.

Не сон ли мне снится, подумал я, и не пригрезился ли мне О'Гилликадди со своей призрачной шайкой? Хорошо, если так, ибо если приснилось одно, значит, другое не может быть явью ни под каким видом.

— Но он говорил о доле секунды, — бормотала Синтия, — и утверждал, что ее вполне хватит. Он обещал сдвинуть время ровно на столько, чтобы защитить нас от настоящего. Речь шла о мгновении, о едином миге...

— Они напортачили, — сказал я. — И напортачили здорово.

Я понял, что это не сои, что нас в самом деле переместили во времени, правда, на промежуток значительно больший, чем доля секунды, о которой говорил О'Гилликадди.

— Они впервые попробовали применить свои способности, — сказал я. — Они не знали, получится у них или нет. Они провели испытание на нас и опростоволосились.

Мы вышли из расщелины на солнышко. Я оглядел утес: на его отвесном склоне не было никаких кедров.

Я ощущал нарастающий гнев. Кто знает, как далеко мы оказались отброшенными в прошлое? По крайней мере кедры еще не пустили корни, а, если я ничего не напутал, кедр вырастает не за год и не за два. Некоторым из тех деревьев, что лепились к поверхности утеса, должно быть как минимум несколько сотен лет.

Ну и дела, подумалось мне. Там, в настоящем, мы заблудились в пространстве, а теперь, вдобавок, и во времени. И где гарантия, что мы сможем вернуться? О'Гилликадди обещал установить временную ловушку, но если ему о временных ловушках известно столько же, сколько о перемещении людей во времени... Повезло, нечего сказать.

— Мы в далеком прошлом, да? — спросила Синтия.

— Ты попала в самое яблочко, — сказал я. — Один Бог знает, в каком далеком. Во всяком случае наши призраки вряд ли об этом догадываются.

— Но там были бандиты, Флетч.

— Ну и что? — буркнул я. — Волк разогнал бы их в три секунды. Совершенно незачем было нас трогать. О'Гилликадди зря устроил панику.

— Волк остался там, — проговорила Синтия. — Бедняжка. Они не смогли перебросить его вместе с нами. Кто теперь будет ловить нам кроликов?

— Мы сами, — буркнул я.

— Мне его не хватает, — сказала она. — Я так быстро к нему привыкла.

— Они были бессильны, — объяснил я. — Волк все-го лишь робот...

— Робот-мутант, — поправила Синтия.

— Роботов-мутантов не бывает.

— Бывают, — возразила она. — Вернее, были. Волк переменился. Что заставило его перемениться?

— Элмер нагнал на него страху, расколошматив двух его приятелей. Он сообразил, что к чему, и живенько переметнулся на сторону победителя.

— Нет, не думаю. Конечно, он испугался, однако слишком уж разительна перемена, которая с ним произошла. Ты знаешь, что мне кажется, Флетч?

— Не имею ни малейшего представления.

— Он эволюционировал, — заявила Синтия. — Робот может эволюционировать.

— Пожалуй, — пробормотал я. Она меня ничуть не убедила, но надо было что-нибудь сказать, чтобы остановить ее. — Давай осмотримся. Может, определим, где мы.

— И когда.

— И это тоже, — согласился я, — если удастся.

Мы спустились в долину, двигаясь медленно и, я бы сказал, нерешительно. Торопиться было некуда: на пятки нам никто не наступал. А потом, в нашей медлительности и нерешительности крылось нежелание входить в новый мир, крылся страх перед неизведанным и осознание того, что мы очутились в прошлом, где быть не имели права. Этот мир был иным, и непохожесть его проявлялась не только в желтоватом оттенке травы или в меньшей высоте деревьев: разница между двумя мирами была, скорее всего, не физическая, а чисто психологическая.

Мы шли по долине, сами не зная, куда направляемся. Холмы слегка расступились, и долина словно распахнулась. Впереди в голубоватой дымке маячила очередная гряда холмов. Наша долина плавно переходила в другую; через милю с небольшим мы вышли к реке; в нее впадал ручей, течения которого мы все время придерживались. Река была широкой и быстрой. Вода в ней казалась темной и маслянистой и неумолчно клокотала. При взгляде на нее становилось немного не по себе.

— Смотри, там что-то есть, — сказала Синтия.

Я взглянул туда, куда она показывала.

— Похоже на дом, — продолжала она.

— Не вижу.

— Я различила крышу. По крайней мере, мне так показалось. Деревья мешают.

— Пошли, — сказал я.

Дом мы увидели, только выйдя к полю. Впрочем, небольшой участок земли, на котором неровными рядами росла чахлая, заглушаемая сорняками, едва ли по колено высотой пшеница, полем назвать было трудно. Изгородь отсутствовала. Поле, расположенное на кро-

хотном уступе над рекой, огораживали деревья. Среди колосьев виднелись пни. На одном краю поля лежали кучи сухих веток. Видно, в свое время кто-то расчистил участок земли, вырубив мешавшие деревья.

Дом стоял за полем, на невысоком бугре. Даже издалека вид у него был весьма непрезентабельный. Рядом с ним был когда-то разбит теперь совершенно заросший сад; из-за дома выглядывало сооружение, которое я принял за амбар. На дворе никого не было видно. Дом оставлял впечатление заброшенности, словно тот, кто жил в нем, давно уже тут не живет. У крыльца стояла покосившаяся скамейка, а рядом с настежь распахнутой дверью — колченогий стул. Передние его ножки были длиннее задних, и всякий, кому вздумалось бы на него усесться, рисковал сломать себе шею. Посреди двора валялось на боку ведро; легкий ветерок забавлялся с ним, перекатывая его из стороны в сторону. Еще во дворе был деревянный чурбан, на котором, по-видимому, кололи дрова: его поверхность была испещрена оставленными топором отметинами. На стене дома висела на двух крючках или гвоздях попечная пила. Под ней приткнулась к стене мотыга.

Подойдя к чурбану, мы почувствовали запах — сладковатый, страшный запах, брошенный нам в лицо порывом ветра или случайным завихрением воздуха. Мы отступили, и запах стал слабее, а потом исчез так же внезапно, как и появился. Однако какой-то своей частью он словно приклеился к нам, словно проник в поры нашей кожи.

— В доме, — проговорила Синтия, — в доме кто-то есть.

Я кивнул. Я знал наверняка, какое ужасное зрелище нас ожидает.

— Оставайся здесь, — сказал я.

Впервые она не возразила. Она была рада остаться снаружи.

Я был у двери, когда запах снова обрушился на меня. Прикрыв руками нос и рот, чтобы хоть как-то защититься от зловония, я перешагнул порог.

Внутри дома было темно. Я остановился у двери, давая глазам привыкнуть к темноте и борясь с приступами рвоты. Колени у меня подгибались; запах как будто лишил меня всех и всяческих сил. Но я держался.

Мне надо было узнать, почему в доме так омерзительно воняет.

Я догадывался почему, но хотел увериться в своем предположении; и потом, бедняга, который лежит где-то в темной комнате, вправе рассчитывать на сострадание соплеменника даже в подобных условиях.

Я начал различать очертания предметов. Рядом с грубым очагом из местного камня стоял самодельный хромоногий стол с двумя кастрюлями и сковородой с длинной ручкой. Посреди комнаты валялся перевернутый стул. В углу виднелась куча тряпья; на стене висела одежда.

Еще в комнате была кровать. И на кровати кто-то лежал.

Я заставил себя приблизиться к кровати. Два глаза уставились на меня из черной, расползшейся массы. Но что-то было не так; я заметил нечто ужаснее омерзительного зловония, нечто отвратительнее черной разбухшей плоти.

На подушке покоились две головы. Не одна, а две!

Я принудил себя нагнуться над постелью и удостовериться в увиденном — в том, что обе головы принадлежат одному существу и сидят на одной шее.

Отшатнувшись, я согнулся пополам, и меня вырвало.

Я побрел было к двери, но краем глаза углядел хромоногий стол с кухонной утварью. Пытаясь схватить кастрюли и сковородку, я налетел на стол и перевернулся. Сжимая в одной руке сковородку, а в другой — кастрюли, я вывалился на улицу.

Колени мои подломились, и я плюхнулся на землю. Лицо мое было словно заляпано грязью. Я провел по нему рукой, но ощущение не исчезло. Меня будто всего облили грязью с ног до головы.

— Где ты раздобыл кастрюли? — спросила Синтия.

Что за идиотский вопрос! Интересно, где я мог их раздобыть?!

— Есть, где их вымыть? — сказал он — Колодец или что-нибудь в этом роде.

— В саду протекает ручей. Быть может, найдется и родник.

Я остался сидеть. Тронув рукой подбородок, я стер с него рвоту и вытер руку о траву.

- Флетч!
- Да?
- Там мертвец?
- Мертвец, — подтвердил я. — И умер он давным-давно.
- Что мы будем делать?
- В смысле?
- Ну, надо, наверное, похоронить его...
- Я покачал головой.
- Не здесь и не сейчас. И вообще, с какой стати? Он от нас этого не ждет.
- Что с ним случилось? Ты не смог определить?
- Нет, — ответил я коротко.
- Она смотрела, как я неуверенно поднимаюсь на ноги.
- Пошли мыть кастрюли, — сказал я. — И сам заодно умоюсь. Потом нарявем в саду овощей...
- Что-то тут не так, — проговорила Синтия. — Мертвец мертвецом, но что-то тут не так.
- Помнишь, ты хотела узнать, в какое время мы попали? Кажется, я знаю.
- Мертвец натолкнул тебя на мысль?
- Он урод, — буркнул я. — Мутант. У него две головы.
- Но при чем...
- Это означает, что нас забросило в прошлое на несколько тысячелетий. Впрочем, нам следовало догадаться раньше. Низкорослые деревца. Трава желтого цвета. Земля только-только начала отходить от войны. Мутанты вроде двухголового урода там, в доме, были обречены. В послевоенные годы таких, как он, должно было много. Физические мутанты. Через тысячелетие-другое они вымрут. Однако один из них уже умер.
- Ты ошибаешься, Флетч.
- Хотелось бы надеяться, — сказал я, — но абсолютно уверен, что нет.
- Не знаю: то ли я случайно взглянул на склон холма, то ли меня *насторожило* едва заметное движение; но бросив взгляд на холм, я заметил некий предмет конусообразной формы, который быстро перемещался — вернее будет сказать, плыл — вдоль гребня. В следующее мгновение он пропал из вида, но я *узнал* его. Ошибки быть не могло.

— Ты видела его, Синтия?

— Нет, — ответила она. — Там никого не было.

— Там был Душелюб.

— Не может быть! — воскликнула она. — Ты же сам утверждал, что мы в далеком прошлом. Хотя...

— Вот то-то и оно, — сказал я.

— По-твоему, мы думаем об одном и том же?

— Я не удивлюсь, если окажется, что это так. Должно быть, Душелюб и есть твой бессмертный человек.

— Но в письме говорится про Огайо...

— Я помню. Но послушай. Когда твой предок писал письмо, он находился в весьма почтенном возрасте, правильно? Он полагался на память, а она — штука капризная. Где-то он услышал про Огайо; вполне возможно, старик, что рассказывал ему обо всем, упомянул Огайо, но не как ту реку, на которой произошла его встреча с анахронианином, а просто как реку в окрестностях. Естественно, с годами ему начало казаться, что все случилось именно на Огайо.

Синтия шумно вздохнула. Глаза ее горели.

— Подходит, — проговорила она. — Подходит! Вот река, вот холмы. Значит, мы стоим на том самом месте!

— Но если он ошибался насчет Огайо, — охладил я ее пыл, — то клад могли спрятать где угодно. Рек и холмов на Земле не перечесть. Тебя это не обескураживает?

— Однако он называет анахронианина человеком.

— Вовсе нет. Он говорит, что тот выглядел, как человек, но в нем было что-то нечеловеческое. Таково было первое впечатление. А потом твой предок и думать забыл про свои ощущения.

— Ты полагаешь?..

— Да.

— Если ты видел в самом деле Душелюба, почему он убежал? Неужели он не узнал нас? Ой, что я говорю! Конечно, нет, — мы же еще не встретились! Наше знакомство состоится через много-много лет. Как ты думаешь, мы его найдем?

— Попробуем, — сказал я.

Бросив кастрюли и забыв об овощах к обеду, мы кинулись следом за Душелюбом. Я совсем забыл, что лицо у меня испачкано блевотиной. Подъем на холм был тяжелым. Деревья, густые заросли кустарника,

каменистые выступы, которые приходилось обходить; местами мы буквально ползли на карачках, цепляясь за корни и ветки.

Лихорадочно карабкаясь по склону, я спрашивал себя, зачем мы так торопимся. Если дом бессмертного человека стоит поблизости от вершины холма, можно не спешить, потому что в ближайшее время его хозяин наверняка никуда не денется. А если дома поблизости нет, тогда эта сумасшедшая гонка вообще ни к чему. Если тот, кого мы преследуем, и в самом деле Душелюб, он давно уже спрятался в укромном местечке или постарался оторваться от нас.

Однако мы лезли все выше и выше, и наконец деревья и кусты расступились, и нашим глазам предстала лысая вершина холма, на которой возвышался дом — видавший виды старинный дом, ничуть не похожий на тот, где я обнаружил двухглавого мертвеца. Дом был обнесен аккуратным частоколом, который, видно, только на днях выкрасили в белый цвет. У крыльца росло дерево, усыпанное розовыми цветками; вдоль забора были посажены розы.

Окончательно запыхавшись, мы упали на землю. Наша взяла: вот он, дом анахронианина!

Отдышавшись, мы сели и оглядели друг друга.

— Да, — протянула Синтия. — Ну у тебя и видок.

Достав из кармана своей куртки носовой платок, она вытерла мне лицо.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Мы встали и неторопливо направились к дому, как если бы нас пригласили туда в гости.

Войдя в ворота, мы увидели на крыльце человека.

— Я опасался, что вы передумали, — сказал он, — и уже не придетете.

— Извините нас, пожалуйста, — попросила Синтия. — Мы слегка задержались.

— Ничего страшного, — успокоил нас хозяин. — Вы как раз к ленчу.

Это был высокий худощавый мужчина в черных брюках и темной куртке. Из-под куртки виднелась белая рубашка с расстегнутым воротом. У него было бронзовое от загара лицо, волнистые седые волосы и коротко подстриженные, с проседью, усыки.

Втроем мы вошли в дом. Комната, где мы очутились, была маленькой, но обстановка ее поражала неожидан-

ной изысканностью. У стены стоял буфет, на нем — кувшин. Середину комнаты занимал покрытый белой скатертью стол. Он был уставлен серебряной и хрустальной посудой. К столу были придвинуты три стула, на стенах висели картины; ноги утопали в пушистом ковре.

— Мисс Лансинг, пожалуйста, садитесь сюда, — пригласил наш хозяин. — А мистер Карсон сядет напротив. Приступим к еде. Суп, я уверен, еще не успел остывть.

Нам никто не прислуживал. Невольно складывалось впечатление, что в доме, кроме нас троих, никого нет, хотя, подумалось мне, наш хозяин вряд ли готовил кушанья самостоятельно. Мысль мелькнула и исчезла, ибо она никак не соответствовала изысканности комнаты и богатству сервировки.

Суп был превосходным, свежий салат приятно похрустывал на зубах, отбивные таяли во рту. Вино удовлетворило бы самый утонченный вкус.

— Быть может, это вас заинтересует, — сказал наш радушный хозяин. — Дело в том, что предположение, которое вы выдвинули — надеюсь, не для красного словца — при нашей последней встрече, показалось мне весьма любопытным, и я тщательно его обдумал. Как было бы здорово, если бы человеку вдруг представилась возможность собирать не только свои собственные впечатления, но и впечатления других людей. Вообразите, какое богатство ожидало бы его в преклонном возрасте. Он одинок, старые друзья умерли, а познавать новое он не способен чисто физически. Но он протягивает руку и снимает с полки шкатулку, в которой, если можно так выразиться, заключены впечатления прежних дней; открыв ее, он переживает тот или иной случай заново, причем ничуть не менее остро, чем в первый раз.

Я удивился услышанному, но не особенно. Я ощущал себя человеком, которому снится сон, и который сознает, что видит сон, но никак не может проснуться.

— Я попытался представить, — продолжал наш хозяин, — каким должно быть содержимое такой шкатулки. Помимо голых фактов, то бишь опыта как такового, человек наверняка сохранил бы, скажем так, фоновые впечатления — иначе говоря, звук, дуновение ветра, солнечный свет, бег облаков по небу, цвета и запахи.

Ибо, чтобы достичь результата, о котором мы упомянули, воспоминание должно быть насколько возможно полным. Оно должно содержать в себе все элементы, необходимые для пробуждения памяти о каком-нибудь событии многолетней давности. Вы согласны со мной, мистер Карсон?

— Да, — сказал я, — целиком и полностью.

— Кроме того, я попробовал определить критерии отбора впечатлений. Разумно ли будет выбирать лишь радостные воспоминания, или все-таки не следует пре-небречь и печальными? Пожалуй, стоило бы сохранить воспоминания о постигших человека разочарованиях, хотя бы ради того, чтобы мы не забывали о смирении.

— По-моему, — вставила Синтия, — не надо ограничивать себя в выборе. Однако я бы все же отдала предпочтение радостным переживаниям. Печальные, разумеется, тоже нужны, но я бы положила их в укромный уголок, где они не бросались бы в глаза и откуда, если потребуется, их было бы легко извлечь.

— По правде говоря, — ответил наш хозяин, — я пришел точно к такому же выводу.

Я отдохнул душой, наслаждаясь дружеской атмосферой просвещенной беседы. Пускай мне все это только снится, я не хочу иной реальности. Я даже затаил дыхание, словно опасаясь, что колебания воздуха разрушат чудесную иллюзию.

— Нам следует принять во внимание еще один фактор, — говорил между тем хозяин. — Обладая способностью, о которой идет речь, удовлетворится ли человек лишь сбором впечатлений в естественном течении жизни или попытается создать переживания, которые, по его мнению, могут сослужить ему службу в будущем?

— Мне кажется, — сказал я, — что удобнее всего собирать впечатления по ходу дела, не прилагая к тому особых усилий. Так, позвольте заметить, будет честнее.

— Стараясь проникнуть в суть проблемы, — ответил хозяин, — я вообразил себе мир, в котором дети не взрослеют. Разумеется, вы можете упрекнуть меня в неорганизованности мышления, которое перескакивает с одного предмета на другой; я с готовностью принимаю ваш упрек. Так вот, в мире, где человек в состоянии

сохранять свои впечатления, он в любой момент в будущем сможет заново пережить прошлое. Но в мире вечной юности у него нет необходимости в сборе воспоминаний, поскольку каждый новый день будет для него таким же удивительным, как предыдущий. Вы знаете, детям присуща радость жизни. В их мире не будет страха ни перед смертью, ни перед будущим. Жизнь там будет вечной и неизменной. Люди окажутся как бы заключенными в постоянную матрицу, и незначительные ежедневные колебания, которые будут в ней происходить, минуют их внимание. Если вы думаете, что они начнут скучать, то глубоко заблуждаетесь. Однако, боюсь, я утомил вас своими рассуждениями. Позвольте мне кое-что вам показать. Одно из моих недавних приобретений.

Он поднялся из-за стола, подошел к буфету, снял с него кувшин и протянул Синтии.

— Гидрия, — пояснил он. — Сосуд для воды из Афин. Шестой век, прекрасный образчик стиля «черных фигур». Горшечник брал красную глину, добавлял к ней немного желтой и лепил кувшин, а выдавленные изображения покрывал слоем черной глазури. Кстати, взглянув на дно, вы увидите клеймо горшечника.

Синтия перевернула кувшин.

— Вот оно, — проговорила она.

— Перевод, — заметил хозяин, — звучит так: «Никистенес изготавлил меня».

Синтия передала кувшин мне. Он был тяжелее, чем я думал. Глазурованный рисунок на его боку изображал поверженного воина со щитом в одной руке и копьем в другой. Древко копья упиралось в землю, наконечник был устремлен в небо. Повернув кувшин, я обнаружил иной рисунок: воин стоял, опершись на щит, и удрученно глядел на сломанное копье у своих ног. Видно было, что он неимоверно устал и проиграл сражение; об этом говорила его подавленная поза.

— Вы сказали, из Афин?

Хозяин кивнул.

— Мне повезло найти его. Чудесный образчик лучшей греческой керамики той поры. Видите, фигуры стилизованы? Тогда горшечники совершенно не заботились о реалистичности изображений. Их интересовал орнамент, а никак не форма.

Он забрал у меня кувшин и поставил его обратно на буфет.

— К сожалению, — сказала Синтия, — нам пора. Большое вам спасибо; все было просто замечательно.

Если мне и прежде чудилось, что я грежу наяву, то теперь это ощущение усилилось. Комната словно плыла у меня перед глазами. Я не помнил, как мы вышли из дома, и очнулся лишь у ворот изгороди.

Я резко обернулся. Дом стоял на прежнем месте, но выглядел куда более дряхлым, чем раньше. Дверь была приоткрыта, и гулявший по гребню холма ветер норовил распахнуть ее пошире. Покосившийся коньковый брус придавал дому довольно странный вид. Стекла в оконных рамках отсутствовали. Не было ни частокола, ни роз, ни цветущего дерева у крыльца.

— Нас одурачили, — проговорил я.

Синтия судорожно склонила голову.

— Не может быть, — пробормотала она.

Зачем? — спрашивал я себя. Зачем он, кто бы он там ни был, сделал это? Зачем ему было утруждать себя колдовством? Если ему не хотелось встречаться с нами, то почему он так настойчиво зазывал нас в гости? Мог бы, в конце концов, оставить все, как есть: мы осмотрели бы старинный дом, в котором явно никто не жил в течение многих лет, и ушли своей дорогой.

Сопровождаемый Синтией, я вернулся в дом. С первого взгляда комната показалась мне той же самой, но потом я заметил, что она утратила былую изысканность. Со стен исчезли картины, с пола пропал ковер. Стол посреди комнаты, три стула, придвинутые к нему нашими руками... Стол был пуст. Буфет никуда не делся, и на нем возвышался знакомый кувшин.

Я взял его в руки и подошел к двери, где было светлее. Судя по всему, наш хозяин показывал нам именно его.

— Ты разбираешься в греческой керамике? — спрашивался я у Синтии.

— Я знаю лишь, что у них была посуда с черными рисунками и посуда с красными рисунками. Черные рисунки появились раньше.

Я потер пальцем клеймо горшечника.

— Значит, надпись прочесть ты не сможешь?

Девушка покачала головой.

— Нет. Мне известно, что горшечники пользовались подобными клеймами, но по-гречески я не понимаю. Кстати сказать, этот кувшин слишком новый, как будто его достали из печи для обжига только вчера. На нем нет никаких следов возраста. Обычно такие горшки находят при раскопках, и по ним сразу видно, что они пролежали в земле сотни лет. А этот выглядит так, словно никогда в земле и не был.

— Скорее всего, он в самом деле там не был, — сказал я. — Ахахронианин, должно быть, позаимствовал его вскоре после изготовления, как чудесный образчик тогдашней керамики. Естественно, что он с него чуть ли не пылинки сдувал.

— Ты считаешь, мы видели ахахронианина?

— А кого же еще? Кому еще в послевоенную пору могло быть дело до греческой посуды?

— Но у него так много личин! Он и Душелюб, и тот аристократ, который угощал нас ленчем, и тот человек, с которым разговаривал мой предок.

— Мне кажется, — ответил я, — он может быть кем угодно. Или по крайней мере может внушить людям, что он тот-то и тот-то. Я подозреваю, что, приняв облик Душелюба, он открылся нам в своем настоящем образе.

— Но тогда, — сказала Синтия, — нам с тобой надо лишь отыскать вход в колодец, что ведет в подземную пещеру, и клад наш!

— Да, — согласился я, — однако что ты собираешься с ним делать? Любоваться на сокровища до конца жизни? Или выбрать украшение себе на платье?

— Но теперь мы знаем, где он находится!

— Ну и что? Если мы сможем вернуться в настоящее, если тени соображают, что творят, если они установят временную ловушку, и если она не забросит нас на несколько тысячелетий в будущее относительно нашего всамделишного настоящего...

— Ты веришь в то, что говоришь?

— Скажем так: я не отрицаю ни одной из возможностей.

— Флетч, а если временной ловушки в расщелине не окажется? Если нам не удастся вернуться?

— Как-нибудь проживем.

Мы вышли из двери и направились вниз по склону холма. Впереди, за пшеничным полем, сверкала река;

вдалеке виднелся окруженный садом дом, в котором лежал двуглавый мертвец.

— Я не надеюсь на временную ловушку, — сказала Синтия. — Тени — не ученые, с ними каши не сваришь. Обещали переместить нас во времени на долю секунды, а забросили вон куда.

Я чуть было не выругался. Нашла время для таких рассуждений, черт бы ее побрал!

Синтия схватила меня за руку. Я обернулся.

— Флетч, — пробормотала она, — но как же нам быть, если временная ловушка не сработает?

— Сработает, — ответил я.

— А если нет?

— Тогда, — сказал я, — мы вычистим вон тот дом внизу и поселимся в нем. Там есть инструменты. Мы соберем в саду семена и посадим другие сады. Мы будем рыбачить, охотиться — словом, жить.

— И ты полюбишь меня, Флетч?

— Да, — сказал я, — полюблю. Вернее, уже полюбил.

Шагая через пшеничное поле, я думал о том, что страхи Синтии могут оказаться не напрасными. Вдруг О'Гилликадди и его друзья действовали по указке Кладбища? Когда я впрямую спросил О'Гилликадди, он уклончиво ответил, что Кладбище не в состоянии ни подкупить их, ни причинить им вред. Как будто он говорил правду, но где тому доказательства? О'Гилликадди с его способностью манипулировать временем был бы для Кладбища сущей находкой. Ведь перекинув нас во времени и отрезав нам все пути к возвращению, никакого постороннего вмешательства можно больше не опасаться.

Я вспомнил розовый мир Олдена — нашего с Синтией Олдена. Я представил себе Торни, как он рассуждает о сгинувших в никуда анахронианах и проклинает недостойных искателей сокровищ, которые грабят древние поселения и лишают археологов возможности изучать былье культуры. С горечью в душе я припомнил свои собственные планы, припомнил, как хотел сочинить композицию о Земле. Синтия занимала в моих мыслях особое место. Она пострадала сильнее любого из нас. Вызвавшись передать мне письмо от старины Торни, она в итоге угодила в такой переплет, о котором не думала и не гадала.

Если временной ловушки в расщелине не будет, нам придется поступить именно так, как я сказал. Иного выхода у нас нет. Однако мы с Синтией не приспособлены к такой жизни. А скоро, вдобавок, наступит зима, и, если мы хотим выжить, нам надо к ней подготовиться. Дождавшись весны, мы, быть может, что-нибудь придумаем.

Я постарался отогнать эти мысли, не желая падать духом раньше времени, но они упорно возвращались. Ужасная перспектива словно зачаровывала меня.

Мы спустились к реке и, двигаясь по ее берегу, дошли до оврага, что вел к расщелине, в которой мы прятались от бандитов. Никто из нас не проронил ни слова. По-моему, мы боялись заговорить.

Миновав поворот, мы увидим желанный утес. Ждать осталось недолго. Скоро мы все узнаем.

Мы миновали поворот — и остановились как вкопанные. У подножия утеса стояли две боевые машины. Ошибиться было невозможно. Мне кажется, я догадался бы о том, что они такое, в любом случае, даже если бы я в свое время не прислушивался к рассказам Элмера.

Их размеры поражали воображение. Впрочем, будь они меньше, в них не уместилось бы все то вооружение, которым их напичкали. Они были футов, по меньшей мере, ста длиной, примерно вполовину этого расстояния шириной и футов двадцати или около того высотой. Они стояли бок о бок и выглядели весьма внушительно. В их уродстве ощущалась могучая сила. От одного взгляда на них по спине пробегала дрожь.

Мы смотрели на них, а они разглядывали нас. Мы чувствовали на себе их взгляды.

Одна из машин подала голос — определить, какая именно, было невозможно.

— Не убегайте, — сказала она. — Вам не нужно нас бояться. Мы хотим поговорить с вами.

— Мы не убежим, — ответил я, подумав, что бежать было бы бессмысленно. Они моментально догонят нас; в этом я не сомневался.

— Никто не хочет нас выслушать, — чуть ли не жалобно продолжала машина. — Все убегают от нас. А мы хотим подружиться с людьми, потому что мы сами — люди.

— Мы вас выслушаем, — пообещала Синтия. — Что вы собираетесь нам рассказать?

— Давайте сначала познакомимся, — предложила машина. — Меня зовут Джо, а его — Иван.

— Меня зовут Синтия, — ответила Синтия, — а моего спутника — Флетчер.

— Почему вы не убежали от нас?

— Потому что мы не испугались, — сказала Синтия. Я мысленно усмехнулся: на последних словах голос девушки предательски задрожал.

— Потому что, — добавил я, — бежать не имеет смысла.

— Мы — боевые ветераны, — заявил Джо. — Наша служба давно окончилась, и мы горим желанием помочь людям восстановить планету. Мы много странствовали. Те несколько человек, которых мы встретили, отказались от нашей помощи. Честно говоря, нам показалось, что они питают к нам отвращение.

— Их можно понять, — сказал я. — Вы крепко насолили им в дни войны.

— Мы никому не насолили, — возразил Джо. — Мы не сделали ни единого выстрела — ни он, ни я. Война подошла к концу прежде, чем мы успели повоевать.

— Как давно это случилось?

— По нашим собственным подсчетам, немногим больше полутора тысяч лет назад.

— Вы уверены? — спросил я.

— Абсолютно, — ответил Джо. — Если потребуется, мы можем вычислить дату с точностью до дня.

— Не стоит, — сказал я. — Полторы тысячи лет меня вполне устраивают. — Значит, добавил я про себя, доля секунды О'Гилликадди обернулась восемьюдесятью с хвостиком столетиями!

— Скажите, — спросила Синтия, — помнит ли кто-нибудь из вас робота по имени Элмер?..

— Элмер!

— Да, Элмер. Он говорил нам, что руководил строительством последней из боевых машин.

— Откуда вы знаете Элмера? Где он?

— Мы познакомились с ним в будущем, — ответил я.

— Так не бывает, — возразил Джо. — Нельзя знакомиться в будущем.

— Это долгая история, — сказал я. — Мы расскажем ее вам как-нибудь в другой раз.

— Нет, сейчас, — уперся Джо. — Элмер — мой старинный друг. Он работал надо мной, не над Иваном. Иван — русский.

Мне стало ясно, что обещаниями от него не отделешься. Иван до сих пор не издал ни звука, зато Джо тараторил за двоих. Отыскав тех, кто наконец-то согласился его выслушать, он, как видно, намерен был выговориться за все годы вынужденного молчания.

— Вы там, мы тут; так не годится, — проговорил Джо. — Заходите-ка.

В лобовой части одной из машин открылся люк, из которого выехала лесенка. В проеме люка виднелось небольшое освещенное помещение.

— Каюта механиков, — сообщил Джо. — Находясь в ней, они могли спокойно заниматься ремонтом под защитой моей брони. По совести говоря, механикам с нами делать было нечего. Во всяком случае, ко мне они уж точно не прикасались. Когда в боевой машине что-нибудь разлаживалось, можно было с ходу утверждать, что поломка серьезная. Несерьезные мы исправляли сами. Те из нас, кто соглашался на ремонт, обычно представляли собой груду металла. Домой возвращались немногие; такова была традиция. Поднимайтесь на борт.

— Думаю, все будет в порядке, — сказала Синтия. Я не разделял ее уверенности.

— Конечно, в порядке, — прогудел Джо. — Каюта маленькая, но удобная. Если вы голодны, я могу вас накормить. Не очень, правда, вкусно, зато питательно. Меня оборудовали всем необходимым для приготовления легкой закуски — на случай, если механики проголодаются.

— Нет, спасибо, — ответила Синтия. — Мы только недавно пообедали.

По лесенке мы поднялись в каюту. В углу ее стоял столик, у стены примостилась кушетка, напротив нее возвышалась двухъярусная кровать. Мы уселись на кушетку. Джо не преувеличивал: каюта была тесная, но удобная.

— Приветствую вас на борту, — сказал Джо. — Очень рад вашему присутствию.

— Меня заинтересовала одна вещь, — проговорила Синтия. — Вы сказали, что Иван — русский.

— Так оно и есть. Вы, наверное, думаете, раз русский — значит, враг. Когда-то он был моим врагом, а потом мы подружились. Когда меня проверили, загрузили оборудованием и боеприпасами, я через Канаду и Аляску направился к Берингову проливу, пересек его под водой и покатил в Сибирь. На связь с базой я выходил редко, чтобы меня не обнаружил противник. Мне поручено было уничтожить несколько объектов, но, как выяснилось, все они были нейтрализованы без моего участия. Вскоре после того, как я достиг первого объекта, связь с базой прервалась и уже не возобновлялась. Прервалась, и все. Сначала я решил, что произошло временное нарушение связи, а затем пришел к выводу, что причина куда серьезнее. Быть может, моя страна потерпела поражение; быть может, военные центры зарылись еще глубже под землю. Как бы то ни было, сказал я себе, свой долг я исполню до конца. Я был патриотом, натуральным ура-патриотом. Вы понимаете меня?

— Я изучала историю, — ответила Синтия. — Поэтому я вполне понимаю вас.

— Я двинулся дальше. Все мои цели оказались уничтоженными, так что я занялся поиском, как тогда выражались, вероятного противника. Я прослушивал эфир, надеясь уловить сигналы секретных военных баз. Но сигналов не было — ни наших, ни вражеских. И вероятного противника тоже не было. По пути мне попадались группки людей; завидев меня, они бросались врасыпную. Я не преследовал их. На роль противника они не годились. Не станешь же тратить ядерный заряд на то, чтобы поразить горстку людей, — в особенности если их смерть не обеспечит тебе тактического преимущества. Я проезжал по разрушенным городам, в которых обитали остатки человечества. Я видел огромные воронки в несколько миль в поперечнике; меня окутывали клубы ядовитого тумана; под мои колеса стелилась выжженная до основания земля, на которой не росло ни травинки, и лишь кое-где мелькали чахлые деревца. Я не могу передать вам своих чувств, не могу описать, как это все выглядело.

Наконец я повернул обратно и не спеша направился домой. Торопиться теперь было некуда, и мне о многом

надо было поразмыслить. Я не стану излагать вам своих мыслей. Скажу только, что патриот во мне умер. Я излечился от патриотизма.

— Мне вот что непонятно, — сказал я. — Я знаю, что в вашем мозгу заключено сознание нескольких людей. Вы же все время говорите о себе в единственном числе.

— Когда-то, — ответил Джо, — нас было пятеро. Пятеро тех, кто согласился пожертвовать телом и статусом человека ради того, чтобы наделить сознанием боевую машину. Среди нас был весьма известный учёный, профессор математики; среди нас был военный, генерал и опытный полководец. Остальные трое были: астроном с хорошей репутацией, биржевой брокер на покое и, как ни странно, поэт.

— Значит, вы поэт?

— Нет, — возразил Джо. — Я не знаю, кто я. В пятером мы составили единое целое. Наши сознания не раздельны. Порой я отождествляю себя с одним или с другим членом пятерки, но это все равно получается отождествление с самим собой. Я — единое целое и в то же время — каждый из пяти. Правда, чаще всего я — один.

В мозгу Ивана заключены четыре человеческих сознания, но большей частью он, подобно мне, ощущает себя единым целым.

— Мы совсем забыли про Ивана, — спохватилась Синтия. — Ему, наверное, обидно, что мы не даем ему вставить ни словечка.

— Ничуть, — сказал Джо. — Он нас очень внимательно слушает. Если бы он захотел, он бы заговорил — сам или через мои динамики. Верно, Иван?

— Ты хорошо рассказываешь, Джо, — прогудел низкий, басовитый голос. — Не отвлекайся.

— Ну вот, — продолжил рассказ Джо, — я повернулся домой. Каким-то образом меня занесло в прерию, которая тянулась на многие мили. Кажется, ее называют степью. Она была неприветливой и однообразной, и ей не было видно ни конца, ни края. Там мы и встретились со стариной Иваном. Сперва я различил черное пятнышко на горизонте, а телескопическая оптика сообщила мне, что приближается враг. Правда, к тому времени я начал воспринимать термин «враг» как бесмысленный набор звуков. Я испытал не ненависть, а

радость оттого, что в степи нашелся кто-то, похожий на меня. По словам Ивана, он почувствовал то же самое. Но ни один из нас не мог проникнуть в мысли другого. Мы принялись маневрировать, используя все известные нам уловки. Пару раз я мог подстрелить Ивана, но что-то удержало меня от этого. Иван, будучи по-русски скрытным, упорно не желает признавать того, что он не единожды пощадил меня, но я уверен, что так оно и было. Боевая машина его класса обязана была перехитрить противника. Ну да ладно; мы кружили по степи день или два, пока не сообразили, что пора кончать валять дурака. И я сказал: «Слушай, давай прекратим тянуть волынку. Мы прекрасно понимаем, что никому из нас не хочется сражаться. Мы с тобой, быть может, единственные уцелевшие в войне боевые машины. Война закончилась, нам нечего делить, так почему бы нам не подружиться?» Старина Иван не стал возражать и согласился — не сразу, правда, но согласился. Мы покатили навстречу друг другу, и наши носы соприкоснулись. Не знаю, сколько времени мы провели в степи — дни, месяцы, а может быть, годы. Ничто нас не отвлекало. Мир не нуждался в боевых машинах. Уткнувшись друг в дружку носами, мы застыли посреди этой Богом забытой степи. Мы были единственными живыми существами на много миль вокруг. Мы вели долгие разговоры и под конец сошлись настолько, что научились понимать один другого без слов.

Мне было хорошо в степи рядом с Иваном. Мы ничего не делали, ни о чем не думали и ничего не говорили. Нам хватало того, что мы вместе, что мы больше не одиноки. Вам, должно быть, покажется странным, что две неуклюжие, уродливые боевые машины подружились между собой, но ведь мы были машинами и одновременно — человеческими существами. Тогда нас как единых целых еще не существовало. Пять сознаний в моем мозгу, четыре сознания в мозгу Ивана, и все они принадлежали интеллигентным и высокообразованным людям, которым было о чем поговорить.

Однако в конце концов безделье нам наскучило. Нам захотелось приносить пользу. Мы подумали, что если люди оправились от войны, им потребуется самая разнообразная помощь. Мы обладали достаточной смекалкой, и каждый из нас девятерых был источником знаний, которым требовалось всего лишь найти выход.

Иван сказал, что на запад ехать бесполезно. С Азией покончено, сказал он, и с Европой, которую он искоlesил вдоль и поперек, — тоже. Люди, которые там остались, опустились до уровня дикарей, и их было слишком мало для того, чтобы всерьез заводить речь о воссоздании экономической базы общества. Поэтому мы направились на восток, в Америку. Здесь мы обнаружили несколько малочисленных общин, члены которых понемногу набирались умения и знаний; им вот-вот могла понадобиться наша помощь. Однако до сих пор мы так никому и не помогли. Люди не желали нас слушать. Стоило нам показаться, как они с воплями разбегались в разные стороны и, как мы их ни увещевали, не соглашались принять нашу помощь. Вы первые, кто выслушал нас.

— Вся беда в том, — проговорил я, — что с нами говорить быв толку. Мы не из этого времени. Мы из будущего.

— Припоминаю, — сказал Джо. — Вы утверждали, что познакомились с Элмером в будущем. А где Элмер сейчас?

— Сейчас он путешествует среди звезд.

— Среди звезд? И чего старине Элмеру не сидится...

— Послушайте, — перебил я. — Я попробую вам объяснить. Когда люди поняли, что Земля умирает, многие из них покинули планету. Они отправились в космос. Экипажи и пассажиры звездолетов были основателями бесчисленного множества колоний. В колонисты набирали образованных, умелых, знающих людей — людей, способных основать колонию на другой планете. А необразованные и неумехи остались на Земле. Вот почему им столь необходима ваша помощь, и вот почему они, скорее всего, от нее отказываются. На Земле остались лоботрясы и те, у кого вечно все валится из рук...

— Но старина Элмер не человек...

— Зато отличный механик. Колонистам нужны были роботы вроде него, поэтому они забрали Элмера с собой.

— Элмер очутился в будущем, люди бежали в космос, — пробормотал Джо. — Чрезвычайно любопытно. Однако как попали сюда вы? Вы обещали рассказать нам об этом. Мы слушаем.

Ни дать ни взять — вечер в семейном кругу. Все друг друга знают, все друг друга любят. Джо — чудесный парень, да и Иван тоже ничего. В первый раз за все время пребывания на Земле мне было по-настоящему хорошо.

Мы рассказали машинам о наших приключениях. Сначала говорил я, потом Синтия, потом снова я. Мы рассказали им все как на духу.

— Кладбище — дело будущего, — проговорил Джо. — Пока на Земле нет ни намека на Кладбище.

— Оно обязательно появится, — сказал я. — К сожалению, я не знаю даты его основания. Быть может, не узнаю никогда.

Синтия покачала головой.

— Я тоже, — сказала она.

— Что меня радует, — заметил Джо, — так это смазка. Наша в скором времени выйдет. Мы надеялись отыскать людей, которые смогли бы достать нам смазки, пускай даже неочищенной, — мы бы рафинировали ее и использовали. Но с людьми нам не везло.

— Вы получите смазку от Кладбища, рафинированную и готовую к употреблению, — ответил я. — Она будет того сорта, который вам требуется. Однако я прошу вас: не соглашайтесь на цену, которую они запросят.

— Мы не согласимся, — пообещал Джо. — Они кажутся мне отъявленными мошенниками.

— Точно, — подтвердил я. — А теперь нам пора идти.

— На встречу с будущим?

— Да, — отозвался я. — Если все получится, было бы просто здорово встретить вас там. Как по-вашему?

— Назовите нам год и день, — сказал Джо.

Я исполнил его просьбу.

— Мы будем вас ждать, — проговорил он.

Едва мы подошли к лестнице, он сказал:

— Послушайте, если времененная ловушка не сработает, или если ее там нет, зачем вам возвращаться в ту хижину? Куча грязи, мертвец, опять же, ну и все остальное. Приходите к нам. Условия, конечно, не ахти, но мы будем вам рады. Зимой мы можем отправиться на юг...

— Спасибо, — поблагодарила Синтия. — Мы не откажемся.

Спустившись по лестнице, мы направились прямиком к заветной расщелине. У входа в нее мы остановились и оглянулись. Наши друзья развернулись к нам лицом. Мы помахали им и вошли в расщелину.

Знакомая приливная волна нахлынула на нас, а когда она спала, мы испытали настоящий шок.

Ибо мы очутились не в каменистом овраге, а на Кладбище.

## Глава 19

Утес был точно таким, каким он нам запомнился, и все так же лепились к его поверхности чахлые кедры. Все было на месте — и холмы, и равнина между ними. Однако естественность исчезла. Берега ручья оделись каменными плитами; трава у подножия утеса была аккуратнейшим образом подстрижена. Повсюду виднелись ряды надгробных памятников; тут и там были посажены вечнозеленые кустарники и тис.

Синтия прижалась ко мне, но я даже не взглянул на нее. В тот момент мне меньше всего хотелось на нее смотреть.

— Тени снова напортачили, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо.

Сколько времени потребовалось Кладбищу, чтобы разрастись от своих прежних границ до этого оврага? Несколько столетий, не иначе; быть может, нас перебросило в будущее на столько, на сколько раньше отшвырнуло в прошлое.

— Неужели они в самом деле такие простофили? — проговорила Синтия. — Один раз можно было ошибиться, но не дважды же подряд!

— Они продали нас, — заявил я.

— Они могли продать нас, отправляя в прошлое, — возразила Синтия. — Или теперь по второму разу? Нет, если бы они хотели избавиться от нас, они бы оставили нас там. И никакой временной ловушки в расщелине бы не было. Нет, Флетч, ты не прав.

Поразмыслив немного, я вынужден был с ней согласиться.

— Значит, всему виной их бестолковость, — проворчал я.

Мы осмотрелись.

— Лучше бы мы остались с Иваном и Джо, — буркнул я. — У нас было бы, где жить, и мы могли бы вволю поездить по свету. Ребята они неплохие. Понятия не имею, чего нас сюда потянуло.

— Я не заплачу, — проговорила Синтия. — Ни за что не заплачу. Но мне хочется разрыдаться.

Меня подмывало заключить ее в объятия, однако я не стал этого делать. Если я прикоснусь к ней, она наверняка ударится в слезы.

— Пойдем прогуляемся к домику Душелюба, — предложил я. — Вряд ли, конечно, он сохранился. Должно быть, Кладбище попросту снесло его.

Идти по оврагу было легко. Впечатление было такое, словно ступаешь по ворсистому ковру. Земля под ногами была ровной, и ни через какие валуны перелезать не надо. Куда ни посмотри — ряды могил, кустарник и тисовые деревья.

Я мимоходом пригляделся к датам на надгробиях. Определить, свежая передо мной могила или нет, было, разумеется, невозможно, однако даты свидетельствовали о том, что нас забросило в будущее столетий на тридцать позже того времени, в которое мы рассчитывали попасть. Синтия почему-то не обратила на даты внимания, а я решил ничего ей не говорить. Хотя кто знает? Быть может, она молчала, чтобы в свою очередь не расстраивать меня?

Мы вышли к реке. Она ничуть не изменилась, за исключением того, что деревья, которые раньше росли на ее берегах, уступили место торжественному однообразию кладбищенских монументов.

Я смотрел на реку и размышлял о том, как природа, несмотря на все ухищрения человека, умудряется сохранить самое себя. Река величаво катила свои воды по равнине между холмами, и никто не в силах был замедлить ее бег...

Синтия сжала мою ладонь.

— Флетч, — восхлинула она радостно, — разве не там мы обнаружили домик Душелюба?

Она указывала рукой на небольшую возвышенность на берегу реки. Поглядев туда, я невольно присвистнул. Откровенно говоря, в открывшемся мне пейзаже не было ничего особенного, если не считать его удивительной красоты. Картина переменилась настолько, что у меня захватило дух. С тех пор, как мы побывали тут, прошло (для нас) лишь несколько часов. Тогда здесь была самая настоящая глушь. Густой лес спускался к реке, из-за деревьев едва виднелась крыша дома, где лежал двуглавый мертвец, да возвышались над речной долиной лысые вершины холмов. Теперь же местность приобрела благородный и цивилизованный вид, а там, где стоял когда-то невзрачный домик, хозяин которого накормил нас вкусным обедом, я увидел здание, напоминавшее воплотившуюся в реальность мечту. Его белокаменные стены казались буквально невесомыми. Оно было невысоким, но никак не приземистым. Каждое из трех крылец поддерживали изящные колонны, которые на расстоянии выглядели тонкими как карандаши. Сверкающие в лучах солнца окна опоясывали здание по всему периметру. С холма вниз к реке сбегала длинная лестница.

— Ты думаешь... — проговорила Синтия, запнувшись на середине фразы.

— Нет, не Душелюб, — ответил я. — Он бы никогда такого не построил.

Душелюб предпочитал осторожность, скрытность, осмотрительность. Он шнырял по округе, прилагая все силы к тому, чтобы остаться незамеченным, и похищая из-под носа у людей артефакты (вернее, предметы, что станут впоследствии артефактами), которые расскажут потом о жизни тех, от кого он прятался.

— Но дом его стоял именно там.

— Стоял, — подтвердил я, не зная, что еще сказать.

Неторопливо, не сводя глаз со здания на холме, мы подошли к началу лестницы. На речном берегу находилась обнесенная камнями площадка, вокруг которой посажены были, разумеется, вензозеленый кустарник и тис.

Взявшись за руки, точно пара испуганных детишек перед поразившей их воображение вещью, мы разглядывали белокаменную лестницу, что вела к чудесному зданию на холме.

— Знаешь, что она мне напоминает? — спросила Синтия. — Лестницу в небеса.

— Как это? — не понял я. — Разве ты видела лестницу в небеса?

— Нет, но она очень похожа на описания в древних книгах. Только вот что-то ангельских труб не слышно\*.

— Ты без них как-нибудь обойдешься?

— Попробую, — ответила она.

Интересно, подумалось мне, что привело ее в столь легкомысленное настроение? Что касается меня, то я был зол на призраков и пребывал в некоторой растерянности. Красота пейзажа радовала глаз, но мне не понравилось, что здание со сверкающими окнами построили на том месте, где стоял раньше домик Душелюба. Правда, вполне логично было бы заключить, что между ними существует какая-то связь, но как я ни напрягал мозги, никакой связи мне обнаружить не удалось.

Лестница оказалась длинной и довольно крутой. Мы поднимались по ней в гордом одиночестве. За нами никто не наблюдал, хотя несколько минут назад на одном из крылец дома я заметил группу из трех или четырех человек.

Закончилась лестница еще одной площадкой, намного больше той, которая была внизу. Мы пересекли ее и направились к центральному крыльцу. Если издалека здание выглядело прекрасным, то вблизи оно ошеломляло своей красотой. Белоснежный камень, изящные обводы стен; при взгляде на него возникало своеобразное, я бы сказал, благоговейное впечатление. Надписи над входом, которая объясняла бы назначение здания, не было. Помнится, я без особого интереса подумал о том, чем же оно может быть.

Входная дверь открывалась в фойе, где царила та звонкая тишина, которая обычно встречает посетителей музеев и картинных галерей. Посреди залы, залитый ярким светом ламп, помещался под стеклянным колпаком какой-то предмет. У двери во внутренние помещения здания застыли в карауле двое охранников; я принял их за охранников потому, что они были в форме. Из

\* Имеется в виду следующее место из Ветхого Завета: «Иаков же вышел из Вирсавии и пошел в Харран. И пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце... И увидел во сне: лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней...» (Бытие 28:10-12).

глубины дома доносилось шарканье ног и слышались приглушенные голоса.

Мы приблизились к колпаку. Под ним находился тот самый кувшин, который показывал нам за обедом анахронианин! Я узнал его сразу: никакой другой воин не мог столь удрученно опираться на щит, никакое другое сломанное копье не могло выразить такого отчаяния от проигранной битвы.

Синтия, которая нагнулась к колпаку, чтобы получше рассмотреть кувшин, выпрямилась.

— То же самое клеймо, — проговорила она. — Взгляни.

— Ты уверена? Ведь ты не понимаешь по-гречески. Или понимаешь?

— Нет, не понимаю. Однако на клейме можно разобрать имя. Никостенес. Значит, клеймо должно читаться так: «Никостенес изготавлил меня».

— Он мог наделать таких кувшинов без счета, — возразил я. В меня словно вселился бес противоречия; я отказывался признать очевидное — что именно этот кувшин мы видели на буфете в доме Душелюба.

— Конечно, мог, — согласилась Синтия. — Наверное, он был прославленным мастером. Мне кажется, его кувшин был в своем роде шедевром. Потому-то Душелюб и позаимствовал его для коллекции. Шедевры же неповторимы. Быть может, наш горшечник вылепил его для кого-то из великих современников...

— Например, для Душелюба.

— Может, и для него, — сказала Синтия.

Я так увлекся созерцанием кувшина, что не заметил подошедшего к нам охранника.

— Прошу прощения, — отчеканил он. — Вы, должно быть, Флетчер Карсон?

Расправив плечи, я поглядел на него.

— Да, — сказал я, — но откуда вам...

— А ваша спутница — мисс Лансинг?

— Верно.

— Соблаговолите следовать за мной.

— Подождите, — запротестовал я. — С какой стати?

— С вами хочет поговорить ваш старый друг.

— Что за чушь! — воскликнула Синтия. — У нас тут нет никаких друзей.

— Я вынужден повторить приглашение, — негромко произнес охранник.

— Не Душелюб же? — пробормотала Синтия.

— Человечек с лицом тряпичной куклы и перекошенным ртом? — справился я у охранника.

— Нет, — ответил он. — Ничуть не похоже.

Нам не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Он повел нас по длинному коридору, вдоль стен которого расставлены были столики с экспонатами, причем рядом с каждым из предметов лежала поясничная табличка. Однако охранник шел быстрым шагом, так что возможности задержаться и оглядеться у меня не было. Подведя нас к ничем не примечательной двери, он постучал. Чей-то голос пригласил зайти.

Он распахнул дверь, пропустил нас и закрыл ее за нами, сам оставшись снаружи. Стоя у порога, мы разглядывали сидевшее за столом существо — не человека, а именно существо.

— Вот и вы, — сказало оно. — Долгоноч же вы добирались. Я уже начал было опасаться, что вы не придетете, что наш план пошел наスマрку.

У существа была металлическая голова, прикрепленная к слабому, металлическому же подобию человеческого тела. С нами разговаривал робот, который, при всем при том, был ни капельки не похож на прежде виденных мною роботов. Он разительно отличался от Элмера, да и от любого другого нормального робота. Он представлял собой металлическую пародию на человека.

— Хватит морочить нам голову, — не выдержал я. — Охранник обещал нам встречу со старым другом. Позвольте спросить...

— Разумеется, — перебил меня робот. — Мы знакомы с вами давным-давно. Вам трудно узнать меня, поскольку я существенно изменил свой внешний вид, но для вас я — все тот же Рамсей О'Гилликадди.

Я чуть было не расхохотался ему в лицо.

— Мистер О'Гилликадди, — проговорила Синтия, — ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Сколько было металлических волков?

— Ну, это просто, — заявил О'Гилликадди. — Их было трое. Элмер расправился с двумя, так что уцелел лишь один.

Он указал на кресла перед столом.

— Присаживайтесь. Вы убедились, что я — это я, и нам пора приступить к делу.

Мы сели.

— Я от души рад приветствовать вас, — сказал он. — Мы тщательно все продумали, и ошибки как будто быть не могло, но в темпоральных вопросах не застрахован никто. При мысли о том, что могло бы произойти, если бы вы не появились здесь, меня начинает бить дрожь. Хорошо, что вы не знаете того, что известно мне. Короче говоря, тут ничего бы не было, хотя, если рассуждать здраво...

— Под «тут» вы имеете в виду ваш музей? — спросил я. — Музей, в котором хранится коллекция Душелюбов?

— Так вы знаете про Душелюба?

— Скорее, догадываемся.

— Ну да, ну да, — проговорил О'Гилликадди. — Вы очень сообразительны.

— А где Душелюб сейчас? — поинтересовалась Синтия. — Мы надеялись встретить его здесь.

— Убедившись в том, что его собрание артефактов, в том числе и богатейшая коллекция, хранившаяся в балканских пещерах, передано в музей, — сообщил О'Гилликадди, — он отбыл на планету Олден с тем чтобы возглавить археологическую экспедицию на свою родную планету. Не получив за много лет ни единой весточки с родины, он пришел к выводу, что его раса прекратила существование по одной из тех причин, которые обычно приводят к исчезновению расы. Пока никаких сообщений об экспедиции не поступало. Мы ожидаем их с нетерпением.

— Мы?

— Я и мои собратья-тени.

— Вы что, все теперь такие?

— Разумеется, — ответил он. — Это входило в условия соглашения. Однако я забыл, что вам ничего не известно о договоре. Позвольте мне рассказать вам.

Естественно, мы не возражали.

— Дело обстоит следующим образом, — заговорил он. — Мы отправим вас в ваше настоящее, в тот темпоральный момент, в который вы рассчитывали прибыть, войдя во временную ловушку...

— Вы напортачили тогда, — перебил я, — и наверняка напортачите снова, и...

Он поднял металлическую ладонь.

— Мы не напортачили, — сказал он. — Мы сделали то, что намеревались сделать. Мы перебросили вас сюда потому, что иначе наш план не сработал бы. Не очутившись здесь и не получив необходимых сведений, вы бы не имели представления о том, как вам надлежит себя вести. А теперь вы вернетесь во всеоружии.

— Подождите-ка! — воскликнул я. — Вы все запутали. Я не вижу смысла...

— Смысл есть, — заверил меня О'Гилликадди. — Он заключается в том, что мы перекинули вас из далекого прошлого в наше сегодня для того, чтобы вы ознакомились с планом; затем мы отшлем вас в наше настоящее, где вы осуществите задуманное, что приведет к тому будущему, в котором вы сейчас находитесь.

Я вскочил и стукнул кулаком по столу.

— Хватит пудрить нам мозги! — гаркнул я. — Что вы тут плетете насчет времени? Каким образом мы очутились в будущем, которое не наступит, пока мы чего-то там не сделаем в нашем настоящем?

О'Гилликадди, казалось, излучал самодовольство.

— Разумеется, вам трудно уловить суть идеи с ходу, — великодушно признал он. — Но поразмыслив, вы поймете, что к чему. Мы собираемся переместить вас обратно во времени...

— Промахнувшись на пару тысячелетий, — съязвил я.

— Вовсе нет, — возразил О'Гилликадди. — Мы больше не полагаемся на свои способности. Попадание в яблочко гарантируется, поскольку в наше распоряжение, согласно одному из пунктов договора, предоставили темпоральный селектор, который выполняет переброску во времени с точностью до доли секунды.

— Вы часто упоминаете о плане и о договоре, — сказала Синтия. — Объясните нам, пожалуйста, что вы имеете в виду.

— Охотно, — ответил О'Гилликадди. — Мы отправим вас в ваше темпоральное настоящее, где вы встретитесь с Максуэллом Питером Беллом и...

— И Максуэлл Питер вышвырнет меня из окошка, — докончил я.

— Он не посмеет, — сказал О'Гилликадди, — если вас будут сопровождать две боевые машины с пол-

ным боезапасом. Их присутствие в корне изменит ситуацию.

— Но откуда вы знаете, что боевые машины...

— Вы ведь назначили им встречу в определенном месте в определенный день, не так ли?

— Так, — ответил я.

— Ну вот. Вы зайдете к Максуэллу Питеру Беллу и скажете ему, что у вас есть доказательства того, что он прячет на Кладбище контрабандные артефакты, и что...

— Но контрабанда артефактами не преследуется законом.

— К сожалению, вы правы. Однако представьте себе, какое пятно будет посажено на безупречную репутацию «Матери-Земли»! Речь идет не просто о непорядочности чиновников, а о нечистоплотности фирмы как таковой. Сокровища вместо покойников — это вам не шутка. От подобного удара они вряд ли оправятся.

— Пожалуй, — нехотя признал я.

— Вы объясните ему, причем убедитесь, что он понял вас как надо, что вы, быть может, воздержитесь от обнародования фактов, если он согласится выполнить следующие условия.

И О'Гилликадди принялся загибать пальцы.

— Кладбище передает оденскому университету все имеющиеся у него артефакты, не утаив ни единого из них, и обязуется в дальнейшем не заниматься контрабандой. Кладбище осуществляет доставку артефактов на Олден и открывает регулярное пассажирское сообщение с Землей, устанавливая цены на билеты в соответствии с принятыми на других галактических линиях расценками и обеспечивая сравнительно недорогое проживание туристам и паломникам, которые пожелают посетить Землю. Кладбище основывает и обязуется поддерживать в порядке музей для хранения коллекции артефактов историка Ронекса с планеты Абернакс, коллекцию он собирал в течение многих веков. Кладбище...

— Душелюб, — проговорила Синтия.

— Душелюб, — подтвердил О'Гилликадди. — Продолжая перечень...

— Мне вот что не дает покоя, — перебила Синтия. — Почему волк сначала гнался за нами, а потом...

— Потому, — ответил О'Гилликадди, — что волк — один из роботов Душелюба, которого тому удалось

внедрить в кладбищенскую стаю. По совести говоря, Душелюб приложил руку ко всему, что происходило на Земле. Вы позволите мне продолжить?

— Пожалуйста, пожалуйста, — отозвалась Синтия. О'Гилликадди вернулся к загибанию пальцев.

— Кладбище финансирует исследовательскую программу и изыскивает материалы, необходимые для создания надежной системы темпоральных перемещений. Кладбище также финансирует другую программу, а именно, по разработке метода переселения человеческой сущности в мозг робота; первыми переселению должны подвергнуться обитатели Земли, известные под именем теней...

— Вот как вы... — заметила Синтия.

— Вот как я приобрел свой нынешний вид. Но пойдем дальше. Кладбище соглашается на создание галактической контрольной комиссии, которая не только будет следить за соблюдением условий данного договора, но и получит право проверять отчетность Кладбища и, в случае необходимости, вмешиваться в его деятельность.

Он закончил.

— Все? — спросил я.

— Вроде бы, да, — ответил он. — Вроде бы мы ничего не забыли.

— Надеюсь, — сказал я. — Дело за малым: добиться согласия Кладбища.

— Я думаю, они согласятся, — заявил О'Гилликадди. — Вы же тут, не правда ли? И я тут, и музей, и темпоральный селектор ожидает вас.

— Вы позаботились обо всем, — в голосе Синтии слышались презрение и гнев. — И забыли только о композиции Флетчера! Как вы могли о ней забыть? Ведь если бы не его мечта, ничего бы не случилось! Вы и представить себе не можете, как он ждал...

— Я предвидел ваш вопрос, — сообщил О'Гилликадди. — Если вы ничего не имеете против того, чтобы пройти в просмотровый зал...

— Вы хотите сказать...

— Да-да. Вы с Бронко поработали на славу, мистер Карсон. Вы создали шедевр, который пережил века.

Я смятенно покрутил головой.

— Что с вами, мистер Карсон? — встревожился О'Гилликадди. — Разве вы не рады?

— Да как вы можете такое ему предлагать? — вскричала Синтия; в глазах ее сверкали слезы. — Вы же все испортите! Неужели вы хотите, чтобы он увидел, услышал и почувствовал то, чего еще не успел создать? Зачем, зачем вы ему сказали? Теперь он все время будет помнить о том, что должен сочинить шедевр! Он же об этом и не думал, он надеялся, что у него получится не хуже, чем у других, и все, а вы...

Я взял ее за руку.

— Не переживай так, — проговорил я. — Забыть я, конечно, не забуду, но со мной будет Бронко. Он не даст мне бездельничать.

— Ну что ж, — заметил О'Гилликадди, поднимаясь, — прежде чем вы вернетесь в свое время, вас хотели бы повидать ваши друзья.

Карикатурно покачиваясь, он вышел из комнаты. Следом за ним мы миновали коридор и пересекли фойе.

Они дожидались нас, выстроившись в ряд перед крыльцом, все пятеро — боевые машины, Элмер, Бронко и волк.

В неловком молчании мы глядели на них, а они — на нас.

— Мы будем ждать вас там, — подал наконец голос Элмер. — Мы все будем ждать вас там.

— Что касается боевых машин, мы сами просили их встретить нас, — сказала Синтия. — Однако вы...

— Нас привел волк, — перебил Бронко.

— Волк? — удивился я. — Как это ему удалось? Вы справились с двумя его товарищами, а его, значит, не тронули?

— Он хитер как лиса, — ответил Бронко. — Он начал играть с нами. То вертелся вокруг, то падал на спину и болтал лапами в воздухе, то скалил зубы. Мы решили, что он добивается того, чтобы мы пошли за ним. Он был так настойчив!

Волк оскалил зубы.

— Пора, — сказал О'Гилликадди. — Нам хотелось лишь, чтобы вы убедились, что они будут ждать вас.

Он повел нас обратно в дом.

— Для тебя скоро все закончится, — заметил я, обращаясь к Синтии. — Ты вернешься на Олден и обрадуешь Торни...

— Я не собираюсь возвращаться, — отрезала она.

— То есть как?

— Разве вам с Бронко не требуется подмастерье?  
— Пожалуй, требуется, — кивнул я.  
— Флетч, ты помнишь свои слова, сказанные там, в прошлом? Ты обещал полюбить меня. Так вот, я заставил тебя сдержать обещание.  
Я сжал ее ладонь.  
Заставлять меня было ни к чему.

## **Содержание**

<b>Принцип оборотня, роман, перевод с английского Г. Темкина, А. Шарова</b>	<b>5</b>
<b>Могильник, роман, перевод с английского К. Королева</b>	<b>181</b>

С 19 Мирры Клиффорда Саймака кн. 5 / Пер. с англ. — Рига:  
Полярис, 1993. — 351с.

Качество печати соответствует диапозитивам, представленным  
издательством.

## МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Полное собрание  
фантастических произведений в 16 томах

### Книга пятая

Составитель *В. Быстров*

Главный редактор *А. Захаренков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *К. Вартанова, И. Лаздина*

Оператор компьютерной верстки *О. Кинель*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Цветные иллюстрации и форзац: *В. Иванов*

Оформление шмидтитулов: *Д. Затравкин*

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 21.09.93. Формат 84×108<sup>1</sup>/32. Гарнитура Таймс. Бумага типографская. Печать высокая.  
Усл. печ. л. 18,90. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2228. С 013.

Издательская фирма «Полярис»  
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов  
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени  
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР  
Министерства печати и информации Российской  
Федерации. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.





A surreal illustration of a futuristic city at night. The upper half of the image shows a massive, multi-tiered structure with a complex, geometric pattern of yellow and black panels, resembling a giant fan or a futuristic building. The lower half shows a dark, star-filled sky with a dashed yellow line representing a road or path. In the foreground, there is a small, dark house with a red door and windows with red and white stripes. A small, dark figure is standing near the door. A yellow street lamp is on the left, and a small cross is visible on a hill to the left of the house.

2305.



VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

